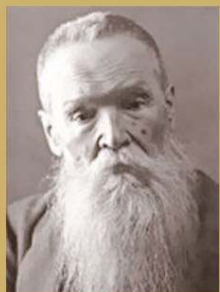

Лев Пичурин

*Очерки
о хороших людях*

**Незримый
след в душе...**

Лев Пичурин

***Незримый след
в душе...***

Очерки
о хороших людях

ТОМСК
«Издательство НТЛ»
2018

УДК 323
П364

Пичурин А.Ф. Незримый след в душе... Очерки о хороших людях. – Томск: Изд-во НТЛ, 2018. – 380 с.

ISBN 978-5-89503-620-4

Наш Томск славен замечательными университетами, наукой, промышленностью, резьбой, украшающей старинные дома, кварталами новых построек, да и самим расположением на холмах правого берега красавицы Томи. Однако истинную славу четырехсотлетнему полумиллионному городу создали и создают сотни и тысячи его граждан, ученых и рабочих, врачей и педагогов, землепроходцев и военных, писателей и музыкантов. Их нельзя забывать! В нашей памяти живут его герои, оставившие в душе каждого из нас незримый прочный след.

А. Пичурин, один из старейших томских публицистов, собрал воспоминания и размышления о таких людях, о тех, кто ему особенно дорог. Эти заметки могут оказаться полезными томичам, гостям города, людям любого возраста, неравнодушным к судьбе нашего Отечества.

УДК 323

*Автор и издательство благодарят
председателя городского организационного комитета «Победа»
мэра г. Томска **Ивана Григорьевича Кляйна**
за финансовую поддержку издания*

ISBN 978-5-89503-620-4

© А.Ф. Пичурин, 2018
© Оформление. Дизайн.
ООО «Издательство НТЛ», 2018

Томску –
городу, где хочется
жить и работать,
его прекрасным людям,
его желанным гостям!

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДОСТОЙНЫХ ЛЮДЕЙ!

В 1945 году сибиряк Леонид Мартынов написал стихотворение «След», заканчивающееся такими словами:

Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

Мне повезло на хороших людей. Мои родители были выдающимися людьми. У меня были прекрасные учителя и воспитатели в сельской школе, в военных училищах, в вузах, замечательные руководители и подчиненные, особенно в нашем прекрасном Томске, где я провел практически всю свою сознательную жизнь. Я горжусь своими учениками. О многих мне удалось написать, о многих – не успел. Встречались ли мне те, о ком говорить не хочется? Да, и немало. Но сейчас хочу ещё раз поблагодарить тех, кто помог мне стать человеком, кто на многие годы оставил в моей душе незримые прочные следы, а читателей попросить – вспомните и вы тех, кто достоин долгой памяти. «Вспомните, как много есть людей хороших / Их у нас гораздо больше, вспомните о них».

НАШ ГЕНЕРАЛ

Владимир Александрович Иванов

Мы, мальчишки, родившиеся во второй половине 1927 года, были уверены, что после окончания десяти классов нам предстоит одна дорога – фронт. Оно и вправду. Варшаву освободили лишь 17 января 1945 года, до Берлина было ещё далеко, фашисты сопротивлялись умело и упорно, и мы лишь через много лет осознали, что те, кто закончил войну в мае 1945 года, сохранили жизнь большинству из нас. Ведь ныне говорят, что Сталину не надо было так уж спешить, пусть бы Берлин взяли не мы, и было бы это на полгода-год позже, не всё ли равно? Нам – не всё равно!

Мы пошли в армию добровольцами в конце июня – начале июля (в моём военном билете записано 1 июля 1945 года), некоторые успели принять участие в разгроме Японии, многие поступили в военные училища. Почти все наши отцы-командиры были не просто старше нас по возрасту, они были ещё и бесконечно выше, ибо они были фронтовиками, они раздавили фашизм. К этому надо добавить, что у большинства из нас отцы или погибли на фронте, или исчезли в годы репрессий. Нет, мы не чувствовали себя обделёнными – так было у всех. Но нам так не хватало мужского внимания, заботы и справедливой отеческой строгости! И мы не только учились у наших командиров и педагогов, мы неосознанно тянулись к этим мужчинам, хоть немного восполняя непоправимый пробел нашей жизни, любили и идеализировали их. И было за что.

И поныне, проезжая на трамвае по ул. Советской, я испытываю особые чувства. Проспект Фрунзе, 9, наш учебный корпус, мемориальная доска напоминает, что здесь подготовлены тысячи офицеров-артиллеристов, а 53 из них стали Героями Советского Союза... Над доской – окна нашего учебного класса... А чуть дальше, слева, Фрунзе, 6, обла-

стной военкомат, в наше время – штаб училища. Балкон второго этажа, там кабинет начальника училища. Ещё немного дальше – Советская, 29а, пока сохранившийся двухэтажный дом. Здесь с женой Верой Николаевной и сыном Игорем, нашим ровесником, студентом ТГУ, жил начальник Томского ордена Красной Звезды артиллерийского училища, гвардии генерал-майор артиллерии Владимир Александрович Иванов.

Курсанты расформированного в связи с окончанием войны Смоленского артиллерийского училища, прибывшие в Томск для продолжения учёбы 30 мая 1946 года, впервые увидели его утром на училищном плацу. Поздоровавшись, он быстро прошёл мимо двух взводов вчерашних спецшкольников, мальчишек, окончивших год назад подготовительные военные школы, задержался перед курсантами-фронтовиками, поговорил с некоторыми из них, а с Мишей Медяковым¹, Героем Советского Союза, поздоровался за руку. Не забуду, как он позднее тоже пожимал руки многим фронтовикам, вручая им ордена и медали, недополученные на фронте. Какой музыкой звучали в наших ушах слова: «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Праги», «За взятие Вены», «За взятие Берлина!» Это вам не «XXX лет Советской Армии и Флота», которые все мы получили из его рук в 1948 году.

Конечно, потом мы видели его часто, но всё-таки находились от него на большой дистанции. Но знали о нём много, старались узнать ещё больше, и чем дальше уходит то время, тем убеждённее я говорю – нам выпало счастье учиться у выдающегося военного педагога и служить под командованием настоящего русского советского офицера. Как хочется, чтобы память о нём сохранилась и после нас!

¹ Герой Советского Союза, командир орудия, ст. сержант 89-го артиллерийского полка 62-й стрелковой дивизии, Михаил Денисович Медяков (28.12.1923 – 07.11.2005) наше училище не заканчивал. Он перевелся в Челябинское автотракторное артиллерийско-техническое училище, окончил его, был оставлен преподавателем, в 2000 году в звании полковника ушел в отставку.

* * *

Начало жизни будущего генерала было обычным для своего времени. Родился 13 июня 1904 года в пролетарской семье, жившей на окраине Санкт-Петербурга. В четырнадцать лет пошёл работать – учиться после шести классов не позволяло материальное положение. Постоянной работы не имел – это же Петроград 1918 года, революция, Гражданская война. Последняя должность – курьер редакции газеты «Петроградская правда». С этой должности в январе 1920 года пятнадцатилетним мальчишкой Владимир Александрович Иванов начал сорокалетнюю армейскую службу, добровольно вступив в РККА.

В 1922 году он окончил 1-ю Петроградскую артиллерийскую школу, созданную в 1917 году на базе знаменитого Константиновского артиллерийского училища¹. Среди первых выпускников школы были будущие маршалы Н.Н. Воронов, М.В. Захаров, В.И. Казаков, Н.Д. Яковлев. Позднее школа неоднократно переименовывалась, а когда я попытался стать её курсантом, она называлась 1-е ЛОЛКАУ – Первое Ленинградское ордена Ленина Краснознамённое артиллерийское училище. Мне отказали – детей «врагов народа» в привилегированное учебное заведение не принимали. И правильно сделали – не знал бы я ничего про генерала Иванова и не писал бы о нём.

Когда курсант Иванов учился, Гражданская война заканчивалась. Но мирной тогдашнюю жизнь назвать нельзя: 1 марта 1921 года начался мятеж в Кронштадте. В Петрограде ввели осадное положение. И 8 марта 7-я армия под командованием Тухачевского начала наступление на Кронштадт, оказавшееся неудачным. Тогда X съезд РКП(б) направил в 7-ю армию около 300 делегатов, в Петрограде была проведена партийная мобилизация, на штурм крепости бросили курсантов Петроградских военных школ. 17–18 марта операция, стоившая советским войскам 527 человек уби-

¹ Константиновское училище вело свою историю с созданного в 1807 году Волонтерского корпуса при Втором кадетском училище. Его шефом был Константин, брат Николая I.

тыми и 3285 ранеными, завершилась. И 21 марта курсанты вернулись к обычным занятиям. Но ненадолго.

* * *

Про Кронштадтский мятеж ныне многое известно любому грамотному человеку. Участие в этих событиях десятков тысяч людей было закономерным, привлечение курсантов к военным действиям оказалось необходимым, строка о боевом крещении артиллериста В. Иванова вполне естественна. А вот о событиях января – марта 1922 года на Карельском перешейке сегодня знают немногие.

Наши отношения с Финляндией имеют долгую и непростую историю, одним из непреложных фактов которой является признание Советской Россией Республики Финляндия. 6 декабря, день её создания в 1917 году, называется Днём независимости Финляндии и является государственным праздником. Впервые за своё многовековое существование финский народ получил тогда государственность, и получил он её из рук первого советского правительства. Большинство финнов знают, что Декрет об этом подписан председателем Совнаркома Советской России Ульяновым (Лениным). Большинство, но, к сожалению, далеко не все. Кое-кто хочет создания великого государства, в которое вошли бы все финно-угорские народы, для начала – финны, карелы, эстонцы. Вообще-то к этой языковой группе относятся ещё и российские удмурты, марийцы, мордва, коми и даже сибирские ханты и манси, но на их территорию, как и на территории, где распространён ещё один язык этой группы – венгерский, пока, кажется, никто из идеологов великой финской державы не претендует. А в октябре 1921 года, надеясь на слабость России, измученной войнами, финские интервенты, вдохновлённые этой идеей и подталкиваемые некоторыми европейскими друзьями, вторглись в Карелию и на Карельский перешеек. Слабые советские пограничные отряды не могли остановить противника. Но вскоре командующий войсками Карельского района А. Седякин сумел собрать необходимые силы, в том числе – курсантов питерских военных училищ. И 17 февраля воен-

ные действия закончились полным разгромом интервентов. Командующего наградили вторым орденом Красного Знамени (первый он заслужил, руководя Южной группой войск 7-й армии при ликвидации Кронштадтского мятежа, комиссаром у него был К.Е. Ворошилов, тоже удостоенный «Красного Знамени»). Из песни слова не выкинешь – в 1938 году эти и другие заслуги не спасли командарма 2-го ранга (генерал-полковника) Александра Игнатьевича Седякина от репрессий.

Размышляя над событиями в жизни курсанта В. Иванова зимой 1921–1922 года, вспоминаю его жесточайшие требования к нашей лыжной подготовке. Казалось бы, зачем артиллеристу в XX веке двадцатикилометровые лыжные броски, да ещё с полторапудовой нагрузкой? Может быть, он вспоминал, как Седякин поставил всех питерских курсантов на лыжи и сумел той суровой зимой переиграть прирождённых лыжников-финнов? А, может быть, учитывал, что в войне на том же Карельском перешейке в 1939–1940 годах наша армия понесла неоправданные потери ещё и из-за слабой лыжной подготовки большинства красноармейцев. Генерал готовил нас к любым осложнениям, к любым случайностям, без которых не бывает даже мирной жизни.

* * *

А служба в мирное время – тоже дело не простое, хотя и в какой-то степени стандартное. В 1925 году молодой краском стал членом ВКП(б). Далее – обычная служба. Командир взвода, начальник связи полка, начальник полковой разведки, командир батареи, командир дивизиона артиллерийского полка 29-й стрелковой дивизии. В ней когда-то служили Павел Петрович Бажов, автор знаменитой «Малахитовой шкатулки», будущий маршал Советского Союза Ф.И. Голиков, будущий генерал-полковник, герой Сталинградской битвы М.С. Шумилов. Дивизия участвовала в Гражданской войне на Урале и в Сибири, в польской кампании. В 20-е годы она была расквартирована в Белоруссии.

Частые передвижения по службе характерны для армии. В 1926–1931 годах В. Иванов служил командиром дивизио-

на 111-го стрелкового полка 37-й стрелковой дивизии, это тоже Белоруссия. В 1931 году Иванов окончил Курсы усовершенствования командного состава и был направлен на должность командира дивизиона во 2-ю стрелковую дивизию, тоже находившуюся в Белоруссии.

Всё, в общем-то, стандартно, так служили и служат многие. Но в 1934 году Иванов получил особое назначение. Дело в том, что в начале 30-х годов неизбежность грядущей войны стала очевидной. Но если с морально-политической стороны граждане СССР были в какой-то степени подготовлены к ней, то в чисто военном отношении положение было совершенно неудовлетворительным. Военных специалистов, особенно командиров среднего звена не хватало катастрофически. Их надо было готовить по-настоящему, но военно-учебные заведения с задачей не справлялись. И тогда наряду с традиционными полковыми школами были созданы учебные батальоны (в артиллерии – дивизионы). На такие подразделения командование возлагало большие задачи. Энергичному, настойчивому и честолюбивому краскому В. Иванову поручили командовать таким дивизионом 158-го артиллерийского полка. Командир дивизиона не только понял суть стоявших перед дивизионом задач, но сумел в течение двух лет поставить дело так, что его воспитанники, формально не получив серьёзного военного образования, отличались прекрасной тактической и огневой подготовкой. Педагогическое мастерство комдива было замечено командованием. За отличную подготовку дивизиона майор В.А. Иванов в 1936 году был награждён орденом Ленина. Тогда же он вновь прошёл обучение на АКУКС и летом 1937 года стал исполняющим обязанности командира 36-го артиллерийского полка 13-й стрелковой дивизии.

Честно говоря – ничего особенного. Нормальное, заслуженное продвижение по ступеням армейской лестницы. Но время-то было особенное!

* * *

Не знаю, откуда нам было известно, что генерал участвовал в Гражданской войне в Испании. Прочитать этого мы не могли, ведь СССР «во внутренние дела республики не вмешивался». Да, мы знали о наших добровольцах на Пиренеях, знали, что туда шли наши пароходы с продовольствием и другими грузами, что мятежники их топили. Знали об испанских детях, эвакуированных в СССР. Кое-какие публикации обо всём этом появлялись в предвоенные годы во всех газетах, вплоть до «Пионерской правды». Полной тайны не было, но настоящей информации всё же не существовало, её, кстати, и сейчас нет. Однако мы знали – наш Иванов воевал за свободу республики, и этот несомненный для нас факт был предметом нашей гордости. Хотелось иметь более подробную информацию.

Когда я совсем недавно захотел уточнить эту страницу биографии Владимира Александровича, мне прислали копию составленной после его кончины учётно-послужной карточки. И я прочитал, что летом 1937 года майор Иванов командовал полком в Белоруссии, об этом я знал. А следующая запись – октябрь 1938 года, полковник Иванов – начальник Сумского артиллерийского училища. Куда делись 14 месяцев непрерывной службы, за которые молодой офицер продвинулся на два звания? Я служил в Сумах в 1949–1952 годах, там помнили – было что вспомнить! – бывшего начальника, но об испанской странице его биографии не говорил никто. Более того, даже о том, что начальник учебного отдела училища полковник Павел Германович Лампель отличился в знаменитом сражении при Брунете¹, мы, молодые офицеры, тоже ничего не знали. А ведь он прибыл в училище вместе с Ивановым!

¹ Брунете – город в 15 милях к западу от Мадрида, где 6–25 июля 1937 года произошло одно из крупнейших сражений Гражданской войны в Испании. Тактически оно не принесло успеха ни одной из сторон, стратегически – выиграли националисты. Потери, особенно у республиканцев, были колоссальными, особенно за счет действий германского воздушного легиона «Кондор».

Но в «Комсомольской правде» за 23 февраля 1939 года нашел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля: «О награждении командиров, политработников, инженеров, врачей, техников, младших командиров и красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Орденом Красного Знамени «За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи в боевой, политической и технической подготовке соединений, частей и подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии» награждено 346 человек. Там я нашёл немало известных имён, в том числе будущего главного маршала артиллерии М.И. Неделина (того, что погиб 24 октября 1960 года при взрыве ракеты на космодроме Байконур). И рядом, под номером 108 – майор Иванов Владимир Александрович. Слова «Испания» в Указе нет, но в послужном списке Митрофана Ивановича, кроме Гражданской войны в России, Советско-финской войны и Великой Отечественной войны, названа Гражданская война в Испании. Наши добровольцы давали перед отъездом подписку о неразглашении факта неофициальной командировки на эту схватку с фашизмом, вот и исчезала из их биографий одна из самых ярких страниц. И отмечу факт совершенно удивительный, но очень уж противоречащий мысли Н.С. Хрущёва, заявившего на XX съезде КПСС, что чуть ли не все наши «испанцы» погибли в годы репрессий.

2 апреля 1943 года «испанец» полковник В.А. Иванов был назначен командующим артиллерией Первой гвардейской армии, входившей в состав Юго-Западного фронта. Фронтом командовал «испанец», будущий маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский. Командующим артиллерией фронта был «испанец», выпускник Томского артиллерийского училища, позднее – Герой Советского Союза Михаил Петрович Кутейников (звание Героя он получил за бои в Финляндии, служа под командованием будущего маршала Советского Союза «испанца» К.А. Мерецкова). А «испанец» Шумилов 31 января 1943 года руководил допросом генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, взятого в плен его 64-й армией.

Н.Н. Воронов

Эти «испанцы», одержав тогда победу под Сталинградом, готовились к новым боям, боям за освобождение Украины. И они знали, что одним из авторов операции по окружению и уничтожению 6-й армии фельдмаршала Ф. Паулюса был «испанец», командующий артиллерией РККА, будущий главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, старший советник по артиллерии. Не могу не подчеркнуть, что опыт испанской войны убедил комкора Воронова, что распространившееся в мировой военной науке в 20–30-х годах XX века мнение об утрате артиллерией

прежнего значения, ошибочно. По его докладу правительство приняло серьёзные меры по развитию и укреплению нашей артиллерии¹, сыгравшие важную роль в обеспечении разгрома фашизма.

Да, многие, слишком многие из тех, кто получил опыт войны в Испании и на Востоке, были репрессированы. Но далеко не все. И роль их, их подвиг, к сожалению, до сих пор по-настоящему не оценены. Наверное, не надо объяснять, почему я не имею возможности рассказать о подробностях участия В. Иванова в Гражданской войне в Испании. Уверен в том, что там продолжилась его дружба с нашим кумиром Н. Вороновым, начавшаяся ещё в Петрограде.

¹ Именно тогда в состав дивизионной артиллерии РККА вошла замечательная 122-миллиметровая гаубица М-30 (конструктор В. Грабин), а чуть позднее – 76-миллиметровая пушка ЗИС-3 (тоже конструкции В. Грабина). Две из ста трех тысяч таких пушек, изготовленных в годы войны, установлены в Лагерном саду в Томске.

* * *

После возвращения из Испании, в октябре 1938 года, Владимир Александрович был назначен начальником Сумского артиллерийского училища имени М.В. Фрунзе, 30 октября получил звание полковника. Сохранилось немало воспоминаний об этих мирных и немирных годах его жизни, приведу некоторые.

Полковник Георгий Иванович Соломко: «Нас, вновь прибывших в училище, представили его начальнику. Подошёл высокий, стройный, с иголки одетый в военную форму командир, в петлицах – четыре «шпалы», на груди ордена Ленина и Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Блестящие сапоги со шпорами – просто картинка, и лицом красивый. Прошёл вдоль строя, внимательно осмотрел каждого, улыбнулся, очевидно, понравился наш внешний вид».

В войсках противовоздушной обороны нашей страны хорошо знают заслуженного деятеля науки, доктора технических наук, профессора, генерал-лейтенанта Василия Дмитриевича Кириченко. Он закончил Сумское училище в 1939 году, продолжил там службу в должности командира взвода курсантов. Он пишет, что начальник училища оставил в его душе добрую память на всю жизнь. «Иванов В.А. только что вернулся из Испании. Стройный, безукоризненно одетый, с наградами. Всегда спокойный в проявлении своего характера, никогда не повышал голоса, был требовательным до самых тонкостей, относящихся к делу. Знал дело досконально, но никогда этого не подчёркивал».

Окончивший САУ 6 июня 1941 года писатель-публицист полковник Михаил Александрович Подуст вспоминает:

В.А. Иванов

«В июле 1939 года я успешно сдал вступительные экзамены в Сумское артиллерийское училище. На мандатной комиссии начальник училища полковник Иванов поздравил меня и других курсантов с зачислением в училище. Начальнику училища было не более 40 лет. Стройный, подтянутый, выше среднего роста, светлые волосы ложились волнами, на груди два ордена. Он приходил на все вечера в клуб училища, любил танцевать вальс».

Ну, насчёт цвета волос Михаила Александровича слегка подвела память – волосы у генерала были светло-каштановыми, проще говоря – рыжими. Но насчёт вальса – точно. Танцевал он великолепно, на наших курсантских вечерах часто приглашал на первый тур вальса самую симпатичную из наших девушек, чаще всего – студенток медицинского и педагогического институтов. Сколько потом бывало разговоров! Нет-нет, не надо тут думать лишнего, но стройный сорокалетний высокий генерал, безупречно выбритый, в идеально отутюженной форме, прекрасный партнёр, галантный кавалер, очень нравился женщинам. А мы, разумеется, считали, что так и должно быть – наш генерал есть образец для подражания во всём, в том числе и в умении деликатно относиться к представительницам прекрасного пола. Впрочем, ходили и кое-какие сплетни, но я их не помню.

Почти идиллическая картина – замечательное училище, в прекрасных помещениях, построенных ещё до революции для Сумского кадетского корпуса, образованнейшие командиры, хорошее питание, отличная форма, требовательный, но справедливый интеллигентный начальник, не бурбон какой-нибудь. Хорошо? Да, но...

* * *

Каждая большая трагедия включает в себя немало тяжелейших подробностей. О событиях августа – ноября 1941 года, о том почти безнадежном положении, в котором тогда оказался левый фланг советско-германского фронта, в общем-то, известно многое. Но есть и детали, относительно малоизвестные.

В августе, когда Киев был ещё в наших руках, гитлеровцы вышли на левобережье Днепра. В районе Шостки они прорвали наш фронт и оказались в ста километрах от казавшихся ещё несколько дней назад вполне тыловых Сум. Прикрыть город было нечем – каких-либо воинских частей Харьковский военный округ не имел. Военный Совет округа принял отчаянное решение – задержать Вторую танковую группу Гудериана силами срочно формируемого «Отряда особого назначения». Его составили курсанты Сумского и Харьковского артиллерийских, Сумского и Чугуевского пехотных училищ, рабочие Сумского коммунистического батальона, полуэскадрон конников-добровольцев. В отряде были пехотные батальоны, два артиллерийских полка и отдельные спецподразделения. Командовать отрядом было приказано начальнику Харьковского артиллерийского училища генерал-майору Алексею Семёновичу Чеснову¹. Комиссаром отряда стал комиссар этого училища батальонный комиссар Илья Фёдорович Мангушев (он вскоре погиб). Артиллерией отряда командовал начальник Сумского училища полковник Иванов.

23 августа курсантские подразделения заняли оборону неподалёку от деревни Волокитино Путивльского района. Умело расположенные Ивановым на левом берегу реки Клевень курсантские батареи оказались для немецких танкистов полной неожиданностью: 8 сентября курсанты-артиллеристы своим огнём сорвали попытку фашистов форсировать Клевень и на несколько дней задержали противника. Более двух месяцев отряд упорно продолжал сражаться, войдя в состав 40-й армии.

...У деревни Волокитино установлен памятник погибшим курсантам. Живых тогда осталось немного, в конце ноября отряд вывели из зоны боевых действий и расформировали, курсантов САУ эвакуировали. Кроме Иванова хорошо пом-

¹ Генерала А.С. Чеснова тогда удостоили ордена Ленина. Вместе с уцелевшими курсантами и офицерами своего училища он эвакуировался в Среднюю Азию, готовил там офицеров-артиллеристов. Последняя его должность – зам. командующего артиллерией Северо-Кавказского военного округа. В 1948 году похоронен в Москве.

ню по службе в Сумах трех прекрасных боевых офицеров. С уже упоминавшимся капитаном Соломко мы участвовали в училищной самодеятельности. Иван Богатырь, награжденный за подбитый танк орденом Красного Знамени, командовал одной из батарей нашего дивизиона. А в батарее капитана Юрия Шульги¹ я служил командиром взвода. Все трое – очень скромные люди, о своём участии в тех боях они ничего не рассказывали. Все трое вышли в отставку полковниками. Все трое – украинцы.

И ещё об одном не могу не вспомнить. В известном докладе Н.С. Хрущёва в числе незаконно репрессированных военачальников назван комдив К.П. Подлас. Это правда, но не вся. Никита Сергеевич забыл сообщить, что Кузьму Петровича освободили, восстановили в РККА в том же звании, назначили заместителем командующего войсками Киевского особого военного округа. Генерал-лейтенант К.П. Подлас командовал 40-й, а затем 57-й армией. 22 октября 1941 года награждён орденом Ленина, поверьте, осенью трагического сорок первого ордена «за так» не давали, генерал был настоящим героем. 25 мая 1942 года он или погиб во время прорыва из окружения или, тяжело раненным, застрелился, не желая попасть в плен. Помните, у Константина Симонова комбриг Серпилин говорит, что смерти он не боится, ему пропасть без вести, попасть в плен нельзя – бывшему репрессированному этого не простят.

¹ Недавно узнал, что Юрий Федорович скончался в Ростове-на-Дону. Простить себе не могу, что не успел поблагодарить его за благороднейший поступок. В 1952 году, когда меня «надо было» выгнать из армии, все мои начальники написали в аттестации массу гадостей (нельзя же было написать, что «уволен как сын «врага народа»). Все, кроме майора Ю. Шульги, написавшего обо мне так: «Делу партии Ленина – Сталина и социалистической Родине предан, морально устойчив, достоин выдвижения на должность командира батареи и направления на учебу в Академию». Думаю, что читатели понимают, чего могла ему стоить твердость и принципиальность. Спасибо, дорогой Юрий Федорович! А формулировку приказа отменил в 1956 году министр обороны – я, оказывается, уволен по сокращению штатов.

* * *

После расформирования Отряда особого назначения три дивизиона САУ 23 ноября 1941 года со станции Старое Роговое (это недалеко от Старого Оскола Белгородской области) убыли в Сибирь. Сегодня трудно представить себе, что представляла собой тогда эвакуация крупного предприятия или учебного заведения. Частые остановки – надо же пропустить эшелоны, идущие к фронту! Нехватка паровозов. Скучное питание. Да ещё и сибирские морозы. Груз ответственности, лежавшей на полковнике Иванове, просто невозможно представить.

Но 12 декабря первый эшелон прибыл в Ачинск. Сорокаградусный мороз, а у курсантов летнее обмундирование, на головах пилотки. Не стану перечислять трудностей, стоявших перед начальником училища, они были во всём. Однако уже 4 апреля 1942 года училище произвело выпуск лейтенантов, среди них как раз и были мои будущие сослуживцы Богатырь, Соломко, Шульга.

Полковник Иванов не только провожал в действующую армию своих воспитанников. Он, считая свою главную задачу выполненной – училище работает! – настойчиво просил командование отправить его на фронт. Летом 1942 года просьбу выполнили. Помогло то, что в Томском артиллерийском училище должность заместителя начальника занимал полковник Леонид Иванович Дульщикова, в апреле 1942 года прибывший с Волховского фронта, где он командовал артиллерией созданной в Сибири 59-й армии. Из Томска, где он, можно сказать, прошёл стажировку – думаю, что это было продуманным шагом командования, – его и направили в Ачинск на должность начальника училища. Впоследствии он стал генерал-лейтенантом артиллерии, а наш Владимир Александрович больше прямого отношения к САУ не имел.

* * *

12 июля 1942 года полковника Иванова назначили заместителем командующего, а вскоре командующим артиллерией 14 гвардейской стрелковой дивизии, с июля 1942 года

участвовавшей в оборонительном сражении на Сталинградском фронте. Наверное, не нужно пояснять, что это значит. Июль – октябрь 1942 года – пожалуй, самое кровавое и жестокое время войны.

Немцев остановили. 1 ноября В. Иванов вступил в командование артиллерией 14-го стрелкового корпуса. А 19 ноября, в день, ставший нашим праздником, Днём артиллерии и ракетных войск, он руководил действиями сотен орудий и миномётов корпуса, обрушившими мощный огонь на противника. Именно артиллерия начала и обеспечила успешное решение главной задачи «Урана» – окружить 6-ю армию Паулюса. От «катюш» и пушек полковника Иванова более всего досталось тогда 8-й итальянской армии и румынам.

2 февраля 1943 года, в день окончания Сталинградской битвы, В. Иванов стал командующим артиллерией 1-й гвардейской армии генерала А.А. Гречко, будущего маршала Советского Союза. В этой должности В. Иванов воевал до 1 апреля 1944 года.

В начале 1943 года 1-я гвардейская армия наступала в Донбассе, в июле участвовала в Изюм-Барвенковской наступательной операции, а в августе – сентябре – в операциях по освобождению Левобережной Украины. В ноябре – декабре войска армии участвовали в отражении контрнаступления противника на киевском направлении, а с 24 декабря – в наступательной Житомирско-Бердичевской операции. К концу февраля 1944 года армия была переброшена юго-восточнее Шепетовки, где в марте – апреле вела наступление на направлении главного удара фронта в Проскуровско-Черновицкой операции, после чего участвовала в окружении и разгроме одного из знаменитейших своими прежними победами соединений вермахта – 1-й танковой армии Г.В. Хубе.

За личное мужество и мастерство в руководстве войсками наш генерал и получил в то время второй орден Ленина и ещё три ордена Красного Знамени, к которым потом добавились два ордена Отечественной войны I степени и многочисленные медали.

...Читаю длинный список городов, освобождённых 1-й гвардейской армией при участии артиллеристов В. Иванова, и возникают грустные мысли. Миллерово. Старобельск. Красный Лиман. Изюм. Лозовая. Славянск. Житомир. Павлоград. Проскуров. Почти вся советская Украина полита кровью советских солдат. И что там происходит сегодня?

* * *

Справа от главного монумента Мемориала на Южном кладбище Томска находится плита с именами двадцати курсантов нашего училища, погибших 21 февраля 1944 года. Мне не довелось читать каких-либо документов об этой трагедии, нам о ней не рассказывали, но до недавнего капитального ремонта учебного корпуса училища по ул. Фрунзе, 9, из внутреннего двора была хорошо видна угловая часть здания, заделанная скверным кирпичом вместо того, который когда-то положили строители Томской мужской гимназии. Зимой в корпусе всегда было холодно, но в аудитории на втором этаже... Мы не любили её... И вот какая картина сложилась у меня из обрывков услышанного.

Трудно понять, как это могло случиться, но в класс военно-инженерной подготовки доставили в качестве учебного пособия немецкие противотанковые мины, у одной или у нескольких из них не были удалены взрыватели. Нет никого, кто мог бы рассказать, почему они сработали, когда на занятиях в классе был один из выпускных взводов. До выпуска ребятам оставалось несколько месяцев. Летом началась операция «Багратион», выпускники ТАУ, как правило, назначались командирами батарей, погибшие могли бы заполнить все вакансии минимум в двух артиллерийских полках.

Говорят, о ЧП доложили лично Верховному, крайне обеспокоенному обеспечением командными кадрами важнейшей операции 1944 года. Сталин был взбешён и сказал Н. Воронову: «Найдите надёжного достойного командира из фронтовиков для руководства этим училищем, пусть обеспечивает учёбу без тыловых потерь. У нас боевых хватает». Во-

ронов назвал имя своего старого друга, командовавшего в это время артиллерией 1-й гвардейской армии. Не знаю, как к этому предложению отнёсся командарм-1 Гречко, но, скорее всего, его и не спрашивали. Рекомендации Воронова для Сталина было достаточно.

* * *

Легенда? Может быть. Но взрыв произошёл 21 февраля 1944 года. Полковник В. Иванов стал начальником 1-го Томского артиллерийского училища 3 апреля. А 9 апреля Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии. Есть связь между этими датами и фактами?

14 марта 1945 года училищу исполнилось 25 лет. Многие военно-учебные заведения, отметившие примерно в это же время свой юбилей, были награждены орденами Красного Знамени. ТАУ-1 было удостоено меньшей по рангу награды – ордена Красной Звезды. Бессмысленной гибели двадцати курсантов, не ставших офицерами, нам не простили.

* * *

Училищем генерал В.А. Иванов командовал чуть более четырёх лет, как раз до нашего выпуска, точнее, до нашего последнего экзамена, так как присвоение званий нашему курсу по финансовым причинам было отложено до 1 января 1949 года. Лейтенантские погоны нам вручил новый начальник училища, замечательный человек, Герой Советского Союза, полковник Виктор Гаврилович Цивчинский. А генерал Иванов 30 сентября 1948 года вступил в должность командующего артиллерией стрелкового корпуса на Дальнем Востоке. Через два года он стал заместителем командующего артиллерией Дальневосточного военного округа по боевой подготовке. Подробностей не знаю, но округ находился в те годы в ответственнойшем положении в связи с войной на Корейском полуострове.

В 1954 году В. Иванов окончил Академию имени К.Е. Ворошилова. Последняя его армейская должность – ко-

мандующий артиллерией Северо-Кавказского военного округа. В Ростове-на-Дону он снова, как и в 1942 году в Сталинграде, служил у одного из самых ярких полководцев Великой Отечественной – маршала Ерёменко. Кстати, в прямом подчинении Андрея Ивановича он оказался в третий раз (после Сталинграда в 1942 году и Томска, когда Ерёменко командовал войсками Западно-Сибирского военного округа).

25 августа 1961 генерал-лейтенант Владимир Александрович Иванов вышел в отставку.

* * *

Сегодня уже почти не осталось участников Великой Отечественной, уходят и артиллеристы, выпускники 1-го Томского ордена Красной Звезды артиллерийского училища. 9 апреля 1980 года скончался Владимир Александрович Иванов, наш генерал, выдающийся военный педагог, один из тех, кто доказал, что наша артиллерия, действительно, Бог войны. Нет уже и самого училища. В марте 1999 года его расформировали. Грустно. Но я убеждён, что ни замечательные учебные заведения, ни великие события, ни настоящие люди никогда не уйдут не только из нашей благодарной памяти, но и из памяти наших потомков.

ШТАБС-КАПИТАН, ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Павел Иванович Воскресенский

В последние годы на депутатский прием ко мне приходит мало избирателей. Люди поняли, что выборы – во многом профанация, возможности депутата – ничтожны, стоит ли тратить его и свое время? Но зато каждый визит дорогого стоит, особенно, когда посетитель не просит помощи в ремонте канализации, а хочет отвести душу, немного поговорить о жизни, как говорится, «поплакаться в жилетку»...

Николай Игнатъевич Ведерников чуть старше меня. Участвовал в Великой Отечественной войне, затем служил в роте боевого обеспечения военно-пехотного училища. Ветеран завода режущих инструментов, неугомонный общественник, со встречи с ним всё и началось

* * *

Известно, что пехотинец больше трех раз в атаку не ходит, а командир роты или взвода поднимает свое подразделение в атаку и того реже. Готовить в течение двух-трех лет младших офицеров ради нескольких секунд, отделяющих команду «Вперед!» до падения на землю раненым или убитым, с холодной точки зрения несколько неоправданно. Но очевидно, что человек, морально, физически, тактически не подготовленный к такой команде и такому поступку, фронту не нужен. И во всех армиях мира при возникновении военной угрозы создаются всякого рода ускоренные курсы, училища с не совсем понятными правами и статусом выпускников. Им нередко вовсе не присваивают офицерских званий, объявленные год – два обучения скоренько превращают в несколько месяцев, ибо фронт требует солдат, и потенциальные лейтенанты идут в бой более или менее прилично подготовленными сержантами или рядовыми.

Перед Великой Отечественной руководство СССР хорошо понимало это, и у нас были созданы десятки пехотных училищ с ускоренным курсом обучения. Они сыграли огромную роль в достижении победы, но уже в конце войны их стали закрывать, и ныне часто приходится слышать о забытых училищах, об утерянных архивах, исчезнувших личных делах сотен и тысяч воинов, в том числе павших смертью храбрых. Известно, что курсанты училищ нередко отдавали юные жизни, закрывая путь внезапно прорвавшемуся противнику. Какие уж тут документальные свидетельства и архивы! Война есть война. Классический пример – подвиг курсантов Подольского училища при обороне Москвы под командованием бывшего царского офицера, генерал-майора Василия Андреевича Смирнова.

Одно из таких училищ, созданное в Свердловске еще в 1936 году, сделало несколько выпусков и успело принять участие в обороне Москвы. В октябре 1949 года его передислоцировали в Томск. Училищу отдали здание бывшего женского епархиального училища по улице Киевской, 107. В 1917–1918 годах здание находилось в распоряжении двух Сибирских стрелковых запасных полков старой армии. Потом здесь был военный госпиталь, некоторое время его занимали незваные гости – 2-я дивизия чехословацкого корпуса капитана Р. Гайды, захватившего Томск в мае 1918 года.

После восстановления в Томске советской власти здесь вновь разместился госпиталь. В годы Великой Отечественной войны в нем, помимо обычных операционных и палат для раненых, располагался Научно-исследовательский институт санитарной инспекции Красной Армии. Госпиталь просуществовал до 1947 года. Именно тогда я имел относительное удовольствие лечиться там, сломав руку на занятии по физкультуре.

Свердловским училищем с 1947 года командовал гвардии генерал-майор Павел Иванович Воскресенский. Он руководил переездом училища в Томск, где оно стало «Томским пехотным». В начале 1956 года училище расформировали.

* * *

Н.И. Ведерников был в добрых отношениях с генералом Воскресенским и его семьей, но всё же... «Что он Гекубе, что ему Гекуба?» Отдыхал бы спокойно в свои девяносто с гаком! Но он засыпал меня вопросами: «Почему о нашем училище и его начальнике, кстати, по старшинству ещё и начальнике Томского гарнизона, томичи ничего не знают? Почему кадетский корпус прекратил шефство над его могилой? Разве нельзя установить мемориальную доску на здании по Киевской? Что, областной и городской Думам стыдно заняться этим, потому что здание, памятник архитектуры, разваливается? Да и одну из новых улиц Томска стоило бы назвать именем этого выдающегося человека!»

За обе и даже за одну Думу мне, конечно, было неловко, но как же я был рад эмоциям старого солдата!

Дня через три по его инициативе мне позвонила из Москвы Ольга Олеговна Воскресенская, внучка генерала, дочь Олега Павловича, артиллериста, прошедшего командиром огневого взвода всю Великую Отечественную. Олег в 1954 году окончил Томский медицинский институт и работал на кафедре терапии под руководством академика Дмитрия Дмитриевича Яблокова.

Ольга Олеговна закончила школу № 51 и Томский государственный университет. Мир тесен – у нас нашлись общие знакомые, тем более, что моя жена окончила ТМИ на год раньше Олега и тоже работала на одной из кафедр этого вуза.

Будучи в те годы школьным учителем, я видел генерала всего два-три, в том числе в Томском Доме офицеров во время прощания (он скончался 23 мая 1972 года). Некролог в «Красном Знамени» подписали 1-й секретарь обкома КПСС Е.К. Лигачев, члены бюро обкома А.И. Бортников, А.Е. Высоцкий, Ю.И. Литвинцев, Г.Н. Судобин и другие товарищи. По инициативе Томского и Свердловского облвоенкоматов генералу П.И. Воскресенскому установлен памятник от Министерства обороны.

* * *

Будущий генерал родился 23 декабря 1894 года в Симбирске. Его отец работал делопроизводителем земской управы, мать умерла в возрасте 80 лет. Начав обучение в классической гимназии, мальчик из-за материальных трудностей (восьмеро детей в семье!) оставил гимназию, продолжив обучение в реальном училище и с четвёртого класса зарабатывая себе на учёбу репетиторством. Сразу после окончания реального училища был призван в армию и направлен в Виленское военное юнкерское училище: 1 сентября 1915 года окончил его и был направлен на фронт.

* * *

Здесь необходимо небольшое отступление. Поражение России в Крымской войне поставило перед страной немало острых вопросов, в том числе и о подготовке младшего звена командных кадров армии. Уже в XIX веке стало ясно, что для руководства современным боем благородного происхождения и даже преданности государю и Отечеству недостаточно, нужны ещё твердые знания, крепкие навыки, серьёзная подготовка. Это хорошо понимал известный реформатор, военный министр правительства Александра II генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин. Замечу, что одним из нововведений Дмитрия Алексеевича стала всеобщая воинская повинность, существующая у нас и поныне, и, как и тогда, вызывающая у некоторых граждан желание «откосить» (купечество предпочитало откупиться). В числе важнейших мер, предпринятых Милутиным для подготовки офицерского корпуса, было создание юнкерских военных училищ, принимавших на учебу не только дворян, но и юношей любого сословия. Первым таким училищем (раньше Московского!) было именно Виленское¹.

¹ Мир тесен! Среди военных педагогов, последователей Милютина, был человек с фамилией, известной томичам. Генерал-лейтенант Захар Андреевич Макшеев, двоюродный дед томского писателя Вадима Макшеева, служил директором Александровского кадетского корпуса, начальником созданного им педагогического музея военно-учебных заведений, начальником Главного управления военно-учебных заве-

* * *

Подчеркну, что милютинские меры были весьма решительными, но далеко не решающими. Безграмотная организация действий армии, нелепые жертвы в Восточной Пруссии во имя спасения Франции («французы будут защищать Париж до последней капли крови русского солдата!») привели к тому, что едва ли не весь кадровый офицерский состав, цвет русского офицерства – офицеры гвардейских полков, выбыл из строя уже в первые месяцы войны. Об этом ныне не любят вспоминать, но именно тогда русская культура, рядовыми носителями которой были наши офицеры, понесла первый в XX веке страшный урон. А к концу войны во многих пехотных полках оставалось всего по одному – два кадровых офицера, ротами, а нередко и батальонами командовали офицеры военного времени, не имевшие ни боевого опыта, ни теоретической подготовки.

* * *

Прапорщика Воскресенского направили на Северный фронт, вскоре он стал командиром роты в одном из старейших и лучших полков императорской армии – 68-м Бородинском. За год получил три очередных звания, стал штабс-капитаном и командиром батальона. Не стану описывать ожесточенные сражения в Прибалтике, подчеркну лишь, что немцев не допустили к столице благодаря мужеству и стойкости рядовых солдат и младшего состава, в том числе стрелков латышских бригад. А стремительная карьера юного (22 года!) офицера связана вовсе не только с тем, что «Вакансии как раз открыты: // То старших выключат иных, // Другие, смотришь, перебиты», но и с его бесспорными боевыми качествами, личной храбростью, умением заботиться о людях и руководить ими. Ныне о таких солдатах и офицерах, об их самоотверженности и понесен-

дений России. С началом Гражданской войны, не желая ни вступать в чуждую ему РККА, ни воевать с собственным народом в рядах Белой армии, он эмигрировал на Балканы. На такое – честное! – решение оказались способны немногие офицеры. Преподавал в Военной академии, 1 марта 1935 года скончался в Белграде.

ных ими потерях в борьбе с агрессором не говорят ни в Прибалтике, ни в России. А ведь как бы мы ни относились к бессмысленной войне, называвшейся Мировой войной, подавляющее большинство виленцев, да и вообще солдат русской армии, в том числе и латышей, защищавших империю, честно исполняли свой воинский долг¹.

* * *

Руководство Северным фронтом едва ли имеет право гордиться своим боевым мастерством. Во всяком случае, об одном из командующих фронтом генерале Н.В. Рузском чаще вспоминают не как об организаторе обороны Питера, а как о человеке, принудившем Николая II подписать отречение от престола. Генерал одной рукой держал царя, а другой прижимал к столу заготовленный манифест об отречении, повторяя – императору, главнокомандующему! – «Подпишите! Разве Вы не видите, что Вам ничего другого не остаётся. Если Вы не подпишете – я не отвечаю за Вашу жизнь». А шла война, и с чисто военной точки зрения Рузский и иже с ним оказались клятвопреступниками и изменниками. Кстати, ни эсеров, ни анархистов, ни, тем более, большевиков в Ставке в тот час не было... Николай II не зря говорил о предательстве. Да, обстановка в стране была катастрофической, да, именно он виноват во многом, но все-таки первыми его предало ближайшее окружение. Вторым стал британский король Георг V, не сумевший или не захотевший приютить двоюродного брата (интересно, что внешне они были абсолютными копиями друг друга), третьими – члены Временного правительства, отправившие экс-царя в Сибирь, и уж потом кровавую точку поставил екатеринбургский Совет.

¹ 29 сентября (12 ноября) 1914 года в Вильно от полученной в бою раны скончался Великий князь Олег, правнук Николая I. Отец Олега, великий князь Константин, один из немногих по-настоящему выдающихся членов царской семьи, известный в свое время поэт (псевдоним «К.Р.»), автор ставшей народной песни «Умер, бедняга, в больнице военной...», вроде бы мог попросить Николая I пристроить Олега где-нибудь при штабе. Но именно «вроде бы»! У Романовых было своё представление о чести.

* * *

Происходившее в Ставке было, конечно, далеко от фронтовых офицеров. Штабс-капитан Воскресенский командовал батальоном 730-го Гродечненского полка, стал членом дивизионного комитета солдатских депутатов, был избран командиром полка, руководил созданием добровольческих отрядов будущей Красной гвардии и их отправкой в Петроград. Обычная служба? Да, но перед каждым офицером тогда встал выбор – с кем быть дальше? С советской властью? С её противниками? Или уйти от всего? Об этом мучительном выборе написано много, точной статистики нет, да и быть не может, хотя бы потому, что кое-кто не раз менял решение, переходя из одного лагеря в другой.

Воскресенский сделал свой выбор сразу и окончательно, это было естественно для офицера-окопника, два года делившего с солдатами тяготы боевой службы.

Весной 1918 года он вступил в РККА. Занимал командные (полк, бригада, дивизия) и штабные (дивизия, группа войск) должности. С начала Гражданской войны оказался в 1-й армии Тухачевского. Участвовал в борьбе с белочехами и армией Комуча¹ в дни жестоких поражений и ярких успехов молодой Красной Армии. Размышляя об этих днях, можно понять, кто же все-таки развязал Гражданскую войну, которую можно изучать по послужному списку Павла Ивановича. Он воевал и на Восточном, и на Южном, и на Юго-Западном, и на Кавказском фронтах. Его противниками были знаменитые С. Войцеховский, В. Каппель, А. Пепеляев, К. Сахаров², М. Ханжин, С. Чечек, В. Май-Маевский,

¹ Комуч, «Самарская учредилка» – Комитет членов Учредительного собрания, эсеровское правительство, созданное 8.06.18 после захвата Самары чехами. К сентябрю 1918 года армия Комуча была разгромлена Красной армией. Колчаковцы арестовали и в Омске частично расстреляли Комитет. Томск в Комуче представлял председатель Томского губкома партии эсеров Б.Д. Марков, вскоре утопленный в Байкале семеновцами.

² Полковник И.К. Сахаров, сын генерала, воевал с республиканцами в Испании, в Отечественную войну командовал частями власовской РОА. Русские белоэмигранты после Гражданской войны расселились

другие белые генералы, в том числе и окончившие в свое время Виленское училище. Немало выпускников училища встретилось войскам Воскресенского среди участников белых десантов и восстаний на Дону, в Причерноморье, на Кубани, возглавлявшихся полковником Ф. Назаровым, генералами С. Улагаем, М. Пржевальским и другими.

* * *

...В занятости и напряженности боевой жизни краском П. Воскресенский, высокий, красивый мужчина, нашел время, чтобы обратить внимание на двадцатилетнюю Ларису Михайлову, одну из лучших машинисток штаба, закончившую специальные курсы в Петрограде. Не знаю никаких подробностей, да и не моё, не наше это дело, но на Томск приходится золотая свадьба этих двух замечательных людей.

П.И. Воскресенский с женой и сыном

по всему миру, больше всего их было в Югославии, Чехословакии, Франции, странах Южной и Северной Америки. Таких, кто эмигрировал в Германию, страну нашего главного противника в Мировой войне, было не очень много (Шкуро, Краснов, Сахаров, их друзья). Причин объяснять не надо – даже белогвардейцы не хотели служить тем, с кем вчера воевали.

Впрочем, об одной подробности легко догадаться. В страшные для семьи 1938–1940 годы Лариса Никитична крепостью духа своего, верой в любимого человека и верностью помогла Павлу Ивановичу выдержать то, что выдерживали не все. Настоящая офицерская жена! Настоящая любящая женщина!

* * *

А у мужа – обычная армейская жизнь. Командир полка, бригады, дивизии, в том числе 74-й Таманской. К чему эта деталь? В 20-е годы делалась попытка создания территориальных частей и соединений РККА. Таманская дивизия – одна из таких. Сформировали её на базе созданной на Урале ещё в 1918 году Николаевской (позднее – 22-й стрелковой) дивизии. Ну и что? Ничего особенного, но две детали символичны. Первая. Дивизию создал и был её первым командиром легендарный Василий Иванович Чапаев, роман о нем написан Д. Фурмановым (очень рекомендую перечитать!), а гениальный фильм создан Г. и С. Васильевыми. Вторая. Дивизией позднее командовал менее легендарный, но все же очень известный Епифан Иович Ковтюх, под именем Кожуха выведенный в повести А. Серафимовича «Железный поток» и в фильме Е. Дзигана. О Чапаеве и его гибели знают все. О полном георгиевском кавалере и кавалере трех орденов Красного Знамени комкоре Ковтюхе и его гибели в 1938 году знают немногие. А надо бы!..

* * *

Вот в каком соединении служил бывший царский офицер и советский краском. В 1930 году он окончил знаменитые Высшие стрелковые курсы (сокращенно – «Выстрел»). Тем, кто не знает, чем знамениты расформированные в 2009 году Высшие офицерские орденов Ленина и Октябрьской революции Краснознаменные курсы «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, поясню, что учреждены они были в 1918 году на базе Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы царской армии для подготовки среднего командного состава стрелковых под-

разделений и частей. Стоит посмотреть биографии выпускников «Выстрела»: П. Батов, А. Василевский, А. Вершинин, К. Галицкий, А. Голованов, М. Катукон, Я. Крейзер, Н. Крылов, А. Новиков, И. Попов, И. Федюнинский, можно назвать ещё сотни имен полководцев, приведших РККА к Победе (это я к досужим рассуждениям о необразованности многих наших генералов накануне войны).

На основании принятого в 1935 году Постановления ЦИК и Совнаркома СССР «О введении персональных военных званий» П. Воскресенскому присвоено звание «полковник». И всё вроде бы шло хорошо – успешная служба, прекрасная семья, подрастает сын Олег. Но 7 февраля 1938 года – обычный для тех лет арест. Как же, соратник М.Н. Тухачевского и его товарищей, статья 58-1, 58-8, измена Родине, подготовка терактов. Допросы, пытки.

* * *

Не хочется мне писать о репрессиях вообще, о репрессиях в РККА, но судьба выпускников Виленского училища не позволяет обойти эту страницу истории.

В год столетия Октября рассказать бы, отложив эту тему, именно о тех виленцах, кто встал в ряды сторонников революции! Рассказать бы о сокурснике Воскресенского, советнике в Испании, командарме в годы Великой Отечественной генерал-полковнике Василии Юшкевиче, о повешенном белыми начдиве-55 бывшем царском генерале Антоне Станкевиче, об одном из участников разгрома Колчака, организаторе ПВО СССР, члене ВЦИК комдиве Иосифе Блажевиче, о командующем авиацией Московского округа «испанце» комдиве Августе Берггольце, об известном многим томичам преподавателе Томского пехотного училища полковнике Николае Войно, о главнокомандующем Вооруженными Силами Республики Иоакиме Вацетисе, об уже упоминавшемся генерале Василии Смирнове, о внуке героя Бородинской битвы советском генерале Николае Корицком, о начдиве Николае Щорсе (он окончил училище в Полтаве, куда училище эвакуировали), о Вольдемаре Озолсе, человеке с фантастической судьбой (Испания, французское сопро-

тивление, советская агентура за рубежом, тюрьмы, аресты, смертные приговоры и т.д.), о десятках других замечательных людей, составивших честь и славу училищу. И ограничиться в рассказе только светлым и приятным. Ну, а о некоторых страницах их жизни и судьбы промолчать? Как говорится, правду, ничего кроме правды, но не всю правду! Так ныне пишут многие, но, наверное, так писать уже нельзя.

* * *

Виленское училище, формально не привилегированное, было, так сказать, государевым, поддерживаемым прибалтийской буржуазией, в некотором роде элитарным¹. Кем же они стали, виленские юнкера? Училище за полвека его работы в составе императорской армии окончило десять с половиной тысяч человек. К 1917 году примерно треть из них находилась в строю. Ознакомиться хотя бы с их анкетными данными – задача для меня непосильная, но выборку из пятисот человек сделать удалось.

Судьбу офицеров-прибалтийцев (эстонцев, латышей, литовцев), в значительной части – националистов, оценивать сложно. Многие из них воевали против советской России, считая, что защищают свою Родину. Они стали офицерами и генералами армий прибалтийских держав, успев послужить Юденичу и германским оккупационным властям в 1918–1920 годах. Другие именно в защите Советской страны видели будущее Прибалтики и воевали на стороне советской власти в Прибалтике, в России, особенно – в Сибири. В обстановке шпиономании и всеобщей подозрительности сотрудники некоторых советских ведомств «в припадке административного восторга» чуть ли не всех их причислили к врагам народа. Да, повторяю, некоторые из них не были

¹ Косвенное подтверждение элитарности. Текст училищного гимна написан уже упоминавшимся «К.Р.». Согласитесь, что не станет член императорской семьи, великий князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, генерал-инспектор военно-учебных заведений, Президент Императорской академии наук писать стихи для незначительных людей или посредственных учреждений!

активными сторонниками советской власти, но почти никто не был её врагом.

Не менее двух третей выпускников стали белогвардейцами, занимали в войсках Колчака и Деникина солидные посты, многие погибли в боях, многие эмигрировали. Они действовали в соответствии со своими убеждениями, они были нашими противниками в кровавой войне. К их чести скажу, что я нашел очень немного имен виленцев, вставших в годы Второй мировой войны в ряды гитлеровских формирований типа власовской РОА, Русского корпуса в Югославии, частей SS в Прибалтике. Таких, как Артур Силгайтис, командир дивизии SS, виновный в смерти тысяч и тысяч евреев, белорусов и русских, среди них почти не было.

Сколько разных частей! А учились-то вместе, жили в общих казармах и ожидали примерно одинаковой судьбы на службе царю и Отечеству.

И нетрудно понять, что когда виленца допрашивали в ЧК, ОГПУ или НКВД, он откровенно сообщал, что да, знал сокурсника, ставшего белогвардейцем, хорошо помнит и юнкера, ныне командующего латвийской армией, и юнкера, ставшего командиром полка в армии Юденича. Следовательно оставалось уточнить, какие задания от старых друзей получил арестованный, явный враг народа, на которого есть убедительный донос.

Не знаю, существовал ли заговор военных под руководством Тухачевского, историки с удивительным постоянством меняют свою точку зрения по этому поводу. Пусть разбираются. Но минимум два факта бесспорны. «Даёшь Варшаву!» не получилось, об истинных виновниках провала кампании пусть судят специалисты, но тов. Сталин имел право недолюбливать тов. Тухачевского за это. И, разумеется, наоборот. Давало ли это право одному на репрессии, другому на заговор? И второе. Служившие в Гражданскую с будущим маршалом, ещё и дружили с ним, и если Тухачевский – глава заговора, то все они – заговорщики. Стоит поразмышлять и о положении части следователей. «У тебя же все сокурсники и друзья молодости – белогвардейцы, я с

ними дрался на фронте, чего ж я тебе стану верить!» Тяжелая тема...

И ещё одна тема для размышлений, тема для меня очень грустная. В 70-х годах, отдыхая в Юрмале, посетил Рижский музей красных литовских стрелков. Меня очень интересовала и интересует судьба тех, кто руководил изгнанием белых из Сибири (вовсе не обязательно виленцев). А имена Блажевича, Вацетиса, Лапиньша, Матиясевича, Путны и многих других мне были известны. Прекрасный музей! Но кто-то ещё тогда распорядился замазать даты жизни под портретами красных командиров. Видимо, боялся просвечивающихся сквозь краску цифр 1937, 1938. Мне было стыдно. Сейчас музея нет, в этом здании «Музей оккупации Латвии»¹.

* * *

Через два года, три месяца и восемь дней, 15 мая 1940 года полковника П.И. Воскресенского за отсутствием в его действиях состава преступления освободили из тюрьмы и восстановили в кадрах РККА. Долго лечился, до конца так и не вылечился. 22 июня 1941 года встретил в должности заместителя командира дивизии на Северном Кавказе.

Закавказский фронт. Затем 2-й и 3-й Украинский фронты. Правобережная Украина. Румыния. Ясско-Кишенивская операция, второй орден Красного Знамени (первый – за Гражданскую), вступление в ВКП(б). Венгрия – взятие Будапешта, третий орден Красного Знамени. Секешфехервар-Эстергомская операция, орден Ленина, жесточайшие бои у озера Балатон, когда Гитлер последний раз за годы войны пытался вернуть себе стратегическую инициативу. С 19 ап-

¹Из экспозиции следует, что оккупация имела три периода. Два советских (перед Отечественной войной и сразу после неё до распада СССР) и один – германский (1941–1944). То, что, начиная с XIII века и до 1795 года Латвией владели немцы, датчане, шведы, литовцы и поляки, оккупацией, по мнению современных латвийских руководителей, не было. Присоединение Латвии к Российской империи тоже не оккупация, а вот та же империя, но называемая СССР, дважды оккупировала свободную страну...

реля 1945 года генерал-майор. Назначен командиром 21-й Пермской Краснознаменной стрелковой дивизии.

* * *

Ольга Олеговна прислала мне два коротких кинофрагмента, датированных 11 и 12 мая 1945 года. Австрия, встреча (наконец-то!) воинов 21-й дивизии с солдатами и офицерами 80-й пехотной дивизии США генерал-майора Г.Л. Макбрайда у моста через реку Энс, рядом с городом Лицен. Танки, пехота, флагштоки с флагами двух великих государств. Веселые молодые солдаты и сержанты. Два генерала. На груди у американца – врученные ему Павлом Ивановичем советский гвардейский значок и орден Отечественной войны. У столика со всем, полагающимся в подобных случаях в любой армии мира (съёмка-то любительская!), Макбрайд прицепляет на грудь Воскресенского американский орден «Легион Почёта» (таким же орденом было награждено ещё несколько – очень немного! – наших генералов и маршалов). И хотя кадры фильма не сопровождаются звуком, ясно, что оба генерала пьют за Победу, за дружбу народов, за мир, за полученные награды, за встречу на Энсе.

* * *

И как мне было не вспомнить 1949-й год, фильм «Встреча на Эльбе», ставший тогда лидером проката (почти 25 миллионов зрителей!). Увлекательный сюжет, отличная режиссура, блестящий актерский ансамбль обрекали этот фильм на зрительский успех и Сталинскую премию. Конечно, свою роль сыграли и пропагандистские задачи, и «холодная война», начавшаяся 5 марта 1946 года речью Черчилля в Фултоне, и известный руководству СССР план нападения союзников на нашу страну, и ныне, к сожалению, многими забытый документ «Фальсификаторы истории», и, конечно, еще очень остро помнился завершившийся всего четыре года назад разгром фашизма, одним из этапов которого была встреча советских и американских войск. Но –

удивительное дело! – пересмотрев (в который уж раз!) эту картину, понял, что при всех скидках на особенности эпохи, некоторую наивность и прямолинейность, фильм сегодня воспринимается как современный, ибо окончания нового этапа «холодной войны» что-то не видно.

* * *

25 апреля 1945 года штаб 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерала В.В. Русакова доложил командарму А.С. Жадову, что в 15.30 в районе моста восточнее Торгау произошла встреча между офицерским составом 173-го стрелкового полка и патрулем войск союзников. Торгау – старинный (более тысячи лет) городок между Дрезденом и Лейпцигом, в ста километрах к югу от Берлина, можно сказать – центр Германии. Тем, кто любит размышлять о последних неделях войны, замечу: от него до границы с Францией оставалось примерно столько же, сколько от Варшавы до Берлина.

Гитлеровская оборона была расколота, надо было кончать войну, но «Wir kapitulieren nie – Sieg oder Tod!», много лет спустя я застал эти надписи на стенах берлинских домов. Гитлеру не было жалко уже не только чужих солдат, но и немецких стариков, женщин и детей. Кровь лилась ещё две недели. Всё это известно, но люди забывают (может быть, именно фильм «виноват»), что и 25 апреля, и обе последние недели, и даже после 8–9 мая союзники встречались по всему фронту, от Балтики до Тироля. Хочется, чтобы люди знали не только о встрече на Эльбе у Торгау, великом символе приближающейся Победы, но и обо всем, что происходило в эти славные дни.

* * *

Две дивизии – советская, генерала Воскресенского, и американская, генерала Макбрайда, – встретились на р. Энс. И надо, чтобы имя американца с уважением произносилось в России. Гораций Л. Макбрайд окончил Военную академию в Вест-Пойнте, участвовал в Первой мировой войне, был военным атташе в ряде стран, профессором Йельского уни-

верситета. В 1942 году принял одно из старейших соединений армии США – 80-ю пехотную дивизию, высадился с нею во Франции и прошел от Бретани во Франции до Тироля в Австрии. Честно воевал, честным и порядочным человеком вышел в 1954 году в отставку.

Встреча на Энсе

Его дивизия входила в состав 3-й армии генерала Джорджа С. Паттона, одного из самых талантливых генералов армии США, яркого антисемита, антикоммуниста и русофоба. Сталин знал о нем многое, но действия 3-й армии на территории Франции оценивал высоко. Знал он и о словах Паттона: *«Только прикажите, и я выброшу русских за Вислу»*. Пишу об этом потому, что, во-первых, мы далеко не всегда осознаем, сколь сложен был тогда вопрос о том, кто же они есть, эти наши верные союзники. И, во-вторых, хотя сопротивление германской армии союзникам было много слабее сопротивления нашему наступлению, действия американцев во Франции вовсе не были легкой прогулкой.

Немцы отчаянно сопротивлялись, особенно, когда война пришла на территорию фатерлянда. Даже в 1945 году союзники без нас не смогли бы быстро одолеть фашистов. Не надо преувеличивать заслуги США и Великобритании в нашей общей Победе, но не следует их и недооценивать!

* * *

История иногда подбрасывает такие совпадения, такие аналогии и темы для размышлений, которые придумать невозможно. Встреча на реке Энс неплохой тому пример. Но сначала цитата.

«Кутузов отступил к Вене, уничтожая за собой мосты на реках Инне (в Браунау) и Трауне (в Линце). 23 октября русские войска переходили реку Энс. Русские обозы, артиллерия и колонны войск в середине дня тянулись через город Энс, по сую и по ту сторону моста».

Узнали? Это первый абзац VI главы второй части 1-го тома «Войны и мира», той части, что заканчивается знаменитым рассказом о батарее капитана Тушина, той частью, где Лев Николаевич рассказывает о событиях, связанных с Третьей коалицией европейских держав против Наполеона и его союзников.

* * *

Одной из традиций наших военных училищ всегда было воспитание в кадетях, юнкерах, курсантах глубокого интереса к общей и военной истории, к истории отечества, воспитание уважения к нашему прошлому и его героям, привитие любви к русской литературе. Не имею формальных доказательств, но уверен – генерал Воскресенский знал слова А.В. Суворова: «опять англичанка гадит» (задачей коалиции было спасение Британии от уже готового к высадке на острова мощного французского десанта), что, как всегда, Великобритания будет воевать чужими руками (за каждого посланного против Бонапарта австрийского, прусского и, конечно, русского солдата было обещано уплатить по 12,5 фунта стерлингов, а заказ исчислялся сотнями тысяч тех, чьи косточки разбросаны по всей Европе, кроме, разу-

меется, самой Англии). Павел Иванович знал, что беда была не только в политических просчетах руководства и отсталости экономики государств коалиции, но и в безграмотности дряхлых фельдмаршалов, в их амбициях, самолюбии, интригах, приведших к бесконечным поражениям, завершившимися 20 ноября 1805 года Аустерлицем. А началось все это вот здесь, рядом, когда после страшного поражения под Ульмом Карл Мак сорванным голосом сказал Кутузову: «Вы видите несчастного Мака». Да, Вторую мировую войну Англия тоже выиграла. Чьими руками? Интересно, читают ли современные англичане «Войну и мир»?

* * *

Последнее соединение, которым командовал наш генерал, была 20-я Пермская мехдивизия, входившая в Южную группу наших войск (Румыния). В 1947 году, одновременно с преобразованием группы, дивизию расформировали. Комдива назначили начальником пехотного училища. 2 февраля 1956 года он ушел в запас, но остался в Томске, был депутатом Томского городского Совета, принимал активное участие в общественно-политической жизни города, военно-патриотическом воспитании нашей молодежи. И ныне почти забыт.

Вот такая судьба, такая жизнь. Пожалуй, «и это всё о нем...» Один из героев фильма «Офицеры» говорит замечательные слова: «Есть такая профессия – защищать Родину!» Мне кажется, что мы иногда забываем: у всех нас есть такой долг – защищать память о людях этой профессии...

П.И. Воскресенский

* * *

Ежегодно, 1 января, в Золотом зале Венского музыкального общества филармонический оркестр дает концерт, транслирующийся примерно в ста странах мира. В числе обязательных номеров программы – вальс «На прекрасном голубом Дунае» Иоганна Штрауса-сына. Стараюсь не пропустить не только великолепное исполнение шедевра, но еще и сопровождающие музыку чудесные картины Австрии. Сказочно красивый Тироль, горы, речушки с водопадами, памятники средневековья – они, спасибо Красной Армии, сохранились почти во всей Австрии, прежде всего – в Вене... Зальцбург, город, где родился Моцарт,... Энс, конечно, не показывают, но те, кто внимательно читал «Войну и мир», может быть, вспомнят Льва Толстого, вспомнят и о последних событиях войны.

*Памятник Д. Карбышеву
в Маутхаузене*

А у кого-то возникнут и иные ассоциации. Энс впадает в Дунай неподалеку от Маутхаузена, где с 1938 по 1945 год казнены 122 766 человек, где замучили Дмитрия Карбышева... Иногда показывают Инсбрук, в 1964 году здесь прошли IX зимние Олимпийские игры, принесшие нам 25 медалей и первое место с солидным отрывом от занявших второе место хозяев. США тогда заслужили 7 медалей и восьмое место. Та зима была малоснежной, на трассу лыжных гонок самосвалы привозили снег с Альп. Нам, русским туристам, показали фильм об Играх, «Юнгес фрау Габриэла», наш гид, комментировала текст: «Господа, вы видите, как солдаты австрийской армии восстанавлива-

ют лыжную трассу. Нет-нет, это не вся наша армия. Но почти вся...» (в кадре было человек пятнадцать!) ...

Как же много в мире прекрасного, веселого, доброго, от природы до музыки, литературы, архитектуры, до самого человека. Вот чем людям надо заниматься! А для нас все ещё главным остается совсем иное – кого где-то избрали президентом, насколько реальна третья мировая, какие бы еще придумать санкции и контрсанкции, каковы последние сплетни о сильных мира сего... Неужели ради этого встретились в 1945 году на Эльбе и Энсе, на других реках и речушках простые американцы и русские, уцелевшие в мясорубке Второй мировой? Не попробовать ли еще раз? Господа, а с нами все в порядке? Или австриец Зигмунд Фрейд был прав, сказав: «Мы живем в очень странное время и с удивлением отмечаем, что прогресс идет в ногу с варварством».

ЗАБЫТЫЙ АДМИРАЛ

Александр Антонович Ружек

Среди военных педагогов я еще застал офицеров царской армии. Великолепная выправка, особый шик в ношении формы, глубочайшее знание своего дела, владение иностранными языками, настоящая интеллигентность, жесткая требовательность и в то же время отеческое отношение к нам, безотцовщине и деревенщине. Они были нашими кумирами и образцами для подражания, а их дворянское происхождение и служба царю нас, комсомольцев, нисколько не смущали. Мы хотели быть похожими на них и хотели узнать, как и почему в годы революции они решились стать на её сторону.

Интересуясь судьбой таких людей, я узнал, что бывший контр-адмирал А.А. Ружек умер 22 апреля 1930 года в Томске. Человек, командовавший, пусть и недолго, Балтийским флотом, герой Первой мировой и Гражданской войн, поко-

ится в нашей земле? И кто об этом знает? Хочу, чтобы знали все. Поиски мои не завершены, наверное, до конца их придется довести кому-то другому, но рассказать хотя бы об известном мне сегодня – дело моей чести.

* * *

Александр Антонович Ружек, чех по происхождению, родился 4 мая 1877 года в Кронштадте. Отец его был военным дирижером и к дворянской элите семья не принадлежала. Но чины 9-го класса (на флоте – лейтенанты) получали личное, а

А.А. Ружек

чины 6-го класса (на флоте – капитаны 1-го ранга) – потомственное дворянство. Ружек заслужил и то и другое, однако в Морском корпусе, старейшем учебном заведении, который он окончил в 1897 году, он был не совсем «свой».

По окончании корпуса служил минным офицером на кораблях Черноморского флота. В 1907 году старшего лейтенанта Ружека перевели на Балтийский флот. Вскоре – 20 апреля 1908 года – его назначили старшим офицером эсминца «Донской казак», еще через три месяца – командиром эсминца «Выносливый». Это были не самые перспективные назначения, ибо оба миноносца были далеко не лучшими по сравнению с входившими в строй новыми кораблями. И здесь необходимо пояснение.

* * *

14–15 (27–28) сентября 1905 года у острова Цусима между японским и русским флотами произошло сражение, закончившееся полным поражением нашей эскадры, потерявшей свыше пяти тысяч моряков и 27 боевых кораблей. Это был военный крах русского самодержавия.

Россия не только потеряла флот. Мы потеряли возможность догнать по кораблестроительным программам вероятных противников, прежде всего Германию. Её флот кратно превосходил Балтийский и Черноморский по количеству боевых кораблей и по их качественным характеристикам. Но Морской Генеральный штаб России, правительство и, главное, русские инженеры нашли выход из сложившегося неравенства сил, сосредоточив усилия в двух направлениях.

Первое состояло в строительстве эскадренных миноносцев высшего класса. В 1912 году для этого была создана Путиловская верфь с четырьмя тысячами рабочих. На ней в 1913 году спустили на воду уникальный эскадренный миноносец «Новик», названный так по старой морской традиции в память крейсера, затопленного командой в июле 1904 года после неравного боя с японцами. Эсминец обладал великолепными мореходными качествами, развивал немислимую по тому времени скорость в 36 узлов (более

50 км/ч), был прекрасно вооружен (четыре 102-мм пушки и четыре двухтрубных торпедных аппарата). На верфи заложили еще восемь таких кораблей, по этому проекту стали работать и другие заводы.

На Балтике была создана специальная система минной обороны, которую первоначально составляла минная дивизия, состоявшая из эсминцев, минных заградителей, тральщиков и подводных лодок. Кроме этой дивизии в состав минной обороны входили два отдельных дивизиона – восьмой и девятый, которым командовал капитан 1-го ранга А. Ружек.

С сентября 1915 года дивизией командовал А.В. Колчак, вскоре ставший контр-адмиралом, а летом 1916 года вице-адмиралом, командующим Черноморским флотом. Этот год был для него звездным годом. Пишу это, чтобы подчеркнуть – не случилось то, что произошло позднее, имя А.В. Колчака стояло бы третьим в списке лучших русских флотоводцев XX века, начинающемся именами С.О. Макарова и Н.О. Эссена. Но что было, то было, – ученый, исследователь Арктики, флотоводец, запомнился русскому народу как кровавый диктатор.

Второе направление заключалось в применении новых способов борьбы, в частности в организации заранее подготовленных минно-артиллерийских позиций (минные поля, прикрываемые артиллерийскими батареями). В этой области Россия не имела равных по великолепным кадрам и опыту обороны Порт-Артура. Не успевая в кораблестроении, наша страна сумела обогнать все державы мира в развитии минного оружия.

* * *

Владение минным оружием требовало хорошо подготовленных офицеров. Ещё в 1874 году в Кронштадте был открыт Минный офицерский класс, учебно-научное заведение, где офицерам флота давали знания, дополнявшие то, что было получено в Морском корпусе. Учебные программы класса были типично русскими. Казалось бы, будущим минным специалистам надо дать хорошую техническую подго-

товку, знание устройства и применения мин и торпед, иметь другие практические знания и навыки. Но в классе преподавались еще и солидные теоретические курсы, в том числе физика и радиофизика, математический анализ и т.д. Насыщенный и разносторонний учебный план всегда, начиная со времен М.В. Ломоносова, был принципиальной особенностью лучших вузов России, особенно вузов военных и инженерных. Отбор в класс был очень строгим, число обучающихся было невелико (до 22 в год), требования к ним – чрезвычайно жесткими. Большинство офицеров, прославивших наш флот в годы Первой мировой войны, окончили Минный класс, некоторые еще и преподавали в нем. А. Ружек окончил его, и лучшие годы его службы оказались связаны с минным оружием.

* * *

В 1913 году А. Ружек, уже капитан 2-го ранга, стал командиром минного заградителя «Амур». Этот новый корабль имел мощное вооружение, а имя унаследовал от прославленного «Амура», 20 декабря 1904 года взорванного командой, не пожелавшей отдать корабль японцам.

...В апреле 1904 года японцы отрезали Порт-Артур с суши и блокировали с моря. Блокировавшие порт японские корабли ходили по постоянному маршруту, как правило, не приближаясь к берегу ближе чем на 10–11 миль. Утром 1(14) мая 1904 года «Амур» под командованием капитана 2-го ранга Ф.Н. Иванова в сопровождении шести миноносцев вышел в море и выставил мины именно на расстоянии 11 миль от берега поперек постоянного курса японцев. На следующее утро подорвался на mine и мгновенно пошел на дно головной японский броненосец «Хацусе», вслед за ним налетел на мину «Яшима». Его взяли на буксир, но броненосец утонул в пути. Через два дня подорвалось на mine и затонуло посыльное судно «Микао». В течение последующих дней вышло из строя еще несколько японских кораблей, а «Амур» продолжил свое дело. Командующий флотом адмирал Х. Того сказал, что наступили «черные дни японского флота». Об этом мы знаем мало – трагедия Цусимы закрыла в

нашей памяти несомненные успехи русского флота в начале войны.

* * *

Успех «Амура» свидетельствовал, что умелое использование минного оружия дорогого стоит. В обычной морской артиллерийской дуэли уничтожение вражеских линейных кораблей – дело почти недостижимое. В ходе Цусимского сражения наши снаряды неоднократно попадали в японские корабли, но не потопили ни одного. А умело установленные мины утопили два прекрасных японских судна, не считая «мелочи». Вот о каком опыте задумалось русское командование перед Первой мировой войной.

* * *

К моменту назначения А. Ружека на «Амур» неизбежность войны Российской империи с Германией стала очевидной. И здесь мне придется напомнить о некоторых ныне суверенных державах. Для Ружека и его современников, особенно военных моряков, принципиальным было то, что эти страны никакими «державами» не были, входя в состав Российской империи, государю которой они присягали и были верны, пока он в феврале 1917 года не отрекся от престола и, следовательно, своего титула. А титул этот содержал не только слова: «Император и Самодержец Всероссийский, Киевский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский», но и «Великий князь Литовский, Финляндский, Князь Эстляндский, Курляндский и Семигальский, Лифляндский». Это означает, что Прибалтика и Финляндия входят в состав Российской империи и не являются самостоятельными государствами. Естественно, Ревель (Таллинн), Гельсингфорс (Хельсинки), Либава (Лиепая) были «своими городами» и наравне с Кронштадтом в течение многих лет служили важнейшими базами русского Балтийского флота.

И в то же время... У народов Прибалтики интересная и нелегкая история, но общим является то, что их государственность порождена Октябрьской революцией. Их гражда-

не имеют полное право не признавать эту революцию и не любить или даже ненавидеть её вождя, но они не вправе забыть, что документы об их суверенитете впервые подписал именно В.И. Ленин.

Финляндия... Об этой стране, об этом народе писать одновременно и легко и трудно. Трудолюбивые и талантливые люди, давшие миру изумительный эпос «Калевала», чудесные песни, сказки, руны, интереснейшую современную литературу (кто не знает – хотя бы по экранизации! – повесть «За спичками» Майю Лассилы, расстрелянного финскими белогвардейцами в 1918 году), замечательные народные мелодии, породившие талант Яна Сибелиуса, одного из музыкальных классиков XX века! Но были и сотни лет угнетения шведами, использование страны в качестве плацдарма для военных действий против России, участие белофиннов в Гражданской войне, трагические события 1939–1940 годов, выступление Финляндии против СССР в союзе с Гитлером...

В результате русско-шведской войны 1808–1809 годов Финляндия была захвачена Россией и вошла в её состав в качестве Великого княжества Финляндского, имевшего некоторую автономию и даже Конституцию. Но суверенным государством она всё же не была.

После Февральской революции, 16–17 марта 1917 года, матросы в Гельсингфорсе восстали и избрали Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. После Октябрьской революции финский сейм 6 декабря 1917 года принял декларацию об объявлении Финляндии независимым государством, и уже 31 декабря Совнарком РСФСР признал её. Вскоре был подписан договор об укреплении дружбы и братства двух стран. Решения эти принимались в сложных и противоречивых условиях, особенно важных для судьбы Балтийского флота, имевшего на территории Финляндии своими базами не только Гельсингфорс, но и Свеаборг, Або, Котку, Турку, Выборг, укрепления на многих прибрежных островах и т.д. В начале апреля в Финляндию прибыли германские войска, 14 апреля они заняли Хельсинки, позднее – Выборг, 4–5 мая – Котку.

Революция была подавлена. Тем не менее имеет место непреложный факт – впервые в истории было официально признано создание финского государства. В отличие от некоторых своих соседей финны хорошо помнят это, и, празднуя 6 декабря День независимости, не забывают вспомнить нашу общую историю.

Эстония... Когда-то её земли тяготели к Древней Руси Ярослава Мудрого, к Новгородскому княжеству, но Запад не позволял им ни войти в состав России, ни, тем более, создать независимую державу. Сотни лет эсты, ливы и куроны жили под властью то немцев, то датчан, то шведов. Борьба России за выход к Балтийскому морю, начатая Иваном Грозным, продолжилась жесточайшей Северной войной. В ходе её, 10 сентября 1710 года шведы в Ревеле капитулировали, и в 1721 году в финском Ништаде был заключен договор, позволивший объединить прибалтийские народы в составе империи Петра Первого. Подробности событий, произошедших через двести лет, – провозглашение советской власти 8 ноября 1917 года, начавшаяся 18 февраля германская оккупация, провозглашение под её прикрытием 24 февраля 1918 года Эстонской Республики, вхождение Республики в «Балтийское герцогство» (герцогом стал брат императора Вильгельма Генрих Гогенцоллерн), гражданская война, участие эстонских войск в наступлении Юденича на Петроград, приход английской эскадры в Ревель 13 декабря 1918 года, захват интервентами советских эсминцев «Автроил» и «Спартак», расстрел на острове Нарген 36 пленных моряков – увели бы нас далеко. Главное в другом: 7 декабря 1917 года был подписан «Декрет о признании независимости Эстляндской Советской Республики». Конечно, подписавшие декрет русские государственники – председатель Совнаркома В.И. Ульянов и управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич – вовсе не помышляли об отделении Эстонии от нашей Федерации, но непреложный факт имеет место – впервые в истории было признано создание эстонского государства.

Латвия... Уже к XII веку на латышских землях появились государственные образования, установившие добрые связи

с русскими княжествами, но именно в это время началась германская агрессия. Ливонский орден, захвативший к началу XIII века и Эстонию, и Латвию, на долгие годы лишил их народы государственной самостоятельности. Но, хотя в 1558–1583 годах орден был разгромлен, латышский народ не получил независимости, оказавшись в руках Дании, Швеции, Литвы, а позднее ещё и Польши.

4 (15) июля 1710 года во время все той же Северной войны Рига сдалась русским войскам. С этого момента Лифляндия вошла в состав Российской империи, а после третьего раздела Польши в неё вошла и Курляндия (западная часть современной Латвии). В 1915 году Курляндия была оккупирована германскими войсками, из Латвии тогда бежало около 800 тысяч граждан. 21 августа (3 сентября) русские войска оставили Ригу, к февралю 1918 года вся Латвия была занята немцами, включившими её во все то же «Балтийское герцогство». Острейшая борьба на территории Латвии, в которую вмешались уже не только немцы, но и державы Антанты, попытка создания Советской Латвии в декабре 1918 года, гражданская война на её территории и установление буржуазной диктатуры – не моя тема. Важно главное: 22 декабря 1918 года В.И. Ленин подписал Заявление, начинающееся словами: «Российское советское правительство признает независимость Советской Республики Латвии». Непреложный факт имеет место – впервые в истории было признано создание латышского государства.

Но, повторяю, до декабря 1918 года эти три государства входили в состав единой и неделимой Российской империи.

Моряки чувствовали себя там не в заграничной командировке, а дома, снимали квартиры и дачи, жили со своими семьями. Например, Александр Антонович Ружек жил в Гельсингфорсе со своей красавицей Евгенией Митрофановой, увы, как раз в год его возвращения на Балтику оставившей мужа. Здесь я должен извиниться перед читателем и сказать, что все факты о морской и гражданской службе А. Ружека известны мне из различных, но достойных доверия источников. Но о его семье мне не удалось узнать почти ничего – время тогда было иное, эта тема не привлекала

внимания ни серьёзной публицистики, ни интеллигентных людей, ни морских офицеров. Еще раз повторю – меняются времена, меняются люди и интересы, меняются представления о тактичности и пошлости.

* * *

Первая яркая страница жизни нового «Амура» под командованием А. Ружека связана с мировой войной. Но прежде, чем рассказать об этой странице, необходимо сказать несколько слов о Балтийском флоте. В начале 1917 года он насчитывал около ста тысяч человек, в том числе около восьмидесяти тысяч матросов. Флот имел до 700 боевых и вспомогательных кораблей. С 23 декабря 1917 по 14 марта 1918 года им командовал контр-адмирал А.А. Ружек.

Флот был силой, показавшей себя в борьбе с корниловским мятежом, в защите Моонзундских островов от германского флота в сентябре – октябре 1917 года, в критические дни Октября. С ним не могли не считаться ни сторонники революции, ни её противники.

* * *

Напомню некоторые предшествующие события.

Мировая война началась после того, как 28 июня 1914 года в Сараево был убит наследник австрийского престола Франц-Фердинанд. О первых месяцах войны на суше коротко рассказано далее в очерке «Путь на Панкрац». А как шли дела на море?

* * *

За семь лет до начала войны моряки разработали концепцию обороны Санкт-Петербурга с моря. Строительство соответствующей системы началось в 1912 году. Линия защиты столицы начиналась у входа в Финский залив со стороны Финляндии, продолжалась до Ревеля и далее до островов Моонзундского архипелага. Участок между Порккала-Удд и островом Нарген предполагалось в случае войны закрыть минами, оставляя его в мирное время открытым.

Ранняя постановка мин могла повредить торговле, кроме того, Николай II, надеясь на мирное развитие событий, опасался, что постановка мин в мирное время спровоцирует Германию.

* * *

15 (28) июля началась постановка мин у Кронштадта. В этот же день были погашены все внешние маяки. В ночь на 17 (30) июля командующий флотом Н.О. Эссен объявил на флоте боевую готовность и обратился к морскому министру за разрешением на постановку мин у входа в залив. Не получив ответа, он телеграфировал: «Прошу сообщить о политическом положении. Если не получу ответ сегодня ночью, утром поставлю заграждение». Эссен опасался прорыва германского флота в Финский залив, где наши корабли не смогли бы задержать врага. Он был убежден, что если не предупредить немцев, то последствия могут стать необратимыми. Не получив ответа, адмирал на свой страх и риск приказал 17 (30) июля начать постановку мин. Заградители «Амур», «Енисей», «Ладога» и «Нарова» в 5 часов утра приступили к делу. В течение четырех часов в восемь линий было поставлено 2124 мины. А когда это было сделано, из морского штаба поступил сигнал о постановке минного заграждения. Эссен не побоялся возможного недовольствия императора, а Ружек и остальные командиры заградителей были исполнительными офицерами. Вход в Финский залив стал практически невозможным для германского флота. За день до объявления войны морская дорога к столице империи была надежно прикрыта. А когда несколько германских

Н.О. Эссен

кораблей все же преодолели заграждение, то четыре из них погибли на минах, выставленных все тем же «Амуром» точнее Гогланда.

Наши заградители поставили мины ещё и на подходах к Мемелю и Пиллау, кроме того, «Амур» вместе с другими кораблями установил около пятисот мин в проливах Моонзундского архипелага. На этих минах подорвался и вскоре затонул броненосный крейсер «Фридрих-Карл», причем немцы решили, что это не русские мины, а английская подводная лодка. Германское командование вынуждено было увести свои крейсера от выходов из Финского залива. Воспользовавшись этим, «Амур» и сопровождавшие его «Рюрик», «Олег» и «Богатырь» прошли незамеченными севернее Готланда и вечером были за Данцигом. Отделившись от крейсеров, «Амур» под командой Ружека утром 19 ноября выставил 240 мин на пути между Данцигом и Килем. На следующий день полудивизион эсминцев «засорил» выход из Данцигской бухты.

Затем, в течение шести дней, начиная с 17 ноября, «Амур» поставил минное заграждение в виде двух линий по 120 мин в каждой на путях германского флота в пятидесяти километрах от прусского берега и примерно в четырехстах от своей базы. Корабли прикрытия добавили к ним еще около двух сотен мин. Работу минного заградителя прикрывали крейсера «Рюрик», «Богатырь», «Олег» и две подводные лодки. Погода была неподходящая, качка доходила до 20 градусов. «Амур» вынужден был уменьшить ход до 8 узлов, но дело свое сделал. Ружек понимал, что постановка мин в районе абсолютного господства противника не только опасна, но может оказаться бессмысленной – если работу заградителя заметят, то либо протралят этот участок, либо будут его обходить. Немцев надо было обмануть! И двухтрубный «Амур» поставил фальшивую третью трубу, став похожим на крейсера сопровождения. Обман удался, операция прошла успешно. В марте 1915 года на этом заграждении погибло несколько немецких кораблей. Немецкое командование не могло поверить, что это дело рук русских минзагов, и берлинские газеты сообщили, что на Балтике

действуют британские подводные лодки¹. А Александр Ружек 24 декабря 1914 года был награжден Георгиевским крестом «в воздаяние за доблесть, проявленную при выполнении операции большого боевого значения в исключительно тяжелых условиях». Позднее его наградили Георгиевским оружием², мечами к орденам св. Станислава и св. Анны, орденами св. Владимира IV степени, св. Станислава второй степени, Анны II степени. И было за что. Тут бы надо рассказать, как вскоре на этом же заграждении немцы потеряли еще два корабля, как великолепно действовал «Амур» под командованием А. Ружека в Моонзундской операции августа 1915 года, как в 1916 году при входе в Финский залив на передовой минной позиции в одну ночь погибли 7 германских эсминцев, как отряд минных заградителей участвовал в героической обороне островов Моонзундского архипелага в октябре 1917 года, когда противник, потеряв около тридцати кораблей, все же не смог прорваться в Финский залив и выйти к Петрограду, о том, что на русских минах в 1914–1918 годах германский и турецкий флоты потеряли около 60 военных кораблей, но об этом написано и даже показано в кино немало. О главном же деле адмирала Ружека рассказать необходимо.

¹ Именно в этом районе 30 января 1945 г. подводная лодка С-13 под командованием капитана 3-го ранга А.И. Маринеско торпедировала германский лайнер «Вильгельм Густлов». Вот такие бывают совпадения! И еще одно удивительное совпадение. В ночь на 8 августа 1941 г. советские самолеты под командованием полковника Е.Н. Преображенского впервые в истории Второй мировой войны бомбили Берлин. Немецкая ПВО посчитала наши самолеты за свои, огня не открывали, светомаскировки не было. Но объявили, что это был налет англичан – русские такого не могут!

² В мемуарах некоторых офицеров, служивших во флотах Белой армии, отмечено, что адмирал Ружек был человеком нерешительным и чуть ли не робким. В связи с этим замечу, что на эфесе его золотого кортика написано «За храбрость», а в положении об этой награде сказано, что офицеры удостоиваются её за «выдающиеся подвиги, требующие несомненного самопожертвования».

* * *

Минзаг «Амур» известен не только военными действиями. Все знают, что сигналом к штурму Зимнего дворца¹ послужил выстрел бакового шестидюймового орудия (этот выстрел не совсем грамотно, но красиво называют «залпом»). Кстати, напомним, что выстрел был холостым. Снаряд 6-дюймовой пушки весит более сорока килограммов, а промахнувшись, стреляя по Зимнему от Николаевского моста, мудро. Что стало бы с дворцом, если бы в порыве классово-ненависти и революционного энтузиазма «бабахнула шестидюймовка авророва» боевым снарядом?

Естественно, «Аврора» стала символом революции, а о том, что Центробалт послал в Питер для поддержки революции не только один этот крейсер, а пятнадцать боевых кораблей, известно куда меньше. Всего же с 25 октября (7 ноября) по 2 (15) ноября флот направил в район Петрограда свыше 40 кораблей и свыше 15 тысяч матросов. Крейсер «Аврора» встал на Неве у Николаевского моста, а напротив, у правого берега, – минзаг «Амур». Он доставил тогда для участия в штурме Зимнего дворца триста матросов. Позднее амурцы охраняли Смольный, дрались едва ли не на всех фронтах Гражданской войны.

* * *

После февраля на флоте возникли матросские комитеты, в конце апреля для координации их деятельности был создан Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) – высший выборный революционно-демократический орган матросских масс. Председателем этого разнородного органа (анархисты, эсеры, большевики, беспартийные) избра-

¹ Ныне часто говорят, что никакого штурма не было, пишут слова штурм Зимнего в кавычках, нередко добавляя «так называемый». Но военное искусство как раз и обязывает штурмующих собрать силы и подготовить штурм так, чтобы противник сложил оружие, понимая бессмысленность сопротивления. Так и случилось в октябре 1917 г. Можно не признавать Октябрьскую революцию, но не признавать военный талант её организаторов, по меньшей мере, неграмотно.

ли большевика с 1912 года матроса Павла Ефимовича Дыбенко.

В начале лета состоялся Первый съезд Балтийского флота, провозгласивший Центробалт высшим органом власти на флоте. С политической точки зрения это решение разумно – только так матросы могли бороться за власть Советов. С военной же – безграмотно, ибо военная организация, особенно флот, не может управляться коллегиально, тем более, что война не прекращалась, германский флот вел активные действия. Офицеры и адмиралы, понимая это, не подчинялись Центробалту и саботировали его распоряжения. В июле 1917 года А. Керенский распустил Центробалт, Дыбенко и его товарищи были арестованы, единоличное командование флотом укрепилось. Второй состав Центробалта также был распущен. Третий состав принял решение о независимой от Временного правительства политической платформе, а 19 сентября (2 октября) объявил о непризнании власти Временного правительства и невыполнении его распоряжений. 16 (29) октября четвертый состав Центробалта взял на себя руководство сохранением боеспособности флота и обороной Петрограда, фактически став штабом по подготовке вооруженного восстания. В ночь на 25 октября (7 ноября) Центробалту Военно-революционный комитет послал знаменитую телеграмму: «Центробалт, высылай устав». «Устав» выслали – в Питер ушла «Аврора» и другие корабли.

Не только адмиралы и офицеры, но и многие матросы понимали нелепость ситуации с коллегиальным командованием. Понимало это и новое руководство страны. И 14 (27) ноября 1917 года Совнарком создал Верховную морскую коллегия в составе П.Е. Дыбенко, капитана 1-го ранга М.В. Иванова¹, занимавшего должность управ-

¹ Деталь в духе времени. Когда Керенский решил уволить М.В. Иванова, героя русско-японской и Первой мировой войн, моряки постановили: «Капитану 1-го ранга Модесту Иванову предложить остаться начальником бригады, а всякого, вместо него назначенного, выбросить за борт». М. Иванов стал первым советским адмиралом. С 1924 г. он служил в торговом флоте. Умер в блокадном Ленинграде в 1942 году.

ляющего Морским министерством, и матроса линкора Черноморского флота «Евстафий» В.В. Ковальского.

На проходившем в Петрограде 18–25 ноября (1–8 декабря) 1917 года Первом Всероссийском съезде военного флота коллегия была реорганизована и издала жесткий приказ: «Всем служащим морского ведомства, во исполнение чаяний и требований народа, верховная коллегия предписывает немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Не приступившие к своим обязанностям увольняются со службы и будут преданы суду как враги народа. Подписал управляющий Морским министерством капитан 1-го ранга Модест Иванов».

Но от офицеров, даже и принявших к исполнению приказ М. Иванова, проку на революционном флоте было мало, что, в общем-то, понятно не только политически, но и чисто по-человечески – трудно кадровым морским офицерам исполнять указания вчерашних нижних чинов! А с декабря 1917 года должность командующего упразднили вообще и общее руководство флотом взял на себя Центробалт в лице его председателя, члена всех первых четырех созывов матроса Н.Ф. Измайлова.

23 ноября приказом № 33 по флоту А. Ружеку было присвоено звание контр-адмирала. Матросы знали его не только по отчаянной храбрости при постановке мин под носом у противника и в боях по обороне Рижского залива. Многие его качества позволили им уже в начале ноября избрать своего каперанга депутатом Гельсингфоргского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Избрание поддержал депутат Дыбенко. Члены Центробалта понимали, что революционному флоту нужен не только революционный порыв, но еще и владение военно-морской наукой, и поддерживали назначение контр-адмирала на должность своего военного руководителя. С 23 декабря 1917 до 14 марта 1918 года Ружек исполнял одновременно функции командующего флотом (тогда это называлось словом «наморси», т.е. «начальник морских сил») и начальника штаба флота. Впрочем, Центробалту выбирать не приходилось – командиры кораблей и соединений в лучшем случае соглашались

служить новой власти, но уж активно бороться за неё, взяв на себя еще и полную ответственности, – увольте. Немалую роль в решении моряков сыграл и мужественный шаг Александра Антоновича, отвративший от него немало друзей и во многом определивший его дальнейшую судьбу. Он обратился к своим товарищам, морским офицерам, с призывом поддержать демократические преобразования на флоте, с призывом о поддержке новой власти. Этого шага ему не простили. Сорокалетний моряк прекрасно знал, на что он идет, соглашаясь вступить в очень небольшой круг новых советских адмиралов. Чего только тогда и потом не писали о нем в белой и эмигрантской литературе – и робок, и нерешителен, и «заискивал перед наглым и глупым Измайловым», и даже «контр-адмиралом он стал не по закону, а избран командой». Никто, правда, не писал о том, что вопрос об обеспечении боеспособности флота был не только вопросом о власти – война с Германией еще шла, значит, русским морским офицерам надо было, прежде всего, защищать Родину.

* * *

Анархистский пятый состав Центробалта распустили, и 4 марта 1918 года был создан Совет комиссаров Балтийского флота (Совкомбалт), совещательный орган, состоявший из 9–19 выборных членов во главе с Главным комиссаром флота, которым, естественно, стал Н. Измайлов. Конечно, идея коллегиальности в управлении флотом и на этот раз встретила резкое сопротивление большинства офицеров, даже согласившихся служить новой власти. В Гельсингфорсе собрание офицеров потребовало отменить приказ об упразднении должности командующего, угрожая сложить свои полномочия. 20 марта должности наморси занял и пробыл ней до 26 мая А.М. Щастный. После его ареста должность занял контр-адмирал С.В. Зарубаев. Контр-адмирал А. Ружек в это время был уже далеко от Балтийского флота.

* * *

Финский залив Балтийского моря уже в ноябре начинает замерзать, в феврале – марте толщина льда достигает восьмидесяти сантиметров, а иногда и больше. Зимой 1917/18 года Ревель и Гельсингфорс, где находились основные силы флота, оказались отделенными друг от друга и от Кронштадта крепким ледовым покровом. В иное время в этом не было бы ничего тревожного, и сохранность кораблей удавалось обеспечить.

Но в феврале 1918 года обстановка сложилась далеко не в пользу флота. Брестские переговоры были прерваны, германские войска начали наступление в Прибалтике, возникла угроза захвата части флота, находившегося в Ревеле. Техническое состояние кораблей было низким, некомплект экипажей составлял 50 процентов. Морской Генеральный штаб (начальник – капитан 1-го ранга Е.А. Беренс¹) разработал план спасения кораблей. 17 февраля Центробалт получил директиву о переходе всех кораблей, которые могут быть проведены в колотом льду, из Ревеля в Гельсингфорс, где власть пока принадлежала революционному правительству. 19 февраля корабли в сопровождении ледоколов «Ермак», «Вольнец» и «Тармо» начали выходить из Ревеля. 25 февраля в Ревель вступили германские войска, но большинство остававшихся к этому времени кораблей, несмотря на обстрел, успело выйти на внешний рейд. 27 февраля 1918 года были взорваны батареи на островах Нарген и Вульф.

Представляю чувства адмирала А. Ружека, руководившего этой частью Ледового похода, когда он отдал команду на уничтожение детища своего кумира Николая Оттовича Эс-

¹ Евгений Андреевич Беренс (1876–1928), капитан 1-го ранга, старший штурман легендарного крейсера «Варяг». 15 (28) декабря 1908 года, будучи старшим офицером броненосца «Цесаревич», участвовал в спасении жителей г. Мессины во время землетрясения. С ноября 1917 по апрель 1919 г. – начальник Морского Генерального штаба, затем – командующий Морскими силами Республики (до февраля 1920 г.), уполномоченный по особо важным поручениям РВС Республики, дипломат.

сена, частицы той оборонительной системы, которую он сам создавал!

К 5 марта 58 судов, в том числе пять крейсеров, три подводные лодки и 10 тральщиков прибыли в Гельсингфорс, потеряв при переходе раздавленную льдом подводную лодку. Но это не означало спасения флота. В Финляндии появились германские войска. Балтийский флот оставался под угрозой захвата. Совет комиссаров Балтфлота 6 марта разработал план перехода кораблей в Кронштадт. 12 марта отряд из четырех линкоров и трех крейсеров под командованием С. Зарубаева, вышел из Гельсингфорса. Форсируя тяжелые льды (торосы – до трех метров) при сильном ветре и тумане, двигаясь только днем, отряд, пройдя 330 километров, прибыл в Кронштадт. Но 21 марта белофинны захватили ледокол «Тармо», через неделю «Вольнец» и заняли острова в Финском заливе. 3 апреля у Ханко высадился германский десант. Германское командование заявило, что 12 апреля займет Гельсингфорс, и предложило кораблям саморазоружиться. Нашим морякам пришлось взорвать в Ханко четыре подводные лодки и плавбазу и потопить в Гельсингфорсе семь подводных лодок и четыре вспомогательных судна. Из Петрограда в Гельсингфорс на выручку военному флоту с боями прорвался эшелон с 500 моряками торгового флота. Они были распределены по кораблям, обеспечив выход из Гельсингфорса 5 апреля второго отряда (два линкора, два крейсера, две подлодки). Преодолевая большие трудности, корабли дошли до острова Родшер, где были встречены «Ермаком» и крейсером «Рюрик». 10 апреля отряд достиг Кронштадта. С 7 по 12 апреля пятью эшелонами в сопровождении ледоколов «Город Ревель» и «Силач» из Гельсингфорса вышел самый большой отряд (более ста пятидесяти единиц). Командовал им А.М. Щастный. Отряд пробился в район Бьёркё, 13 апреля его встретил вездесущий «Ермак», сопроводивший корабли до Кронштадта. Последний эшелон прибыл в Кронштадт 22 апреля. Вскоре в Кронштадт пришли 30 вспомогательных судов из Выборга и Котки, последние 24 корабля вырвались из Гельсингфорса и благопо-

лучно пришли в Кронштадт уже в начале мая. Всего удалось спасти 236 кораблей и судов (в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев, 12 подводных лодок), 11 судов финских красногвардейцев, не считая линкора и трех крейсеров, переведенных в Кронштадт еще в ноябре – декабре 1917 года. Корабли эти сыграли большую роль в обороне Петрограда и действиях на других театрах Гражданской войны, а в дальнейшем послужили основой боевой мощи не только Балтийского флота, но и других флотов СССР.

В описаниях Ледового похода и поныне содержится масса противоречий и неточностей. Наверное, мой рассказ тоже не свободен от них. Но есть вещи бесспорные и есть те, что вызывают споры. Бесспорны мастерство командиров, блестящие действия ледоколов, мужество офицеров и матросов, бесспорен сам факт спасения флота в невероятно тяжелых условиях. Очевиден и факт разработки плана похода Морским Генеральным штабом. Роль же многих прочих высших должностных лиц трактуется ныне, к сожалению, с поправками на их будущую судьбу. Есть моряки с трагической судьбой. А. Щастный расстрелян по настоянию Л. Троцкого (это был первый судебный смертный приговор в Советской России). Расстрелян был и С. Зарубаев. Естественно, о них помалкивали, но после недавней реабилитации молчат и о колебаниях А. Щастного накануне похода. А он предлагал отложить выход флота до весны, надеясь, что с немцами и финнами удастся договориться – формально по Брестскому договору флот не переходил к немцам, а только разоружался, т.е. фактически переставал быть военной силой, многие считали этот вариант лучшим, чем передача кораблей большевикам. Щастный уволил значительную часть личного состава – незачем содержать полные команды, пока корабли стоят в зимних замерзших гаванях, а кормить матросов, в общем-то, нечем. Щастному, естественно, приписывали саботаж. Сегодня (сегодня!) очевидно, что план Щастного вел к потере флота. Но ни изменником флоту, ни сторонником большевиков ни Щастный, ни Зарубаев не были, они просто и до начала похода и в трудней-

шие апрельские дни стремились честно исполнять свои обязанности так, как они их понимали. Поэтому об их несомненных заслугах говорить было не принято.

Не очень верю в преданность идеям коммунизма Е. Беренса, его помощника контр-адмирала В. Альтфатера, ставшего позднее командующим Морскими силами Республики, начальника одного из отрядов контр-адмирала А.П. Зеленого, в 1919 году тоже исполнявшего должность наморси, да и многих других высших офицеров. Но у настоящих русских офицеров существовала традиция служения Отечеству, они понимали, что высшая власть и порядки в стране могут меняться, но задачи армии и флота неизменны – они обязаны защищать народ при любых обстоятельствах. Врожденное и воспитанное у большинства офицеров понятие чести не позволяло им отказаться от этой традиции и от своего долга.

Другое дело – партийные выдвиженцы, работавшие в Центробалте, а после его роспуска – в Совете комиссаров флота. 18 февраля главным комиссаром флота стал Н.Ф. Измайлов, 23 марта на этом посту его сменил Е.С. Блохин. Для большинства это были «свои ребята», именно они через судовые комитеты и партийные организации осуществляли реальную власть и подготовку флота к перебазированию. Они не очень-то доверяли каперангам и адмиралам, в том числе А. Щастному, но почти «своим» считали контр-адмирала А. Ружека, входившего в состав Центробалта в качестве начальника Военного отдела. Именно они трое – Измайлов, Блохин и Ружек – обеспечили выполнение первой части директивы Е. Беренса – перебазирование кораблей флота из Ревеля в Гельсигфорс, первые двое – чисто практическую, включая работу с нелегко управляемой в то время матросской массой, а третий – морскую, штурманскую, оперативную. Не могу не заметить, что ни о ком из них ныне почти не вспоминают.

* * *

Когда обстановка в Финляндии резко осложнилась, произошло нечто неожиданное. Адмирал Ружек, был с флота уволен и 23 марта зачислен в Наркомат иностранных дел. 9 апреля Ленин назначил его генеральным консулом России в Гельсингфорсе. Не знаю, кому принадлежала идея этого назначения, но ход был точным. И дело, конечно, не в том, что у нового консула в столице Финляндии сохранилась квартира и масса связей среди влиятельных жителей Хельсинки, а в том, что глава Финляндии барон Карл Густав Эмиль Маннергейм (в будущем – один из организаторов блокады Ленинграда¹) и руководство германскими войсками не стали бы разговаривать с «матроснёй», во встречах же с адмиралом, свободно владеющим не только финским, но и немецким языком, не говоря уж об обязательном для моряка английским, сохранившим офицерскую статью, дворянскую культуру и русскую интеллигентность, да еще и лично знакомым с генералом-лейтенантом Маннергеймом, отказать было трудно. И Ружек сумел этим воспользоваться, продемонстрировав неплохие дипломатические способности. Основные силы флота к тому времени уже ушли из Финляндии. Но часть кораблей оставалась в портах нового государства. На начавшихся переговорах Александр Антонович, преодолев массу трудностей, сумел в мае и первой половине июня обеспечить вывод из финских портов и переход в Кронштадт еще восьми миноносцев, минного заградителя, учебного судна и нескольких вспомогательных судов. Но об этих заслугах Александра Антоновича тоже не очень-то говорят. А чего было говорить до 1991 года о бывшем адмирале, имевшем неплохие отношения со многими другими «бывшими», включая адмиралов М. Кедрова, А. Непенина, С. Зарубаева и даже самого А. Колчака! А после падения советской власти говорить о Ружеке, верном её слуге, стало вовсе неинтересно. Вот если бы его репрессировали – иное дело.

¹ 21 апреля 2009 г. Д.А. Медведев возложил цветы к его могиле, еще раньше это сделал В.В. Путин.

* * *

Дипломатическая карьера адмирала оказалась недолгой, через год он вновь понадобился флоту, но уже речному. Но тут надо напомнить, что в годы Гражданской войны в России возникали самые, казалось бы, нелепые ситуации, происходили самые удивительные события. Балтийские и черноморские матросы создавали кавалерийские эскадроны. По Волге плавали эсминцы Балтийского флота «Прыткий», «Прочный», «Ретивый» и «Поражающий». 2 августа 1918 года они вышли из Кронштадта в Нижний Новгород через Мариинскую систему, в те годы абсолютно непригодную для проводки морских кораблей. В некоторых местах глубины на этой системе едва достигали двух метров, а осадка эсминцев составляет два метра с четвертью. Но «голь на выдумки хитра»: на корабли погрузили минимум топлива, откачали балластную воду, сняли и отправили по железной дороге орудия. 24 августа эсминцы прибыли на Сормовский завод. Там на них вновь установили орудия – создавалась Волжская военная флотилия, в которой только эта четверка, да еще несколько тогда же пришедших по Мариинской системе кораблей (всего летом и осенью 1918 года на Волгу и Каспий пришло около 30 судов, в их числе были даже две подводные лодки) имела прямое отношение к военному флоту. Всё остальное – малоправдоподобно. «Канонерскими лодками» были названы бывшие колесные буксиры «Царицын», «Бурлак», «Белая акация», «Добрый», «Дельфин» и несколько других. Флагманским судном стал буксир «Ваня» («Ваня-коммунист»), на котором, как и на других буксирах, выломали внутренние помещения для фундаментов под два 75-миллиметровых и одно 47-миллиметровое морских орудия, бронировали рулевую рубку и котельное отделение, установили на треногах шесть пулеметов. Морских орудий на всех не хватало, на палубы устанавливали 76-миллиметровые горные и полевые пушки. На баржи «Теща», «Тезей», «Финляндия» установили более солидную (до 130 мм) артиллерию, их называли плавбатареями. Нефтеналивная баржа, ведомая буксиром «Андрей Ключин», переименованным в

«Матрос-летчик», была базой авиаотряда из четырех гидросамолетов. К бортам баржи приделали кронштейны, на них закреплялись спуски для вывода гидросамолетов на воду. Летчики и техперсонал отряда размещались на пассажирском пароходе «Вера».

23 августа 1918 года командующим флотилией назначили Федора Федоровича Раскольниковца, еще в июне начавшего её формирование, его заместителем стал матрос Балтфлота Николай Маркин, культпросветотделом руководила жена Раскольниковца Лариса Михайловна Рейснер. В сентябре флотилию разделили на две, Волжскую и Камскую. Камскую возглавил Н. Маркин. 1 октября канонерская лодка «Ваня» («Ваня-коммунист»), на которой находился Маркин, и миноносец «Прыткий» попали в засаду у Пьяного Бора (ныне Красный Бор Агрызского района Татарстана). Маркин погиб вместе с канонеркой. Но белую флотилию на Каме удалось уничтожить – количественно превосходство красной Камской флотилии над белой было значительным (у Маркина было более двадцати судов, гидросамолеты, большая обеспеченность топливом и боеприпасами).

* * *

Подробный рассказ о действиях флотилии едва ли нужен здесь, напомним лишь главное. С августа 1918 года флотилия начала боевые действия на Волге и Каме, приняла участие в боях под Свияжском, в освобождении Казани, Вольска, Сызрани, Самары и других городов Поволжья, участвовала в обороне Царицына. В 1919 году на реках Каме, Белой и Уфе флотилия поддерживала части 2-й, 3-й и 5-й армии при обороне против войск Колчака и в последовавшем контрнаступлении, взятии Чистополя и Сарапула, в обеспечении переправы частей Красной Армии через Белую и Уфу. Интересна судьба некоторых моряков флотилии. На «Ретивом» служил Вильям Генрихович Фишер (Рудольф Абель, известный советский разведчик). На канонерской лодке «Красное знамя» продолжал службу, начатую еще в 1914 году в Севастополе, будущий участник Гражданской войны в Испании, командующий Черноморским флотом

адмирал Николай Ефимович Басистый. Некоторые черты Л. Рейснер воплощены Всеволодом Вишневским в образе комиссара в «Оптимистической трагедии». Сам будущий автор сценария фильма «Мы из Кронштата» был пулеметчиком на «Ване-коммунисте».

Всё это время Ружек руководил комиссией Нижегородского военного порта, обеспечивавшей прием и ввод в боевой строй судов речного флота. Но в начале 1920 года, когда отпала необходимость в его профессиональной работе на Волге, Александр Антонович получил назначение на неожиданную должность, исполнение которой составило главное после Ледового похода дело его жизни.

* * *

Об этих новых, по существу гражданских страницах биографии военмора Ружека можно рассказать, лишь вспомнив трагические события 1921–1923 годов, не совсем точно называемые голодом в Поволжье. Действительно, Южный Урал и Поволжье пострадали тогда больше других, но голод охватил не только 35 губерний Советской Республики, где голодало не менее 40 миллионов человек (погибло около пяти миллионов), но и Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию, Польшу, Румынию и даже Чехословакию и Австрию. О том времени написано много, есть книги и статьи о роли «Помгола» (Комитета помощи голодающим), руководимого М.И. Калининым, о конфискации церковного имущества для закупки хлеба за границей, о МежрабпOME (Международном комитете рабочей помощи, созданном по инициативе Коминтерна), о деятельности ряда американских организаций, о комитете, созданном благороднейшим человеком, норвежским полярником Фритъофом Нансеном и т.д. Известно также о позиции ряда государств мира, наиболее четко сформулированной в Лиге наций представителем Королевства сербов и хорватов бывшим (1916–1919 годы) посланником Сербии в России Мирославом Спалайковичем: «Мы не дадим ни пенни этим парням из Москвы. Из двух зол – голода и большевизма – я считаю последний худшим».

* * *

Но мне не удалось найти почти ничего о помощи сибиряков голодающим губерниям. К их числу относилось и Поморье. Изгнанные с Красной Армией с нашего севера правительство генерала Е.К. Миллера и интервенты во главе с генералом Э.У. Айронсайдом¹, оставили эту часть России на краю гибели, запасы продовольствия были исчерпаны, люди голодали. Москва и Петроград не могли им помочь, так как там на рабочего приходилось всего по полфунта хлеба, голодало и Поволжье. К тому же железная дорога Москва – Архангельск была полуразрушена, не было вагонов, паровозов, топлива. А в Западной Сибири в то время имелся хлеб. Доставить его в Архангельск мог только водный транспорт.

Для снабжения продовольствием жителей севера европейской части России правительство решило организовать Карскую (в некоторых документах – Сибирскую) товарообменную экспедицию. Скромный опыт обмена товарами с Европой через Обь – Карское, Баренцово, Норвежское и Северное моря у сибирских купцов уже был, первая такая экспедиция состоялась еще в 1878 году. Но размах этих попыток был невелик. В 1920 году требовался иной подход. Задача экспедиции была значительно шире осуществления помощи голодающим. Это был первый в истории мореплавания опыт проводки транспортных судов во льдах с помощью ледоколов, первая удачная попытка реализовать идеи С.О. Макарова. Эта была и одна из первых попыток прорыва экономической блокады Советской России, причем попытка успешная. Суда, осуществлявшие морскую часть экспедиции, ходили не только в Архангельск, но еще и в Ливерпуль, Гамбург, Тромсе и другие порты Великобритании, Германии, Норвегии. Там, выгрузив пушнину, кожевенное сырьё, конский волос,

¹Айронсайд Эдмунд Уильям (1880–1959), участник англо-бурской и Первой мировой войн, главнокомандующий оккупационных войск Антанты на севере России, создатель нескольких концентрационных лагерей, за что получил титул барона Архангельского. Между войнами служил в Венгрии, Иране, Индии. С 4 сентября 1939 г. – начальник Имперского Генерального штаба, в 1941 г. по настоянию У. Черчилля отправлен в отставку.

шерсть, графит, асбест (но, конечно, не хлеб!) на десятки миллионов рублей золотом, они загружались охотничьим снаряжением, сельхозмашинами и оборудованием, ибо, как было сказано на одном из заседаний Совнаркома, «главное теперь получить, и притом немедленно, товарный фонд для обмена с крестьянами». В список товаров, закупаемых для крестьян на золото и меха, входили не только сенокосилки и культиваторы, но и вилы, плотничьи топоры и напильники – не изготавливали их в 20-м году в России! Значительную роль в организации международного товарообмена сыграло тогда акционерное торговое общество All Russian Cooperative Society Limited, учрежденное в июне 1920 года в Лондоне советскими кооператорами (настоящих дипломатических отношений с Советской Россией еще не было, но кооператоры прорывали блокаду). Напомню, что позднее, в мае 1927 года английская полиция совершила налет на лондонский офис этого общества. Вместе с другими антисоветскими акциями (нападения на наши представительства в других странах, убийство полпреда в Польше П.А. Войкова и т.п.), налет едва не спровоцировал войну против СССР. Кстати, именно тогда по воле томичей, собравшихся на огромный антивоенный митинг, у нас появилась улица Войкова – в его гибели многие видели аналог сараевского убийства.

* * *

Речные суда экспедиции должны были собрать зерно и другие сельскохозяйственные товары у жителей сел по берегам сибирских рек, чтобы затем сплавить грузы в устья Оби и Енисея и перегрузить их на морские пароходы, которые в сопровождении ледоколов из Архангельска шли в Обскую губу навстречу речным судам. Но еще шла Гражданская война, страна находилась в кольце экономической блокады, после разгрома армии Колчака речного флота в Сибири не существовало, лишь на речных плесах стояли разбитые бесхозные суда. Их надо было за короткий срок подготовить к легкой работе. Мало того, хлеб приходилось завозить с верховьев Оби и верхнего Иртыша, где еще хозяйничали белогвардейцы.

2 апреля 1920 года Сибревком организовал комитет Северного морского пути. Комитет постановил организовать Сибирскую хлебную экспедицию. Её возглавил А.А. Ружек. Ещё 12 февраля 1920 года правительство назначило его старшим морским начальником Обь-Иртышского района. Его помощниками стали речной капитан П.Б. Каминский и военный моряк Б.В. Обухов. Они были главными организаторами нескольких экспедиций.

Уже в июле 1920 года председатель Сибревкома Иван Никитич Смирнов информировал Ленина о том, что «все товары подготовлены, упакованы и через две недели пойдут в устье Оби». В дальнейшем именно этим путем, а не по железной дороге доставили более 90 % вывезенных из Сибири продуктов и товаров. Первый караван вышел из Омска 5 августа 1920 года, почти одновременно второй караван отправился из Новониколаевска. Всего на север ушли шесть пароходов и пятнадцать барж. На них было без малого 10 тысяч тонн хлеба, более тысячи тонн жиров. Навстречу из Архангельска 7 августа под командованием выдвигенца С.О. Макарова, штурмана ледокола «Ермак» в годы Гражданской войны Михаила Васильевича Николаева вышли морские суда во главе с ледокольным пароходом «Георгий Седов». Не стану рассказывать о трудностях, испытанных моряками, речниками и всеми, кто осуществил экспедицию. Сложности с топливом, с продовольствием, с погодой – штормы, ливни, снегопады. Самой трудной оказалась перегрузка с речных судов на морские – ведь почти всё делалось вручную. Но в течение 28 августа – 20 сентября работа была завершена, в октябре хлеб поступил в Архангельск, а речные суда вернулись домой с товарами для крестьян, вполне оправдывая эпитет «товарообменная». В ноябре 1920 года Сибревком постановил наградить каждого участника экспедиции пудом муки.

Позднее такие экспедиции стали ежегодными, положив начало освоению Северного морского пути, но первые шаги в их организации были по-своему уникальными. А Александр Антонович, ставший с 1 июня 1920 года ещё и начальником экспедиции Северного морского пути при Сиб-

ревкоме, исполнял свои ответственные должности до апреля 1921 года, когда его назначили старшим морским начальником Западного района Черного моря.

* * *

В в 2011 году газета «Красное знамя» опубликовала очерк об адмирале Ружеке. Через день мне позвонила Светлана Федоровна Вершинина, еще в начале семидесятых годов слушавшая мои лекции в пединституте.

– Прочитала вашу статью о Ружеке. Наверное, вам будет интересно, что дед моего мужа участвовал в Карских экспедициях?

Матвей Евдокимович Вершинин многие годы служил механиком парохода «Михаил Фрунзе». Сын Светланы Федоровны Вася (сегодня уже не Вася, а Василий Александрович, сотрудник факультета журналистики Томского государственного университета) ещё в 2003 году, будучи учеником 11-го класса Нелюбинской средней школы, написал солидный реферат «Участие речников п. Моряковский затон в Карских морских товарообменных экспедициях». Разумеется, через день после нашего разговора я уже читал этот очень приличный труд. Конечно, основное его содержание мне к тому времени было известно, но в оценке масштабов работы речников я ошибался, а уж о многих деталях просто не знал. Фамилии капитанов, механиков, лоцманов, штурманов, матросов, внуки и правнуки которых и поныне живут в Томске и Моряковке, с некоторыми я знаком... Названия десятка пароходов вместе с двумя десятками барж, участвовавших в экспедициях... Подробности работы Моряковского затона в двадцатые годы...

Моряковский затон как ремонтная база речного флота возник в 1916 году. Я полагаю, что за четыре года (подумайте, каких!) там было сделано не так уж много, поэтому речники из Моряковки едва ли были активными участниками Карского проекта. Ничего подобного! Заслуги моряковцев очень велики, о них надо писать, об этом надо знать, этим следует гордиться. И еще недавно в Моряковке жили люди, знавшие Александра Антоновича, думаю, что он бывал там,

может быть, даже неоднократно. Стоит начать поиск в этом направлении, но пусть это сделают другие.

А ведь позвонила-то мне наша бывшая студентка! Спасибо, Светлана Федоровна, спасибо, Света Гаврилкина! Ведь дело-то вовсе не только в том, что мир удивительно тесен, а еще и в том, что в нем, нынешнем не очень добром мире, живут наши внимательные и заботливые ученики. Согласитесь, что учителем-то быть совсем неплохо!

* * *

Недолгая (1921–1926 годы) повторная после мичманских и лейтенантских времен служба Ружека на Черноморском флоте отмечена характерной для того времени неоднократно сменой должностей, которую сегодня трудно объяснить с формальной точки зрения. 10 апреля 1921 года он – старший морской начальник Западного района Черного моря. Через год – помощник начальника Батумского военно-морского училища. Еще через два месяца – командир посыльного судна «Летчик». А уже в августе 1922 года – командир минного заградителя «Дунай». Но вскоре – с осени 1922 года – инспектор Морских частей погранвойск ГПУ Украины и Крыма. С 23 апреля 1924 года восемь месяцев командует крейсером «Коминтерн», а затем становится начальником дивизиона канонерских лодок Морских сил Черного моря. С этой должности он ушел в отставку в 1926 году.

* * *

Конечно, об исполнении Ружеком каждой из этих должностей можно рассказать немало, но я ограничусь размышлениями, связанными с чисто командными постами, так как именно командиры кораблей более всех других испытывали трудности, переживаемые флотом в начале двадцатых годов прошлого века. Адмирал Ружек, активный участник драмы Балтийского флота, со всей полнотой переживал последствия трагедии флота Черноморского, трагедии, начавшейся весной 1918 года и продолжавшейся до принятия программы возрождения флота в конце двадцатых годов.

* * *

Судьба кораблей, которыми командовал Ружек, во многом схожа, я расскажу о ней на примере крейсера «Коминтерна».

Крейсер имел 7838 тонн водоизмещения, обладал приличной скоростью (до 23 узлов), был хорошо вооружен (16 пушек разного калибра, пулеметы, бомбометы, глубинные бомбы, якорные мины), на нем служило 730 офицеров и матросов. Корабль первоначально именовался «Кагул», в 1907 году его переименовали в «Память Меркурия». Разумеется, название произведено не от имени античного бога, а от названия брига «Меркурий», в мае 1829 года одержавшего под командованием капитан-лейтенанта А.И. Казарского победу в неравном бою с двумя турецкими линейными кораблями, чем «Меркурий» увековечил своё имя и за что был награжден кормовым Георгиевским флагом.

«Меркурий» принимал активное участие в борьбе с турецким и немецким флотами в годы Первой мировой войны, но в 1916 году из-за изношенности машин встал на прикол в Севастополе. Он не ушел из Севастополя в 1920 году вместе с теми кораблями, что оставили Крым, его машины взорвали, днищевые отсеки затопили. «Так не доставайся же ты никому!» – врангелевцы не могли ни взять корабль с собой, ни отдать его большевикам (а, может быть, просто Родине?). Впрочем, нельзя не признать, что для военного корабля такого класса он, вступивший в строй еще в 1905 году, был просто стар.

Флота на Черном море у России не осталось, а необходимость обороны страны усиливалась. Полуразвалившийся крейсер «Память Меркурия» объявили подшефным комсомолу, и 1 мая 1923 года после ремонта, названного капитальным, он вступил в строй под именем «Коминтерн». Фактически же лишь в сентябре 1923 года крейсер начали восстанавливать всерьёз. У Советской России ничего не было, разрушенное оборудование, механизмы, вооружение брали с других кораблей, находившихся в еще более плачевном состоянии. Но все же после пятилетнего бездействия корабль вступил в строй. Однако не только по возрасту, но и

по остальным своим качествам настоящим боевым кораблем «Коминтерн» стать не смог. Ружек командовал им как учебным, одновременно занимаясь дооборудованием и довооружением.

Крейсер «Коминтерн»

Позднее «Коминтерн» модернизировали, крейсер участвовал в Отечественной войне, нанес немало урона противнику, но и сам получил повреждения, его пришлось разоружить и затопить в районе Поти для дальнейшего служения флоту в качестве волнолома.

Подобными кораблями были «Летчик» и «Дунай». Первый, построенный в 1890 году в Финляндии как посыльное судно, сначала вообще не имел собственного имени, называясь просто «№ 256», потом он двадцать лет назывался «Котка», в 1915 году стал «Летчиком». Вошел в состав красного Черноморского флота, но в 1918 году его захватили немцы, затем англичане, после чего он вошел в состав Морских сил Черного моря (так называли флот Белой армии). Ввиду почти полной непригодности, белые не взяли его, покидая Крым. Судно кое-как подштопали и включили в состав того, что в 1920 году называлось флотом.

Чуть моложе был минный заградитель «Дунай», построенный в 1891 году в Швеции. Как практически негодный числился «на хранении» в Севастополе, а дальше – та же судьба: немцы, самостийная Украина, англичане, белогвардейский флот, судно брошено, попытки отремонтировать, служба в военном и гражданском флоте. И все-таки – участие в Великой Отечественной войне и гибель 4 ноября 1941 года от бомб германской авиации. Прямо скажем, все эти три корабля – не подарок для боевого адмирала. Кроме, может быть, «Коминтерна», адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов назвал его «достойным упоминания за долголетие и честное служение народу». Ну и главное. Настоящий офицер, слуга народа, обязан служить не там, где хочется, а там, где это необходимо Отечеству.

* * *

Но куда к этому времени делся мощный русский Черноморский флот? Ведь перед началом Первой мировой войны в его состав входили 6 линейных кораблей, 2 крейсера, 17 эсминцев, 12 миноносцев, 4 подводные лодки. В ходе войны флот пополнился 3 линейными кораблями (один из них погиб в 1916 году), 9 эсминцами, 10 подводными лодками, 2 гидроавиатранспортом и др. – более 50 неплохих боевых кораблей, не считая вспомогательных судов. Флот активно участвовал в боевых действиях против германотурецких сил на Чёрном море, содействовал сухопутным войскам Кавказского фронта, нарушал коммуникации противника. И вдруг? Увы, вовсе не «вдруг», хотя сегодня очень часто говорят – так ведь это большевики его утопили в Новороссийске по приказу Ленина, это одно из следствий предательского Брестского мира!

* * *

Уточним некоторые детали переговоров о мире, о которых обычно умалчивают. По требованию германской стороны на переговорах в Брест-Литовске находилась не только делегация Советской России, но и делегация Центральной Рады, 20 ноября 1917 года объявившей себя верховным органом

Украинской Народной Республики, а 24 января 1918 года провозгласившей её независимость. Делегация Рады за спиной советской делегации ещё 9 февраля 1918 года подписала свой сепаратный договор с Германией. По этому договору, а вовсе не по «похабному» большевистскому Брестскому миру Германия ввела войска на территорию Украины и оказала военную помощь Раде в её борьбе с советами. Большевики были изгнаны из Украины, 1 марта 1918 года Центральная Рада вернулась в Киев на штыках австро-германских войск, в феврале – апреле занявших всю Украину. Напомню, что Брестский мир был подписан Советской Россией только 3 марта, а ратифицирован 15 марта 1918 года. Аннулировали его 13 ноября того же года.

Нарушив Брестский мир, германские войска вторглись в Крым (он не принадлежал Украине!) и приближались к Севастополю. Советское правительство не могло ни защитить Крым, ни допустить, чтобы русский Черноморский флот достался немцам. По его приказу часть Черноморского флота (2 линкора и еще полтора десятка кораблей) 29–30 апреля 1918 года ушла в Новороссийск, но большая часть флота приказа не выполнила, корабли остались в Севастополе. В Новороссийске корабли оказались без топлива, воды, ремонтных средств.

* * *

Характерный пример судьбы одного из кораблей. Ушедший в Новороссийск линкор «Воля» (ранее – «Александр III»), в декабре 17-го года носивший красный флаг и выступавший за большевиков, 20 апреля 1918 года поднял желтосиний украинский и после долгих споров 17 июня вместе с несколькими другими кораблями вернулся в Севастополь, где немцы сразу же отправили на каторгу всю команду линкора, а на корабль посадили свою команду. Но флаг не спустили – корабль был приписан флоту Украины. А когда после революции в Германии Брестский мир лопнул и немцы ушли из Крыма, на «Воле» снова появилась своя команда, поднявшая на этот раз Андреевский флаг. Но тут подоспели англичане и угнали корабль в турецкий Измир.

В августе 1919 года линкор вернули в Севастополь, он вошел в морские силы Белой армии. 17 октября линкор переименовали в «Генерал Алексеев» в память о генерале М.В. Алексееве. В 1920 году корабль ушел в Тунис. И когда в голодной России из обломков старых военных кораблей и гражданских пароходов собирали новый Черноморский флот, бывший флагман белой эскадры вместе с тремя десятками других русских кораблей ржавел в Бизерте. 30 ноября 1924 года «Генерал Алексеев» вообще спустил флаг, ибо линкор настолько проржавел, что ремонт не оправдал бы себя. Корабль стал никому не нужен. У русских моряков-эмигрантов не было ни сил, ни средств для обеспечения сохранности угнанного с Родины флота.

* * *

После ухода «Воли» второй линкор («Свободная Россия», до революции – «Екатерина II») и остальные корабли стояли на якорях, почти ежедневно на борту и на берегу проходили митинги. Вернуться в Севастополь? Уйти на фронт? И даже когда в начале мая стало известно, что в Инкермане и Джанкое немцы и гайдамаки расстреливают русских матросов, сомнения не исчезли. 11 мая Германия предъявила советскому правительству ультиматум, требуя возвратить весь флот в Севастополь для передачи оккупантам. В тот же день В.И. Ленин написал:

«1) Ни одного разу, ни в одном документе германское правительство не заявляло нам о том, будто наш флот участвовал в боях против немецких войск на Украине.

2) Поэтому соответствующее заявление по радио от 11.V.1918 года явно неверно, не находит себе подтверждения в актах германского правительства.

3) Если часть флота причисляла себя к украинскому флоту, то она и осталась в Севастополе.

3 bis) Если наш флот ушел из Севастополя, то это сделано было лишь после наступления германцев и нападения на Севастополь, следовательно, в этом случае явно нарушен был Брестский договор германцами, а не нами.

4) Факты доказывают, следовательно, что мы твердо стоим на почве Брестского договора, германцы же отступили от него, заняв весь Крым».

Но немцы настаивали на своем, и 24 мая 1918 года В.И. Ленин написал на докладной записке начальника Морского генерального штаба Е. Беренса резолюцию: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)». Через день в Новороссийск была направлена соответствующая директива, вскоре туда выехал заместитель наркома по морским делам И. Вахрамеев. 9 июня ему и главному военному комиссару флота Н. Глебову-Авилову поступила телеграмма:

«Так как срок немецкого ультиматума истекает 14 июня и так как флот защитить себя не в силах, то единственным исходом является своевременное уничтожение судов. Ввиду германского ультиматума правительство сочло себя вынужденным формально согласиться на возвращение судов в Севастополь. В этом смысле вам будет послан нешифрованный телеграфный приказ. Но вы обязуетесь его не исполнять и считаться только с отданными ранее предписаниями и с настоящей телеграммой. Флот должен быть уничтожен. Моряки обязаны понять, что правительство решается на эту страшную меру только потому, что другого исхода нет».

* * *

Но из-за сопротивления анархистов и эсеров, которых на флоте было немало, Вахрамеев и Авилов-Глебов не сумели добиться исполнения приказа. 18 июня в Новороссийск приехал Раскольников. Он, как представитель правительства, одобрил план затопления кораблей, который разработала группа офицеров, собравшихся на эсминце «Керчь». Командир эсминца «Керчь» В. Кукель приступил к выводу судов на внешний рейд. Над кораблями в дополнение к красным флагам взвились три флага – «Ша», «Живете» и «Азь», означающие: «Погибаю, но не сдаюсь!» Эсминец «Керчь», стоявший до этого в гавани, к 16 часам вышел на внешний рейд, обошел корабли. Кукель отдал приказ приготовиться к по-

топлению. Первым был торпедирован эсминец «Фидониси». Затем другие эскадренные миноносцы.

Последним торпедировали линкор «Свободная Россия», он перевернулся и через 37 минут затонул полностью. «Керчь» ушел, дав радиограмму: «Всем, всем, всем! Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь». 19 июня 1918 года в 5 часов 10 минут он был затоплен вблизи Туапсе. Пятнадцать кораблей погибло, но моряки, верные Отечеству и уставу, флаги не спустили!

На кораблях, ушедших из Новороссийска, вместе с оставшимися в Севастополе подняли флаги Германии и Украины. Но в ноябре 1918 года флот захватили англо-французские интервенты. В апреле 1919 года, перед восстановлением советской власти в Крыму, они уничтожили или вывели из строя часть кораблей. Были выведены из строя без возможности восстановления броненосцы «Синоп», «Три святителя», «Пантелеймон» (бывший «Потемкин»), «Евстафий», «Иоанн Златоуст», потоплены 8 подводных лодок. 16 ноября 1920 Россию «избавили» еще и от линкора «Ростислав», затопленного для заграждения Керченского пролива в качестве защиты от большевистского наступления. В июне 1919 года после захвата Крыма денikinскими войсками остатки флота включили в состав Морских Сил Юга России. 10 ноября 1920 года П. Врангель приказал эвакуировать Крым. Сохранившиеся корабли и суда Черноморского флота были уведены в Константинополь. 21 ноября 1920 года их свели в Русскую эскадру, зимой 1920/21 года переведенную в Бизерту. Там флот интернировали французские власти, осуществлявшие протекторат над Тунисом. С января 1921 года флотом командовал контр-адмирал М.А. Беренс, младший брат капитана 1-го ранга Е.А. Беренса¹. Эскадра включала в себя более тридцати единиц, в том числе два

¹ Часто говорят, что в Гражданской войне брат шел на брата. Увы, это не литературный образ. Когда «красный» Беренс в составе делегации СССР в 1924 г. прибыл в Бизерту, «белый» Беренс отказался с ним встретиться.

линкора, два крейсера, десять эсминцев, три подводные лодки и множество вспомогательных судов, но её личный состав постепенно сокращался вплоть до полного списания моряков на берег в конце 1922 года. Некоторые вспомогательные суда были выведены из эскадры и присоединены к торговому флоту Франции, часть перешла в руки итальянских и мальтийских судовладельцев. 30 октября 1924 года, после признания правительством Франции Советского правительства, русская эскадра была официально расформирована, оставшиеся в её составе корабли спустили Андреевские флаги. В конце декабря 1924 года в Бизерту прибыла советская техническая комиссия во главе с адмиралом А.Н. Крыловым¹. Комиссия составила список судов, которые должны были быть возвращены СССР. Однако из-за протестов в Западной Европе Франция уклонилась от выполнения соглашения о передаче судов. В итоге оставшиеся в порту Бизерты боевые корабли были проданы и в течение нескольких лет разрезаны на металлолом.

Кое-кто считает, что затопление меньшей части флота под Новороссийском и Туапсе было преступлением. Но увод большей части флота в Африку – в конечном итоге на металлолом – это что, подвиг? Замечу, что мощные турбины, снятые с затопленного эсминца «Керчь», долгие годы работали на туапсинской электростанции, а некоторые затопленные корабли или их вооружение (в том числе вся артиллерия «Свободной России») были в тридцатые годы подняты и неплохо послужили стране в годы Великой Отечественной войны. А часть артиллерии с линкоров, стоявших в Бизерте (в том числе мощные 305-миллиметровые орудия), была тайно передана Финляндии и неплохо послужила ей в войне с СССР в 1939–1940 годах. Кое-что досталось и гитлеровской Германии. Конечно, Ружек этого не мог знать, но, командуя кораблями, собранными буквально из кусочков, он

¹ Герой Социалистического Труда, контр-адмирал, лауреат Сталинской премии академик Алексей Николаевич Крылов, конечно, известен читателю. Прочитайте, пожалуйста, его замечательную книгу «Мои воспоминания», написанную в годы Великой Отечественной войны в Казани, где он находился в эвакуации.

понимал, кто погубил Черноморский флот. Он мог бы сказать, что Ленин и Раскольников затопили часть флота, лишь бы не отдавать его врагу, Врангель и Беренс загубили другую часть флота, лишь бы не возвращать её России. Он знал и то, что еще в 1921 году было принято решение о восстановлении Черноморского флота, и участвовал в этом благородном деле, в основном законченном еще при его службе. А в 1928 году началась реконструкция Черноморского флота и его усиление за счёт боевых кораблей, переведённых с Балтики. Думаю, что А. Ружек (в это время он жил в Томске) знал, что в их числе были линкор «Севастополь» и крейсер «Профинтерн» (до революции – «Светлана», с 1939 года – «Красный Крым»), корабли, спасению которых в 1918 году он отдал немало сил. Ну, а мы знаем, что за десять последующих лет Черноморский флот получил свыше 500 новых боевых кораблей, была создана морская авиация, береговая оборона, система ПВО – всё то, с чем черноморцы встретили врага в 1941 году.

* * *

В одном из документов сказано: «За мужество и отвагу А.А. Ружек награжден боевыми орденами России, Турции, Болгарии, Румынии и Пруссии». Ну, про Россию понятно – тут «Анна» и «Станислав», тут весь иконостас. Про Пруссию – явная ошибка. Пруссия есть составная часть Германской империи. И даже если и существовали какие-то специфически прусские награды, то человек, поставивший у берегов Пруссии мины, на которых подорвались германские корабли, не мог удостоиться за это наград. Турция, Болгария, Румыния – державы черноморские. Но младший офицер, занимавший на Черноморском флоте в 1897–1907 годах скромные должности, едва ли мог получить награды от правительств этих стран, к тому же все они входили в число противников России. Значит, если он действительно получил ордена этих стран, то это могло быть только в 1921–1926 годах. И тут я позволю себе некое предположение.

* * *

Версальский мирный договор от 28 июня 1919 года завершил Первую мировую войну. Известен его грабительский характер, известно, что в нем была заложена одна из причин новой войны. Но далеко не все знают, что составной частью Версальской системы служил подписанный 10 августа 1920 года Севрский мирный договор между государствами Антанты и Турцией, оформивший раздел Османской империи. Это был кабальный договор, по которому территория Турции сокращалась в несколько раз, огромный турецкий военно-морской флот, за исключением пяти миноносцев и семи сторожевых судов, передавался флотам держав Антанты, а часть «свободной» Турции оккупировали войска Великобритании, Франции, Италии и Греции. Оккупация началась еще до заключения договора, когда англичане, французы и итальянцы заняли средиземноморское побережье Турции, англичане захватили ещё и проливы Босфор и Дарданеллы, греки – Западную Антолию, корабли американского флота вошли в черноморский порт Самсун. Естественно, турецкий народ поднялся на борьбу за свою свободу. 15 мая 1919 года турки обстреляли высадившихся в Измире греческих солдат, началась греко-турецкая война с огромными потерями и невероятной жестокостью обеих сторон. Сначала некоторый успех имели греческие войска, однако в августе – сентябре 1921 года туркам удалось остановить наступление противника. В течение следующего года греки были изгнаны с территории Турции, пришлось эвакуироваться и прочим оккупантам. 24 июля 1923 года в Лозанне был подписан мирный договор, Севрский договор отменили, а вождь турецкого народа Мустафа Кемаль Ататюрк заявил: «Турция очистилась от предателей и иноземцев и отныне принадлежит туркам».

Советская Россия, разумеется, не принимала непосредственного участия в этих событиях. Но еще 20 апреля 1920 года Кемаль-паша направил письмо В. Ленину с предложением об установлении дипломатических отношений и с просьбой оказать турецкому народу помощь в борьбе за не-

зависимость. Советское государство нашло тогда (!) десять миллионов рублей золотом. 16 марта 1921 года в Москве был подписан договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией. 3 ноября 1921 года командующий Вооруженными Силами Украины и Крыма М.В. Фрунзе возглавил чрезвычайное посольство УССР в Турции. Он пробыл там до 31 января 1922 года, участвуя не только во всех дипломатических процедурах, но и побывав на фронте и в штабах турецкой армии. Кстати, в этих штабах работали советниками многие старые знакомые Михаила Васильевича, некоторые из них позднее были удостоены турецких правительственных наград. И 2 января в Анкаре был подписан «Договор о дружбе и братстве между Украинской Социалистической Советской Республикой и Республикой Турция».

Черноморский флот и его Западный район, его пограничная служба, его корабли в этих условиях были готовы к любым осложнениям, крейсера и эсминцы ходили в нейтральных водах неподалеку от Босфора, Синопа, Самсуна. Флот исполнял обычную боевую службу, сам факт которой заставлял врагов нашего южного соседа проявлять некоторую осторожность. В организации этой службы немалую роль играл А.А. Ружек.

Ну, а выводы напрашиваются сами, хотя, повторяю, никаких документов я пока не нашел.

* * *

Вот, пожалуй, и всё, что я успел узнать об Александре Антоновиче Ружеке. Надо бы ещё побывать в Кронштадте, просто необходимо покопаться в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, особенно в Центральном Военно-Морском, где хранится его личное дело за 1899–1922 годы. Хорошо бы найти материалы в Омском архиве. Да даже и в Томске надо искать и искать... Пусть это сделает кто-то другой, ведь исследование жизни настоящего человека есть настоящее счастье.

Особенно мало знаю о последних четырех годах его жизни. После отставки, «учитывая заслуги в годы революции и Гражданской войны», ему назначили персональную пенсию.

Знаю, что с февраля 1926 года по 1 сентября 1927 года он был старшим инспектором наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции СССР, но где именно он исполнял свои обязанности – в Крыму, в Москве или в Томске, пока не установил. Конечно, более всего мне хотелось – и менее всего удалось – узнать и рассказать о жизни Александра Антоновича в Томске. Обидно...

Я даже иногда представлял себе, что найду его могилу, что нам удастся облагородить её, что общественность поможет собрать средства на памятник адмиралу. Представляя, пусть и немногочисленный, но с почетным караулом и салютом митинг при открытии этого памятника. Но нет! Кладбищ, на которых хоронили томичей в 1930 году, в нашем городе уже не существует. И хотя томский историк и краевед Надежда Михайловна Дмитриенко помогла мне установить, что погребен мой герой в северной части Преображенского кладбища, называвшегося тогда кладбищем Коммунистическим, ничем обозначить это не удастся – на этом месте когда-то построили заводы, теперь там торговые центры.

На всякий случай просмотрел два многотомника – «Большую», книгу, где перечислены жертвы политических репрессий на томской земле, и «Книгу памяти», где названы томичи, погибшие за Родину в годы Великой Отечественной. Нет, я знал, что А. Ружек не может быть упомянут в этих книгах, но вдруг там есть другой обладатель этой относительно редкой фамилии, и если да, то с очень высокой вероятностью – родственник. Но не нашел ничего...

Главный вопрос, на который я искал ответ с самого начала поисков, понятен. Почему уроженец Кронштадта, житель портовых городов, военный моряк, заболел и рано уйдя на пенсию, уехал в наш город? Лечиться у знаменитых томских профессоров? А что, в европейской части СССР этого нельзя было сделать? Учиться в университете или технологическом? Но у него уже было блестящее образование, да и в пятьдесят лет обычно в вуз не поступают. Самое естественное предположение – его, как и очень многих, сослали. Аргументы в пользу такого предположения очень основа-

тельны. Дворянин, хоть и не потомственный, значит, уже поэтому нехороший человек? Золотопогонник? Служил вместе с Колчаком? Был хорошо знаком с троцкистами Дыбенко и Раскольниковым? Полное основание для применения многих пунктов знаменитой 58-й статьи УК РСФСР!

И меня угнетали грустные мысли о том, насколько в минувшие годы нас приучили круто менять оценки событий, фактов, людей, в подавляющем большинстве случаев – крайне несправедливо. Нет, я не сомневался в главном – контр-адмирал русского флота Александр Антонович Ружек был настоящим героем, настоящим патриотом, настоящим русским офицером, человеком долга и чести. В ином меня не сможет убедить никакая публикация, ничё свидетельство, никакая бумажка. Но какой-то червячок точил всё время. Не обидел ли кто-либо адмирала в конце его недолгой и нелегкой жизни, не возникло ли у него еще в 20-х годах каких-то осложнений в отношениях с окружающими и властью? Ведь конечный-то итог не делает томичам чести – выдающийся человек забыт! Это случайно или тут что-то есть? Правда, насколько мне удалось установить, никаких материалов о гражданине А.А. Ружеке в архивах соответствующих служб нет. Но...

Впрочем, вполне вероятно еще одна причина, но сказать о ней как о твердо установленном факте я пока не могу, позволяя себе немного даже не фантазии, а предположения...

С первой женой Александр Антонович разошелся незадолго до начала войны. Вступил ли он во второй брак? Скорее всего, нет, так как боевая служба флотского офицера в 1914–1919 годах едва ли оставляла даже сравнительно молодому, красивому, образованному моряку время для серьёзного романа.

Но вот 1920-й год, Сибирь. Он – старший морской начальник Обь-Иртышского района. Должность трудная, отнимающая массу времени и сил, он ездит по речным портам Омска, Новониколаевска, Томска, пристаням и затонам других прибрежных городов и сел, выполняя задание правительства. Он, военный человек, работает и в гражданских организациях. Но война еще не закончилась, мужчины на

фронте, большинство сотрудников – женщины. А ему 43 года. Не знаю, кем именно служила его избранница, то ли телеграфисткой, то ли врачом, то ли просто небольшим по рангу служащим, не знаю, откуда она – из Омска, Новониколаевска или Томска. Да и зачем это знать? В её дом он и приехал, и дом этот был в нашем городе, и это объясняет всё. Может быть, в чем-то ошибаюсь, но предположить что-либо другое не только трудно, но еще и обидно.

Многое подсказали мне сотрудники Томского ЗАГСа. Читателю понятно, что я не мог не обратиться к ним, хотя понимал, что кроме выписки из Книги регистрации актов о смерти за 1930 год они ничего мне дать не смогут. Так оно и получилось, но какие-то особые доброжелательность и внимание к моим поискам я испытал. Да, дата кончины Александра Антоновича подтвердилась – 22 апреля 1930 года. Знаю и причину – миокардит, т.е. воспаление сердечной мышцы. Сообщили мне и несколько дополнительных фактов. Скончался он дома, можно сказать, на руках у жены. Дом этот имел номер 12 и находился в переулке Дроздовском, ныне – Спортивном. Сегодня этого дома уже нет, на его месте стоит «хрущевка». В свидетельстве о смерти сказано, что он пенсионер, впрочем, это я знал. Подтвердилось и мое предположение – состоит в браке. Правда, записи о регистрации найти не удалось. Это значит, что Ружеки приехали в Томск уже женатыми или что их брак был гражданским – дело в двадцатые годы довольно распространенное. Но в документе подпись – Наталия Ружек. Предположения о гражданском браке эта подпись не снимает – она в любом случае могла подписаться фамилией мужа. Конечно, для нас это не имеет значения, важно другое – документа о кончине Наталии Ружек в ЗАГСе нет, т.е. либо она после смерти мужа уехала из Томска, либо жила под иной фамилией. Не знаю. А вот собственноручная твердая подпись «Наталия Ружек» наводит на ряд мыслей. Не очень образованные люди так уверенно и четко не пишут, да и форма «Наталия» вместо более распространенного русского варианта «Наталья» кое о чем говорит. Напомню, что происходит это имя от латинского «natalis» – родной, и в любом случае

удивительно точно отвечает её роли. Жена Александра Антоновича была родной ему женщиной, скрасившей последние годы нелегкой жизни уставшего и больного человека. Этим она в какой-то мере искупила наш долг памяти перед ним.

* * *

Мне хотелось найти некролог или хотя бы краткое сообщение о кончине Александра Антоновича. Ведь если материал опубликован в печатном органе власти, а им тогда была газета «Красное знамя», то, значит, власть уважала усопшего, во всяком случае, о ссыльном газета не стала бы сообщать. Найти подшивку газеты за апрель 1930 года и номер за 26 апреля 1930 года с некрологом о Ружеке было нетрудно. В некрологе содержатся небольшие неточности, но заключительная фраза устранила все мои тревоги и сомнения. Вот она: «В последние годы своей жизни Ружек, несмотря на болезнь, принимал участие в общественной работе». Пока не знаю – да так ли уж это важно? – в чем заключались и сама эта работа, и его в ней участие, важно совсем другое – до последнего часа адмирал служил Отечеству.

* * *

К мыслям о нашей исторической памяти добавляю мысль, окрашенную некоторой грустинкой.

28 марта 2018 года Томская судоходная компания объявила конкурс «Дай имя томскому теплоходу!» Казенное наименование судна «ОТ 2134», побывавшего в семи морях двух океанов, прошедшего более двенадцати тысяч километров, участвовавшего в строительстве моста на острове Русском, ныне вернувшегося из Приморья в порт приписки, решили заменить на хорошее имя. Замечательная идея!

По результатам конкурса, в котором было сделано более пятисот различных предложений, жюри определило победителя. Теплоход будет называться «Вячеслав Шишков», по имени выдающегося писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова (1873–1945), известного не только многочисленными рассказами, очерками и великолепным романом «Угрюм-

река», но и огромной работой по изучению фарватеров многих сибирских рек, в том числе Иртыша, Оби, Бии, Катуня, Енисея, Чулыма, Лены, Нижней Тунгуски и Ангары. Прекрасное решение, тем более, что по многим рекам России уже ходят теплоходы с таким именем, будет теперь и «наш» «Вячеслав Шишков»

Но откуда же грустинка? Некоторые томичи, знающие нашу историю, предложили назвать теплоход «Адмирал Ружек». Думаю, что аргументы повторять не надо.

Но голосов не хватило, впереди нас оказались тринадцать очень и не очень достойных предложений, в том числе «Владимир Кноль», «Александр Хартов» и даже «Сила Сибири» (видимо, под влиянием ТВ-рекламы) и «Лотос» (напомню, что в настоящее время это растение встречается в Южной Европе; а родом оно из Северной Африки, я видел его в Египте, готов биться об заклад, что из 720 поклонников такого названия томского теплохода минимум 700 его вживе никогда не видели). Понимаю тысячу романтиков, мечтающих о том, чтобы по Оби ходил герой «Семи путешествий Синдбада-морехода» (конечно, они о нем знают не из «Тысячи и одной ночи», а из американского мультика). Но откуда восемьсот поклонников «Нобеля»? Я уж не говорю об участии в конкурсе «Навуходносора», «Спартака» и «Цезаря» и других перлов, свидетельствующих о веселом отношении части наших уважаемых конкурсантов к очень серьезному делу.

Но я оптимист! Еще немало теплоходов появятся на наших великих реках в ближайшие годы. Пойдет по ним и «Адмирал Ружек» – мы не вправе забывать своих героев.

ПУТЬ НА ПАНКРАЦ

Йозеф Лауда

Я расскажу вам печальную историю. Ее героев давно нет в живых, впрочем, они никогда не считали себя героями. Да и ни в одном из немногих сохранившихся документов они не названы этим словом. Путь их не обозначен наградами, почетными званиями, нет им ни мемориальных досок, ни памятников. И, может быть, строгий читатель скажет: «А что особенного они сделали? Честно прожили жизнь и отдали её за свои идеалы? Так ведь таких – миллионы!» Да, таких – миллионы, но жизнь-то у каждого была одна...

* * *

Началось всё с нашего знакомства с учительницей Марией Кубацкой и Яреком, её мужем, инженером из Хавиржова, небольшого города в Моравии.

В Болгарии, на Солнечном берегу группа томичей встретила с чехами, соседями по курорту. Нас, четверых, усадили за один столик. Сначала все основательно стеснялись, тем более, что Ярек не знал ни слова по-русски (о наших познаниях в чешском я вообще не говорю). Но Маша, учительница начальных классов, не только хорошо говорит по-русски, она еще принадлежит к категории заводил, поэтому вскоре дело пошло на лад. После того вечера мы уже не расставались до самого отъезда.

Было это в 1964 году, потом мы систематически переписывались, знали почти все о семейных и прочих делах друг друга, радостных и печальных. Встревожились мы в конце лета 1968 года¹, но, как оказалось, совсем напрасно – дей-

¹ 21 августа войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию, чтобы воспрепятствовать антисоветским выступлениям чешских студентов и интеллигенции.

ствия властей нередко не имеют ничего общего с отношениями между простыми людьми, во всяком случае, просьба Маши – приезжайте к нам – стала повторяться ещё настойчивее.

Мы, наверное, долго бы колебались, но Маша есть Маша, и мы получили «Prohlaseni», наверное, не надо знать чешского, чтобы понять, что это значит. И, чтобы уже не оставлять нам путей к отступлению, Маша позвонила в Томск – когда вас ждать?

* * *

Острava, аэропорт Мошнов. С трапа самолета видим радостно подпрыгивающую и размахивающую букетиком цветов Машу и рядом её мужа. Едем! Едем на зеленом польском «Фиате», которому здорово досталось за те три недели, что мы провели у наших гостеприимных друзей.

* * *

Есть правило: едешь в чужую страну – познакомься с ее историей и географией, классиками литературы и искусства, почитай об исторических памятниках, архитектурных и иных достопримечательностях. Я не забыл этого правила и в тот раз, но Чехословакия давно как-то не казалась мне чужой. Еще в школе мы восхищались Яном Гусом и Яном Жижкой, борцами за свободу чешского народа. В военном училище изучали сражение 1410 года при Грюнвальде, когда русские, польские и литовские полки вместе с чехами наголову разбили немецких агрессоров. В институте узнал о Яне Амосе Коменском, чешском педагоге-гуманисте. С детства люблю музыку Сметаны и Дворжака. Хорошо помню, как перед началом войны все мы с волнением слушали по радио «Мать», антифашистскую пьесу чешского писателя Карела Чапека. Много позднее прочитал исторические романы Алоиса Ирасека. Ну, а уж «Похождения бравого солдата Швейка» в нашем доме почти настольная книга, и ссылки на бессмертные высказывания Швейка, фельдкурата

Каца, поручика Дуба и прочих героев Я. Гашека¹ в компании наших друзей звучали чуть ли не при каждой встрече.

Я уж не говорю о том, с какими чувствами мы, мальчишки, читали во время войны сообщения о действиях чехословацких частей, дравшихся на нашей территории во имя освобождения своей Родины от гитлеровских захватчиков. И какую удивительно подходящую фамилию имел их командир генерал Свобода²!

* * *

О чем мы только не говорили в те дни! Но я немного насторожился, услышав от Маши, что со мной хочет поговорить ее подруга, отец которой родился в Томске.

Судите сами. Предполагаемая собеседница работает учительницей начальных классов, она подруга Маши, значит ей, наверное, должно быть лет 20–40, а отцу лет 45–65, т.е. родился он до войны, скорее всего, в начале двадцатых годов. Получается, что он из тех, кто во время войны служил в нашей армии и почему-то задержался на территории чужой страны. Почему? Или, еще вероятнее, он сын кого-либо из кутеповцев. Ведь после разгрома Врангеля многие белогвардейцы нашли пристанище в Югославии, Румынии, Болгарии, а части генерала А. Кутепова, одного из организаторов белого движения, в основном, пристроились в Чехословакии. Правда, прошло столько времени, да и дети, как известно, не отвечают за грехи своих родителей, но... Ладно, где только не встретишь земляков, пусть приходит, поговорим.

* * *

Да, гостье на вид казалось тридцать с небольшим. И, как будто желая окончательно рассеять мои сомнения по этому поводу, она показала документ о её рождении: 7 апреля 1943 года в городе Пльзене, на Вензиговой улице, 5, роди-

¹ Ярослав Гашек (1883–1923), писатель-сатирик, участник Первой мировой и Гражданской войн.

² Людвик Свобода (1895–1979), генерал армии ЧССР, трижды Герой ЧССР, Герой Советского Союза, в 1968–1975 гг. – президент ЧССР.

лась Надежда Лаудова. В документе указаны и родители. Отец, Василий Лауда, родился 26 декабря 1921 года в Томске, в скобках добавлено: СССР. Указана даже и специальность отца – zamesník, замочник. По-моему, это чешское слово куда ближе русскому слуху, чем немецкое Slosser, превратившееся в «слесарь». Названы в документе родители отца – Иозеф Лауда и Мария, вместо девичьей фамилии которой чешский писарь написал: «Антоновна».

– Надежда Васильевна, – мне как-то не хотелось называть эту молодую женщину «пани Лаудова», и я переделал её имя на русский лад, – но у нас нет такой фамилии, да и имя Иосиф в Сибири встречается редко.

– Отец не есть русский, он чех, и дед тоже чех, то бабичка русская из Томска.

– Бабушки уже, наверное, нет?

– Она попрана на Панкраце¹ – соучасне с маминкой в сорок четвертом роке, – Надежда Васильевна достает из сумочки сигарету.

Бабушка из Томска вместе с матерью моей собеседницы казнены в 1944 году! К такому повороту в разговоре я совсем не был готов, но Надежда Васильевна сама пришла мне на помощь...

Два толстых тома в красных переплетах. «Обвиняю. Пражская Голгофа», Прага, 1946 год. Карел Р., автор, в послесловии объясняет, почему он не хочет называть своего имени. Ему не надо славы, не надо признания, да и гонорар он передает детям погибших. Надо лишь одно – выполнить обещание, которое он дал казненным, надо рассказать миру о их мужестве и любви к Отчизне.

Автор, вероятно, был священником, и это дало ему возможность видеть осужденных перед казнью, вести дневник и в конечном итоге создать книгу – еще одно обвинение германскому фашизму и его чешским прислужникам.

¹ Панкрац – тюрьма в Праге, тюрьма, о которой мы знаем, может быть, больше, чем о других, благодаря «Репортажу с петлей на шее», написанному чешским публицистом Юлиусом Фучиком, казненным гитлеровцами.

Тюрьма Панкрац

Это страшная книга. В ней день за днем описывается жизнь тюрьмы на Панкраце. Предсмертные записки казненных, заметки из газет, воспоминания автора, архивные документы, приказы гитлеровцев. Фотокопии рисунков и даже карикатур – юмор заключенных, мрачный и не очень, жизнь есть жизнь. Для полноты картины – фотографии наручников, креста, который верующие целовали, идя на гильотину. А вот и само изобретение доктора Гильотена, я впервые увидел такую фотографию... Два столба, перекладина, нож... По-разному оставляют люди своё имя в истории...

Снимки гестаповцев и чешских фашистов – улыбающиеся молодые люди, очень приятные на вид, никак не подумав, что это палачи. Вахмистр Прей, прическа и усики делают его очень похожим на фюрера. Прея знали все заключенные – ему доставляло особое наслаждение избивать тех, кто позволял себе мужественно держаться перед казнью... Списки, адреса и телефоны охранников, судей и адвокатов. Списки и тюремные фотографии казненных с указанием существа обвинения – укрывательство военнопленных, хранение оружия, саботаж, связь с партизанами и даже – действительно, ужасное преступление – слушание иностранного радио.

Под номерами 845 и 846 – фотографии Лаудовой Марии младшей, родившейся 20.03.1922, казненной 13.12.1944 в 16.00 и Лаудовой Марии-старшей, родившейся 27.12.1897 и казненной тоже 13.12.1944 в 16.00. Все аккуратно, все записано, ничего не скажешь: немцы – народ дисциплинированный, приученный к порядку, да и чешские палачи за годы оккупации тоже кое-чему научились.

Невольно считаю – 7 апреля 1943 года, 13 декабря 1944 – моя собеседница, конечно, не может помнить матери. Похожа ли? Фотография маленькая, бумага в книге плохая, к тому же снимок Марии-младшей сохранился гораздо хуже остальных. У меня хватило такта не спрашивать о причине, а позднее я узнал, что когда в 1946 году трехлетней девочке подарили эту книгу, Надя, до этого никогда не видевшая никого из своих родных, часто целовала свою маминку... Она похожа на нее – такая же худощавая, смуглая, черно-волосая...

А Мария Антоновна, «русская бабичка из Томска», на снимке выглядит гораздо старше своих неполных сорока семи. Простое лицо, таких женщин у нас тысячи. Самая обыкновенная.

«13 декабря 1944 года, среда. Сегодняшняя среда ознaменована уходом в лучший из миров десяти человек. Две Марии Лаудовы – свекровь и невестка – казнены по политическому обвинению, Ярослав Нелаба – за хранение оружия, Карел Питерла – за подпольную работу... Старшая пани Лаудова за несколько минут до казни запела «Марсельезу». Простая деревенская женщина, уходя туда, откуда нет возврата, выразила свою глубокую внутреннюю убежденность в будущем, свое завещание сыновьям, свой последний сердечный порыв в этой старой революционной песне».

-За что были казнены мама и бабушка?

Вместо ответа Надежда Васильевна подает мне книгу. Индра Незбедова. «Цветы на землянку». Издана в 1971 году в Праге. Это восемь очерков, написанных по архивным материалам, в основном – по документам Союза борьбы против фашизма. Название книге дал четвертый очерк, посвященный судьбе томича Василия Иосифовича Лауды.

* * *

«Когда после Первой мировой войны чехословацкие солдаты покинули израненную советскую землю, среди них не было Йозефа Лауды. Красный партизан Лауда, раненый колчаковской пулей, лежал в томском госпитале. Было ему в то время двадцать пять лет, и нет ничего удивительного в том, что хорошенькая черноокая медсестра Маша, ухаживавшая за ним, надолго удержала в Сибири чешского солдата».

Мы долго еще беседовали с Надей об удивительной судьбе её деда и бабушки, об их детях, о самой Наде, о её семье, конечно, совсем уже чешской, но свято хранящей память о своих родных, о судьбе народов, вообще о жизни, о школе, о будущем...

Вернувшись в Томск, я вскоре выступил по нашему телевидению с рассказом о семье Лаудовых. В «Красном знамени» был опубликован очерк. И выступление, и очерк заканчивались просьбой – пусть те, кто помнит эту семью, откликнутся. Нет ли в Томске родственников Марии Антоновны, родившейся 27 декабря 1897 года в нашем городе? Не знал ли кто-нибудь братьев Лаудовых, Василия и Петра, 1921 и 1923 года рождения?

К сожалению, ответов на эти вопросы не было, да я не очень-то на их рассчитывал – тем, кто знал Марию Антоновну и Йозефа, должно было быть по восемьдесят и более лет, а тем, кто дружил с Василием и Петром, – около шестидесяти, но после войны мужчин этих лет рождения осталось три-четыре процента, да и женщин тоже не так уж много...

Но, в общем-то, я считал свой долг исполненным – ну что, собственно, я могу еще сделать при таком минимуме исходных данных – попробуйте найти что-то о женщине по имени Мария и по отчеству Антоновна, не зная о ней более ничего!

Вскоре мы получили письмо от Маши. Письмо как письмо, мы и раньше получали такие. На Новый год приходили дети из школы, им очень понравилось пить чай из русского самовара; Яна напряженно занимается – выпускной класс;

Леночка часто нас вспоминает и часто напевает не только «Скокал пэс пржез овэс», но и «Вместе весело шагать по просторам» (у нее почему-то всегда получалось «весело шафать»). Обыкновенное дружеское письмо. Но в самом конце его была маленькая приписочка: «О членах семьи Марии Лаудовой вы ничего не узнали?»

И вдруг меня что-то обожгло. Да какое же я имею право быть таким спокойным? Ведь меня попросили помочь дочери, которая ни разу в жизни не видела отца! Она хочет узнать о нем хоть что-нибудь, и не может быть, чтобы дед прожил в Томске без малого двадцать лет, женился, имел двух сыновей и никто об этом не знал. Конечно, прошло немало времени, но попробовать-то надо!

Не стану рассказывать о своих, в основном, неудачных поисках, попытаюсь лишь реконструировать события того времени и поразмышлять о людях, делавших тогда нашу историю.

* * *

Зборов – небольшой, но знаменитый городок, существующий уже более восьмисот лет. Когда-то здесь на реке Стрыпе полки Богдана Хмельницкого остановили войска польского короля Яна Казимира. В 1916 году через Зборов на Львов наступала 11-я армия генерала И. Эрдели, участвовавшая в Брусиловском прорыве. Здесь, где смыкаются границы Украины, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии, пролито немало крови. Лилась она и при княжеских междоусобицах, и в борьбе с татаро-монгольским нашествием, и в боях за независимость украинского народа от польских панов и венгерских магнатов, и в годы Гражданской, и во время Великой Отечественной. Лилась она и в мирное время из-за национальной и религиозной вражды. Нет здесь спокойствия и сегодня... Именно здесь в июне 1917 года по приказу Временного правительства началось наступление русских войск. Именно здесь, в шести километрах к юго-западу от Зборова, занимавшие оборону солдаты 13-го и 22-го финляндских полков в ночь с 8 на 9 июня на основании постановления полковых комитетов, зая-

вили: «наступать не будем», и оставили позиции. Той же ночью их окопы заняли подразделения чехословацкой бригады. Где-то здесь была та землянка, в которой две недели провел Йозеф, где-то здесь вместе со своими соратниками он поднялся в атаку утром 23 июня. Около трех тысяч чешских легионеров, вооруженных винтовками и легкими пулеметами, под ураганным огнем австрийской артиллерии ворвались на позиции противника, овладели тремя линиями окопов, захватили десятки пушек, взяли в плен более полутора тысяч солдат и офицеров. Это была единственная славная страница в истории чехословацких войск в России.

Легионеры в окопах под Зборовом

Славная, и тем не менее бессмысленная. Уже 6 июля на помощь полуразгромленным австрийским частям подоспели немецкие полки, заранее сосредоточенные на выгодных для контратаки рубежах. После химической атаки немцы ударили во фланг 11-й армии. Русские солдаты, вообще не собиравшиеся воевать за Временное правительство, бросили

позиции и начали отступление, фактически превратившееся в бегство. Чехи не дрогнули. И об этом потом не раз вспоминал не только Эрдели, но и многие другие участники событий на юго-западе, царские генералы, будущие организаторы и руководители Белой гвардии – Каледин, Корнилов, Деникин и многие другие. Эрдели попытался остановить бегущих, поставив в ближнем тылу своей армии ударные отряды из чешских пулеметчиков, но из этой затеи ничего не вышло.

Бригаду отвели в глубокий тыл, где вскоре началось формирование Отдельного чехословацкого корпуса. Но это уже совсем другая глава жизни чехов в России, другая страница судьбы Йозефа.

* * *

А что было тогда, 23 июня 1917 года? О чем он думал? Понимал ли, за что, куда и зачем шел? Ах, как легко сегодня, через сто лет, отругать Лауду и его друзей («братьев», такое обращение было принято в корпусе) за ошибки и похвалить за разумные шаги! Сегодня грамотный старшеклассник более или менее толково объяснит сущность Первой мировой войны и даст советы солдатам воюющих армий. А тогда?

Вы помните, как начинаются «Похождения храброго солдата Швейка»?

«Убили, значит, Фердинанда-то нашего, сказала Швейку его служанка». Пани Мюллер имела в виду убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда, но бедный Швейк долго не мог сообразить, о ком идет речь. Он знал двух Фердинандов – помощника фармацевта и собачьего ассенизатора, по поводу которых заметил: «Обоих ничуть не жалко». Никому не было жалко и наследника австро-венгерского престола, убитого 28 июня 1914 года сербским гимназистом Гаврилой Принципом¹. Но этого, или любого другого повода так ждали!

¹ Гаврила Принцип (1884–1918), член организации «Молодая Босния», выступавшей за освобождение Боснии и Герцеговины от австрийского господства. Умер в тюрьме.

Теперь можно было объяснить все! Австро-Венгрия решила наказать Сербию. Россия, конечно, вступилась за братьев-славян, Германия – за Австро-Венгрию, французы – за русских, англичане – за французов, Турция – за Германию, Япония – за Англию. Не всемирная бойня, а что-то вроде драки между мальчишками соседних дворов, когда во всех случаях оказывается, что «они первые начали» и «пусть не лезут». Напомню молодым и не только молодым, но достаточно оболваненным читателям, что «...действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран, и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т.д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего характера войны.

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т.п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа»¹.

Понадобилось немало времени, чтобы эти мысли стали достоянием большинства людей. А тогда! Грандиозные митинги и демонстрации в Берлине и Санкт-Петербурге (срочно переименованном в Петроград), Вене и Париже, Сараеве и Лондоне и даже в Праге и Варшаве, трогательное единение капиталистов и рабочих, душный угар шовинизма, подогреваемого жаром выступлений опытных политических демагогов, еще вчера клявшихся в верности рабочему классу, а сегодня призывающих к отказу от идей интернационализма во имя защиты Отечества. Во всех воюющих

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 62.

странах успешно шла мобилизация, формировались новые полки, повсюду призывали к победе над врагом и кричали «ура» обожаемому монархам и президентам.

Правда, кое-где призывы властей вызывали не совсем желательные эмоции. Так было в лоскутной Австро-Венгерской империи, особенно на ее северных окраинах, прежде всего – в Чехии. Триста лет назад в битве на Белой горе под Прагой чехи потерпели поражение, враги жестоко расправились с борцами за независимость, а сама Чехия превратилась в Богемию, провинцию империи Габсбургов. Все триста лет чехи мечтали о свободе, все триста лет они не переставали за нее бороться, а теперь, летом четырнадцатого года, их призывают на защиту собственной тюрьмы, лицемерно называемой «отечеством», во славу главного тюремщика, которого только предатели могли называть «обожаемому монархом».

И, конечно же, деревенский паренек Йозеф Лауда, надевая зеленовато-голубой мундир с красными петлицами, не мечтал о подвигах во имя Австро-Венгерской империи и не собирался отдавать жизнь за Франца-Иосифа I, одного из самых ничтожных деятелей монархической Европы.

Как и тысячи чехов и словаков, Йозеф мечтал совсем о другом... Помочь братьям-славянам, помочь русским, помочь освободителям! Да здравствует русский народ, ещё недавно освободивший болгар от турецкого ига! Пришел и наш черед! Слава и вечная память императору Александру Второму-Освободителю! Ура Николаю Второму, благословившему победоносные русские полки на освобождение всех славянских земель от австрияков! Ура Верховному Главнокомандующему русской армией Великому князю Николаю Николаевичу, призвавшему нас «встречать русские войска как верных друзей и борцов за ваши лучшие идеалы!»

С первых же дней войны чехи сотнями и тысячами стали переходить на сторону русской армии. В октябре 1914 года во время боев у Ярослава, польского города на реке Сан, в самый разгар сражения шесть чешских рот перешли к русским, в апреле 1915 года в Карпатах сдалось более

1100 солдат и 21 офицер, почти весь 28-й Пражский полк, его примеру в июне того же 1915 года последовал 36-й Младоболеславский, а всего за три года в плен сдалось около двухсот пятидесяти тысяч чехов и словаков.

Они сдавались по совершенно искренним убеждениям, ибо, сдавшись, они становились свободными от австрийцев, от императора, от своих поручиков Дубов и Лукашей. Они были уверены, что их с благодарностью примут в ряды славной русской армии, вернут на фронт, чтобы совместными усилиями освободить родину от чужеземного гнета. Но пленных ждало первое – увы, далеко не последнее – разочарование. Их держали в лагерях за колючей проволокой точно так же, как и австрийцев, немцев, венгров, их всех одинаково косили тиф и дизентерия, у всех был одинаковый изнурительный 12–14-часовой рабочий день, всем давали одинаковую лагерную похлебку. В Тоцком лагере, недалеко от Бузулука, от болезней умерло более пятнадцати тысяч пленных чехов и словаков. Не легче было в туркестанских и сибирских лагерях, в Дарницком лагере под Киевом.

Пленных заставляли работать на каменоломнях и строительстве железных дорог, на шахтах и рудниках, но воевать за идеалы, о которых так красиво писал Великий князь Николай Николаевич, их не только не приглашали, ни даже и разговоров на эту тему не вели. Йозеф и его товарищи не могли знать, что царь и его министры не одобряли идею формирования чешских войск на территории России. Николай Второй был против создания независимой Чехии, а раз не будет такого государства, то, естественно, не может быть и такой армии. И вообще негоже бунтовать против своего императора. Хотя он и является главой противоборствующей державы, но государь есть государь, сегодня они хотят воевать против своего императора, а что будет завтра?

Но в 1916 году обстановка начала изменяться. Русская армия понесла значительные потери – к декабрю они достигли (убитыми, пленными и пропавшими без вести, не считая раненых) пяти миллионов человек. Русские части

под влиянием происходящего стали настолько ненадежными, что 21 апреля разрешение на создание чешских воинских формирований из военнопленных все же было дано. В лагеря приехали агитаторы. Но хотя лозунги были прежними – да здравствует война против Австро-Венгрии за свободу славянских народов, да здравствует государь-император Николай, «ура» получалось не очень громким – время было потеряно.

В перебежчиках надо было сразу видеть союзников, а не врагов. В лагерях нашлось немало людей, объяснявших солдатам, кто и за что воюет, недаром именно из лагерников впоследствии вышло много членов созданной в мае 1921 года Чехословацкой коммунистической партии. Да и большинство мало-мальски грамотных людей понимало, что идея союза чешских рабочих и крестьян (и даже мелкой буржуазии) с русским самодержавием во имя свободы Чехословакии есть самый настоящий бред. К тому же и само царское правительство давало основания понимать, что Николай ничем не лучше Франца-Иосифа или Вильгельма. Не будем сбрасывать со счетов и здравый смысл. Австро-Венгрия была еще сильна, и бывшие ее солдаты отлично понимали, что в случае плена им, как изменникам, грозит смертная казнь. Да и факт вступления в армию, воюющую с Австро-Венгрией, таил в себе большую опасность для их семей на родине. Короче говоря, план создания надежных чехословацких частей в России в 1916 году провалился...

* * *

...Утро 23 июня, какой-то никому не известный и ни разу не слышанный Зборов. Впереди – австрийские окопы, деревушка Цеповая. С северо-запада двое суток подряд слышится непрерывный грохот русских пушек, унтер из Сибирской дивизии говорил, что их там более тысячи. Потом огонь ослабел, седьмая русская армия пошла в наступление, но позавчера все стихло. Сегодня на рассвете загрели орудия и у нас, австрийские окопы закрыло дымом, во взвод прибежал прапорщик Клапалек, скомандовал: «К ата-

ке приготовиться!» ...Манлихеровка¹. Две лимонки... Проти-вогаз... Левую руку на бруствер, ногу сюда... Пресвятая де-ва Мария, помоги! Ну!.. Нет, еще рано, чего-то ждут... Знать бы, где у австрийцев уцелели пулеметы?

– Иржи, дай-ка закурить, может быть, успеем вытянуть по одной? – Интересно, сколько отсюда до Добржан? Кило-метров восемьсот, топтать и топтать, только бы наступление не остановилось. Как говорил этот русский с красным бан-том и георгиевским крестом... «Вы пойдете вперед, туда, куда поведут вас вожди и правительство, вы пойдете, ско-ванные дисциплиной долга. По воле народа вы должны очистить родину и мир от насильников и захватчиков. На этот подвиг зову я вас!» Интересно, у этого русского фами-лия совсем не русская, может быть, он поляк? Новак, он вечно ехидничает, сказал, что крест у русского вождя за личную храбрость, а личная храбрость – в тех речах, что он произносил перед маршевыми батальонами и в запасных частях километрах в ста от окопов. Но говорил он замеча-тельно, гораздо лучше французского генерала и всех других. Не зря же русские понесли его к машине на руках, потом кричали и пели «Марсельезу». А через несколько дней заяви-ли, что наступать не будут, и бросили позиции. Мало того, ещё и в роту прислали своего окопника, тот что-то говорил про министров, про мировую буржуазию. Ребята выгнали его вовремя, а то бы получилось, как во втором полку. Стыдно вспоминать! Два батальона, наслушавшись русско-го изменника, тоже отказались наступать. Господин генерал приказал расстрелять немецкого агента, но русские пообещали разнести вдребезги штаб бригады, пришлось отпус-тить этого Большевика. А батальоны отправили куда-то в тыл. Невозможно все это понять.

...В лагере было уже совсем плохо, да еще обещали от-править всех куда-то за Петроград, говорили наши, что там на железной дороге столько же чешских трупов, сколько и шпал...

¹ Обиходное название австрийской винтовки конструкции Ф. фон Манлихера.

...И вдруг! Как мы тогда встретили поручика Чечека!¹ «Революционная Россия свергла самодержавие! Да здравствует армия великой свободной славянской державы! Вместе с русскими братьями-революционерами – вперед до победного конца! Пробьемся к Златой Праге, выгоним вслед за русскими Романовыми австрийских Габсбургов и старого тупицу Франца! Вернем родине свободу! Каждый честный чех возьмет сейчас в руки оружие и вступит в нашу Первую чехословацкую бригаду. Уже создан полк имени святого Вацлава, создаются второй полк имени святых Кирилла и Мефодия, третий полк имени Яна Жижки. Вам выдадут новую форму, форму свободной армии свободного народа. Бригадой будет командовать генерал Червинка², первый чешский генерал. Братья! Это вам не австрийская служба, это служба возрождающемуся отечеству, это единственный честный и славный путь на родину. Вступайте в нашу армию, помните, что после победы родина не простит колебаний, она не простит тех, кто в трудную минуту не взял в руки винтовку и не пошел в последний бой за мировую революцию и за нашу республику!» Эта язва Новак и тогда не удержался, гаркнул на весь барак: «Бери винтовку сам, сам и подыхай за твою республику, мы досыта навоевались!» Ему тогда едва не намылили шею... Навоевались, конечно, мы досыта, только жрать тухлятину в лагере тоже надоело. Да и как попадешь домой без победы?

– Вперед, в атаку! Братья, смелей! – прыжок, винтовка наперевес, бегом... бомба... кажется пронесло, цел... черт, у них еще полно шрапнели, Франтишек упал... Карел... моя

¹ Станислав Чечек (1886–1930), перед мировой войной представлял в Москве одну из чешских фирм, в августе 1914 г. вступил в чешскую дружину, при создании корпуса – ком. 4-го полка, с сентября 1918 г. генерал-майор. С 1920 г. на высоких постах в чехословацкой армии.

² Ярослав Червинка (1848–1933), русский офицер чешского происхождения, окончил Академию Генерального штаба, в чине полковника ещё до войны ушел в отставку по возрасту. С началом войны возвращен на службу, председательствовал в Комиссии для формирования чехословацких частей, в 1916 г. произведен в генералы русской армии. Чешским генералом стал в 1918 г. Умер в Праге.

очередь... нет, вот он, окоп... а, чертов австрияк, поздно руки поднимать... штыком... прикладом..., вперед... – Ложись! – вовремя, это же германская мортира... вперед... вторая траншея... никого нет, драпают. То-то, это вам не по Градчанам прогуливаться... Третья траншея... Занять оборону... Хорошо мы им дали сегодня...

Первый жестокий бой первой чехословацкой бригады... Йозеф не мог знать долгой истории ее создания, не мог знать тех многочисленных тайных ниточек, которые двигали её солдатами и офицерами, как куклами в театре марионеток, и уж вовсе не мог знать, кто же эти ниточки дергал...

* * *

Перед Первой мировой войной в России проживало 120 тысяч чехов, эмигрантов из Австро-Венгрии. На родине жизнь была далеко не сладкой, но все же эмигрировать хотел и имел возможность далеко не каждый. Поэтому среди эмигрантов был высок процент буржуазии, мелкой, а иногда и не очень. У нас им жилось неплохо, многие, особенно второе и третье поколение, уже и язык свой начали забывать. Но когда началась война, их положение стало двусмысленным. В большинстве своем они сохраняли австрийское подданство и, следовательно, оказались на территории государства, воюющего с их отечеством. И в то же время им была близка идея объединения всех славян под знаменем русского монарха, кроме того, они надеялись, что в случае присоединения к России славянских окраин Австрийской империи им достанется кусочек отнятого у бывших хозяев жирного пирога. И вот уже в 1914 году было объявлено, что патриоты создают «Чешскую дружину». Задумано было широко, разрекламировано тоже неплохо, только в течение долгого времени почти не находилось умников, желающих в неё записаться. С трудом набралось семьсот с небольшим человек. Чешские рабочие не очень-то рвались в бой за туманное будущее, а богачи, разумеется, хотели победы дружине, давали на нее деньги, но посылать своих сынков под австрийскую шрапнель не очень хотели. И даже создание к концу декабря 1915 года Первого Чехо-

словацкого полка из «русских чехов» не изменяло обстановки. Идея создания верных царю национальных частей не встречала поддержки ни снизу, ни сверху.

* * *

Все впустую, все зря... Старые солдаты сразу говорили, что раз уж нас принялись мотать вдоль фронта, то толку не будет. И вправду – сначала растолкали по одной роте в русские дивизии, потом все три полка сосредоточили в Подгайцах, там не успели окопаться – чуть ли не бегом сюда, под Зборов... Вот и растрепали бригаду. В первом же бою погиб каждый третий.

Вот и идем обратно, то ли к Киеву, то ли еще куда. А русские? Предатели... Ругают правительство, ругают командование, бросили окопы – говорят, домой пора, землю надо делить. Домой-то домой, но все уходят с оружием, даже пулеметы прихватывают. Что, тоже для землемерных работ? Оказывается, Большевик – это не фамилия, так называют изменников, засланных из Германии вместе с их вождем, тоже германским шпионом. Погубят они свою Россию. Конечно, это их дело, но как же мы? Сколько же теперь километров до Добржан? Когда попадем домой?

– По вагонам!.. Пулемет на площадку! Русских к эшелону не допускать!.. У кого найду большевистские газеты – трибунал! Не допустим бесчестья, не посраим памяти павших героев!

...Едем... Едем совсем в другую сторону, едем не домой, а от дома...

* * *

...И среди павших, и среди оставшихся в живых, действительно, было немало настоящих героев. Под Зборовым они дрались так, будто и вправду за линиями австрийских окопов Злата Прага, будто и вправду, еще несколько таких отчаянных атак и мы будем дома, в мирной, счастливой, свободной Чехословакии, увидим матерей, жен, детей, невест, увидим землю, леса, реки и горы нашей родины, маленькой, но своей...

О мужестве солдат бригады писали газеты союзников, об их подвигах, захлебываясь от восторга, рассказывали русские кадетские, эсеровские, меньшевистские и прочие патриотические газеты. Генерал Эрдели наградил многих участников атаки Георгиевскими крестами (среди награжденных был Я. Гашек). И большинству легионеров было горько и обидно, они понимали, что жертвы оказались бессмысленными, они чувствовали, что их обманывают, они думали, что их предали. И они были правы во всем, кроме одного – тех, кто во всем виноват, считали правыми, а тех, кто боролся за правду, виноватыми.

Почти никто из чехов не знал, что незадолго до наступления, уезжая на 1-й съезд Советов, член Армейского Комитета 11-й армии прапорщик Н.В. Крыленко¹ писал, обращаясь к солдатам:

– Товарищи! Только путем передачи власти демократии в России, в Германии, во Франции, путем свержения буржуазных правительств во всех странах может быть кончена война. Наша задача путем обращения полномочного народного правительства России с предложением ко всем правительствам Европы, путем укрепления с революционной демократией Западной Европы дать мировой революции новый толчок. И тогда горе тому правительству буржуазии, которое все же захочет воевать.

Какая демократия? Какие еще обращения к Европе, к Германии и Австрии? Есть приказ, в нем сказано чётко:

«Воины! Отечество в опасности! Свободе и революции грозит гибель. Время настало, и армия должна выполнить свой долг. Верховный Главнокомандующий, ваш оваянный победами вождь, признает, что каждый день дальнейшего промедления только усиливает врага и что лишь немедленным и решительным ударом мы можем разрушить его планы. Поэтому в полном сознании великой ответственности

¹ Николай Васильевич Крыленко (1885–1938), большевик с 1904 г., окончил исторический факультет Петербургского и юридический Харьковского университетов. В первом советском правительстве – член Комитета по военным и морским делам. С 1936 г. нарком юстиции СССР. Расстрелян, в 1955 г. реабилитирован.

пред отечеством, я от имени свободного народа и его Временного Правительства призываю армии, укрепленные силой и духом революции, перейти в наступление. Пусть противник не торжествует до времени над нами победы. Пусть все народы знают, что не по слабости мы говорим о мире. Пусть знают, что свобода увеличила нашу мощь.

Офицеры и солдаты! Знайте, что вся Россия благословляет вас на ратный подвиг во имя свободы, во имя светлого будущего родины, во имя прочного и честного мира.

Приказываю вам вперед!

Военный и морской министр А. Керенский».

Вот это было и слышно и понятно чехам. Русский народ уже завоевал свободу, ее надо защитить. Наш народ еще угнетают австрийцы, значит, вместе с русскими – вперед. Вот только нельзя понять, почему то, что ясно любому чешскому крестьянину, никак не хотят понять русские солдаты, называющие нас предателями, хотя мы-то и есть борцы за дело русской и мировой революции, а они, разложившиеся из-за преступной агитации большевиков, – предатели. К тому же у чехов был свой вождь, позднее именно он назвал чехословацкую эпопею «сибирским анабасисом».

* * *

...Десять тысяч греческих наемников, руководимых младшим братом царя Артаксеркса II Киром, выступили из Сард, чтобы отобрать Персию у одного брата для другого. Дисциплинированные, хорошо обученные, прекрасно вооруженные, направляемые образованными стратегами, они составили костяк стотысячной армии Кира, разгромившей войска Артаксеркса. И все было бы хорошо и для наемников, и для Кира, если бы не досадная мелочь – Кир погиб в бою. Большинство стратегов оказалось в персидском плену, платить наемникам теперь уже никто не собирался, корпусу, виноват, греческим легионам надо было убраться восвояси. Артаксеркс преследовал греков, вынужденных отступать через всю Месопотамию, Армению, Малую Азию к Византии. Греческий историк Ксенофонт описал все события этого бесславного похода. Книга Ксенофонта называется

ся «Анабасис», то есть «Восхождение», движение внутрь страны.

Было это в пятом веке до нашей эры, а в двадцатом коекому так понравилось звонкое греческое слово «анабасис», что поход чехословацкого корпуса через Украину, Урал, Сибирь и Дальний Восток стали называть «сибирским анабасисом»... Что ж, в общем-то, пожалуй, верно – это тоже был поход хорошо обученных, прекрасно вооруженных, дисциплинированных наемников в чужой стране, за чужие деньги и чуждые идеалы...

Почему профессору Масарику понравилось это название? Неужели он не чувствовал двусмысленности соответствующей исторической аналогии? И о каком восхождении может идти речь, когда поход был явлением аморальным, был самым настоящим падением? Впрочем, не для всех – для Йозефа Лауды это был путь восхождения, очищения, путь прозрения.

Конечно, доктор философии Т.Г. Масарик понятия не имел о каком-то Лауде, как, впрочем, и о любом другом легионере, включая и тех, кто служил в полку его имени.

Масарик родился в небогатой словацкой семье в 1850 году, учился в Лейпцигском и Венском университетах, получил степень доктора философии и звание профессора. Своей жене, уроженке США, студентке Лейпцигского университета Шарлотте Гарриг, он обязан проамериканскими убеждениями, действиями и даже именем – в него он включил слово Гарриг.

Большую часть жизни Томаш Гарриг Масарик уделял политике, борьбе с марксизмом, с влиянием большевиков на судьбы мира.

Начав с благородных мыслей о свободе и независимости родины, о борьбе за самостоятельную Чехословакию, он перешел к буржуазному национализму, создал Чешскую народную реалистическую партию, понимавшую под народом далеко не весь народ. Был депутатом парламента. Эмигрировал, создал в Париже ориентированный на Антанту Чешский заграничный комитет, ставший в 1916 году Чехословацким национальным советом, чем-то вроде правительства еще не

существовавшей Чехословакии. В роли председателя совета встречался с президентом США Вудро Вильсоном, не очень заинтересованном в создании Чехословацкой республики, но серьёзно обеспокоенным успехами большевиков.

Министр Временного правительства Терещенко¹ пригласил Масарика в Петроград. В России ему были предоставлены широчайшие полномочия. За одиннадцать месяцев Масарик побывал и в Москве, и в Киеве, и в Житомире, завязал контакты с влиятельными кругами, получил поддержку ряда партий и общественных групп, устранив всякую оппозицию, одержал победу на III съезде чехословацких общин в России, добился полного признания Чехословацкого национального совета как полного и единственного полномочного органа, представляющего возрождающуюся республику. Генерал-квартирмейстер Н.Н. Духонин² разрешил формирование уже не просто чешской бригады, и даже не дивизии, а отдельного корпуса. Англия, Франция, США передали для создания корпуса значительные суммы, Франция фактически обмундировала и вооружила корпус

Правда, не все шло хорошо. О, этот русский Бонапарт! Ведь еще в Лондоне знающие люди предупреждали: Керенский – авантюрист, демагог, мелкий политический спекулянт, поднявшийся на гребне русской революции. Никто в него не верил всерьез, однако... Может быть, если бы не неудача наступления в июне, он и смог бы удержаться... Нелепый провал выступления Лавра Георгиевича Корнилова! Боевой генерал, полководец, не сумел разогнать беспомощное Временное правительство. Хорошо, что мы удержались и не отдали корпус на съедение красногвардейцам, да и ро-

¹ Михаил Иванович Терещенко (1881–1956), крупнейший землевладелец и сахарозаводчик, министр финансов, а затем – иностранных дел Временного правительства. Один из виновников Гражданской войны.

² Духонин Николай Николаевич (1876–1917), генерал-лейтенант. В ноябре 1917 г. – Главковерх, снят с должности за отказ выполнить распоряжение советского правительства о начале мирных переговоров. Убит восставшими солдатами могилевского гарнизона (в Могилеве располагалась Ставка).

та волонтеров из личной охраны Верховного уцелела. Там были преданные люди, хотя чехами их, пожалуй, и считать-то нелепо, почти все с Вольни...

А 3 марта 1918 года – самая большая неприятность – совершенно неожиданный для союзников, противоречащий логике революционной и освободительной борьбы, позорный для России, предательский для нас Брестский мир!

На кого теперь опереться в России? Промышленники? Офицерство? Эсеры? Борис Викторович Савинков¹ получил от нас двести тысяч на организацию борьбы, но как он ими распорядится? Как все-таки вовремя мистер Вильсон прислал свое приглашение! Положение в России настолько серьезно, что без основательной поддержки со стороны Европы и США с большевиками здоровые внутренние силы страны не справятся. Понимает ли президент США и руководство Антанты необходимость решительного вмешательства?

* * *

– Подъем! Тревога! – голос дневального прозвучал как-то особенно резко. Хотелось послать его подальше, но и в команде, и в резких криках унтер-офицеров было что-то необычное. При слабом свете горевших в полнакала лампочек Йозеф увидел стоящих у входа в класс – рота уже три месяца была расквартирована в бывшей гимназии – офицеров во главе с самим командиром полка поручиком Швецом.

– Ребята, что-то не так, командир полка здесь!

– Что не так? Опять эти мужики где-нибудь грабят хозяев, надо помочь.

– Кому помочь? Мы солдаты или полицейские? Наш поручик никогда не участвовал в рейдах по чужим поместьям, он боевой офицер, а не жандарм.

– То-то и есть! А сегодня...

– Прекратить разговоры! Равняйся! Смирно! Слушай приказ! Братья! Вчера в 12 часов дня австро-германские

¹ Б.В. Савинков (1879–1925), эсер, комиссар Временного правительства на фронте. Деньги, полученные от Масарика, использовал для борьбы с советской властью, в частности, для организации покушения на В.И. Ленина в 1918 г.

войска начали наступление по всему фронту. Большевицкая авантюра – попытка заключить в Брест-Литовске мир с вечными врагами славянских народов, с душителями свободы Чехословакии – позорно провалилась. Нашему полку в составе Первой дивизии предстоит преградить путь противнику, продвигающемуся на Киев. Русская армия, разложившаяся под влиянием изменников, не в состоянии сопротивляться врагу, и только мы, верные союзники России, поддерживаемые Францией, Великобританией и Североамериканскими Соединенными Штатами, способны защитить свободу и революцию. Приказываю: побатальонно следовать пешим порядком на железнодорожную станцию, первому батальону станцию занять, обеспечить погрузку личного состава, артиллерийской батареи, штаба и службы тыла. Под погрузку освободить любые вагоны и платформы. Отправка первого эшелона на фронт в 8.00. Вперед, за Родину, честь и свободу! Ура!

Полковой оркестр грянул марш, прозвучали команды офицеров, рота двинулась к вокзалу. Наконец-то! Больше полугодом муштры, участие в каких-то непонятных событиях, нелепый поход на Киев, когда у русских в Петрограде сменилась власть, и полк имени святых Кирилла и Мефодия выступил в защиту Временного правительства. Пока мы собирались поддержать ребят в Киеве, те потеряли несколько человек ранеными и двоих убитыми, а мы поехали обратно, так и не сделав ни одного выстрела. Тоже была тревога по всей дивизии, только все это оказалось ни к чему. Говорят, вмешался какой-то комитет из наших, доказали командованию, что русские внутренние дела нас не касаются. Наверное, так. То ли дело сейчас! Мы напомним этим чертовым швабам Зборов! Патронов полно, винтовки и пулеметы новые, есть своя артиллерия, броневики. Да и порядка сейчас в полку больше...

– Слушайте, ребята, куда нас везут? Прогазка, ты же местный, какая это станция? Куда нас везут? Разве германцы уже форсировали Днепр? Почему ничего не слышно, а еще утром на западе погромыхивало? Мы же едем на восток! Господин прапорщик, разрешите...

* * *

Разные люди по-разному оценивали и оценивают происходившее.

К. Клапалек, генерал, в 1945 году командир корпуса Чехословацкой армии: «Нам было тогда за двадцать, и в большинстве своем мы даже не понимали, что здесь в боях и крови рождается новый мир, до сих пор еще не известный в истории человечества. И пока мы, молодые прапорщики, старались что-то понять, история шла сама по себе».

Вопрос делегату Чехословацкого корпуса Черженскому на секретном совещании представителей Антанты в Яссах в ноябре 1917 года: «Способна ли чехословацкая армия к вооружённому выступлению против большевиков и сможет ли она занять область между Доном и Бессарабией?»

Жанен¹, французский генерал, из документов «Комиссии для решения русского вопроса», созданной в декабре 1917 года под его руководством: «Изучить возможности наиболее полного использования некоторых нерусских организаций в России, например чехов, казаков, украинцев, латышей и т.д.».

Из перехваченного чекистами письма одного из организаторов Белого движения генерала М.В. Алексеева² руководителям французской миссии в Киеве: «Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Кубанские казаки нравственно разложились, и, к сожалению, корпус бесполезно и безо всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона».

¹ Жанен Пьер Тибо Шарль Морис (1862–1946), представитель Франции в Ставке главного командования русской армией. С 1918 г. – командующий русскими и союзными войсками к западу от Байкала в Сибири и Восточной России.

² Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918). генерал от инфантерии, участник русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой войн, один из организаторов белого движения.

В Лондоне сэр Уинстон Черчилль изучал возможность прорыва корпуса на Архангельск или Мурманск, оккупации севера России и последующей переброски чехов на английских кораблях во Францию для продолжения борьбы с Германией...

В Петрограде, а затем и в Москве три дипломатических представителя – мистер Р. Локкарт, мсье Ж. Нуланс и сэр Д. Фрэнсис – изучали возможность использования корпуса для ликвидации Советской власти. В нарушение дипломатических норм они организовали заговор послов, ставивший целью свержение Советской власти и оккупацию России. Заговор был раскрыт ВЧК в конце августа 1918 года. К этому времени мысли дипломатов трансформировались в совершенно определенном направлении. Сначала было осторожно-условное: «как ни хотим мы, чтобы они скорее оказались в рядах бойцов на Сомме, но все же следует считаться и с возможностью задержать их. При известных обстоятельствах им придется сыграть роль на севере или востоке России». А 18 мая уже категорически: «союзники желают, чтобы чехословацкие части остались в России и образовали ядро французской армии против большевиков»...

В Киеве командир корпуса Шокоров¹ вместе со своим начальником штаба Дитерихсом², комиссаром корпуса, бывшим профессором Пражской торговой академии И. Максой и членами Национального совета прикидывали, как подороже продать корпус, окружив подлую сделку цветами профессорского красноречия и громкими лозунгами о свободе отечества, братской помощи русскому народу, изнывающему под игом изменников-большевиков и священном долге уже не только перед союзниками и революцией, но и перед самой историей.

¹ Владимир Николаевич Шокоров (1868–1940), полковник, участник русско-японской и Первой мировой войн. У Колчака – генерал-лейтенант. Эмигрировал, служил в чехословацкой армии.

² Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937), генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны. С 1919 года командовал Сибирской армией, последний правитель белогвардейцев на советской территории.

В Москве наркомвоен Л.Д. Троцкий мечтал о превращении корпуса в регулярную часть будущей Красной Армии, в ее гвардию и основной костяк...

А по дороге от Киева на Бахмач шли эшелоны, в одном из которых Йозеф Лауда вместе со своими товарищами напевал «Шли мы прямо в Яромерь», «Кто же вы, божьи воины» и менее приличные песни, напевал, покачиваясь на нарах вагонов, не слишком быстро, но вполне уверенно увозивших наиболее боеспособное воинское соединение подальше от фронта, подальше от ненавистного врага. Как это могло случиться? Даже не все офицеры отчетливо понимали суть происходившего.

* * *

А она была очень проста – корпус готовили к войне с Советской властью.

Только за июль – август 1917 года в корпус вступило более двадцати тысяч человек. Правда, провал попытки привлечения корпуса к участию в корниловском путче заставил чешских агитаторов действовать осторожнее и на каждом шагу подчеркивать – в русские дела мы не вмешиваемся. Это не помешало использовать чехов для борьбы с большевиками на улицах Киева в ноябре 1917 года, для охраны помещичьих имений и подавления революционных выступлений украинских крестьян-бедняков.

Когда Центральная рада объявила Украину «самостийной» и вступила в переговоры с немцами, Масарик включил корпус в состав французской армии и договорился с Радой, что чехи покидают Украину. Раде было не до чехов, она была готова на всё, но тут немцы ушли и советские войска заняли Киев. Масарик сумел договориться и с советским командующим войсками Южного фронта о том, что корпус покидает Украину и перебрасывается во Францию.

А солдатам, между тем, объяснили, что так как большевики помирились с Германией и Австро-Венгрией, то короткая дорога домой через территорию неразгромленного врага закрыта. Во-вторых, большевикам самим есть нечего, кормить такую ораву пленных и легионеров они не будут, а

передадут их австрийцам, соглашение об обмене пленными подписано еще в декабре 1917 года. Дома нас ждет смертная казнь – в Австро-Венгрии хорошо знают, как мы оказались в плену. Значит, корпус надо перебросить во Францию и на Западном фронте сделать то, что не удалось на Восточном – разгромить Центральные державы и войти в Злату Прагу с развернутыми знаменами и под грохот барабанов. Если только не помешают большевики.

Корпус должен оставаться крепкой боевой единицей, готовой к боям с врагами свободной Чехословакии. Кто эти враги, стало совсем непонятно, когда 18 февраля Германия и Австро-Венгрия, нарушив перемирие, начали наступление по всему фронту, а командование корпуса, столько говорившее о святой ненависти к тевтонам и даже поначалу намеревавшееся оборонять Украину, сражаться с ними отказалось.

А под Жмеринкой, Гребенкой, Ромоданом, Киевом только что созданные отряды Красной Армии, плохо вооруженные, полуголодные, сумели остановить противника. И рядом с питерскими металлантами и донецкими шахтерами было немало венгров, австрийцев, немцев, сербов, около тысячи чехословацких добровольцев, разобравшихся в обстановке, понявших, что борьба за свободу революционной России есть единственный правильный путь к свободе собственных стран. Немало, но и не так уж много... А большинство считало – скорей во Францию, там мы этим швабам покажем!

* * *

Основные силы корпуса находились в Бахмаче, удерживаемом Красной армией. Немцы же, следуя, в основном, вдоль железных дорог, подходили с Гомельского и Киевского направлений. Но у них почти не было артиллерии, тылы отстали, не хватало боеприпасов. Нельзя было позволить им соединиться. Примаков¹ пытался взять под свое командо-

¹ Виталий Маркович Примаков (1897–1937), советский военачальник, командовал отрядом при взятии Зимнего дворца. Участник Гражданской войны, командир корпуса червоного казачества. Впослед-

вание все красногвардейские отряды, отряды анархистов, отряды из местных рабочих, особенно железнодорожников. Из Луганска к Бахмачу шел отряд Гришина и Ворошилова. Но дорога была забита чешскими эшелонами, подходили пешие подразделения, самовольно захватывали вагоны и паровозы, уголь, продовольствие. Примаков убедил чехов, что для продвижения на Пензу – Челябинск, таким был маршрут, согласованный с Москвой, чехам надо развернуть часть своих сил против немцев, иначе они не успеют погрузить в эшелоны свои части, следующие к Бахмачу походным порядком.

Немцы перешли в атаку сразу с нескольких направлений. Впрочем, настоящего преимущества они не имели, строя расчет на разношерстность противника. Этот расчет оказался правильным. Рабочие киевского завода «Арсенал» уверенно держали центр. Чехи были поставлены Примаковым на правом фланге дуги, охватывающей Бахмач с юго-запада. Трое суток – 12, 13, 14 марта – легионеры отбивали атаки немцев, не отступив ни на шаг. Солдаты Шестого Ганацкого и Седьмого Татранского полков, в основном сформированных уже после Корниловского путча, участвовали в бою впервые, если не считать тех сражений, в которых они были еще солдатами австро-венгерской армии. Однако опыта, подготовки, ненависти к врагу и понимания смысла происходящего у них хватало, да и вооружены они были лучше противника. Кроме того, легионеры знали, что хотя Киев и был оставлен до подхода немцев и в боевое соприкосновение с их передовыми частями корпус не входил, все же несколько случайно отставших легионеров попало в плен. Они тут же были расстреляны. Впрочем, немцы всегда были скоры на расстрел.

Но вечером 14 мая новый командир 7-го полка Гайда получил доклад об окончании погрузки дивизии. Не только не испросив разрешения у командования советских войск,

ствии – военный атташе в Китае, Афганистане (о нем с огромным уважением в 1981–1983 годах рассказывали мне пожилые афганцы). Расстрелян, реабилитиран.

дравшихся рядом и фактически обеспечивавших эвакуацию частей Чехословацкого корпуса, но даже и не доложив о своих действиях, Гайда снял полк с фронта. Одновременно ушли и подразделения других чехословацких полков. Фланг советских войск был оголен, немцы свободно прошли через необороняемый участок, окружили одну из советских частей вместе со штабом и обозом и, следуя уже установившимся на Украине традициям, расстреляли всех пленных. А легионеры благополучно отбыли в тыл. Это было постыдное зрелище. Враг наступает, товарищи гибнут, а готовый к боям корпус предательски бросает тех, кого называет союзниками, грузится в вагоны и бежит от противника, чтобы искать с ним встречи за десятки тысяч километров...

* * *

– Ты можешь мне объяснить, Йозеф, почему против германцев за царя драться было можно, за Керенского – можно, за Францию – можно, а за красную Россию нельзя? Ну, ладно, они – предатели, заключили с Вильгельмом мир, но сегодня-то они проливали кровь за нас! Куда мы едем? Разве эта, как ее, Пенза – вроде Вердена, ее оборонять надо? Тут что-то не так.

– Перестань умничать, Новак! Командование знает, что надо делать. Большевики разложили старую армию, новую создать не могут, лапотники, которых они называют красными гвардейцами, фронта не удержат. Вот мы и укрепимся на Волге, создадим там крепкую оборону против австрияков, а там союзники поднажмут, вот и конец войне.

– Что-то они плохо нажимали за последние четыре года, твои союзники. А ты-то хоть знаешь, где эта Волга? Надо что-то делать, Йозеф. Ты слышал, что под Березанью из седьмого полка чуть ли не двести человек убежали к красным?

– Убежали. Ну и что? Командира полка заменили, семнадцать человек расстреляли, другие не побегут. Или ты тоже собираешься?

* * *

Советское правительство в лице наркома по делам национальностей Сталина выразило командованию корпуса готовность оказать всяческое содействие в эвакуации через Владивосток при условии честной и искренней лояльности офицеров и солдат корпуса. Корпус должен был продвигаться не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров (на 1000 человек 100 винтовок и 1 пулемет). Однако требовалось немедленное устранение контрреволюционного командного состава (в основном – русских офицеров). Совет Народных Комиссаров поручил Пензенскому Совету сменить всех старых комиссаров и назначить новых, надежных, с тем чтобы комиссары эти сохраняли целостность чехословаков как организованного целого и систематически осведомляли Совет Народных Комиссаров о всех происшествиях в продвижении чехословаков.

Последнее требование было невыполнимо, сама же идея эвакуации соединения иностранных войск с территории суверенного государства была реалистична, избавляла Россию от многих бед и несчастий, но, конечно, согласиться с ней ни антисоветское командование корпуса, ни антироссийские руководители многих стран не могли.

* * *

Формально наши условия были выполнены. Винтовок не считали, но по двести штук в каждом эшелоне оставили, в каждом полку – по 24 пулемета (12 «Максимов» и 12 «Кольтов»), по артиллерийской батарее, все минометы и бомбометы. В вагонах изготовили двойные стены, туда уложили часть винтовок и разобранные пулеметы. Дополнительный запас патронов – в мешки с продовольствием. Снаряды – в ящики из-под консервов.

Требование замены части комсостава посчитали находящимся вне компетенции советской власти, ибо корпус формально входил в состав французской армии, соответствующую

щие решения – функция французской миссии во главе с генералом Жаненом.

* * *

– Стой, кто идет?

– Не кричи, свои.

– Стой, говорю! Стрелять буду!

– Ты что, чешского языка не знаешь? Тебе говорят «свои», значит, свои. Мы из седьмого полка и один русский с нами. Поговорить надо с ребятами. Мы без оружия.

– Подождите, меня скоро сменят, тогда и поговорим.

– Откуда ты, тупица деревенская? Сказано свои, чехи, так нет, еще какого-то черта ждать заставляешь. Ты Петра-са из нашего полка знаешь?

– Нет.

– А Гашека?

– Знаю. Мы вместе под Зборовом были. Так он же дезертир, убежал к красным!

– Не дезертир, а красноармеец, солдат новой армии, и мы такие же. Ты долго еще будешь стоять, как турок? Ладно, Дмитрий, пошли, ничего он с нами не сделает, это свой парень. Тебя как зовут? Йозеф? После смены приходи в последний вагон.

...Хотя по нормам в таких вагонах должно было находиться «сорок человек или восемь лошадей», на этот раз сюда втиснулась вся рота, правда, по просьбе русского солдата – без офицеров. Когда Йозеф сменился с поста, места в вагоне ему уже не нашлось, но, хотя было сыро и холодно, дверь вагона оставалась открытой, печь не топилась, около вагона стояло несколько солдат из соседнего эшелона. Русский говорил на какой-то странной смеси польского, чешского, своего родного, но понять его было можно, и только изредка сопровождавшие его чешские красноармейцы повторяли отдельные фразы. Разговор шел уже давно...

– Так ведь и у нас не все враз поняли, зачем нужен этот похабный мир. Однако Советская власть жива уже почти полгода, а не было бы мира – не было бы и Советов. Да и вас бы германец давно в расход пустил. А мы живы и вас

хотим добром отпустить. Чего тут не понять теперь-то? Что? Да я вашего Масарика знать не знаю, а вот генералов ваших знаю, им не верю и вам не советую. Сколько волка не корми, он в лес смотрит. Заставят вас со своими же драться. Уйдете спокойно сами? Для этого и в эшелоны погрузились? А чего же в Пензе стоите? Вас во Владивосток не пустит атаман Семенов, да вы и так не доедете, вас обязательно в драку втянут. Русские дела – не чешские дела? А против кого ваши командиры собираются открыть фронт на Волге? Против каких немцев? Да немцы от Волги за тысячу верст и у нас с ними мир. Мы точно знаем, что французский посол вашему Клецанде говорил о выступлении корпуса против большевиков. Не пойдете? Обманут вас, ребята. Поймите, середины в этой войне нет, надо решать, кто – куда. У нас в городе сформирован Первый чехословацкий революционный полк, он будет защищать Советскую власть. Помяните мое слово – его солдаты скорее попадут на родину, чем те, кто пойдет против нас. Подумайте, смотрите, чтоб вас, как баранов, не прирезали то ли свои, то ли чужие...

В вагоне и около него спорили почти до самого утра, в конце концов гостей едва не избили, но кто-то все же сумел удержать самых горячих. Вспоминали и фронт, и лагеря, и службу Францу-Иосифу, и своих родных, до которых было так далеко от этой Пензы, где полк вот уж чуть не месяц сидел в эшелонах, составляя арьергард растянувшегося до самого Иркутска корпуса. Кто-то предлагал задержать красноармейцев, чехов передать командованию для военно-полевого суда как дезертиров и бунтарей, а русского – в контрразведку как агента. Но потом всё же решили гостей отпустить, поручив Лауде и еще двум легионерам вывести их за пределы станции...

– Ну, спасибо, солдат. Как тебя, Иосиф? Осип по-нашему. Бывай. Может быть, встретимся, увидим, чья все же правда.

– Да зря ты об этом говоришь, Дмитрий. Не будем мы с вашими воевать, ничего мы здесь не потеряли. Только и за красных я свою кровь проливать не собираюсь. Меня дома ждут, а вы тут сами разбирайтесь.

– Разберемся, разберемся, это уж ты увидишь. ...

Выкурили на прощанье по сигарке, ругнули по-русски и по-чешски непролазную грязь, в которую превратилась дорога к станции – ночью она уже не подмерзала и на русских сапогах, как и на чешских ботинках, налипло по пуду грязи – и разошлись, легионеры – в эшелон, красноармейцы – куда-то к окраине города. И никто не думал о том, как продолжится этот разговор и куда повернутся судьбы его участников. И уж вовсе не думал Йозеф, куда его приведет правда русского солдата...

* * *

14 мая 1918 года из предпоследнего вагона эшелона с австро-венгерскими военнопленными, следовавшего на запад через станцию Челябинск, была выброшена чугунная ножка от походной печки. Солдат Духачек, исправлявший фургон на платформе одного из чехословацких эшелонов, был ранен – ножка попала ему в голову, и он потерял сознание. Увидев окровавленного товарища, чехословацкий патруль задержал эшелон с военнопленными, подбежавшие легионеры отцепили несколько вагонов, вывели военнопленных на пути, избili девятерых безоружных австрийцев, а одного, Йогана Малика, на которого в этой неразберихе кто-то указал как на виновника, закололи штыками. Челябинский совет рабочих и солдатских депутатов, отвечавший за порядок в городе, сумел задержать десятерых непосредственных виновников самосуда и начал расследование происшествия.

В его ходе выяснилось – по крайней мере так показал военнопленный Клык, что еще до отправки эшелона к Малику, оказавшемуся земляком нескольких легионеров из полка имени Яна Жижки, подходили легионеры и уговаривали его вступить в корпус. Малик категорически отказался – ради чего ему служить в корпусе, следующем на восток, если он и так едет домой, и эта дорога близка. Видимо, сказал он и еще пару солдатских слов. Легионеры плюнули ему в лицо, а когда другие военнопленные попытались заступиться за товарища, легионеры – они в вагоне были в меньшинстве –

ушли, сказав на прощанье: «мы еще посмотрим, как вы уедете». Так это было или не совсем так – трудно сказать – расследование не удалось довести до конца. Командование эшелонов направило в Челябинский Совет делегацию с требованием немедленно освободить задержанных. Совет, видя реальную угрозу со стороны чехословацкого командования – два отлично вооруженных и обученных полка с пулеметами и артиллерией против небольших подразделений Красной Армии, – согласился отпустить чехов. Но командиру полка им. Яна Жижки Войцеховскому и его офицерам нужны были не эти десяток солдат, а повод к выступлению против Советов. Легионеры шестого полка оцепили центр города, разоружили красноармейцев, захватили арсенал и военный комиссариат, перерезали телефонную линию. В это же время подразделения третьего полка овладели – им, собственно, никто и не сопротивлялся – железнодорожным вокзалом, железнодорожными составами, резервными вагонами и паровозами. Фактически весь Челябинск оказался в руках мятежников.

Как только о событиях в Челябинске стало известно советскому правительству, представители корпуса Макса и Чермак, находившиеся в это время в Москве, были арестованы впредь до выяснения обстоятельств. Им было предложено немедленно разослать командирам эшелонов распоряжение о сдаче оружия. Понимая, что отказ от такого предложения равносителен поощрению мятежа, Макса и Чермак 21 мая распорядились беспрекословно сдать все оружие представителям местных советов. Конечно, никто этого распоряжения не выполнил, но на несколько дней наступила передышка, к сожалению, не очень удачно использованная органами Советской власти в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири.

16–20 мая в Челябинске состоялся съезд делегатов частей корпуса. Съезд принял решение – разумеется, от рядовых укрытое в деталях, но объявленное им по существу – советской власти не подчиняться, оружие не сдавать. Съезд создал Военный Совет, в котором главную роль играли русский Войцеховский и чехи Гайда и Чечек.

Гайда – фигура особая и для понимания характера белогвардейщины – типичная. В 1915 году двадцатитрехлетний унтер-офицер австрийской армии Рудольф Гейдль перешел на сторону черногорских войск, выдав себя за офицера. Самоиспеченный подпоручик, теперь уже называвший себя Радола Гайда, перебрался в Россию, где вскоре стал поручиком чехословацких войск. Весной 1917 года он был назначен командиром седьмого полка, вскоре – командиром второй дивизии, получил звание полковника чешской, а затем генерал-майора и генерал-лейтенанта русской армии, некоторое время командовал Сибирской армией – эту должность он получил в 27 лет. Стремительно взлетев по лестнице чинов и должностей, этот не очень грамотный в военном, да и других отношениях, авантюрист позволял называть себя чешским Наполеоном и в мыслях не раз въезжал в Москву, Петроград и Прагу на белом коне. Надо признать, что был такой момент – хотя и не таланты Гайды к тому причина – когда Сибирская армия нанесла сильный удар советской 3-й армии и создала угрозу соединения с интервентами, наступавшими со стороны Архангельска («Пермская катастрофа»). Но позднее Гайда поссорился с Колчаком и пытался даже организовать что-то вроде дворцового переворота. Колчак успел разжаловать своего бывшего любимца и родственника (в мае 1919 года Гайда женился на племяннице адмирала), и Гайда, получив чешский орден, уехал на родину. Там этот герой и патриот, один из виновников Гражданской войны в нашей стране, стал организатором чешского фашизма, сотрудником гитлеровцев. В 1948 году он умер после тяжелой болезни. К сожалению, я долго верил «Энциклопедии гражданской войны и военной интервенции в СССР» (М., 1987), где сказано, что его казнили в Праге вскоре после войны.

* * *

Итак, 20 мая 1918 года съезд делегатов частей корпуса, растянувшегося от Пензы до Иркутска, принял решение, означавшее начало мятежа против Советской власти. В тот же день правительство приказало разоружить чехов. Но

наркомвоенмор Троцкий приказал Челябинскому и Пензенскому Советам не только разоружить – уже это было практически невыполнимым, – но еще и расформировать чехословацкие части. Это, конечно, было настоящей провокацией. Мало того, то ли из-за предательства, то ли из-за простого головопятия секретный приказ Троцкого попал в руки командования корпуса. А уж оно постаралось, чтобы все легионеры прочитали: «Каждый чехословак, застигнутый на железной дороге вооруженным, будет расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных». А и вооружены были все, и на железной дороге находились все. Значит, или расстрел, или снова лагерь? Легионерам, уже подогретым националистической пропагандой и запуганным рассказами о предателях-большевиках, надо было не так уж много. Мятеж стал не просто выполнением приказа командования, – он был подготовлен морально, подавляющее большинство легионеров было убеждено, что они встали за правое дело.

В ночь с 26 на 27 мая 1918 года чешские подразделения, выгрузившись, окружили казармы советского гарнизона. Спящие красноармейцы были захвачены врасплох. По Приказу Войцеховского Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов был расстрелян. Чехи захватили свыше шести тысяч винтовок, двадцать орудий, пулеметы, военное снаряжение. Все оружие тут же было роздано организованным в Челябинске и его окрестностях отрядам Белой армии. Все, кто ненавидел Советскую власть, вздохнули с облегчением, увидев в чехах ту организованную силу, которая возглавит свержение большевиков.

В соответствии с решениями Военного совета мятеж частей, находившихся к востоку от Омска, возглавил Гайда. В ночь на 25 мая он телеграфировал своему начальнику штаба капитану Кадлецу: «Продвигайтесь к Красноярску, где ждите моих распоряжений. О выполнении доложите». Двумя неделями позднее Гайда писал тому же Кадлецу еще более откровенно: «Всякие переговоры с большевиками или заключение с ними мира полностью исключаются; между

нами и ними – бой не на жизнь, а на смерть. Мы обязаны любой ценой уничтожить большевиков. Согласно сведениям, которые я получил, мы, очевидно, уже в эту Францию не поедем, таково мнение и настроение почти всего корпуса, а союзники уже высказались именно в этом смысле, хотя до сих пор не вполне определено».

В субботу 25 мая в три часа дня чехи внезапным ударом захватили станцию Мариинск, Дом Советов, совнархоз, казначейство, почту и телеграф. Разоружили ехавших на Забайкальский фронт омских красногвардейцев. В ночь на 26-е – тут Гайда командовал лично – заняли Новониколаевск. Гайда сообщал в штаб корпуса: «Мои эшелоны наступают на Иркутск. Положение наше самое благоприятное. У нас всего 4 убитых, 3 раненых, потери советских войск велики. Обезоружены все советские войска по этой линии. Взято много тысяч винтовок, много пулеметов, патронов, орудий и военного снаряжения. Сегодня покончу с Томском». У новоявленного стратега кружилась голова от успехов, к тому же вступивший 28 мая в командование войсками Западно-Сибирского военного округа полковник русской императорской армии А.Н. Гришин, скрывавшийся под фамилией Алмазов, приказал всем начальникам русских белых отрядов, частей и подразделений подчиняться чешскому капитану Гайде. И это в русской армии, где всегда существовала четкая иерархия чинов и званий!

В соответствии с решениями Съезда, чешские эшелоны, находившиеся в Поволжье, возглавил капитан Чечек. 28 мая чехи начали наступление на Пензу. Под командованием капитанов Чечека и Швеца было около двенадцати тысяч легионеров. Пензу обороняло 1287 бойцов Красной Армии, каждый четвертый из них был чехом, солдатом 1-го Чехословацкого полка, солдатом-интернационалистом.

* * *

30 мая 1918 года «Правда» опубликовала сообщение Наркомата по военным и морским делам об усилиях власти по эвакуацию корпуса на родину, сообщалось о захвате чехословаками Новониколаевска и других городов, о насилии

над Советами, о требовании немедленного и безусловном разоружении корпуса. Говорилось и о том, «что с Урала и Центральной России, из Сибири двинуты войска для того, чтобы сокрушить мятежников и раз и навсегда отбить у контрреволюционных заговорщиков охоту вовлекать одуряченных ими людей в мятеж против Советской власти», о том, что «судьба чешских рабочих и крестьян в их собственных руках».

Но войска оказалось недостаточно. И даже умелые действия первого «сибирского красного генерала» Таубе (1864–1918), начальника Главного штаба Сибвоенкомата, не смогли исправить положения. Генерал-лейтенант императорской армии Александр Александрович фон Таубе, участник русско-японской и Первой мировой войн, после Октября (он был тогда начальником штаба Омского военного округа) сразу же признал Советскую власть. Колчаковцы, захватив генерала, предложили ему сотрудничать с чехами. Но он ответил: «Мои седины и контуженные ноги не позволяют мне идти на склоне лет в лагерь интервентов и врагов трудящейся России». Военно-полевой суд приговорил Таубе к смертной казни. Не дождавшись её, он умер в екатеринбургской тюрьме.

Вдумайтесь! Остзейский барон выступает против чешских мятежников, руководимых русскими генералами и адмиралом, защищая Россию, страну, верности которой присягал!

* * *

Для того чтобы отбить интервентам охоту воевать с Советской властью, Красной Армии, уральским и сибирским партизанам, всему нашему народу понадобилось немало времени. 25 мая 1918 года оказалось не просто днем начала мятежа белочехов против Советской власти и завоеваний Октября – это был день начала Гражданской войны. Подчеркиваю это потому, что ныне очень уж популярна мысль о том, что Гражданскую войну развязали, прежде всего, Ленин, Свердлов, Троцкий. Да, конечно, значительную долю ответственности за эту трагедию несут именно большевики.

Значительную... Но далеко не всю, и далеко не в первую очередь.

До 25 мая 1918 года революция развивалась, в основном, мирным путем, и сохранение гражданского мира еще оставалось возможным. Не удалось! И не те, кто начал революцию, в этом виноваты...

13 июня был создан Реввоенсовет Восточного, нового и надолго главного, фронта борьбы за Советскую республику. В те дни Ленин писал: «Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань – Урал – Самара. Все зависит от этого».

* * *

...И куда нас теперь везут? И сколько же можно кататься в этих вагонах? Все окончательно запуталось. Сначала было ясно – большевики приказали отобрать у нас оружие, а нас самих отправить в лагеря для передачи австриякам. Капитан Чечек прибыл из Челябинска. На съезде решили пробыть в Владивосток силой – не идти же добровольно на каторгу или под расстрел. В Пензе Советы пытались нас задержать, но наш командир – старый вояка, комиссаров, сунувшихся на станцию, выбили... За город пришлось биться почти сутки, много ребят положили... Зато потом спокойно погрузились в эшелоны – и вперед. Маршрут ясен. Пенза – Самара – Уфа – Челябинск – Транссибирская магистраль, во Владивостоке нас будут ждать пароходы союзников. К Самаре большевики тоже не хотели нас пропустить, пришлось драться у моста через Волгу, потом еще два раза на каких-то станциях. Но все же город взяли, помогли русским восстановить законную власть и выгнать большевиков, а потом покатали дальше, на Уфу. Оттуда продвинулись на восток, к Челябинску, догнали ребят из второй дивизии. А через две недели все пошло не так. Дорога до Иркутска свободна, а мы почему-то повернули назад, опять ввязались в бои, у Мелекесса потеряли несколько человек. Для чего? И сейчас едем на запад, какой-то Симбирск нам еще понадобился. Зачем?

...Взвизгнули тормоза, вагон резко тряхнуло.

– Выходи! Становись! ...Братья! Русские бандиты разобрали путь. Ремонтной бригаде восстановить дорогу! Первой роте – занять оборону справа от дороги, второй роте...

– Новак, Лауда, в охранение! Новак – старший. Новак, триста метров на запад кустарник видите?

– Так точно, господин прапорщик!

– Залечь, наблюдать, не допустить внезапного подхода красных.

* * *

...Тепло, тихо, нет ни красных, ни белых. Поле, недавно сжатое, если бы еще и лесок – совсем как у нас, в Добржанках...

– Йозеф, ты что собираешься делать?

– Как что? Сейчас путь отремонтируют, нас с дозора снимут, заберусь на нары – и вперед, хоть до Симбирска, хоть до Владивостока.

– Не дури, я серьезно. Ты вот это читал?

– Это? За это расстреляют. Где взял?

– Читай!

– «...предатели всемирной революции... никогда чешский народ на родине не позволит вам вернуться домой в свободную Чехословакию...» А где она, свободная Чехословакия? Кто это написал? О, знакомые ребята... Шебеста... Гашек... Поспишил... Ты их помнишь?

– Я-то помню, а вот ты? Читай дальше!

– «...братоубийственная война, где льется братская русская и чешская кровь. Что случилось? Почему должно повториться несчастье, испытанное чешским народом триста лет назад, да еще за тысячи верст от своего отечества? Ваша кровь льется опять, и опять напрасно, как тогда, на Белой Горе в 1620 году. Тогда тоже убивали брат брата за веру в Габсбургов, а теперь за политику, еще более нам чуждую. Вас нахально обманули, дорогие соотечественники...» Так-то так, только еще не известно, кто кого обманывает. Надо же домой ехать!

– А ты куда едешь? Разве домой? Кто тебя не пускает?

– Как кто? Большевики.

– Вспомни Пензу. Что, большевики такие уж идиоты – бросили против наших двух полков какой-то отчаянный отрядик? Дрались они сутки, но их же было мало, да и не ждали они нашей атаки. Ты что, первый день на фронте? Бывало такое, чтобы наступающие хоть как-нибудь да не готовились? Это не они, это мы начали!

– А около Самары?

– Что около Самары? Кто нас пытался задержать? Вспомни! Там как раз и были чехи, только они были за большевиков. И кто их расстреливал? А в Пензе? Кто расстрелял пленных?

* * *

При взятии Пензы 29 мая чешские легионеры захватили несколько десятков красноармейцев-интернационалистов – немцев, австрийцев, венгров... Их сразу же вывели за город и расстреляли. По дороге пленных били кулаками, прикладами, кололи штыками, плевали в лицо. Упавших под ударами поднимали штыками. Умиравшим разбивали головы прикладами и каблуками ботинок. Потом приказали каждому из дошедших до места расстрела вырыть себе могилу по своему росту: «Мы же не будем копать ямы для такой падали».

Недалеко от Самары у станции Липяги, которую защищали чешские красноармейцы, на ветвях дуба были повешены раненые, захваченные в плен. Палач, один из бывших их сослуживцев, надевая петли на шею однополчан, спрашивал каждого: «Ну как, не жмет ли?» Алоиз Скотак, председатель агиткомиссии Чехословацкого полка Красной Армии, успел крикнуть: «Братья! Желаю вам добиться свободы, за которую вы сражаетесь. Я тоже бился за свободу, но мне уже до нее не дожить. Я умираю за свои убеждения. То, что вы сейчас совершаете, рассудит история».

* * *

– Это неправда! Чех не может быть зверем! Тебя обманули!
– Йозеф, ты не хуже других знаешь, что все это правда. Спор не о том, правда или ложь, а о том, будем ли мы такими же зверями, или нет. Зачем мы идем на Симбирск?

– Командование знает.

– Командование давно знает, что мы бараны. Неужели ты не понимаешь, что нас поворачивают на Москву?

– Так от Москвы до дома ближе!

– Йозеф, ты дурень или притворяешься? Что, красные нас с нетерпением ждут в Москве? Да они нас передавят как вшей окопных. Это всё не нам надо. Ты в каком корпусе служишь? В чехословацком? А почему первая рота в нашем полку вся из русских? Им тоже во Владивосток надо? Или в Прагу? И они хотят погибнуть за нашу свободу? Йозеф, надо уходить, пока не поздно, уходить к красным.

– Ты рехнулся?

– Те, которых повесили, тоже рехнулись? Пойдешь со мной?

– Нет, я чех!

– А я думал, что ты мой друг.

– Я в тебя стрелять не буду, иди, но иди один.

– Ну, смотри, не пожалей. Прощай, Йозеф.

* * *

На Волге начало было для корпуса успешным. И у полковника Швеца, и у полковника Каппеля¹, недавно закончившего Академию Генерального штаба, имелись и неплохие знания, и солидный боевой опыт. Да и под руками были силы, во много раз превосходившие оборонявшихся. Под знамена возникшей в Самаре при поддержке чехов Комитета членов «Самарской учредилки» (Комуча)² встали кулаки, эсеры, бывшие полицейские, всякого рода деклассированный сброд. Все это было гордо названо Поволжской Народной армией. Поначалу туда же удалось – кого силой, кого уговорами – заманить и немало крестьян Поволжья.

¹ Владимир Оскарович Каппель (1883-1920), один из известнейших и далеко не бездарных командиров у Колчака, присвоившего ему звание генерал-лейтенанта. Погиб при отступлении белых к Иркутску.

² О Комуче см. выше, в очерке о П.И. Воскресенском.

* * *

– Ну, что же ты, старый знакомец, стреляй! Или поведешь к каппелевцам, те на фонаре повесят... Сволочи вы все, я это еще в Пензе знал.

– Дмитрий? Почему здесь? – Йозеф не сразу узнал в окровавленном красноармейце красного агитатора.

– Я-то понятно почему. А ты здесь зачем? Ты ж домой собирался ехать, а стал белым воякой. Что я говорил? Не успели вас, гадов, в Пензе разоружить...

– Возьми, перевяжись, – Йозеф кинул бинт и выскочил из дома.

– Господин подпоручик, разрешите доложить, дом осмотрен, нет никого.

– Ажете, Лауда, он в эту дверь вскочил.

– Так точно! Только там второй выход есть, в огород. Разрешите преследовать?

– Да черт с ним, все равно русские поймают, они и повесят. Идите в роту.

* * *

В 2 часа ночи 22 июля Симбирск был взят. В тот же день на совещании белых штабов с представителями Антанты было решено наступать на Казань, Нижний Новгород и дальше. Чечеку поручили возглавить дальнейшее наступление и даже не возражали, чтобы именно он въехал в Первопрестольную на белом коне. Впрочем, видимо в связи с этими грандиозными планами, да еще, наверное, чтобы не обидеть Каппеля и Швеца, Чечека, как и Гайду, срочно произвели в полковники. Более того, вскоре их (и еще третьего, Яна Сыровы¹) произвели в генералы – русских генералов белому движению явно не хватало. Но это случи-

¹ Ян Сыровы (1888–1971), в 1914 г. вступил в Чешскую дружину, с весны 1918 г. – командир полка, с 1918 г. – командир корпуса, генерал-майор. Служил в вооруженных силах буржуазной Чехословакии, в дни подписания Мюнхенского соглашения 1938 г. был премьер-министром.

лось уже после того, как белочехи заняли Казань и захватили там половину золотого запаса нашей страны.

Колчак передал Великобритании около 46 тонн золота, Японии – 44, США – 34. Францию обидели – всего-то этим союзникам, дорогим французам, отправили 20 тонн. Ну, еще тонн пять раздали по мелочи всяким кредиторам. Разумеется, тут не учтено золото, серебро и платина, захваченные на рудниках Урала, Сибири и Алтая. Это был не просто грабеж. Колчак платил интервентам за то, что их руками или при помощи их оружия проливались потоки крови тех, чьим трудом это богатство создавалось... Кстати, этот грабеж – одно из оснований для отказа советского правительства платить по царским долгам.

В конце декабря 1919 года Жанен приказал чехословакам взять под свою охрану золотой эшелон – в нем оставалось восемнадцать вагонов из двадцати девяти. Заодно чехам было приказано взять под охрану гражданина Колчака, частное лицо. Что хотел делать французский генерал с русским адмиралом, не знаю, но на золото нашлось немало претендентов, от командования корпуса до Японии. Любимцу адмирала Каппелю всё это не очень нравилось, и он попытался выручить и золото, и своего покровителя. Но иркутские рабочие, сибирские партизаны и передовые отряды Красной Армии похоронили эту попытку вместе с самим Каппелем. Они слишком хорошо знали, кто такие Колчак, Каппель и им подобные.

В это же время штаб 5-й Красной Армии начал переговоры с командованием чехословацкого корпуса. Гостям давно уже пора было убираться восвояси, и лишнее кровопролитие было ни к чему. Сначала чехи стали упрямыться, но когда 5-я армия нанесла энергичный удар по их арьергарду, захватила четыре бронепоезда и оставила «хвост» корпуса без вагонов и паровозов, дело пошло по-иному. К тому же черемховские шахтеры дали понять гостям, что им придется или соглашаться с нашими условиями, или сидеть в вагонах до второго пришествия – угля не дадим. Я опускаю детали, концовка же такова. Колчака и «премьер-министра» Пепеляева расстреляли 7 февраля 1920 года, а золото –

21 442 пуда 29 фунтов 68 долей в 5143 ящиках и 1678 мешках на сумму 409 625 870 руб. 86 коп. – чехи передали его истинным хозяевам.

2 сентября 1920 года последний пароход с бывшими чехословацкими легионерами вышел из Владивостока. Но в августе 1918 года до его отплытия было очень далеко, и слишком уж многим не хотелось верить в столь бесславный конец «гуситского божьего воинства XX века», да и всего белого движения...

* * *

Падение Симбирска и Казани, почти одновременная – 2 августа – высадка интервентов в Архангельске, организованный белогвардейцами и эсерами и начавшийся в эти же дни Ижевско-Воткинский мятеж – все это казалось несомненными успехами белых и интервентов и внушало коекому надежды на скорый крах большевиков. И вдруг (разумеется, вовсе не вдруг!) Красная Армия наступает! И после первых же – сначала очень скромных – ее успехов «Народная армия Поволжья» стала распадаться. Сами белогвардейцы в записках и в официальных документах рассказывали о позорных для белого движения фактах. Из Уфы на фронт послали две роты, четыреста человек. До Самары доехала половина, на позиции прибыло сто двадцать, а после удара красноармейцев храброе воинство побросало оружие, сорвало погоны и смешалось с беженцами. И так было чуть ли не по всему Поволжью. На войне, как известно, воюют не столько генералы и полковники, сколько солдаты. А они, набранные из крестьян, никак не хотели проливать кровь за каких-то эсеров. И защищать Комуч приходилось чехам, все чаще задумывавшимся над происходящим. Особенно существенные сдвиги в мышлении героев Зборова и Пензы появились после энергичных и, как правило, внезапных ударов Красной Армии, таких, например, как удар по белочешским частям, оборонявшим Симбирск.

Тухачевский позднее вспоминал: «Этот успех был настолько неожидан для противника, что когда мы прибыли в Симбирск и там расположился штаб Симбирской дивизии, то к

тов. Гаю¹ вдруг явился с донесением какой-то прапорщик, посланный из Сенгилея к белогвардейскому начальнику дивизии. Прибыв вечером в город и спросив, где штаб дивизии, этот прапорщик прямо направился к начальнику дивизии и совершенно неожиданно для себя явился к тов. Гаю».

* * *

...Еще пару лопат земли, сюда немножко дерна... Кажется, хорошо, совсем как у нас в Добржанах на кладбище... Весной там положили бы камень, вырезали на нем крест, даты рождения и смерти... что сегодня?... 25 октября 1918 года.

«Полковник Йозеф Швец». Еще написали бы «Пал за...» А за что он пал? И разве это считается «пал»?

Красные скоро придут и сюда, им эта могила нужна как черту ладан, и к весне от нее не останется и следа, жил наш командир или не жил. Комиссар Ланге сказал было, что это мы виноваты в его смерти. Иржи правильно послал его порусски куда-то очень далеко – любому идиоту ясно, что зря мы ввязались в это дело... Белым надо – пусть и воюют. А этим псам и самим ничего, похоже, не надо. Из-за них чуть все не пропали под Симбирском. Прислали саперный батальон – укрепимся, прикроем, атакуем... А ночью красные ударили первыми – батальон удрал, укреплений тоже не оказалось. Перехитрили нас красные, как первогодков, – как мы били по паровозу, думали, из машиниста давно уж решето получилось, а там... Подняли пары и пустили через мост пустой паровоз прямо на колючую проволоку. Пока наши разбирались – паровоз уже здесь, а за ним – пехота. Легло их на мосту – страшно вспомнить. Все как на ладони, капшелевцы подожгли две баржи с нефтью, по мосту ударили из пулеметов. Отчаянный народ эти комиссары! С ходу прорвались, соседей на фланге сбили, остатки полка едва

¹ Гай Гая Дмитриевич (1887–1937), штабс-капитан, участник Первой мировой войны, за бои в Поволжье награжден орденом Красного Знамени. После войны – на военно-педагогической работе, комкор, профессор. Расстрелян, реабилитирован.

ушли... И начались чудеса. Туда – сюда, туда – сюда, и вот уж штаб дивизии на этой неведомой станции, и вот уж полковник ушел от нас... Нет, Иржи прав – больше мы не воюем ни с красными, ни с белыми, ни с немцами, ни с русскими... Хватит!

– Все, братья! Попрощались. По вагонам!

... Интересно, ждет кто-нибудь нашего командира дома? Не дождутся... А нас?

* * *

Не только рядовые солдаты и младшие офицеры корпуса не понимали сути происходящего. Часть старших офицеров, еще сохранивших остатки представлений о человеческой порядочности и офицерской чести, после первых поражений Белой армии поняла, что участвует в позорной аванюре.

А тут еще газета чехословацких коммунистов «Прукопник свободы» («Пионер свободы»), выходящая многотысячным тиражом, стала попадать в руки легионеров. А в ней можно было прочитать, например, приказ РВС Востфронта, позднее подтвержденный Наркомвоенмором – никаких самосудов, никаких расстрелов пленных, белочехи пользуются правами обычных военнопленных. Более того, как только представится возможность, они будут отправлены домой. И вскоре эта возможность стала реальной.

* * *

...Против создания самостоятельной Чехословакии сначала был не только русский царь. Во всех странах Антанты считались невозможными ликвидация монархии Габсбургов и создание на ее территории нескольких самостоятельных государств. Но после Февральской революции в России, после провозглашения Первым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов права наций на самоопределение вплоть до отделения, развал империи стал неизбежным.

28 октября 1918 года в Праге в результате стихийного выступления народа была провозглашена Чехословацкая

Республика. А еще через две недели, 9 ноября, в Германии началась революция. Центральные державы капитулировали. Первая мировая война закончилась.

Полковник Швец, командовавший в конце лета – начале осени 1918 года первой дивизией, писал комиссару полка Ланге о том, что «солдаты так опустошены и деморализованы постоянными неудачами «народных» частей, что при первом выстреле неприятеля ищут брешь в тылу».

Это было в обеих дивизиях. В справке чехословацкого командования сообщается: «Разбежался батальон 1-го полка на реке Моче, ушел батальон 2-го полка у Ставрополя, второй батальон 4-го полка у Мелекесса. Третий батальон 4-го полка самовольно проехал Кинель, хотя был назначен в арьергард, часть 9-го полка миновала свою сборную станцию на линии Уфа – Аксаково и с оружием в руках воспротивилась возвращению на предназначенное ей место».

Швец, убедившись, что «собственный народ на собственной земле не желает эту землю защищать», увидев, что у чешских солдат «появляется мысль, что они дерутся за чужие интересы», поняв, что он, боевой офицер, уже не может ничего приказать солдатам, отказавшимся выступить на позиции и заявившим начальству в глаза: «Мы не желаем сражаться за какой-то славянский романтизм или ради благополучия одиночек», застрелился на станции Аксаково.

* * *

9 ноября 1918 года Екатеринбургская группа колчаковских войск начала наступление против 3-й Красной Армии, оборонявшей Пермь. Объединенная с Прикамской группой в Сибирскую армию, имея трехкратный перевес в живой силе, хорошо вооруженная, она 24 декабря овладела Пермью и получила реальную возможность наступления на северо-запад для соединения с интервентами, наступавшими со стороны Архангельска. Группой, а с декабря 1918 года и всей Сибирской армией командовал Гайда, названный в белой печати «героем Перми». Ни особого героизма, ни выдающихся полководческих талантов бывший капитан не проявил – существовали и объективные, и субъективные

причины неудач красных войск под Пермью, обстоятельно исследованные специальной комиссией, направленной Центральным комитетом РКП(б) на фронт. Предложения комиссии, изложенные в докладе Дзержинского и Сталина, послужили основой для принятия командованием Восточного фронта плана наступления, начавшегося уже в середине января 1919 года.

* * *

Попытки организовать стойкую оборону и даже перейти в наступление, используя отдельные просчеты советского командования, трудности в снабжении оружием, боеприпасами и продовольствием наступавших красных частей, кончились для Гайды печально. Колчак снял его с поста командующего фронтом, разжаловал и «вычеркнул из списков русской армии».

Гайда был если не последним, то одним из последних чехов, дравшихся с Красной Армией на фронте. Первая дивизия, в одном из полков которой служил Лауда, отказалась воевать еще в ноябре 1918 года, третья, новая, была слишком далеко, да и не в одном расстоянии дело – командование не решалось послать ее в бой. И лишь отдельные подразделения второй дивизии находились в боевых порядках Сибирской армии.

Генерал Сыровы 15 января 1919 года доложил военному министру Чехословакии Штефанику¹ (вновь созданная республика уже имела кабинет министров), что отправка частей на фронт невозможна. И 27 января последовал приказ – все три дивизии чехословацкого корпуса использовать для охраны Транссибирской магистрали, поручив им участок от Новониколаевска до Иркутска.

...Кого только не привлекали тогда для охраны дороги! Чехи, поляки, румыны, англичане и даже итальянцы – «кол-

¹ Милан Ростислав Штефаник (1880–1919), астроном, альпинист, доктор философии. Участник Первой мировой войны. В Сибири находился с октября 1918 по январь 1919 г. Будучи антисоветчиком, тем не менее настаивал на эвакуации корпуса и невмешательстве в русские дела. Погиб в авиакатастрофе.

чакия» трещала по всем швам, на «своих» не было никакой надежды. Впрочем, надежды не было и на «чужих» – когда Колчак предложил чешским легионерам пойти на фронт добровольцами, пообещав каждому приличный участок земли в Сибири (после победы над большевиками) и 500 рублей золотом (это он мог дать немедленно), желающих почти не нашлось.

А части 3-й и 5-й армий, перевалив летом 1919 года за Урал, продолжали наступление, совершая то, что впоследствии было названо «сибирским чудом Красной Армии». Попытки комфронта Сахарова задержать наступление на рубеже Тобола, а потом на Ишиме провалились.

Командарм-5 Тухачевский позднее писал: «С 14 октября по 14 ноября, за тридцать дней операции, части 5-й армии прошли с непрерывными боями и форсированием двух крупных рек свыше 600 верст, т.е. по 20 верст в среднем за сутки, – скорость наступления рекордная».

...Читая документы, книги, воспоминания участников этих событий, я часто сопоставлял их с событиями 1944 года в Белоруссии, с операцией «Багратион». Конечно, германская армия в сорок четвертом вовсе не белая армия в девятнадцатом, а генерал-фельдмаршалы Модель и Буш вовсе не генерал-лейтенанты Сахаров и Каппель, да и масштабы операций едва ли сопоставимы. Но и тут и там стремительный натиск наших войск, энергичные удары на разных участках фронта и прорыв его в самых неожиданных для обороняющегося местах, смелые марши в тыл противника, короче говоря, и тут и там мастерство настоящих полководцев, высокое оперативное искусство штабов, героизм солдат и командиров всех рангов. И не тогда ли начал всему этому учиться командир кавалерийского дивизиона 30-й стрелковой дивизии Рокоссовский, один из авторов и исполнителей операции «Багратион»? Впрочем, не один Рокоссовский, и не только «Багратион». В событиях октября-ноября 1919 года на Восточном фронте участвовал командир 43-го стрелкового полка Чуйков, получивший, как и Рокоссовский, за героизм и мужество, проявленные в этих боях, свой первый орден Красного Знамени. В течение один-

надцати дней – но каких дней! – 13-й кавалерийской дивизией 5-й армии командовал слушатель Академии Генерального штаба Соколовский. В 240-м Тверском полку начинал свою службу в Красной Армии пулеметчик Малиновский. Я назвал только будущих маршалов, а сколько будущих командиров полков и дивизий, командующих корпусами и армиями, штабных офицеров и генералов участвовали в этих боях или изучали опыт военных действий на Восточном фронте в академиях, слушали лекции командарма-5, штудировали его произведения «Война классов», «Вопросы высшего командования», «Вопросы современной стратегии»! Драгоценный опыт Гражданской войны не пропал даром, и в нашей великой Победе 1945-го года есть вклад славных ее героев...

* * *

В телеграмме В.И. Ленину Реввоенсовет 5-й армии докладывал, что от Петропавловска до Омска взято в плен около 45 тысяч солдат и офицеров противника, захвачено два бронепоезда, три броневика, более миллиона снарядов, много пулеметов, винтовок и большие запасы продовольствия. При взятии Омска было захвачено свыше 30 тысяч винтовок, около 20 миллионов патронов, около тысячи пулеметов, без малого 200 тысяч ручных гранат, колоссальное количество снаряжения, обмундирования, продовольствия. И ни одного случая мародерства! Голодные, износившиеся за несколько месяцев непрерывных боев красноармейцы не позволили себе хотя бы немножко воспользоваться результатами победы для себя. Лишь по приказу Шрайера всему полку были пошиты революционные галифе и гимнастерки из отличного сукна – целый вагон был захвачен полком. Ну, а то, что сукно было красного цвета, не смутило комполка. Одну такую гимнастерку на прощание подарили Тухачевскому, писавшему позднее: «...белые были разбиты, и колчаковская армия перестала существовать как организованная сила».

А в это же время сам высокопревосходительный и галантнейший месть Морис Жанен, генерал французской

службы, нахватал несколько вагонов всякого добра, в том числе и принадлежавшего императорскому двору (впрочем, потом оказалось, что его надули – подсунули всякого рода подделки, к тому же и увезти удалось далеко не все, но сути дела эти детали не меняют). Это был, так сказать, «высокий гость». Ну, а уж те, кто считал себя хозяевами, как минимум, Сибири, а то и всей единой и неделимой, мародерствовали и грабили родину в полном соответствии с чинами и должностями чем выше, тем больше.

Таковыми они оставались во всем. Оставляя города, колчаковцы расстреливали и вешали всех арестованных и пленных. Так было в Таре, так было в Тюкалинске, так было повсюду. 12 ноября, за два дня до освобождения Омска, белые вывели в загородную рощу – она была неподалеку от тюрьмы – 120 политзаключенных. Их зарубили шашками и закололи штыками – в городе было беспокойно, и палачи побоялись излишнего шума. Нетрудно догадаться, что ожидало пленных, находившихся в трех омских концентрационных лагерях, если бы не стремительное наступление наших войск. Тридцать тысяч колчаковских солдат и офицеров сдались в плен в Омске, многих из них советское командование отпустило по домам, многие вступили в ряды Красной Армии. И опять-таки – ни одного случая самосуда, издевательства, рукоприкладства. А ведь было за что! Нет, я не собираюсь изображать красных воинов этакими ангелочками – война есть война, в ней участвуют разные люди, и можно, увы, привести примеры грабежей мирного населения, мародерства, издевательства над пленными, бессмысленной жестокости, творимых не только белыми, все было как на войне, но в данном случае – нет.

В Красную Армию вернулись и многие из освобожденных из концентрационных лагерей пленных красноармейцев, вступили в нее и десятки освобожденных интернационалистов, бывших военнопленных австрийцев, венгров, сербов, словаков, чехов.

* * *

– Осип?! А ты-то как сюда попал? Это же не твоя компания, тут одни наши!

– Наши? Что есть «наши»? Что есть «ваши»? Кто тут есть, те уже давно стали ваши...

...Я не знаю, сколько времени разговаривали эти очень разные люди, уральский рабочий, которого революция из простого солдата сделала комиссаром, и чешский крестьянин, которого контрреволюция пыталась сделать своим ландскнехтом.

Дмитрию было что рассказать о героизме красноармейцев двадцать седьмой и тридцатой, тридцать пятой и пятьдесят первой и многих других дивизий Восточного фронта, разгромивших лучшие части Белой армии, о их славных командирах и комиссарах Блажевиче, Блюхере, Лапине, Неймане, Павлове, Путне, Сергееве, Эйдемане, истинно народных героях, против которых Колчаку поставить было некого. И, конечно, рассказывал он о прошедшем весной Восьмом съезде РКП (б)...

О чем рассказывал Йозеф? Почти весь девятнадцатый год легионеры несли службу по охране магистрали. Зачем? У нас, слава Иисусу, есть уже маленькая, но своя республика, она ни с кем не воюет, у нас есть дом, где нас ждут люди, которым мы дороги. Здесь мы воюем, здесь у нас ничего нет, здесь нас ненавидят. Почему мы должны охранять вагоны с американскими винтовками, французскими снарядами и патронами, английскими пулеметами и пушками? В казармы и вагоны с чешскими солдатами попадали письма сибирских рабочих, крестьян, партизан, подпольщиков:

«Колчак является опорой мировой буржуазии, превзошел всех и порет крестьян, как скотину. Повторяем, что мы восстали не для того, чтобы разводить тары-бары, а для того, чтобы совершить революцию, которая будет долгом нашего и вашего благополучия, а потому предлагаем вам присоединиться к нам и дружными рядами пойти на врагов-мироедов.

... помните, что через год ваши села и деревни, ваши хозяйства и халупы тоже могут вздумать жечь «колчаки» от

вашего и чужестранного капитала. Армия Колчака имеет оружие, снаряды и прочее лишь потому, что вы охраняете железную дорогу, по которой все это доставляется из-за границы».

За чтение таких писем полагался военно-полевой суд, но люди все равно читали, все чаще задумывались, требовали ускорения отправки домой, отказывались участвовать в Гражданской войне и, тем более, в карательных акциях против населения и партизан. И чехословацкий корпус, опора и надежда Белой армии, крепкая боевая единица, неудержимо разваливался, превращался в деморализованную, недисциплинированную, небоеспособную многотысячную толпу вооруженных людей. Происходило, как писал колчаковский контрразведчик штабс-капитан Черепанов, «как будто повторение пройденного урока в русской армии в период революции, а особенно с октября месяца 1917 года. Это в значительной степени зависит от той агитации большевистского характера, которая ведется в чехословацких войсках».

Да уж какие там войска, если в одной из рот дневальный явился к командиру для заступления на дежурство без гимнастерки и доложил ротному: «Пан староста, а я уже пришел...» И ротный не решился наказать солдата! Разложению корпуса в первую очередь способствовал тот, так сказать, «белый фон», на котором оно происходило. К концу девятнадцатого года стало ясно, что белое дело обречено, вопрос лишь в том, когда наступит конец – завтра или послезавтра. Армии еще сопротивлялись, сопротивлялись с отчаянием обреченных, но тыл... Бежать, бежать куда угодно, спасая собственные шкуры и награбленное. На магистрали царило кулачное право, каждый начальник стремился протолкнуть вагоны со своим имуществом и имуществом соотечественников, каждый отдавал приказы и распоряжения, которые противоречили друг другу и никем толком не исполнялись. Служба военных перевозок ничего не могла исправить, и дело дошло до того, что Колчак приказал атаману Семенову не пропускать чехов – вплоть до подрыва тоннелей и мостов. На это комкор Сыровы распорядился задержать на

станции Тайга колчаковские эшелоны и пропустить вперед поезда с интервентами. Тогда Каппель по телеграфу вызвал Сыровы на дуэль за оскорбление «чести и престижа русской армии». К сожалению (к моему сожалению – я люблю исторические анекдоты), генеральская дуэль не состоялась – у Сыровы хватило ума заявить, что у него есть дела более важные, чем дуэль с «находящимся в состоянии явной невеняемости русским генералом». Впрочем, поезда с самим Колчаком и премьер-министром Пепеляевым пропустили.

И чем меньше оставалось жить Колчаку и колчаковщине, тем больше преступлений они совершали. Порки, пытки, казни... Во многих расстрелах и карательных экспедициях участвовали и легионеры. Участвовали, но далеко не все, хотя отказ обходился недешево – «рабочими батальонами» и концлагерями. После отказа расстрелять тайгинских железнодорожников много чехословаков попало в омский лагерь.

Но если отступление восемнадцатого года было для Йозефа чем-то вроде начальной школы политграмоты, если служба на дороге, чтение крестьянских писем и беседы с подпольщиками заменили политическую гимназию, то лагерь стал настоящим университетом. Крепкая подпольная организация, подготовка восстания, организация массовых побегов – все это не могло пройти бесследно...

– Дмитрий, я сейчас так уехать не могу, надо платить долг. Крови на моих руках нет, но все равно отмывать их надо. Возьми меня в свой полк, вам же нужны хорошие пулеметчики. Я любой пулемет знаю – «Максим», «Шварцлозе», «Гочкис», «Шош»... Домой? Я вернусь домой, только вернусь после вашей победы... после нашей победы...

* * *

Много раз проезжал я по дороге Омск – Новосибирск, эти 627 километров всегда казался мне удручающе унылыми. Бесконечная степь, чахлые кустарники, березовые рощицы, все плоско, скучно, однообразно. И как-то не задумывался я над тем, что эта, не очень-то уютная, суровая сибирская наша земля обильно полита кровью наших дедов и прадедов. Мы забываем об этом. Забываем, наверное, прежде

всего потому, что самые жестокие бои Гражданской кажутся нам незначительными стычками по сравнению с грандиозными битвами Великой Отечественной. Забываем потому, что прошел большой срок и нет свидетелей или участников тех событий. И забываем еще и потому, что имена многих героев освобождения Сибири были искусственно вычеркнуты из нашей памяти.

А забывать ничего нельзя. Мы – наследники героев Великой Отечественной, мы – наследники красноармейцев и партизан Гражданской. Мы обязаны помнить славных героев Шипки и Севастополя, Бородина и Полтавы, Куликова поля и Чудского озера, Калки и Царь-града. Никто не забыт и ничто не забыто – это про всю историю нашего великого народа.

* * *

С оперативной точки зрения очевидно, что, не удержав обороны на Иртыше, армии белых не должны были сопротивляться в крайне невыгодных для обороны условиях между речья Иртыша и Оби. Но тут в оперативное искусство вмешалось искусство политических авантюр. В головах белых стратегов созрел план – создать в дефиле между Кузнецким Алатау и болотами томского севера укрепленную позицию, продержаться здесь до весны и тогда начать контрнаступление. Для реализации этого плана надо было хотя бы на два-три месяца задержать Красную Армию, задержать любой ценой, на любых позициях.

...Станция Татарская. Против передовых частей 27-й дивизии белые бросили два бронепоезда, кавалерийские части, офицерские подразделения. Отходить им пришлось только по левой колее железной дороги, вся правая была забита эшелонами с имуществом, снаряжением, оружием, которые белые не смогли эвакуировать...

После взятия Татарской 3-ю армию вывели в резерв. По просьбе екатеринбургского губкома РКП(б) многие командиры и политработники 3-й армии были отозваны в его распоряжение. На партийную работу направили и комисса-

ра Федора Пичурина. Удивительные сюжеты дарит нам жизнь – ведь он мог знать Лауду...

А 5-я армия под командованием Эйхе продолжала наступление. Станция Тебисская. Пять часов жестокого боя... Чулымская. От нее движение стало невозможным уже и по левой колее – замерзшие паровозы, застрявшие эшелоны. Нет ни угля, ни воды, ни машинистов, ни кочегаров. Войска двигались к Новониколаевску пешим порядком вдоль мертвой дороги. И по обеим ее сторонам, на перегонах и на станциях – трупы, трупы, трупы. Погибшие в бою, скончавшиеся от ран, умершие от тифа колчаковские солдаты и офицеры. Зарубленные шашками, заколотые штыками, забитые прикладами крестьяне, рабочие, железнодорожники, пленные красноармейцы.

14 декабря 27-я дивизия освободила Новониколаевск, в тот же день ее левый сосед, 30-я дивизия, заняла Кольвань, а 35-я, наступавшая правее, перерезала дорогу Новониколаевск – Барнаул.. От Новониколаевска 5-я армия повела наступление на Томск, Мариинск и Кузбасс. В первом эшелоне шли 30-я, 27-я и 35-я дивизии. Освобождение Томска поручалось второй бригаде 30-й дивизии. В Томске в это время находилось до 30 тысяч белых солдат и офицеров 1-й армии генерала Пепеляева. Но организовать оборону города им не удалось.

* * *

Какая уж там оборона! Еще 17 декабря в городе началось восстание. Через два дня томичи связались с передовыми отрядами 30-й дивизии Лапина, а 20 декабря вторая бригада этой дивизии в составе трех полков вступила в Томск. Белые сдавались целыми частями, их посыльные приходили к нашим командирам в гостиницу «Европа» с вопросом: «А кому сдаваться?»

Однако Тайга оставалась еще у белых – польская дивизия, три бронепоезда и отряды каппелевцев пытались удержать станцию. Не сдержав натиска красных войск и партизан, атаковавших позиции поляков у станции Литвиново, белые вновь пытались контратаковать уже вблизи города. В двух

километрах от входного семафора станции Тайга бронепоезда, воспользовавшись задержкой красной артиллерии, остановили наши цепи, открыв ураганный огонь из надежно укрытых за броневыми щитами пулеметов...

* * *

– Пулеметчики! Осип! Бей по амбразурам первой площадки!

– Далеко, комиссар. Не попадем. Надо ближе!

– Давай быстро по ложине вперед!

...Высочили в полусотне метров от полотна дороги, как раз напротив бронепаровоза. Развернули «Максим». Первая же очередь заставила замолчать один из пулеметов. Перекинули огонь на второй... Попали? Промазали? Йозеф уже не видел этого... Второй номер, с трудом освободив рукоятки пулемета от сжимавших их пальцев, отодвинул в сторону неподвижное тело товарища и выпустил остаток ленты. На оружейной площадке бронепоезда заметили «Максим», ствол трехдюймовки медленно пошел в его сторону. И тут перед бронепоездом выросло два мощных фонтана из земли, огня и снега... Недолет... Перелет... Командир бронепоезда не стал ждать, когда красные артиллеристы «споловинят вилку» – укутавшись клубами пара и стреляя уже неприцельно, машина покатила назад, к Тайге.

– Санитары! Скорей, ребята, он кровью изойдет!

* * *

Около восьми часов продолжался 23 декабря 1919 года бой за станцию Тайга. Исход его решили резерв и артиллерия 27-й дивизии под умелым командованием Путны и мужество тайгинских железнодорожников, поддержавших наступление Красной Армии с тыла. Но наступавшие понесли тяжелые потери. Дивизионные лазареты не могли вместить всех раненых и обмороженных. Многих раненых отправили в Томск.

– Владимир Михайлович! Об этом раненом какой-то комиссар беспокоился. Просил быть повнимательнее, он, мол, красный чех, по-русски говорит плохо...

– Мне с ним разговаривать некогда и не о чем. Скажите вашему комиссару, что у меня не бывает разных больных, красных, белых, русских, чехов, еще каких-либо. Есть люди здоровые и есть люди больные, есть раненные легко и есть раненные тяжело. Будет в наших силах – вылечим. Что у него?

– Проникающее ранение в грудь. Состояние тяжелое. Видимо, задето легкое. Пуля не извлечена. Очень бледен, большая кровопотеря. Обморожен. Был в сознании, сейчас опять бредит.

– Готовьте к операции.

* * *

– Ну-с, я сделал все, что мог, пусть другие делают лучше. Вы меня поняли, Маша? Его теперь выхаживать надо. Сумеем – будет жить. Давайте следующего. А пулю эту можете подарить комиссару. Уже уехал? Оставьте себе, Маша, потом отдадите больному. Как его имя? Иосиф? Гм... Иосиф... Все в высшей степени разумно. За Иосифом должна ухаживать Мария... Следующего подготовили?...

* * *

...Опять сегодня без смены, не хватает сестер... А раненных столько, сил нет, да еще обмороженные. И этот, такой тяжелый. Профессор сказал «выходить». Как же выходить, коли он почти все время без сознания, бредит не по-русски... Худущий, в чем только душа теплится. Комиссар оставил ему сала и воблы, а на что все это, он вторые сутки ничего не ест, только что морс из чайничка пьет... Кажется, уснул? А руку не отпускает... Если до утра поспит, может, ему и полегчает...

– Маша, ты что, так всю ночь рядом с ним и просидела?

– Так ведь жалко, стонет тихонечко, кого-то зовет... Может, меня?

– Тебя, тебя, кого ж еще. Не выдумывай. Ладно, беги уж, я тут за всеми посмотрю.

* * *

Война уходила все дальше на восток, в Томске повеяло весной, Йозеф медленно поправлялся. Вскоре ему разрешили прогулки, сначала – короткие. Все-таки еще стояли морозы, да и сил у него поначалу хватало лишь дойти до скамейки, что стояла в маленькой березовой роще около здания бывшего учительского института, занятого под госпиталь. И всегда получалось, что на прогулки ему помогала выходить именно Маша. Она усаживала его, бежала за другими, а он смотрел ей вслед и ждал, когда же она подойдет снова, необыкновенно легко прикоснется ко лбу – не поднялась ли температура, слегка тряхнет головой, улыбнется – все в порядке, а потом подставит свое плечо, такое маленькое и такое крепкое, он положит на него свою руку, встанет, и они вместе пойдут в палату. Честно говоря, он уже мог бы встать и не опираясь на её плечо, но оно казалось таким надёжным...

Наступил март

– Вас скоро выпишут.

– Что есть «выпишут»? Как это «выпишут»?

– Выпишут и выпишут, значит, уже выздоровели. Дадут справку, паек на дорогу, и поедете кто куда. Домой, наверное. Ты поедешь сначала в Новониколаевск, потом в Москву, а дальше уж не знаю. Кажется, ваши поедут через Петроград, через Польшу-то нельзя, война. Соскучился, поди, по дому-то?

– Маша! Я не хочу поехать. Я хочу быть еще в Томске.

– Зачем? Тебя уже вылечили, пулю я тебе отдала, уезжай скорее...

– Для чего же ты плачешь? Я не болеть хочу, я здоров, я... я не знаю, как это по-русски сказать...

– Не знаешь по-русски? Скажи по-чешски, я пойму, я тебя и без слов давно уже понимаю, ясенький ты мой...

* * *

...Слишком скорая любовь? Нет и трех месяцев? Но что происходит, если девушка, которой и по самой женской природе, и по долгу службы, и по зову сердца надо быть милосердной, в течение долгих дней и ночей сидит у постели

юноши, более пяти лет проведенного в казармах, окопах, теплушках, лагерях, почти забывшего материнскую ласку и вообще не знавшего ласки женской, ослабевшего от ран, по-детски беспомощного, что происходит, когда он, придя в себя, увидит незнакомое, но такое доброе и милое лицо, услышит вместо ругани, крика, команд какие-то совсем непривычные слова, ощутит легкие движения худеньких рук, так мягко поправляющих сбившуюся подушку, что он почувствует, когда его, вместо отрывистого «рядовой Лауда Йозеф», назовут нежным «ясенький мой»?

* * *

...Сына, родившегося почти точно через год после боя под Тайгой, 26 декабря 1921 года, Маша и Иосиф назвали Василием. Через два года родился Петр.

Жили неподалеку от Томска, занимались крестьянским хозяйством. Иосиф, с детства любивший лес, занимался охотой. Когда дети подросли, он брал их с собой в лес, учил обращаться с оружием, считая, что мужчине это всегда пригодится. Он был очень прав... Рассказывал им о своей родине, учил чешскому языку, считая, что и это должно пригодиться. И тут он тоже оказался прав.

В семье любили петь. Пели старинные чешские гуситские и народные песни, пели сибирские песни, пели песни о Гражданской войне, пели песни революции. Думали ли они тогда, сколь пророческими для их семьи окажутся слова так любимой ими «Варшавянки»!

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

Земляки и родственники Йозефа звали его на родину. Организовать такую поездку было, конечно, непросто, но всё же в 1938 году вся семья, все четверо, дождавшись летних каникул у ребят (Петр закончил семилетку, Василий учился в техникуме), поехали туда, откуда почти четверть века назад ушел молодой чешский солдат.

* * *

Они приехали в Чехословакию тем самым летом, которое потом назовут предгрозовым, трагическим, кризисным, о событиях которого будут написаны тысячи книг, десятки тысяч статей, созданы романы и фильмы. В горькие дни Второй мировой войны простые люди всего мира думали, что об ошибках этого лета никто и никогда не забудет, что никто и никогда не будет предавать народы и государства, что нигде и никогда не повторится политика попустительского агрессору. С того лета прошло восемьдесят лет, для истории и памяти человеческой вовсе не так уж много, однако кое-кто забыл всё, кое-кто ничего не знает и знать не хочет, а кое-кто просто скрывает правду.

Собственно, началось все даже не летом, а весной, казалось бы, не предвещавшей еще начала трагедии. И даже не весной...

В ноябре 1937 года на одном из заседаний Гитлер заявил высшим руководителям фашистской Германии: «Присоединение обоих государств (речь шла об Австрии и Чехословакии) будет означать военно-политически значительное облегчение в результате укорачивания и улучшения границ, высвобождения вооруженных сил для других целей и возможность сформировать новые войска в размере до 12 дивизий».

Гитлер охватывал с трех сторон Польшу, открывал дорогу на Балканы, кроме того, эти шаги были проверкой реакции западных демократий на его наглость. Именно об этой опасности для судеб мира телеграфировал тогда в Лондон, Париж, Прагу и Вашингтон нарком иностранных дел Литвинов «Международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлечет за собой повторение и умножение таких случаев».

Первый такой случай начался на рассвете 12 марта 1938 года – шестнадцатый корпус германских вооруженных сил вступил на территорию Австрии. Австрийская армия получила приказ «оставаться в казармах». На другой день Гитлер поздравил генерала Гудериана с захватом первой европейской столицы. Теперь и Гитлер, и его генералы почувствовали, что за Веной будет повторение...

* * *

Те, кто не хочет забывать уроков истории, знают и помнят о расстановке политических сил в Европе в тот год, о беспрецедентной наглости Гитлера, о предательской политике «умиротворения агрессора», проводившейся правительствами Англии и Франции, о нерешительности чехословацкого президента Эдуарда Бенеша, о 130 дивизиях и пяти тысячах самолетов РККА, сосредоточившихся к августу 1938 года у границ СССР с Польшей и Румынией для оказания помощи братскому чехословацкому народу в соответствии с договорными обязательствами. Знаем мы теперь и о том недоверии, которое испытывали к Сталину и Молотову не только европейские капиталисты и буржуазные правительства, но и социал-демократы и многие трудящиеся ряда стран – слишком уж мрачные мысли возникали у людей, слышавших о московских процессах, об уничтожении в России не только политиков, но и генералов.

В 1938 году гитлеровская армия имела личный состав в 2 миллиона 200 тысяч человек, однако в рейхе не было подготовленного резерва. Чехословацкая Республика имела в это время более двух миллионов хорошо обученных солдат и офицеров, значительное число подготовленных солдат и офицеров запаса, а удельный вес ЧСР по продаже оружия и боеприпасов на мировом рынке составлял сорок процентов.

На Нюрнбергском процессе начальник штаба Верховного Главнокомандования вооруженными силами Германии фельдмаршал Кейтель показал: «Если бы в марте 1938 года союзники позволили Чехословацкой Республике провести мобилизацию, Гитлер не смог бы оккупировать даже Австрию».

Но начальник имперского генерального штаба Великобритании фельдмаршал Айронсайд¹ записал в те дни: «Было бы безумием для нас подставлять себя ради чехов под уничтожающий удар». И барон Архангельский был не один!

Чехословацкая армия была тогда прекрасно вооружена – это оружие фашисты использовали вскоре против тех, кто

¹ См. примечание к очерку «Забытый адмирал».

не хотел помочь защитникам республики. Заводы Чехословакии могли конкурировать с заводами Круппа и Тиссена – они стали поддерживать промышленность рейха. Двадцать тысяч чешских рабочих построили на протяжении всей границы с Германией оборонительные сооружения: бетонные доты, многоярусные проволочные заграждения, мощные крепости, подземные казармы и госпитали... Они не были использованы против гитлеровцев, но зато немало советских и чешских солдат погибло там в 1945 году. А разве кто-нибудь знает, сколько английских и французских летчиков погибло от огня зенитных пушек и пулеметов, сделанных в Чехословакии, сколько бомб, изготовленных на моравских заводах, упало на Лондон и Ковентри, на кварталы Варшавы, на корабли американского и английского флотов. За подлость и предательство правителей всегда платят рядовые солдаты, платят старики, женщины, дети...

* * *

Сознавали ли Лаудовы напряженность обстановки? Не сомневаюсь. Но предчувствовать размеры грозящей миру катастрофы, предвидеть во всей полноте ужасы Второй мировой войны они, конечно, не могли. И тем более они не могли предполагать чудовищного мюнхенского предательства и того, что оно обернется личной трагедией для этой русско-чешской семьи.

Впрочем, кто мог знать в те годы, что его ждет? Тем более, кто мог предположить, что война унесет жизни 364 тысячи чехов и словаков, значительно больше, чем американцев. А главное – были «дальновидные политики», прекрасно понимавшие не только неизбежность надвигающейся войны, но и ее возможные масштабы, убежденных, что Гитлер не забудет тех, кто его вскормил, и направит свои растущие силы на СССР. «Для нас, разумеется, самым лучшим исходом было бы, если бы эти бешеные псы – Гитлер и Сталин – сцепились и разорвали друг друга», – так в кругу своей семьи сказал сэр Невилл Чемберлен, премьер-министр Великобритании, один из главных виновников Второй мировой войны.

* * *

Отдохнуть с дороги не дали, хотя в каждом доме, а приглашали гостей из России в каждый дом, – разговор начинался именно с дороги. Еще бы! Ведь ехали почти две недели, чуть ли не через всю Россию, через Польшу! Тут в Прагу съездить – событие, которое потом обсуждается едва ли не месяц. Да чего там в Прагу! В Пльзене-то не так уж часто бываем, а до него пешком два часа. И как это вы ехали? Неужели... А что... А почему... И от вопросов о здоровье, о дороге, о том, нравится ли гостям здесь, в Добржанах, разговор незаметно переходил на самые неожиданные темы.

Вопреки всему легче всего оказалось Марии Антоновне, хотя ее чешский был весьма далек от языка добржанских крестьянок... Как? Вы умеете готовить кнедлики? Разве у вас в России... Ах, Йозеф научил... А как делаются эти крошечные пирожки с мясом, которые вы варите в воде? Вы можете рассказать? Неужели «Красная Москва» – русские духи? Скажите, эта ткань английская? Как советская, ведь «Рейтер» сообщил, что после революции и Гражданской войны большевикам не удалось восстановить текстильную промышленность в России!

...А потом, обменявшись суждениями и оценками, добржанские женщины почти единодушно решили, что пани Мария – неплохая женщина и что, хотя, конечно, было бы правильнее, если бы Йозеф женился в свое время на чешке – при этом кое-кто многозначительно поглядывал на одну из собеседниц, – но мужчины есть мужчины, их не следует отпускать далеко. Однако раз уж так случилось, значит, так тому и быть, сердцу не прикажешь, а парней она Йозефу родила хороших, ведет себя достойно, и дай им Иисус и Пресвятая Дева Мария счастья и радостей. К тому же, она, оказывается, не только хорошо готовит, но еще и умеет петь, знает всю крестьянскую работу и, представьте, одинаково хорошо управляется с серпом, косой и подойником!

Петя, почти совсем не знавший, несмотря на старания отца, чешского языка, тем не менее тоже быстро нашел общие интересы со своими сверстниками. Чуть ли не в первый день ребята обошли окрестности села – Петя сумел все

же объяснить, что лес в Западной Чехии – ерунда по сравнению с сибирской тайгой, а Углава – канава, если вспомнить Томь, не говоря уж об Оби, Иртыше и Волге. Правда, Обь и Волгу Петя видел только из окна вагона, а Иртыш и вовсе проспал, но о нём столько вспоминал папа! Короче говоря, Пете было о чем рассказать, и уже через неделю он был «своим» для добржанских мальчишек.

Василий чувствовал себя неловко. Юноши его возраста либо работали в поле, либо ездили на «шкодовку» – заводы Шкода в Пльзене работали с большим напряжением, ЧСР готовилась к обороне, рабочих рук не хватало. Он представлялся себе чуть ли не бездельником. К тому же слишком уж явно и слишком уж многие девчата засматривались на крепкого, красивого и в то же время застенчивого сибиряка.

Труднее всего приходилось Йозефу. И вовсе не потому, что чехи, как, по-видимому, все мужчины в мире, выкурив пару сигарет или трубочку и пропустив две-три кружечки пива (в данном случае пльзеньского, читатель, надо полагать, понимает, что это значит), переходят к обсуждению проблем глобального характера. Йозеф, конечно, каждый раз был центром таких дискуссий и чуть ли не главным судьей в возникавших спорах. Это естественно. Но кроме этих разговоров, соседи и даже жители близлежащих хуторов прямо-таки замучили расспросами бывалого солдата, желая узнать что-то новое о минувших годах и ушедших людях...

– Пан Лауда, не знали ли вы нашего Милоша? Его забрали в солдаты в шестнадцатом, сразу же попал в плен к русским, а потом потерялся где-то в России. Может, он и не погиб вовсе, а тоже живет там где-нибудь у вас?

– Сыночек, как ты думаешь, могилка нашего Янека в России уцелела? Вот посмотри, тут написано – станция Ишим. Пустят меня туда?

– Ну что, Лауда, дослужился у красных до генерала? Сколько они тебе заплатили? Что? Так слесарем и работаешь? Стоило уходить от нас... У меня свой хутор, живу неплохо... Как ты считаешь, если твои друзья придут нам на помощь, хутор у меня отберут?

– Господин Лауда, позвольте поговорить с вами наедине... Простите, я плохо говорю по-чешски, но вы хорошо знаете русский. Меня прислали мои однополчане. Мы понимаем, что война неизбежна, и в этом случае у нас будет общий враг. Похоже, что генерал Сыровы и командарм Буденный сядут за один штабной стол, отложив старую вражду. Сможем ли мы, бывшие белые офицеры, встать в строй русской армии или же нас сразу расстреляют? Да нет, я не провокатор, и на моих руках нет крови пленных, но вы намекните хотя бы... Вы же оттуда, с Родины... Да, мы обратимся в консульство, но вы-то, наверное, знаете?

– Йозеф, Зборов помнишь? Знаешь, в Праге, в двадцать третьем, на Староместской площади поставили памятник неизвестному солдату, кого-то из наших ребят перенесли из братской могилы под Цеповой. Я была на открытии. Да не я один, много было фронтовиков. Да и эта сволочь Гайда тоже там был. Знаешь, не верю я им всем, не будут они драться со своим дружкой Гитлером. Худо нам придется...

...Были и еще всякие визиты, разговоры, вопросы, расспросы, были среди них и неприятные.

– Обязан вас предупредить, что ваши разговоры с жителями Добржан, а также с другими гражданами носят недопустимый политический характер. Если вы не прекратите коммунистическую пропаганду, вам придется немедленно выехать обратно в Россию.

* * *

...Прошло несколько недель, приближался сентябрь, начало учебного года, пора было собираться в Томск.

– Пан жандарм снова к нам? Бросьте, я никакой пропаганды не вел и не веду. Не хотите ли лучше выпить рюмочку сливовицы?

– Выпил бы, и с удовольствием, но я на службе. Ознакомьтесь, распишитесь.

– Вот это новость! Маша, дети, идите сюда...

В связи с угрожающей обстановкой Йозефу Лауде, как гражданину Чехословацкой Республики, подлежащему в

случае войны мобилизации в армию, выезд в Советский Союз был запрещен.

Мария и дети не захотели уезжать без отца. Конечно, о продолжении учебы теперь не могло быть и речи, дети, как и родители, устроились на работу. Отец и Василий – в Пльзень, на шкодовку. Петр стал учеником кондитера, Мария Антоновна – рабочей на кирпичном заводе.

* * *

В ночь на 13 сентября 1938 года генлейновцы¹ начали мятеж в Судетах, пограничной горной области на северо-востоке Чехии. Мятеж был быстро и решительно подавлен частями 2-й чехословацкой армии. Но 19 сентября чехословацкому правительству был предъявлен англо-французский ультиматум – республика немедленно отдает Гитлеру Судетскую область и отказывается от договора с СССР, за это она в ближайшем будущем получит международные гарантии независимости. Отдать и отказаться немедленно, получить – в ближайшем будущем! Президент Бенеш в тот же день через советского полпреда Александровского² обратился к нашему правительству с двумя вопросами:

1) окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действенную помощь республике, если Франция останется верной пакту?

2) в случае нападения Чехословакия немедленно обратится в совет Лиги Наций с просьбой о принятии коллективных мер против агрессора. Поможет ли СССР в качестве члена Лиги Наций предпринять соответствующие действия?

Уже 21 сентября Советское правительство ответило утвердительно на оба вопроса. Более того, оно заявило, что

¹ Так, по имени Конрада Генлейна (1898–1945), называли членов руководимой им Судетской немецкой партии.

² Сергей Сергеевич Александровский (1889–1945), дипломат (Латвия, Финляндия, Германия, Чехословакия), адвокат. В 1941 г. вступил в народное ополчение, под Москвой попал в плен, бежал, воевал в партизанском отряде. Обвинен в шпионаже, расстрелян, реабилитирован. Учился в Томской мужской гимназии, исключен в 1907 г. за революционную деятельность, член РСДРП с 1909 г.

если республика будет защищаться, то Красная Армия придет ей на помощь, даже если Франция откажется от своих договорных обязательств, а Польша и Румыния не пропустят наши войска через свои территории. Было ясно, что в этих условиях Гитлеру придется плохо. Президенту Бенешу следовало теперь проявить решительность, но именно в ночь на 21-е французский посланник в Праге заявил ему:

– Если вспыхнет война, Франция не примет в ней участия.

– Если чехословацкое правительство и сейчас отклонит ультиматум, Англия полностью снимает с себя ответственность за возможные последствия, – поддержал его посол Великобритании...

И поздним вечером того же 21 сентября, уже зная об ответе СССР, чехословацкий министр иностранных дел К. Крофта сообщил о согласии его правительства с требованиями ультиматума.

Телеграмма Ворошилова о том, что советские войска выдвинуты к границе, уже не имела никакого смысла.

29–30 сентября Чемберлен и Даладьё¹, встретившись с Гитлером и Муссолини в Мюнхене, сообщили Бенешу, что он обязан уступить требованиям агрессоров и отказаться от помощи со стороны Советского Союза. Президента даже не спрашивали, он просто был проинформирован о принятом решении.

Величайшее преступление двадцатого века совершилось – теперь был продан не какой-то корпус; было продано государство, был продан чехословацкий народ.

* * *

На другой же день, 1 октября, гитлеровские войска оккупировали Судетскую область, а 2 октября войска панской Польши – без единого выстрела! – захватили город Тешин и часть территории Моравии. Вскоре войска фашистской

¹ Эдуард Даладьё (1984–1970), премьер-министр Франции, один из главных виновников Второй мировой войны и разгрома его родины гитлеровскими войсками.

Венгрии захватили часть Словакии и Закарпатской Украины. 15 марта 1939 года были ликвидированы последние остатки республики – за сутки её оккупировали фашисты, объявившие страну «Протекторатом Чехии и Моравии», частью «великого тысячелетнего рейха». 16 марта на Староместской площади, одном из красивейших мест Праги, состоялся парад завоевателей. Мне довелось видеть немецкий кинофильм об этом параде. Гитлер вместе со всей своей сворой стоит спиной к староместскому Орлою – средневековым астрономическим часам – и, кажется, ещё не верит себе от радости. Ещё бы!

Часы на Староместской площади в Праге

Примерно через месяц, выступая перед высшими чинами вермахта, тогда ещё сомневавшихся в полководческих и государственных талантах ефрейтора Шикльгрубера (подлинная фамилия Гитлера), он говорил: «Хочу, чтобы вы имели хотя бы некоторое представление о почти астрономических цифрах, которые дает нам этот международный арсе-

нал, расположенный в Центральной Европе. Со времени оккупации мы получили 582 самолета, 581 противотанковую пушку, 2175 орудий всех калибров, 735 минометов, 468 тяжелых танков, 43876 пулеметов, 114 тысяч пистолетов, 1 миллион 20 тысяч винтовок, 3 миллиона гранат и огромное количество боеприпасов». Таких побед никто из руководителей вермахта еще не одерживал, а Гитлер – по крайней мере, по его собственному мнению, – одержал. Было чему радоваться – дело даже не в трофеях, а в широчайших возможностях, открывшихся теперь перед агрессором.

И все же стоило ему оглянуться на Орлой, на эти древние часы – ведь именно тогда начался отсчет времени, оставшегося до 9 мая 1945 года, дня освобождения Праги, Дня Победы...

* * *

...В понедельник у заводских ворот кроме обычной охраны Йозеф увидел эсэсовский патруль. В сборочном цехе тоже крутились какие-то швабы в штатских пиджаках, но с военной выправкой. По всему чувствовалось, что произошло что-то особенное, но до перерыва ни с кем не удалось переброситься ни словом.

– Слышал, Лауда? Вчера утром Гитлер напал на Россию.

– Так кто из нас был прав? Теперь ему крышка.

– Ладно, Йозеф, теперь не время вспоминать старые споры. Что делать будем? Пушки собирать, пусть стреляют по русским?

...Старые споры... Еще до начала оккупации кое-кто говорил Лауде: «Ну чем ваш СССР лучше Англии и Франции? Всем вам своя шкура дорога, бросили союзников в беде». И сколько Йозеф ни пытался объяснить различие между предательской политикой мюнхенских миротворцев и позицией Советского правительства, аргументы в виде черных мундиров эсэсовцев действовали на собеседников сильнее. «Да подождите, товарищи, вернется к нам свобода. Советский Союз поможет!» «Дожидайся, поможет, тем, кто отправлен в концлагерь, уже вообще никто не поможет...» И уж совсем тяжело Йозефу стало после 23 августа 1939 года.

* * *

Хорошо помню то лето. Даже у нас, далеко от Москвы, в старинном уральском селе, каждый школьник понимал – впереди война с фашизмом. Книжки, кинофильмы, газеты, разговоры взрослых – все вело к одному: наш враг – империализм, его цепная собака – гитлеровский фашизм, с ним предстоит биться не на жизнь, а на смерть, и будет это не когда-нибудь, а, быть может, завтра. «Если завтра война, если завтра в поход...» И вдруг – в газетах фотографии советских руководителей рядом с теми, чьи имена мы, пионеры, воспринимали не иначе как ругательства. Молотов рядом с Гитлером! Молотов в Кремле подписывает пакт, а за его спиной улыбающийся круглолицый Риббентроп и похлопывающий его, Риббентропа, по спине, тоже улыбающийся Сталин! По радио – ни слова о фашизме, гитлеровских застенках, агрессорах. Тогда мы не очень-то понимали, «что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп», не очень-то мы верили и тому, что, заключив 23 августа пакт о ненападении с Германией, «мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии». Эти слова Сталина мы слышали 3 июля 1941 года и хотели им поверить, но в августе 1939 многие сомневались в дальновидности этого шага. Да, мы за эти полтора года сформировали 125 новых дивизий, укрепили – частично – наши западные границы, в какой-то степени восстановили урон, нанесенный армии репрессиями среди комсостава и высшего руководства, сделали немало для совершенствования военной техники, но в целом эти полтора года наше руководство использовало не лучшим образом. А Гитлер, благодаря пакту, сумел к 22 июня 1941 года оккупировать практически всю Европу, укрепил военно-экономическую мощь Германии, его армия накопила боевой опыт и в два раза увеличилась численно.

Пакт нанес удар по нашему международному престижу, СССР вскоре исключили из Лиги Наций, в тяжелейшем положении оказалось международное коммунистическое и рабочее движение. Так что Гитлер был не только в проигрыше...

«Ваши Сталин и Молотов... Русские нас предали окончательно... А ты говорил... Теперь-то Гитлер разделяется с Францией и Англией... Триста лет были под австрийцами, теперь попали под пруссаков, от них не вырвешься...» «Неужели вам не ясно, что все это временно? Надо собираться с силами, надо немного потерпеть...» «Да-да. Терпела свинья с зюяина, пока он из нее колбас не наварил»

Особенно тяжело и горько Йозефу было чувствовать, что ему, такому же рабочему, как и все остальные, перестали доверять, замолкают при встречах, не дают ни листовок, ни брошюр, ни «Руде право». Или орган ЦК КПЧ уже не выходит? Компартия Чехословакии была запрещена еще до начала оккупации, но директивы ее подпольного руководства, призывы к организации саботажа и диверсий первое время доходили до рабочих «Шкоды». А теперь? Их нет или же от меня их скрывают?

* * *

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу; 6 сентября ее правительство и генералитет бросили страну на произвол судьбы, 17 сентября германские войска подходили к Бресту и Львову, штурмовали Варшаву. В этот день наши войска вступили на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. Много грязи вылито сегодня на СССР за это. Клянут и за соучастие в разгроме Польши, как будто бы к этому дню в Польше еще оставались боеспособные части и кто-то мог всерьез сопротивляться, и за так называемый совместный парад советских и германских войск в Бресте, и за навязывание народу советской власти, и даже за возвращение Литве ее столицы Вильнюса. Забывают лишь, что альтернативой была гитлеровская оккупация и что от Минска до тогдашней пограничной станции Негорелое всего час езды...

9 апреля 1940 года немцы оккупировали Данию. В тот же день началось их вторжение в Норвегию, закончившееся 10 июня полной оккупацией страны. 15 мая капитулировала Голландия, через десять дней – Бельгия. 27 мая началась Дюнкеркская катастрофа – позорное бегство английского экспедиционного корпуса, бросившего в Дюнкерке оружие и технику и убравшегося восвояси после первых же серьезных ударов германской армии. 14 июня 1940 года фашисты вошли в Париж, 22 июня 1940 года Франция капитулировала. 2 марта 1941 года немецкие войска по соглашению с болгарским фашистским правительством вступили в Болгарию. В апреле была разбита югославская армия... Практически вся Европа была в руках Гитлера.

На территории протектората уже давно были закрыты все чешские высшие учебные заведения, официальным языком был объявлен немецкий, рабочий день увеличился до 10–14 часов... Аресты, казни, концлагеря... Казалось, впереди уже нет ничего...

И вот – 22 июня 1941 года, воскресенье...

– Так ты понял, Лауда? Вчера, в воскресенье утром, Гитлер напал на Россию. Вот теперь пришло и наше время!

* * *

Репрессии против участников Сопротивления были жесточайшими. Три состава нелегального ЦК Компартии Чехословакии было схвачено гестаповцами, за годы оккупации двадцать пять тысяч коммунистов было казнено, свыше шестидесяти тысяч заключено в фашистские концлагеря. Однако сопротивление фашизму в Чехословакии не ослабело.

Фашисты ощущали его результаты. И дело не столько в том, что шкодовские пушки иногда выходили из строя после двух-трех выстрелов, что моторы гитлеровских самолетов, изготовленные на чешских заводах, вдруг заклинивало в полете, что часть авиабомб и снарядов не разрывалась. Это все же не было отлаженной системой.

Главное в другом – немцам и их прислужникам не удавалось поднять производительность труда и обеспечить устой-

чивый рост производства. Гестапо, немецкая и чешская полиция делали все возможное для ликвидации не только очагов сопротивления, но и всякой мысли о нем, однако результаты были ничтожными.

После нескольких вызовов к фюреру имперский протектор Богемии и Моравии барон Константин фон Нейрат испросил у Гитлера отпуск – бывший министр иностранных дел третьего рейха явно не справлялся с порученным делом. 27 сентября 1941 года к исполнению обязанностей протектора приступил обергруппенфюрер СС, шеф тайной полиции, личный друг Гитлера, третья и одна из самых мрачных фигур в иерархии империи Рейнхард Гейдрих. Болезненно тощий, длинный, с почти уродливым лицом с глубоко сидящими глазами и резко выступающими скулами, с постоянно прищуренными веками, он и внешне, казалось, олицетворял возглавляемое им кровавое ведомство.

Гейдрих ознаменовал свое вступление в должность массовыми арестами и казнями, но 27 мая 1942 года в 10:32 по средневропейскому времени на него чешскими парашютистами, засланными из Англии, было совершено покушение, а 4 июня он умер. Однако покушение было изолированной акцией, никак не связанной с движением Сопротивления. Не случайно все обстоятельства акции до сих пор по-настоящему не исследованы.

Гитлер устроил своему другу пышные похороны, на которые вызвал предателей чешского народа во главе с «президентом протектората» семидесятилетним Эмилем Гахой (в 1945 году он был арестован как военный преступник и умер в заключении). Взбешенный фюрер кричал на президента и его спутников

– Никто не может мне воспрепятствовать выселить из Чехии и Моравии несколько миллионов чехов, если они не желают принять предложенные условия существования. На этой территории будет место только для одного народа. Один из двух народов должен уступить. Я твердо решил, что это не будут немцы. Мы не отдадим Чехию и Моравию. Пусть лучше одно поколение перенесет в течение двадцати лет тяжкое горе по поводу утраты своей родины, чем в Ев-

ропе сохранится опасность, которую представляют собой чехи, являющиеся врагами рейха. Я ни в коем случае не побоюсь осуществить и это мероприятие, если будет нужно, еще в течение войны. Одно из двух: или обстановка в Чехии и Моравии станет для меня приемлемой и чешский народ изменится под вашим водительством, господин президент, и под вашим управлением, господа члены правительства, и тогда он сможет жить в мире, оставаться на своей земле и трудиться для блага великого рейха, или, если вы не поймете серьезности ситуации и не сумеете изменить обстановку, – чешский народ будет стерт с лица Европы.

Новый протектор Франк ввел в стране чрезвычайное положение, в Праге – осадное, арестовал десять тысяч заложников. Гитлер хотел расстрелять их всех, но Франк отсоветовал – массовые казни могли вызвать впечатление о всеобщем восстании в Праге.

В ночь на 10 июня оккупанты, обвинив жителей деревушки Лидице в укрывательстве парашютистов, расстреляли все её мужское население старше 15 лет, отправили в концлагеря всех женщин и детей, а саму деревню стерли с лица земли. Уничтожение Лидице стало своего рода сигналом к усилению репрессий против населения оккупированных стран, а сам факт истребления ни в чем не повинных чешских шахтеров Гитлер хотел сделать устрашающим символом.

* * *

...Мы побывали в Лидице, живописной деревне неподалеку от Кладно. Уже давно отравился Гитлер, повешен Франк, покончил самоубийством Гиммлер, умер, отсидев девять из отмеренных ему пятнадцати лет, Нейрат, а Лидице стоит и будет стоять вечно как символ неустрашимости народа, не пожелавшего ни жить в рабстве, ни исчезнуть...

* * *

Конечно, не отдельными террористическими актами можно и нужно было помогать Красной Армии, в одиночку бившейся со всей Европой. Но фронт был далек, связаться с

советской разведкой, с советскими штабами чехословацким патриотам не удавалось. Подпольщики на «Шкодовке» искали любую возможность перейти к активным действиям. Но как? А из сборочного цеха на фронт каждый день уходили платформы с новенькими пушками...

Группе Антонина Бурды, в которую входил Йозеф, оставалось – и это тоже немало – вести пропаганду среди рабочих, поддерживать тех, кто упал духом, налаживать связи с другими группами, с подпольным комитетом КПЧ, распространять листовки... Сегодня мы понимаем, что в тех условиях даже сохранение обычного человеческого достоинства требовало от людей мужества, но тогда...

...14 апреля 1942 года подпольная радиостанция «Либуша» приняла радиограмму из Лондона: «В течение апреля будет проведена бомбардировка завода «Шкода». Примите меры для обеспечения самолетам точного определения цели к моменту прилета».

– Немцев кто-то предупредил о налете. Поставили новые зенитки, проверяют затемнение. Построили макет «Шкодовки», подсвечивают – получается вроде разлива стали. Надо подумать, как точнее сориентировать англичан.

– А чего тут выдумывать? Посмотри на схему. Здесь крестьянский двор, полно прошлогодней соломы. А с этой стороны – второй. Завод как раз посередине. Если знать точное время подхода самолетов – поджечь минут за пятнадцать, охраны там никакой нет, вот тебе и сигналы. Подберем ребят понадежнее, уточним время, будем ждать небесных гостей. Ночная смена тоже будет предупреждена, пусть только начнут, хотя бы несколько бомб, а там мы сами добавим.

* * *

В субботу 25 апреля по лондонскому радио был передан «Славянский танец № 8». О чем думали те, кому удалось тогда услышать это замечательное создание Антонина Дворжака? Наверное, кто-то с гордостью и болью думал о вчерашнем дне родины, кто-то, несмотря ни на что, мечтал о завтрашнем ее дне, а кто-то, вслушиваясь в эту мужественно-энергичную, истинно народную музыку, говорил себе –

надо что-то делать, надо бороться... А несколько человек, не дослушав мелодию до конца, поспешили на свои посты согласно боевому расписанию... Предупредить сигнальщики... Сообщить руководителям диверсионных групп в цехах... На склад готовой продукции... На электроподстанцию... Заблокировать пожарную охрану... Летят! Наконец-то летят! Сигнал принят, теперь осталось два часа двадцать минут! Летят!

На другой день «Либуша» сообщила в Лондон: «Результат операции «Шкода»: кроме двух сгоревших крестьянских хозяйств, которые подожгли мы, ареста нескольких лиц по подозрению в поджогах, разочарования рабочих – итоги налета равны нулю. «Шкодовке» не нанесено никакого ущерба. Рабочие ждут первой бомбы, которая достигнет цели, чтобы закончить остальное разрушение самим. Не обманите их опять. Рабочие не могут понять, почему вы вызываете их на акции саботажа и не даете им возможности эти акции осуществить!»

Рабочие не могли понять. Теперь многое можно понять, хотя в сознание нормального человека это понимание не укладывается. За всю войну английские летчики так и не сумели сбросить на завод ни одной бомбы. Хорошая маскировка завода, плохое навигационное оборудование самолетов, низкая квалификация английских и американских штурманов? Все может быть, только 7 мая 1945 года, за два дня до Победы, когда стало окончательно ясно, что Пльзень окажется в руках советских и чехословацких войск и завод «Шкода» будет национализирован, англо-американская авиация полностью уничтожила знаменитое предприятие, возрождающейся республике был нанесен колоссальный ущерб.

* * *

– Заключение номер 2341 доставлен!

– Хорошо, идите... Садитесь, Лауда! – следователь показал на табуретку рядом с его столом.

...После ареста прошло полгода, но Йозефа еще никто не допрашивал, если не считать нескольких вопросов, задан-

ных сразу же на заводе в тот проклятый день 20 апреля... Взяли тогда всю группу, да и не одну – то ли гестапо выследило, то ли кто-то донес. Василий, кажется, успел уйти.

В Пльзенской тюрьме его поместили в одиночку, потом привезли сюда, в Дрезден. Снова одиночка. Сейчас – первый допрос. Следователю лет сорок. Какой-то нескладный – все в нем удлинненное – узкое лицо с выдвинутой вперед нижней челюстью, отнюдь не арийский нос, лошадиные зубы, длиннющие руки, далеко вылезаящие из рукавов штатского пиджака. Правой он зачем-то все время постукивает по краю стола. Неожиданно короткими – он встал и вышел из-за стола – оказались ноги, ботинки на которых были минимум сорок пятого размера. Следователь вплотную подошел к Йозефу, наклонился, долго, не мигая, смотрел на арестованного бледно-голубыми глазами, казавшимися чужими из-за несоответствия смугловатому лицу и темным, почти черным волосам, взбитым каким-то немислимым коком, еще более удлинявшим несуразную фигуру. Удовлетворенно хмыкнув, он выпрямился и стал ходить по комнате, внимательно рассматривая плитки пола. Казалось, большой ребенок собирается играть в какую-то игру вроде «классиков».

– Итак, Лауда, вы должны были почувствовать, что с вами обращаются не так, как с другими. В борьбе с врагами великой Германии мы применяем любые средства, иногда и очень твердые. Но к вам это не относится, не так ли? Почему? Все ваши товарищи по подпольной организации уже осуждены, а вы все еще живы. Странно? Так вот, Лауда, сейчас я расскажу вам о том, что мы знаем, и о том, чего мы пока, понимаете, пока, не знаем. А потом мы решим, как нам быть дальше... Начнем с июня 1915 года, когда вы дезертировали из австро-венгерской армии и перешли на сторону противника, изменив присяге и отечеству. Затем, в 1919 году вы дезертировали из чехословацкого корпуса и перешли на сторону большевиков, вновь изменив присяге и своему новому отечеству. В июне 1938 года вы вернулись в Чехословакию. С этого времени вы один из участников и организаторов саботажа на заводе концерна «Шкода». Ваши преступления против рейха полностью установлены, вы ра-

зоблачены, ваша вина доказана. Всего этого вполне достаточно для предания вас смертной казни. Так?

– Не совсем, господин следователь. Я не дезертировал, а добровольно перешел, и не на сторону противника, а для помощи друзьям и братьям.

– Демагогия, Лауда. Но не будем оценивать факты, будем их только констатировать. Факты изложены точно?

– Это так. Только к чему тогда разговор? Вы сами сказали, что все доказано, я ничего не отрицаю, основания для приговора у вас есть, да вы и не очень-то в них нуждаетесь, чего же тянуть?

– Вот-вот-вот! Теперь я скажу о том, чего мы не знаем. Перед войной большевистское руководство неплохо знало обстановку в Европе. И вот вы, красный партизан, большевик...

– Я беспартийный...

– Все равно большевик! Чех, бывший легионер, имеющий родственные связи в протекторате... Почти двадцать лет вам не удавалось съездить на родину. А как только запахло войной, вам, при всем русском бюрократизме и советской сверхбдительности, организовали выезд. Вам понятен ход моих мыслей? Кто вас послал сюда? НКВД или военная разведка? Кто именно – звание, фамилия, должность – вас инструктировал? Какие задания – разведывательные, диверсионные, пропагандистские – вы получили? С кем и как вы должны были поддерживать связь? Явки? Пароли?.. Подождите, не перебивайте меня! И вообще не торопитесь отвечать. Подумайте вот о чем. Сейчас не июль тридцать восьмого, а ноябрь сорок третьего. Все, что я спрашиваю, имеет чисто символическое значение. Старые явки давно провалены, пароли недействительны, ваши признания никого не погубят, зато вас – спасут. Каким образом? Вам известно, что русские взяли Киев? Фюрер готовит оружие возмездия, и с ним мы, конечно, победим. Но необходимо – хотя бы в теоретическом плане – предусмотреть и другой вариант. Не исключено, что война с коммунизмом затянется надолго. И хотя вас следует казнить, но можно и сохранить для будущего. Правда, организовать побег невозможно – из этой

тюрьмы не убегают, «СМЕРШ» не поверит ни одной легенде... Но... Дрезден пока не бомбили и, по всей вероятности, бомбить не будут исторической центр, музеи, ваши не будут тратить на них бомбы¹. Заодно и тюрьма уцелеет, останетесь живы. А когда русские – допустим – займут город, вас освободят из тюрьмы. Вернетесь в Россию или Чехословакию героем. Придет время – вас найдут те, кто продолжит нашу борьбу и кто будет знать о нашем сегодняшнем разговоре. Но это уже детали, сейчас нам необходимо договориться в принципе. Идите, думайте, после прогулки вас вызовут снова.

– Мне не о чем думать. Я был простым солдатом, простым рабочим, мне никто не давал никаких заданий.

– Идите, идите, может быть, прогулка заставит вас кое-что вспомнить.

* * *

...Маленький дворик, заключенных выводят небольшими группами, идти надо так, чтобы впереди идущий не мог слышать твоего шепота, громко же разговаривать вообще запрещено. Один круг, второй...

Йозефу и в голову не приходило обратиться с каким-нибудь предложением в НКВД. Ехали на два месяца в деревню, какая от него, находящегося в отпуске слесаря, бывшего пулеметчика, может быть польза советским чекистам или военной разведке? Естественно, и ему никто ничего не предлагал ни в Томске, ни в Новосибирске, куда он ездил оформлять документы, ни в Москве, когда ему действительно пришлось побывать в Наркомате внутренних дел, где Маше и Василию выдали вызвавшие такой восторг у

¹ В ночь с 13 на 14 февраля 1945 г. полторы тысячи американских бомбардировщиков сбросили на Дрезден около четырех тысяч тонн бомб. Через три часа бомбардировка была повторена, через семь часов – ещё, на этот раз бомбардировщики сопровождались сотнями истребителей, обстреливавших обезумевшее население из пушек и пулеметов. Погибло более 135 тысяч жителей. По варварству, масштабам и военной бессмысленности эту акцию можно сравнить разве что с атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки.

Пети «серпастые и молоткастые» советские паспорта... И даже встреча с Дмитрием в Свердловске, короткая, наверное, последняя, ни к чему, его, Йозефа, не обязывала. А уж Дмитрий, конечно, знал, что надо делать.

* * *

...Свердловск... Где-то здесь, прямо на перроне, пьяный колчаковский офицер смертельно ранил капитана Тихого, не отдавшего ему, поручику, честь. Тихий скончался на другой день, но легионеры как-то равнодушно к этому отнеслись, все тогда уже надоело. Нет, здесь уже ничего не узнать, новый красивый вокзал, все не так, как в Екатеринбурге... Где же мы грузились?..

На последние два письма Дмитрий почему-то не ответил, и Маша не советовала посылать ему телеграмму – мало ли что, время тревожное... Но Дмитрий пришел, такой же шумный, веселый, как и два десятка лет назад, только совершенно седой и очень усталый. Поезд стоял почти два часа, говорили о многом, перескакивая, как это всегда бывает при встрече старых друзей, с одной темы на другую, чаще всего возвращаясь от дней сегодняшних к Гражданской войне, к друзьям, живым и павшим. Впрочем, когда Йозеф спросил было о командарме-пять, о начдиве, о начальнике ПОарма, Дмитрию захотелось закурить. Вышли на перрон.

– Ты вот что, брат Осип. Этих вопросов больше никому не задавай. Не время. Понял? Партия разберется. Сейчас о другом надо думать. Ты выступление Готвальда читал? Материалы шестого съезда вашей компартии знаешь? Война у порога. Если ваш Бенеш не перестанет заигрывать со всей этой фашистской сволочью, Гитлер раздавит Чехословакию.

– И что будет? Мировая война?

– Постараемся не допустить. Почти все зависит от ваших руководителей. Мы, во всяком случае, вас поддержим.

– А есть чем?

– Многое есть, еще больше – будет. Да и у вас, у Чехословакии, сил немало.

– Ты считаешь, наши справятся с Гитлером?

– Трудно будет, и даже не в военном отношении, а в политическом. Но справятся. Там сейчас есть наши ребята, будут в случае необходимости обеспечивать высадку воздушных десантов на помощь вашей армии. Недавно под Киевом было что-то вроде репетиции, здорово получилось.

– А немецкая авиация?

– Ты знаешь, наши истребители не хуже, правда, бомбардировщики у них хороши, на себе испытал.

– Был там?

– А я там не один был. Были кое-кто из нашей 5-й армии, даже из нашего батальона. Много было чехов.

– А чего ж...

– Осип, не все сражения выигрываются, нам войну надо не проиграть, она впереди. А Испанию предали, боюсь, как бы не предали вас... Ну да ладно, ты-то как думаешь? Вернешься в Томск или там останешься?

– Чудак, нас же четверо. Я Машу никогда не брошу, да и ребята, можно сказать, русские. К сентябрю вернемся...

– Вот и правильно. Знаешь, сейчас новый закон готовится о действительной службе, Васе, наверное, через год придется в армию пойти. В кадры не хочет? Нет? Ну, пусть пару лет послужит, пригодится. Петька летчиком хочет стать? Сейчас все хотят. Серьезно? Ну, если серьезно – имей в виду, у нас в Свердловске открывается авиационная спецшкола, принимают ребят после семи классов, дается общая подготовка за среднюю школу и основы для поступления в авиаучилище. Подумайте, надо будет – пусть приезжает, поживет у нас, может быть, и я ему чем-нибудь помогу.

– Спасибо, Дмитрий. Слушай, а я чем-то могу помочь вам там, на родине? У тебя же два ромба, генерал, понимаешь, о чем я говорю.

– Хочешь стать «агентом Коминтерна»? Не надо, Осип. Диверсанты там не нужны, разведка так просто не делается, да и она сейчас вовсе не главное. Ты и так многое можешь сделать. В Томске работаешь? Жилье имеешь? Ребята учатся? Здоров? Безработица в Томске есть? СССР на Польшу собирается нападать? А на других? В случае беды вам поможет? Вот об этом и расскажи своим, пусть нам ве-

рят, а не «уткам» агентств «Гавас» и «Рейтер». Ладно, пошли в вагон, пора прощаться... Петька, так будешь поступать к нам в авиационную спецшколу, а?

– Можно, папа? Папа!..

* * *

– Папа! Папа! – хриплый, едва слышный, такой родной голос!

– Стоять!

– Петржичек!

– Стоять!

Из вторых ворот тюремного двора минуту назад вывели троих жестоко избитых окровавленных заключенных. Двое, видимо, более крепких или менее избитых, поддерживали третьего – Йозеф не хотел верить своим глазам...

– Петржичек!

– Молчать! Прогулка окончена. 2341 – на допрос!

* * *

С начала оккупации Йозеф не привлекал Петра к подпольной работе, чему было немало причин. Отцу казалось, что мальчик еще мал – ну, что за подпольщик в шестнадцать лет! Кроме того, сама работа Петра, хотя и давала ему хорошее прикрытие, – кому в голову придет искать диверсанта или разведчика в кондитерской – не давала ему возможности сделать что-то серьезное для целей Сопротивления – какую же диверсию можно совершить при изготовлении пирожного? В Праге и даже в Пльзене находились «патриоты», которые требовали, чтобы вишни или клубнику со сливками им подавали на синих тарелках – получались национальные цвета Чехословакии и этим выражался протест против оккупации, но надо же делать что-то настоящее! Василий придерживался иного мнения, рассчитывая на организацию в кондитерской надежного пункта связи и наблюдения. Война войной, а на чашечку пусть и не настоящего, а эрзац-кофе в кондитерскую заглядывали и офицеры, и полицейские, и инженеры, а иногда и рабочие более или менее солидных специальностей. Надеялся Васи-

лий и на знание Петром немецкого языка – правда, в этом он несколько переоценивал значение томских пятерок брата.

Однако после ареста Йозефа Петр попал под подозрение, и планы на создание явки в кондитерской пришлось отложить. А тем временем Петру исполнилось двадцать, и судьба его внезапно резко изменилась.

После разгрома под Сталинградом и особенно после провала операции «Цитадель» немецкое командование поняло, что пора думать не о планах разгрома СССР, а о строительстве оборонительных рубежей в собственном тылу. С полной определенностью задача укрепления границ рейха встала перед германскими стратегами после краха «неприступного Восточного вала» – форсирования советскими войсками Днепра.

Но людей для выполнения строительных работ не хватало. И если еще недавно славяне и вообще представители низших рас к оборонительным работам привлекались лишь косвенным образом, то теперь положение изменилось в корне. В тыловые части вермахта стали призывать молодежь из некоторых оккупированных стран. В такую часть и призвали Петра. Оказавшись в восточной Польше, совсем неподалеку от тех мест, где когда-то служил солдат австро-венгерской армии Йозеф Лауда, юноша решил воспользоваться его опытом и бежать в Красную Армию. Но немецкая полевая жандармерия работала усерднее, чем австрийская три десятка лет назад... Впрочем, если бы ей не помогли...

* * *

...Как это все нелепо! Когда я ошибся? Ведь казалось, что все уже в порядке, мы у советских партизан, они так хорошо встретили, проводили к себе, накормили... Правда, очень уж долго и подробно обо всем выспрашивали, но мы не удивлялись этому – партизаны могли подозревать в нас фашистских разведчиков. Хорошо хоть, что вовремя вспомнил советы Васи – никому, даже самым близким друзьям, ни слова о том, чем папа и Вася занимаются на заводе, ни слова о том, что мы приехали из Томска.

Конечно, убежать на фронт из Чехии было невозможно, но когда стало известно, что укрепления придется строить не на Западе, а на Украине, мы с друзьями даже обрадовались – уж там-то убежим, там будет недалеко.

Недалеко... С дороги бежать бессмысленно. Может быть, надо было бежать прямо с работы? Днем, когда кругом охрана, немецкие офицеры инженерных войск, свои унтер-офицеры? Нет, тут мы не ошиблись, все было правильно...

И правильно воспользовались бомбежкой станции, охрана было не до нас, в суматохе никто и не заметил, как мы выскочили из казармы. И направление мы выбрали правильно, вышли из города, направились в горы. И как было не поверить партизанам? Красные ленты, автоматы ППШ, в землянке пожелтевший номер «Правды» с докладом товарища Сталина о 25-й годовщине Октября, его портрет...

Утром сказали, что нас перебросят в отряд, имеющий связь с Красной Армией. По лесу шли так весело, перебрасывались шуточками, а пришли прямо в отделение фельд-жандармерии. Полицейский офицер поблагодарил партизанского командира за верную службу великой Германии и самостийной Украине. Связали всех троих, и тут началось... Больше всех старались «партизаны». «Вот тебе за родину... Вот тебе за Сталина... Вот тебе за свободную Чехословакию... А теперь получи во славу господ нашего и неньки Украины...»

...Очнулся в машине. Куда-то везут. Зачем? Неужели будут бить еще? Почему не расстреляли сразу?.. Опять ничего не помню... Камера... Допрос... Откуда они все узнали?

– Когда выехали из СССР? Адрес НКВД в Томске? Кем работал отец? Сколько дней были в Москве? Куда заходили? Кто приходил к отцу? Приходил ли кто-нибудь кроме пограничников в вагон на станции Негорелое? Кто заходил в Варшаве? С кем связан отец в Пльзене? Где Василий?

Опять били... Потом – общая камера... И вот:

– Выходи на прогулку! Что значит «не может встать»? Ты... и ты... поднять, вывести!

* * *

– Прогулка окончена! 2341 – на допрос!

...Следователь успел переодеться, он теперь в форме, которую уже почти никто не носит, – лакированные сапоги, галифе, длинная гимнастерка без знаков различия, широкая повязка со свастикой на левой руке – совсем как в «Профессоре Мамлоке», которого они успели посмотреть перед отъездом из Москвы. Только нелепо взбитый кок да бледно-голубые глаза были прежними, но это был уже какой-то другой человек.

– Ну, Лауда, имели неожиданную и приятную встречу? Сынок не очень хорошо выглядит? Да, у него нервы не в порядке, конвоирам пришлось его немного успокаивать, и эти оуновцы тоже, знаете ли, не слишком интеллигентные люди. Но сейчас все уже хорошо. Правда, он покашливает, кашель не совсем хороший, с кровью, и левая рука почему-то не действует. Но вы не волнуйтесь, если вы захотите, его сегодня же переведут в отдельное помещение, будут хорошо кормить и, разумеется, по-настоящему лечить. Я сейчас же распоряжусь, только лишь запишу ваши показания и вы подпишите соглашение о работе с нами. Итак?

– Мне нечего показывать. Я приехал к родственникам. Никто и ничего мне не поручал.

– Ты грязная чешская свинья! – Следователь вскочил со стула. – Ты расскажешь мне все, что было и чего не было, ты будешь говорить все, что я захочу, стоит только нам начать беседовать с твоим ублюдком! Готлиб! У вас все готово? Отведите его к нам в подвал и доставьте туда же и младшего. Да-да, сначала щенка!

* * *

В ноябре 1944 года Йозеф и Петр Лауда были казнены в Дрезденской тюрьме.

* * *

...Мне – на первый взгляд это естественно, нынче все читались детективных романов и насмотрелись кинофильмов про бойцов невидимого фронта – очень хотелось, чтобы

Йозеф действительно оказался советским разведчиком, посланным накануне войны в глубокий тыл противника. Ну, пусть не таким, как Лев Маневич, Рихард Зорге, Рудольф Абель или Шандор Радо, но все же...

Не буду рассказывать о своих поисках в этом направлении. Я добрался «до самого верха», но все оказалось впустую – Лауда и его сыновья не имели никаких заданий, они просто поехали на родину главы семьи.

И все же в главном я прав! Да, «агентом Коминтерна» он не был, через него в Западную Чехию не тянулась «рука Москвы», в НКВД или разведывательном управлении Генерального штаба РККА он не служил. Но всем своим поведением, всей своей жизнью и смертью он служил добру, своей Родине и Родине своих детей. А это и значит, что он наш агент, агент свободы и прогресса...

* * *

Наверное, не существует сил, способных отвлечь нормального простого человека от радостей жизни, от обыкновенных радостей, данных ему от природы – радости труда, радости человеческого общения, радости любви, радости отцовства и материнства...

Оккупация, застенки, пытки, казни... Четырнадцатичасовой рабочий день, диверсии на заводе, антифашистская пропаганда, передача информации партизанской разведке... Комендантский час, затемнения, бомбардировки... Встречи с любимой, тихие беседы, высказанные и невысказанные мысли о будущем, народные – на все Добржаны, и революционные – вполголоса, песни, и даже пляски на не очень богатой, но все же многолюдной свадьбе Василия и чешской девушки, волею судеб тоже Марии, Марии – младшей...

Летом 1942 года молодожены переехали к тестю на хутор неподалеку от Добржан. Трудно сейчас сказать, что было определяющим в этом решении. Возможно, задание Антонина Бурды, нуждавшегося в надежной связи с чешскими партизанами, которые именно в это время активизировали свою деятельность, перейдя на всей территории республики

от разведки и отдельных диверсий к систематической организованной борьбе с оккупантами. Прикрытие было идеальным – молодая семья живет на лесном хуторе, муж рано утром уезжает на завод, иногда задерживается и ночует у отца – ничего удивительного, тем более, что дороги в Западной Чехии отличные, а транспорт даже в те годы работал неплохо. А то, что неподалеку от хутора слесарь Лауда встречается с партизанскими связниками – кому это придет в голову? Впрочем, вполне может быть, что задание Бурды было приложением к естественному стремлению молодой семьи немного улучшить условия жизни – в лесном хуторе жилось все же полегче, чем в Добржанах, не говоря уж о Пльзене. А скорее всего, на решение Василия повлияло и то, и другое. А немного времени спустя прибавился еще один аргумент – Маше, ожидавшей ребенка, хотелось быть поближе к родителям, к деревенскому хозяйству с молоком и свежими овощами, к лесному воздуху. Но в конце марта Василий увез Машу в город...

Кто еще не стал дедом, тому все равно не понять, а тому, кто имеет внуков, не надо объяснять чувств Йозефа, осторожно взявшего на руки крошечное существо, маленького человечка, которому единодушно было дано столь символическое имя – Надежда! Надежда! И как было не надеяться и на открытие второго фронта, и на приближающуюся к границе СССР Красную Армию, как было не надеяться на Победу!

* * *

Надежда... Йозеф никому не позволял взять ее, когда через десять дней отвозил внучку и невестку обратно на хутор. Он долго не мог расстаться с маленькой Надей и, уже уходя, остановился в дверях, глядя на самодельную колыбельку так, будто видит ее в последний раз. Это и был последний раз – через шесть дней, 20 апреля, он был арестован.

В этот же день должны были арестовать и Василия, но помогла случайность – не имевшему никакого отношения к подполью слесарю Юзефу Кралику понадобилось выкроить

один день для устройства своих домашних дел. Он и упротил Василия поработать за него в дневную смену, а вечером вышел вместо Лауды в ночную смену, как раз перед приходом гестаповцев. Когда те бросились на хутор, было уже поздно – подпольщики успели позвонить в Добржаны, там, в доме тетушки Барбары, сразу же повесили сушить белье вовсе не в том порядке, в каком оно должно было висеть, и Василий, увидев сигнал, не заходя ни в Добржаны, ни на хутор, ушел в лес.

...Леса в Центральной Европе... Нам, сибирякам, привыкшим к бескрайним просторам тайги с ее болотами, небурным сухостоем и гнильем, с какой-то перевозчанностью и внушающей благоговейный страх мрачноватой таинственностью, очень уж непривычными представляются европейские окультуренные леса. Ухоженность, порядок, аккуратные дороги, дорожки и тропинки, всякого рода указатели, тщательно оборудованные полянки для отдыха, ни сучка обломанного, ни дупла незаделанного, не говоря уж о мусоре, ветках, гнилье и шишках. То ли парк, то ли лес... Помню, чехи говорили мне: «Это у вас много леса, у нас – мало, мы его и бережем, у нас в лесу деревья пересчитаны и перенумерованы».

Так-то оно так, так оно и кажется при первом знакомстве, но все же лес есть лес, и даже в Германии и Австрии, не говоря уж о Чехословакии и Польше, всегда найдется где укрыться. Нашлось где укрыться и Василию, тем более, что за год с лишним работы связным он узнал этот район по-настоящему. Укрылся он надежно, вероятность ареста была невелика, но Василия угнетало другое.

Массовые аресты на «Шкоде», фактический разгром многих подпольных организаций весной 1943 года, активизация деятельности гестапо и местной полиции были вовсе не случайными явлениями, а составляли одно из звеньев тщательной подготовки летнего наступления гитлеровской армии. Операция «Цитадель» с предполагаемым разгромом Советской Армии в районе Курска должна была решительным образом изменить ход войны. Вся гитлеровская машина работала на эту операцию, предусматривались все ее де-

тали, все случайности, все препятствия к ее реализации, делалось все, начиная от модернизации танков и кончая массовыми репрессиями на военных заводах Европы. Весной 1943 года гитлеровский фронт получил со всей оккупированной Европы колоссальное количество техники, боеприпасов, вооружения, и план «Цитадель» вовсе не был авантюрой.

Василий не мог знать всего этого, он знал лишь, что сводок для передачи партизанской разведке не поступало, что сам маленький партизанский отряд особой активности не проявлял, что связи с Красной Армией нет, что с завода каждый день уходят на фронт эшелоны, а он ничего не делает... Безделье – вынужденное, и, как вскоре оказалось, недолгое – Василий ощущал как наказание. А тут еще рядом, совсем неподалеку – Маша, маленькая Наденька, мама, так измучившаяся без отца...

В трехстах метрах от хутора он оборудовал и тщательно замаскировал маленькую землянку, отпустил бороду, стал носить очки, обзавелся велосипедом, на котором – он не хотел пользоваться автобусом или случайным транспортом – попытался несколько раз съездить в Пльзень.

* * *

Утром 5 июля 1943 года гитлеровцы начали операцию «Цитадель», но ровно через месяц Москва салютовала доблестным войскам Красной Армии, не только сорвавшей наступление противника, но и перешедшей в успешное контрнаступление и овладевшей Орлом и Белгородом. И если после Сталинградской битвы кто-то в Европе и за океаном еще говорил о случайности, о том, что русские могут наступать только зимой, то теперь даже пессимистам стало ясно – вопрос окончательного краха гитлеровской Германии есть лишь вопрос времени. Курская битва послужила сигналом и для европейского сопротивления.

А незадолго до Рождества подпольщики приняли радио из СССР – 12 декабря подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве! Послевоенном!

Вот теперь работа пошла по-настоящему. Появилась реальная надежда на установление связи с советскими войсками. Василий, буквально под носом у полиции мотавшийся на своем велосипеде из леса в город и из города в лес, понимал, что, наконец-то, занимается делом, что он нужен!

Нужен он был и полиции, давно уже интересовавшейся судьбой третьего мужчины в семье Лаудовых. В конце зимы подпольщик, работавший в полиции, сообщил, что агентура напала на след Василия, и руководство запретило ему появляться в городе.

* * *

– Он ходит на хутор, господин капрал.

– Откуда ты знаешь?

– Это он, точно, я сам его видел.

– Один или со своими?

– Один, точно один, господин капрал, он иногда приходит к жене, вечером приходит, а утром рано уходит.

– Ну, если врешь – самого отдам в гестапо вместо русского....

После освобождения Чехословакии полицейский прислужник, предатель и провокатор Коваржчик был казнен по приговору народного суда, но тогда ему и чешской полиции предоставлялась возможность отличиться, поймав «партизана рус». Схватить Василия решили на рассвете, когда он выйдет из дома, если удастся сделать все тихо, то наверняка еще кто-нибудь из партизан придет на хутор и попадет в засаду. Но Василий бывал дома очень редко и Коваржчику долго пришлось отсиживаться в кустах у хутора, дожидаясь того дня, когда он сможет прибежать в полицию и, едва переведя дыхание, закричать: «Пришел! Скорее!»

* * *

...Пора, уже светает... Наденька спит, смешно причмокивая крошечными губками... Когда я увижу ее снова? Маша беспokoится, она видела у хутора каких-то чужих людей, просит забрать ее в лес... Надо бы, а куда деть Наденьку? Она только еще начала ходить. Оставить тестю? А если...

Ну, ладно, я пошел, до свиданья, Машенька... Нет, не надо, пусть спит...

– Лауда, стой! Руки вверх!

...Черта с два! Не сразу! Я в этой канаве еще отобьюсь! Сколько вас, гадов? У меня в нагане семь патронов, один – мой, остальные – ваши. Спасибо русскому парашютисту, его подарок... Ну, кто первый?

– Ты, скотина, зачем стрелял? Я же сказал брать живым!

– Он жив, господин капрал, я ему в ноги стрелял.

– В ноги... А куда попал? А если умрет? Везите к нам... Эту тоже взять! Не ори! Берите вместе с девчонкой! И этих тоже...

Надю все-таки удалось отобрать у чешских полицейских. Марию увезли в Прагу, на Панкрац, где уже была Мария-старшая, бабичка из Томска. Родителей Марии-младшей расстреляли сразу – по логике чешской полиции они уже не были нужны: засада на хуторе после ареста Василия и перестрелки потеряла смысл, вина – укрытие партизана – очевидна, а судом и следствием тогда не очень-то себя утруждали...

* * *

Это случилось утром 4 апреля. А в ночь на 6 апреля войска Первого Украинского фронта вступили на территорию Чехословакии. В боевых порядках фронта шли солдаты Первого чехословацкого армейского корпуса. До освобождения Чехословакии оставалось тринадцать месяцев...

* * *

...Почти полгода Василий лежал в чешской тюремной больнице. Ранение в позвоночник сделало его неподвижным, он медленно умирал, часто терял сознание, а тюремные врачи лишь поддерживали его жизнь от допроса до допроса. Допросы эти ничего не давали чешским следователям. Находясь в сознании, он молчал, а в бреду звал Машу, бредил по-русски, пел... 17 октября за ним приехали гестаповцы, потерявшие надежду получить какие-то материалы от чешского следствия.

* * *

– Ну, где тут у вас русский партизан? Нетранспортабелен? Молчит? У нас побежит и заговорит... Этот? Что он поет?

– Господин офицер, я не знаю, как это будет по-немецки, а по-чешски «V bitve velikej estli my padnem...»

– А ты, свинья, откуда знаешь эту песню? Сам коммунист?

* * *

Василия перевезли в гестаповскую тюрьму, потом в Терезин. Довольно скоро гитлеровцы поняли, что у умирающего они ничего не узнают – ни пытки, ни обещания вылечить, ни угроза привезти и на глазах у него пытать жену не давали ничего. Его так, лежачего, и расстреляли – встать он не мог, да и поставить его на ноги было уже невозможно.

Вот и вся история русско-чешской семьи, история, начавшаяся в годы Гражданской войны у нас в Сибири и закончившаяся гибелью от рук фашистов семи ее членов. Впрочем, закончившаяся ли? Передо мной сидит чешская учительница Надежда Лаудова-Прохазкова, дочь томича, жена чешского шахтера. А ее дочь Итка недавно заняла призовое место среди школьников страны, читая русские стихи на конкурсе, посвященном памяти Александра Сергеевича Пушкина. Она читала их на языке своей прабабки, простой сибирячки, на языке братского народа, столь много сделавшего и для чешского legionера, едва не запугавшегося в трудные годы, и для всего народа Чехословакии, жизнью своей обязанного павшим в битве великой...

Впрочем, так ли думает народ Чехии и Словакии сегодня?

На площади Советских танкистов – ныне она уже называется иначе – установили после войны танк Т-34. На нем фамилии нескольких гвардейцев, танкистов и пехотинцев, пришедших сюда по призыву восставшей Праги и погибших в последний день войны. Вазелюк... Востриков... Гончаренко... Егоров... Танк залит грязной краской, фамилии

замазаны, пониже имен – надпись: «Не признаю свободы от азиатов». Когда я дописывал эти строки, узнал, что уже и самого танка там нет... Стерта память о русских и чешских героях Сопротивления и освобождения?

Нет, не верю. Все было в свое время – и наши ошибки и преступления, и политическое хулиганство. Но была и кровь, пролитая за общее дело чехами, русскими, украинцами, белорусами, татарами, казахами, евреями. Её не забыть и из благодарной памяти народов не вычеркнуть.

...Чехи и словаки – люди религиозные, и они знают слова Екклезиаста о том, что есть время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

Так какое же время сегодня?

«КТО ПОГИБ ЗА ДНЕПР...»

Александр Петрович Калашников

Трудно представить, но в начале тридцатых годов прошлого века в Западной Сибири существовал лишь один педагогический институт – Томский. Выпускники его служили и на Алтае, и на Таймыре, и в Кемерово, и в Нарыме. Студентов тех лет остается все меньше и меньше, но все же организованная в конце 1978 года в Новосибирске по инициативе выпускников 1938 года Ф.М. Гаврилова и Ф.Н. Никитина встреча выпускников довоенных лет собрала многих. Было интересно, было что послушать и о чем рассказать. Говорили и о сегодняшнем вузе, интересовались, помнят ли в Томске былые годы, знают ли нынешние студенты о воспитанниках прошлых лет. Конечно, помним, знаем, гордимся. И все же один вопрос оказался неожиданным.

– В институте известно, что Саша Калашников – Герой Советского Союза?

...Сначала нам показалось, что товарищи что-то путают. Ведь, как говорят, никто не забыт и ничто не забыто – если такой факт был, то, конечно, мы должны знать о нем. Но никто из сотрудников и ветеранов института не рассказывал о таком выпускнике. Да и вообще принято считать, что среди лиц, удостоенных звания Героя Советского Союза за годы войны, нет выпускников томских вузов. Точнее, наши вузы заканчивали Герои Советского Союза, но они пришли учиться, уже имея Золотую Звезду.

А был ли вообще в нашем вузе студент Калашников? И присваивалось ли ему столь высокое звание?

* * *

Тоненькая папочка личного дела студента исторического факультета Александра Петровича Калашникова, восемнадцать пронумерованных и прошнурованных листов, чаще

всего – обрывков тетрадных страниц и даже тетрадных обложек. Был такой студент!

Родился 4 января 1915 года в селе Староалейском в семье крестьянина-бедняка, в 1908 году перебравшегося на Алтай с Украины.

В те годы деревенский кузнец не мог позволить сыну роскоши среднего образования – девять детей, какое уж тут образование! Абитуриент Калашников так и написал в автобиографии: «В 1928 году окончил сельскую школу первой ступени. Продолжать учебу дальше родители не дали мне возможности, ввиду чего я покинул семью в том же году».

Мальчик поступил на железную дорогу учеником. Я сначала не обратил внимания на этот факт, а это ведь была не просто какая-то железная дорога, это была одна из важнейших строек первой пятилетки – Турксиб!

Биография писалась в 1937 году, и Саша не мог обойти норм времени: он указал, что старший брат в 1919 году был мобилизован в колчаковскую армию, оттуда бежал и сразу же вступил в Красную Армию, где служил рядовым до 1923 года. А в 1930 году его раскулачили и сослали в Нарым.

На Турксибе Саша проработал недолго, его направили – мальчишка же еще! – в ремесленную школу. Год учебы, и он токарь по металлу в механической мастерской Локтевского зерносовхоза Алтайского края. Тоже обыкновенная строка биографии, если не заметить, что это были первые годы коллективизации и превращения Алтая в важнейшую зерновую базу страны.

В 1934 году комсомольская и профсоюзная организации совхоза командировали Александра на рабфак Томского университета. Еще через два года рабфаковец Калашников стал одновременно и курсантом летной школы при Томском аэроклубе – он всегда делал то, к чему звало время.

Прочитав, что А.П. Калашников получил звание пилота запаса, я решил, что искать Героя надо среди летчиков, но всё оказалось не так. В 1937 году, окончив рабфак, Калашников стал студентом 54-й группы истфака Томского пединститута. Он и его одноклассники жили в общежитии по проспекту Фрунзе, 84, ныне этого здания нет.

Сегодня мы знаем немало о судьбах студентов этой группы, удивительной и в то же время типичной для тех лет. Они стали учеными, партийными и советскими работниками, журналистами, армейскими политработниками – перечисление высоких постов и званий, заслуженных историками выпуска 1941 года, займет немало места. Но чаще всего в списке выпускников этого года одинаковая запись – погиб на фронте. Иван Богун... Сергей Зенцов... Павел Каменьщиков... Никон Черемухин... Константин Сеглин... Александр Калашников...

А.П. Калашников

Студенты в большинстве своем были старше нынешних. Многие имели за плечами по пять – десять лет трудового стажа, нередко – стажа учительского и даже директорского. В духе времени и то, что к концу учебы каждый третий – член или кандидат в члены ВКП(б).

Профессор Федор Сергеевич Пестриков написал о своей группе:

«Самое характерное – активность невероятная. Активность производственная – учеба. Предъявляли очень высокие требования к себе – прежде всего, а затем и к постановке учебного процесса. По каждому учебному предмету староста Паша Каменьщиков и комсорг Поля Рябова строго вели учет изученной литературы. Часто в Красном уголке, в коридорах, курилке можно было слышать, как историки обмениваются мнениями, спорят о прочитанном по древней, средней, новой истории, истории партии. Какая-то была невероятная жажда знаний. Два человека – Ильенко Николай и Боровой Федя – сталинские стипендиаты, одиннадцать человек получили дипломы с отличием.

Принимали участие в научных кружках, выступали с докладами на теоретических конференциях. Принимали участие в лекционной пропаганде – выступали на предпри-

ятнях города, участвовали в работе городского семинара междунаrodnиков.

Многогранная общественная активность. Дело заключалось в том, что одна часть была занята в комитете ВЛКСМ (С. Зенцов, И. Лушанов), другая руководила профсоюзом (К. Сеглин, Ф. Пестриков), третья – агитаторы на десятидворках (руководителем агитколлектива был П. Каменьщиков, депутат Томского горсовета), четвертая – И. Мусатов, П. Осыченко и другие – это драмкружок, самодеятельность... Иногда на собраниях других факультетов можно было услышать даже упреки, что историки с первого курса захватили "все руководство в институте", – шутка, конечно».

Как на этом фоне выглядел студент Калашников? Судя по зачетной книжке и по приложению к диплому, неважнецки – чаще всего встречаются там посредственные оценки. Конечно, сказывался очень высокий уровень работы группы, сказывалось и отсутствие у Саши серьезной систематической подготовки. Была и причина, которую легко понять, читая личное дело.

В начале последнего семестра студента Калашникова едва не отчислили из института, пришлось писать такое заявление:

«Прошу директора ТПИ оставить меня на стационаре исторического факультета. В настоящее время лекционных часов не посещаю по следующим причинам:

- 1) не получаю стипендии;*
- 2) других источников для жизни, кроме работы, не имею;*
- 3) кроме того, на моем иждивении находятся родители, отцу 65 лет. К последнему нужно прибавить ещё и то, что там, где живут мои родители (Алтайский край, Змеиногорский район), в 1940 г. был неурожай. В результате этого положения мои родители нуждаются в помощи. Вследствие этих причин я поступил на работу. Но так как работы я не мог найти во вторую смену, мне пришлось устроиться в первую.*

11/11-41 А. Калашников»

Дирекция разрешила Александру заканчивать институт экстерном. Он работал воспитателем в одном из детских домов нашего города (на ул. К. Маркса, 11, ныне на месте того здания – трехэтажная новостройка), комендантом учебного корпуса, грузчиком на станции Томск-1, грузчиком в речном порту – физической силой природа его не обделила.

На мои просьбы рассказать, каким он был, сокурсники отвечали кратко, но удивительно единодушно. «Исключительно дисциплинирован. Скромен. Трудолюбив. Усидчив. Любил физкультуру. Никогда не унывал. Весельчак. Замечательный товарищ, человек большой души, готовый в любую минуту, без броских фраз, оказать помощь товарищу», – так писали мне почти все.

...Последний госэкзамен – педагогику – они сдавали 26 июня 1941 года. Государственная экзаменационная комиссия приняла постановление о присвоении А.П. Калашникову квалификации преподавателя истории в средней школе и звания учителя, и о выдаче диплома № 4784. Сохранилась еще одна запись – такие записи обычно делаются заранее: «Направлен на работу в село Вьюны Колыванского района Новосибирской области». В «Деле» не записано, но позднее я узнал, что в тот же день, 26 июня, Калашников, как и большинство его сокурсников, был призван в Красную Армию.

* * *

Больше в архиве ничего не было, и хотя теперь стало ясно, что память не подвела ветеранов – да, А.П. Калашников окончил наш институт. Но стал ли он Героем Советского Союза? Из Президиума Верховного Совета СССР нам сообщили:

«Калашникову Александру Петровичу, 1915 года рождения, звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года».

Управлению кадров Министерства обороны было поручено сообщить институту об обстоятельствах, при которых

А.П. Калашников совершил подвиг, так высоко оцененный Родиной.

Не дожидаясь письма из Министерства обороны, мы написали в школу села Староалейского. Ответ из школы пришел почти одновременно с письмом из Центрального архива Министерства обороны. В селе знали о Калашникове больше, чем в институте. В школе собран материал о нем, дом, где прошло его детство, не сохранился, но одна из улиц села носит его имя. Есть у них и книга «Боевая слава Алтая», где описан подвиг Александра Калашникова, и копия наградного листа, документа, к тексту которого ничего не надо добавлять. В нем есть графа, которая называется «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг»:

«Гвардии ст. лейтенант Калашников Александр Петрович в боях с немецкими оккупантами проявил себя подлинным героем и мужественным борцом за освобождение правобережья Украины. Гвардии старший лейтенант Калашников под ураганным огнем противника переправился на правый берег р. Днепр в р-не Куцеволовка Онуфриевского района Кировоградской области и вступил в ожесточенную схватку с гитлеровцами. Воодушевляя личным примером мужества и героизма, появляясь в нужный момент в наиболее опасных местах, гв. ст. лейтенант Калашников шаг за шагом продвигался вперед. Рота под руководством старшего лейтенанта Калашникова первая ворвалась в населенный пункт Куцеволовка и, отражая ожесточенные контратаки противника, закрепилась там. Рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Калашникова в боях за плацдарм на правом берегу р. Днепр истребила свыше 200 немецких солдат и офицеров, подавила пять огневых точек противника и отразила семь контратак противника.

За мужество, личное героизма, за истребление живой силы противника, за расширение и укрепление плацдарма на правом берегу реки Днепр гвардии ст. лейтенант Калашников Александр Петрович достоин представления к званию Героя Советского Союза».

* * *

Найти на карте деревню Куцеволовку Онуфриевского района Кировоградской области – дело немудреное. Подписи командиров и начальников на наградном листе, карта Украины, воспоминания маршалов и генералов, книги по истории Великой Отечественной войны позволили понять обстановку, в которой подвиг нашего выпускника стал одним из эпизодов массового героизма и самопожертвования советских людей осенью 1943 года.

...После успешного окончания Курской битвы наши войска, продолжая наступление, 23 августа освободили Харьков и, завершая освобождение левобережной Украины, начали подготовку к форсированию Днепра.

К этому времени Гитлер окончательно убедился в прозрачности надежд на скорую победу. Но на успешное окончание войны он еще надеялся. Впервые за всю историю Второй мировой войны фюрер согласился со своими генералами, заговорившими об обороне и потребовавшими создания прочного оборонительного рубежа в глубине своих войск.

11 августа Гитлер утвердил план генштаба, установившего, что «Восточный вал» пройдет по линии Нарва – Псков – Витебск – Орша – Днепр – Молочная. Германскому командованию наиболее ответственным представлялся участок обороны, проходивший по Днепру. Именно здесь, на западном высоком берегу Днепра, предполагалось к 15 ноября построить мощные укрепления. Гитлер заявил, что «скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его – эту мощную водную преграду 700–900 метров ширины, правый берег которой представляет цепь непрерывных дотов, природную неприступную крепость».

Именно здесь действовали Воронежский (Н.Ф. Ватутин) и Степной (И.С. Конев) фронты. Общее руководство операцией Ставка возложила на заместителя Верховного главнокомандующего маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

И первое, в чем Жукову, Ватутину и Коневу удалось переиграть противника, – время. Наши войска успели за два

месяца до окончания строительства противником всех укреплений «Восточного вала» выйти к Днепру. За десять дней, с 21 сентября в полосе наступления шириной 700 километров было захвачено 23 плацдарма, в том числе пять на участке Степного фронта.

Н.Ф. Ватутин

Г.К. Жуков

И.С. Конев

Конев предполагал осуществить наступление в два этапа. На первом – форсировать Днепр и захватить плацдармы на его правом берегу, на втором – разгромить кировоградско-криворожскую группировку противника. Для осуществления этого плана из резерва Ставки фронту была передана 37-я армия. В состав армии и входила 62-я гвардейская стрелковая дивизия, в которой служил А.П. Калашников.

До 24 сентября Конев держал армию во втором эшелоне, а в этот день поставил перед командармом генерал-лейтенантом Шарохиным¹ задачу: сменить войска 69-й армии, изрядно измотанные за два с половиной месяца непрерывных боев, продолжая наступление, уничтожить отходящие 106-ю, 198-ю и 168-ю пехотные дивизии противника и с ходу форсировать Днепр на участке Колиберда – Переволочная, захватив плацдармы на его правом берегу.

¹ См. на с. 223 очерк о Федоре Шакшуеве.

История иногда подбрасывает такие совпадения, которых нарочно не придумаешь.

В «Записках командующего фронтом» И.С. Конев вспоминает: «Я позвонил начальнику инженерных войск Красной Армии М.П. Воробьеву, с которым был хорошо знаком еще по Западному фронту, и попросил, чтобы он срочно выслал мне все имеющиеся военно-географические описания Днепра. Затем задал ему вопрос: «В каком месте лучше переправляться через Днепр между Кременчугом и Днепропетровском?» И еще: «Когда Карл XII вместе с Мазепой бежали после разгрома под Полтавой, где они переправлялись через Днепр?» М.П. Воробьев мне ответил: «У Переволочной, что севернее Днепропетровска». Я поблагодарил его за справку. Это место как раз находилось в полосе нашего фронта».

Действительно, километрах в двадцати пяти от Куцеволовки, почти напротив села Мишуриного Рог, расположена деревня Переволочная. Здесь, в существовавшей тогда крепости Переволочна, укрылись остатки разбитой 27 июня 1709 года Петром I шведской армии. 30 июня десяти тысячный отряд русских войск под командованием А.Д. Меншикова захватил здесь 127 знамен, 28 орудий и четырнадцать тысяч шведов во главе с генералом Адамом Людвигом Левенгауптом. Лишь двум тысячам солдат и офицеров противника удалось переправиться через Днепр вместе со своим королем Карлом XII.

Этот факт истории России использовали в воспитании подчиненных командиры и политработники 17-й армии. В их числе был и один из наиболее образованных офицеров 62-й дивизии, составитель цитирувавшегося выше наградного листа гвардии полковник Г.С. Антонов.

* * *

Когда наши войска вышли к Днепру, из 705 хат села Переволочное оставалось не более пятидесяти – остальные были сожжены гитлеровцами в строгом соответствии с приказом командующего группой «Юг» фельдмаршала Э. Манштейна. Об этом приказе сообщалось в листовках, сбрасываемых с самолетов.

вавшихся с самолетов на наши подразделения: «Советский солдат! Сдавайся в плен. Знай, что левобережье Днепра на 25 километров в глубину станет мертвой зоной, а по Днепру будет проходить граница Великой Германии с Россией». И дальше: «Западный берег Днепра германскими инженерами одет в бетон и окован железом. Мы создали неприступный Восточный вал, подобный Западному валу, созданному нами на Атлантическом побережье.

Солдаты! Командиры гонят вас на смерть. Смерть ждет вас на Днепре. Остановитесь, пока не поздно. Мы не хотим вашей крови».

Но солдаты не сдавались и не останавливались. А 62-я дивизия первой форсировала Днепр и вместе с другими частями и соединениями Степного фронта захватила широкий плацдарм у Верхнеднепровска, Мишурина Рога, Куцеволовки, Дериевки. На этом плацдарме командование Степного (с 20 октября 1943 года – Второго Украинского) фронта сосредоточило кроме 37-й армии еще и 5-ю и 7-ю гвардейские генералов А.С. Жадова и И.С. Шумилова, 57-ю армию генерала Н.А. Гагена, 5-ю танковую армию генерала П.А. Ротмистрова. Наземные войска поддерживала 5-я воздушная армия генерала С.К. Горюнова. Фронт был готов ко второму этапу наступления, к началу освобождения правобережной Украины.

* * *

Обо всем этом сообщила газета «Красное знамя», очерк заканчивался обращением к читателям – вдруг среди них найдутся сослуживцы Героя, которые смогут дополнить наш рассказ о нем.

Откровенно говоря, я не очень рассчитывал на скорый ответ. Томск не формировал 127-й стрелковой дивизии, ставшей 62-й гвардейской, на стелах мемориала в Лагерном саду она не значится, да и сам Калашников попал в неё, по-видимому, после госпиталя. Мало ли у нас было дивизий! Но...

– Я вас задержу всего на несколько минут, дело в том, что я служил с товарищем Калашниковым в одной дивизии,

– Порфирий Арсентьевич Глазырин приехал в Томск по служебным делам, разыскал меня и сейчас торопился в совхоз, где был директором.

Опасаясь не встретиться со мной, он написал подробное письмо. Вот несколько строчек из него:

«Мне и моим товарищам-томичам пришлось принять первое боевое крещение в 186-м гвардейском полку 62-й гвардейской стрелковой дивизии при форсировании Днепра у села Мишуриин Рог, левее села Онуфриевка.

В 1943 году наше Асиновское пехотное училище было направлено на фронт».

Боюсь, что далеко не все томичи знают эту – нашу! – страницу Великой Отечественной войны. А знать её надо...

Перед началом войны и во второй половине 1941 года в стране были развернуты десятки новых военных училищ. Одно из них располагалось на окраине Асино, в Сосновке. Сейчас это территория города, здесь находится сельскохозяйственный техникум, школа № 1 с музеем боевой славы училища. А тогда – бараки Асинлага, одного из доверенных лагерей НКВД.

За годы войны азами военной науки в АПУ овладели, по самым скромным подсчетам, около двадцати пяти тысяч курсантов, в основном томичей, новосибирцев, иркутян, омичей, красноярцев. Сроки обучения были непостоянными, чаще всего до выпускных экзаменов и офицерских званий дело не доходило – проучившись несколько месяцев, курсанты убывали на фронт, иногда – сержантами, чаще – рядовыми. Фронт и был их главным экзаменом.

П.А. Глазырин

Почти весь первый выпуск попал летом 1942 года на Волховский фронт, второй – под Ржев и Вязьму, а дальше можно сказать короче: не было ни одного крупного сражения, в которых не участвовали бы асиновцы.

Июльской ночью 1943 года курсанты погрузились в вагоны – немцы начали наступление на Курской дуге. Но в боях под Орлом и Белгородом курсанты этого выпуска не участвовали – их готовили к другому.

– На станции Графской нас принимал командир дивизии Герой Советского Союза полковник Мошляк Иван Иванович¹.

* * *

Далее Порфирий Арсентьевич писал о боях на Днестре и за Днестром, о своих однополчанах, а заканчивалось письмо такими словами:

«Извините за беспокойство. Я написал вам лишь потому, что в 62-й гвардейской были в основном томичи 1925 года рождения. На их долю выпало доверие – первыми форсировать Днепр. И я хочу, чтобы при открытии мемориальной доски выпускнику пединститута Герою Советского Союза А.П. Калашникову об этом было сказано, чтобы об этом знали студенты, знали томичи».

Вот об этом – о нелегкой, чаще всего трагической судьбе своих земляков, рассказывал мне старший сержант Глазырин, рассказывал неровно, волнуясь, часто замолкая, и мне казалось, что во время этих пауз он снова видит ночной Днепр, освещенный немецкими ракетами, резиновые надувные лодки, накрываемые огнем минометов и артиллерии противника, высоту 177,0, Мишуринов Рог, контратакуемый танками и самоходками гитлеровцев, наспех отрытые окопчики, на которые пикируют фашистские бомбардировщики...

– О нашей дивизии, об участии в этих боях наших земляков нигде не написано, и никто об этом не знает, может, даже родные тех ребят не знают, где и когда они погибли... Надо бы об этом написать.

¹ Подробнее о нем – в очерке о Федоре Шакшуеве (с. 231).

Вообще-то о 62-й гвардейской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого Звенигородско-Будапештской стрелковой дивизии, о ее славном боевом пути от берегов Днепра до берегов Дуная, от Кировограда и Кривого Рога до Будапешта и Вены генерал Мошляк рассказал в опубликованной еще в 1978 году книге «Вспомним мы пехоту...» Но ведь всего не расскажешь! О том, кто именно пополнил его дивизию в августе 1943 года после жестоких весенних боев, автор не написал.

Мошляк рассказал о главном – о массовом героизме участников форсирования Днепра, за который 1050 солдат, сержантов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями, а 37 воинам присвоено звание Героя Советского Союза. Генерал Мошляк, маршалы Жуков и Конев, авторы многотомных «Истории Великой Отечественной войны» и «Истории Второй мировой войны» описывали действия дивизий и армий в соответствии со своими должностями, так сказать, «сверху». А рядовому солдату или сержанту хочется, чтобы было написано, если и не о нем самом, то о таких же, как он, семнадцати-восемнадцатилетних мальчишках, многие из которых прожили свою жизнь только для того, чтобы один раз подняться в атаку, наверняка не думая ни о славе, ни о бессмертии, ни о своей роли в истории.

П.А. Глазырин не знал Калашникова – тот служил в другом полку, но он назвал мне имена двух своих однополчан-томичей, Анатолия Васильевича Попадейкина и Александра Иосифовича Алтунина. Найти их оказалось делом нетрудным – оба они, как и сам Порфирий Арсентьевич, далеко не рядовые люди в нашей области.

* * *

Но тут я сделаю небольшое отступление. Каждый раз, обращаясь к этим, а потом и ко многим другим фронтовикам, я испытывал неловкость. Действительно. Ведь это я намерен написать о Калашникове, я собираю эти сведения, это моя, пусть и добровольно на себя взятая работа. А они – люди занятые, у них полно своих дел, зачем им еще и на меня

тратить время? Но они не только не отказали во встрече, но, напротив, помогали мне, более того, доброе отношение к делу они переносили и на отношение ко мне. Теперь я понимаю, что в этом проявлялось фронтовое товарищество, чувство священной памяти о тех, кто тогда был рядом и кого сегодня нет, о ком надо помнить. И есть еще одна сторона в наших отношениях, о которой меня заставил задуматься Попадейкин. Анатолий Васильевич, начальник телеграфно-телефонной станции, солидный человек, давно привыкший руководить людьми, умел сдерживать эмоции. Но как-то после появления в печати заметки об участии томичей в форсировании Днепра он рассказал о таком случае.

– Внучек у меня есть, Валера. Приходит из школы, с порога: «Дед, дед, что у нас сегодня было в школе! Учительница прочитала нам в газете, как воевали томичи, и там написано «Попадейкин». И я встал и сказал: «Это мой дедушка!»

...У А.В. Попадейкина были награды и за участие в войне, и за мирный труд, но, глядя в его повлажневшие глаза, я чувствовал, что детская гордость за «моего дедушку!» – самая высокая награда для этого много повидавшего и перенесшего человека ¹...

* * *

Ни А.В. Попадейкин, ни А.И. Алтунин, ни Г.А. Моисеев, ни другие ветераны 62-й дивизии, с которыми я потом познакомился, не знали Калашникова. Но они хорошо помнили свой первый бой, свое боевое крещение.

Лето 1943 года. Тыл Степного фронта, землянки и палатки в дубовой роще, относительное спокойствие – не бомбят и не обстреливают. Но комдив не дает отдыха. Ночные и дневные учения: окапывание, гранатометание, борьба с танками, учебные атаки, рукопашный бой... Вскоре эшелоны дивизии по железной дороге двинулись к недавно освобожденному Харькову. Солдатам показали груды камней,

¹ Валерий Анатольевич Попадейкин (р. в 1968 г.) – историк, член Союза журналистов РФ, в 2014 г. пресс-секретарь губернатора В.М. Кресса.

оставшиеся от знаменитого ХТЗ, одного из трех довоенных тракторных заводов нашей страны. От Харькова на Чугуев, к Днепру.

– Таких стремительных маршей, – вспоминает Мошляк, – мне, пожалуй, ни до того, ни после не доводилось совершать. В иные дни проходили по 50–60 километров. Стояла изнуряющая жара, пыль не оседала на дорогах. Солдаты, черные то ли от загара, то ли от грязи, то ли от того и другого, походили на негров. Особенно, когда улыбались. Только редко я видел улыбки. Солдаты с ног валились от усталости.

– Нас часто бомбили, обстреливали с самолетов. Да еще непрерывная боевая учеба. Обманные марши, – наверное, сбивали с толку немецкую авиаразведку, – днем туда, ночью обратно, иной раз ничего не поймешь, да нам, солдатам и сержантам, ничего об этом и не говорили. Мы знали и понимали одно – идем на штурм «Восточного вала», знали, что Гитлер объявил его неприступным, и сломать ему хребет доверено нам... Все же к Днепру вышли почти без потерь и почти без боев – уничтожали отдельные заслоны и группы немцев, били их с тыла и флангов.

26 сентября 57-й стрелковый корпус, один из двух корпусов, составлявших основу армии, ускоренным маршем вышел в район боевых действий, сменил части 69-й армии, наступавшей в первом эшелоне фронта, добил остатки трех немецких пехотных дивизий, отходивших к переправам у Кременчуга, и к часу дня 27 сентября вышел к Днепру. В этот корпус, вместе с 92-й и 110-й гвардейскими стрелковыми дивизиями, входила и 62-я.

На ее участке ширина Днепра – 600–800 метров. Правый берег господствует над левым – закон природы, следствие вращения Земли. Впереди на высотах – Успенское, Дериевка, Мишурин Рог, долина между ними упирается в Куцеволовку.

Шарохин принял решение – форсирование начать в ночь на 28 сентября. Первой начать переправу предстояло 62-й дивизии. В четыре часа утра штурмовые группы на трех понтонах, пяти армейских лодках, десятках рыбацких лодок, сотнях самодельных плотов отошли от левого берега.

Немцы не заметили произведенной нашим командованием смены частей и не ожидали столь скорого удара на этом участке. Первые полчаса штурмовые группы шли через реку в полной тишине. Но – только полчаса. А потом сотни ракет осветили Днепр, ударили артиллерия и минометы, а еще через несколько минут налетели первые двенадцать «юнкерсов». Но главное было сделано – бой шел на правом берегу реки.

Мошляк не упоминает в своей книге Калашникова, но подробно рассказывает о действиях батальона капитана В.И. Сентюрин (впоследствии – генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, зам. начальника внутренних войск МВД СССР), в который входила рота старшего лейтенанта Калашникова.

«Штурмовая группа во главе с капитаном Сентюриным переправилась на остров и завязала бой с противником, занимавшим здесь оборону. Гитлеровцы начали отходить. Гвардейцы надеялись захватить у немцев лодки. Но на широкой протоке лодок с неприятельскими солдатами не оказалось. Куда девались фашисты? Внимательно рассмотрев поверхность воды, в рассветном полумраке комбат различил фигуры гитлеровцев, бредущих через протоку. Находившиеся рядом бойцы уже собирались открыть огонь, но Сентюрин запретил».

Прямо по следам фашистов по этому броду штурмовая группа перешла на правый берег, выбила противника из первой траншеи, вслед за ней подошли основные силы батальона, остальное вам известно из наградного листа. Добавлю лишь, что у солдат 182-го полка имелись лишь винтовки, автоматы, гранаты, пулеметы, ПТР да 82-миллиметровые минометы, а у контратакующих немцев – танки и самоходки.

* * *

Более трудная обстановка сложилась на левом фланге, где подразделения 184-го полка – в нем было особенно много томичей – захватили северную окраину Мишурина Рога. Против горстки солдат, уцепившихся за это село, немцы

бросили десятки танков и самоходных орудий. Рота ПТР подбила две самоходки и четыре танка. Пятый танк подорвал, бросившись под него со связкой гранат, капитан Михаил Семенович Голодницкий.

К шести часам утра два полка дивизии захватили плацдарм до двух километров в глубину и до четырех по фронту. «Части 62-й гвардейской дивизии полковника И.Н. Мошляка были первыми в 37-й армии генерала М.Н. Шарохина, форсировавшими Днепр юго-восточнее Кременчуга», – отметил в своих воспоминаниях Жуков.

Но удержать плацдарм было столь же тяжело, как и захватить его. Сплошного фронта не было, на многих участках немцам удалось вновь выйти к берегу. Впрочем, им тоже было несладко. Это был уже не 41-й и не 42-й год – господства в воздухе немцы уже не имели, над плацдармом непрерывно «висели» самолеты 1-го бомбардировочного авиакорпуса генерала Ивана Семеновича Полбина, не только руководившего своими летчиками, но и лично вылетавшего на бомбежки (11 февраля 1945 года бомбардировщик Пе-2 Полбина, подбитый зенитчиками, взорвался в небе над Бреслау).

В ночь на 29-е сентября Мошляк начал переправу второго эшелона – 186-го гвардейского полка. Но тут уж никакой скрытности быть не могло. В тяжелейших условиях полк переправился на правый берег и вступил в бой за Мишурин Рог. Некоторым подразделениям приходилось окапываться чуть ли не в воде, траншеи несколько раз переходили из рук в руки, но сил у противника уже не хватало. Мало их осталось и у нас...

* * *

– Нам еще в училище выдали новые шинели из английского сукна. Когда началось форсирование, их много было, наших асиновцев, куда ни глянь – зеленые шинели. А на второй день – серые есть, а зеленых почти не видно...

– У меня в правой руке граната с выдернутой чекой, в левой ПТР (противотанковое ружье, которое было в руке первого номера пэтээровца П. Глазырина, весит более две-

надцати килограммов). Бегу... Взрыв... Очнулся, нет ни гранаты, ни ПТР, ни пилотки. Посмотрел на руку – цела. Афанасьев Анатолий, второй номер, омич, лежит рядом, убитый. Подобрал ПТР, пилотку снял с Афанасьева, побежал догонять роту...

– Мы переправились ночью под непрерывным обстрелом, кто на чем, на плотках, на крестьянских лодках. Еще на переправе потеряли половину роты. Комроты ранило, роту принял комвзвода, взвод пришлось принять мне – у меня было два курса техникума до училища, да и рост приличный, вот и стал я старшим сержантом. Окапывались почти в воде, лужи, песок, холодно, но противник на берег не пускает. Встретил тут нас партизан украинский, показал путь по заболоченному участку, выскочили на берег. Держались против контратак с танками, но не отошли. Ранили в щеку, остался в строю. А потом – тяжело...

Полгода кочевал А.В. Попадейкин по армейским госпиталям, а затем на костылях вернулся в Томск.

Сражение за Мишурин Рог завершила 92-я стрелковая дивизия полковника (в конце войны – генерал-майора) Андрея Никитовича Петрушина.

К утру 1 октября 37-я армия переправила на правый берег Днепра около тридцати тысяч человек, до двухсот орудий, все полковые минометы. Немцы бросили в этот день против частей, закрепившихся на плацдарме, две свежие дивизии – танковую и пехотную. Но было уже поздно. План Манштейна, утвержденный Гитлером, – в течение зимы 1943/44 года удержать Днепр, чтобы летом начать новое наступление и вернуть себе стратегическую инициативу, – был сорван. К 5–7 октября первый этап плана Жукова – Конева – Ватутина успешно завершился.

* * *

Части 62-й гвардейской вновь атаквали противника утром 15 октября, а накануне вечером дивизионная разведка проникла в немецкий тыл, пройдя через окопы, где ждал своего часа Глазырин. Среди разведчиков он увидел Аркашу Городецкого, своего друга и земляка. Думали ли они, что

эта встреча последняя, что один, вместе с друзьями наделав немало бед противнику, погибнет в бою, а второго ждут страдания и муки плена?

По просьбе Жукова Ставка усилила фронт, наступление на Пятихатку – Кривой Рог – Кировоград продолжалось успешно, к 23 октября прорыв удалось расширить до 70 километров по фронту и до 125 километров в глубину. Передовые части вышли к Кривому Рогу и Кировограду. В Пятихатке 62-я дивизия захватила 17 эшелонов с вооружением и боеприпасами – немцы не успели отправить их со станции.

Для немецких войск, удерживавших Днепропетровск, создавалась угроза окружения. Э. Манштейн обратился к Гитлеру за помощью, и в район Кировограда – Кривого Рога с Запада было переброшено несколько дивизий.

* * *

– Прижали они нас тогда здорово – надеялись расквитаться за прошлый год. Нам потом говорили, что две дивизии перебросили из Франции, да еще танки от Роммеля из Африки. Не дождались на западе наших союзничков. А на танках и самоходках написали по-русски: «За Сталинград!» У нас танков и артиллерии не хватало – все отдали под Киев, да и в авиации у них снова был перевес.

«Немецкое командование, – пишет Жуков, – направляло на наши войска бомбардировочную авиацию, которая волна за волной подходила к полю сражения и наносила нам чувствительные удары.

К исходу 24 октября на ряде участков наши войска вынуждены были отойти на расстояние до 10 километров, а затем, не удержавшись, еще километров на 25, прочно закрепившись лишь на реке Ингулец. Как ни старался противник отбросить наши войска с этой реки, ему это не удалось. Понеся большие потери, он вынужден был прекратить атаки и перейти к обороне.

Не имея достаточных сил продолжать наступление на криворожском направлении, войска 2-го Украинского фронта тоже перешли здесь к обороне».

* * *

Жестокими и трагическими были эти дни для 62-й гвардейской. Первая в форсировании Днепра, она и тут оказалась на самом острие немецкого контрудара. Некоторым подразделениям дивизии удалось отойти, некоторые оказались в окружении, и далеко не всем солдатам и командирам удалось из него вырваться.

Ветераны рассказывали, какими были эти последние дни октября, как немецкие танки окружили дивизию, как пьяные эсэсовцы перерезали ножами всех раненых, сестер и врачей полевого госпиталя – на лезвиях этих ножей выгравирована надпись: «Alles fur Deutschland», резать беспомощных – тоже для Германии? – как офицеры и охрана штаба уничтожали документы, полевые карты, деньги, отбивая последние вражеские атаки и прикрывая эвакуацию на ПО-2 знамени дивизии и ее командира, как шла через Кривой Рог колонна пленных, и среди них не было ни одного – ни одного! – солдата без многочисленных ран, как потерявшие сознание падали и уже никогда не поднимались – сзади шли гитлеровцы с автоматами, как друзья чудом успели подхватить на руки и не дать упасть одному из моих собеседников. «Только Жуков не про нас написал, никуда мы не отходили. Наши ребята бились, пока их всех не уничтожили...»

– 2 ноября мы попытались пробиться к своим, меня ранило, очнулся уже в плену. – Порфирий Арсентьевич рассказывал страшные подробности о плене, в который тогда попало несколько тысяч наших раненых солдат. Он побывал в четырех концлагерях, из молдавского сумел бежать. Вышел к нашим, естественно, без документов. Целый месяц его проверяли в СМЕРШе. На контрразведчиков он зла не держит, ибо война есть война, были тогда и шпионы, и диверсанты, и власовцы, о которых он не мог говорить спокойно до конца своих дней (мы проводили старого солдата в последний путь в октябре 2016 года), – воин-патриот не может простить предательства. После проверки вернулся на фронт и воевал до Победы. А потом – полвека мирного труда, сначала в сов-

хозе, потом в областном совете ветеранов, полвека верный присяге, данной Родине в далеком 1943 году.

* * *

А комдив вскоре подлечился, дивизию доукомплектовали, в январе 1944 года она отличилась в Корсунь-Швченковской операции. Ей присвоили наименование Звенигородской, ее солдаты отомстили врагам за павших на Днестре и за Днестром товарищей, устроив фашистам еще один Сталинград. Но в составе дивизии в те дни оставалось всего шестеро томичей... А Кривой Рог 37-я армия освободила лишь в феврале 1944 года. Александра Калашникова в числе освободителей уже не было.

– Знаете, чего нам всем очень хочется? – спросил меня Глазырин. – Побывать бы там, на Днестре, поклониться ребятам, которые там полегли, вспомнить свою молодость, свой первый страшный бой...

* * *

Есть в истории этих событий еще один, очень грустный мотив.

Солдату, так много перенесшему, так настрадавшемуся, да еще и почти ничем не отмеченному, горьки воспоминания о гибели дивизии, о ранах и плене, о смерти – иногда внешне совершенно бессмысленной – его товарищей. Ему не хочется ссылаться на трагедию войны, он не хочет и не может признать, что в конце октября на стороне противника в районе Кировограда – Кривого Рога имелся перевес в живой силе и технике, что вообще война не может состоять из одних только побед.

И ему, простому солдату, хочется сказать кое-что не только о фашистах, но и своих отцах-командирах. «Плохие стратеги...» «Немцы наверху, а мы высадились на открытом месте...» И даже: «Негодяи... Бездарные генералы... Трагическая гибель соотечественников...»

И посерьезнее. «Зачем Сталину понадобилось брать Киев к 7-му ноября? Не решил бы он так, не сняли бы с нашего

фронта танки, артиллерию и авиацию – мы бы не только Кривой Рог взяли... Мы же видели, как с фронта уходят танки, «Катюши», даже 76-миллиметровые пушки».

«Комдив-то улетел, а его шофер – погиб, начальник штаба, не желая попасть в плен, застрелился. Офицеры и охрана штаба все погибли, их немцы в плен не брали, да они бы и не сдались. Почему их не смогли эвакуировать? А капитана Баранова Георгия Александровича, поэта, редактора дивизионной газеты «Родина зовет» почему не эвакуировали? Может, он бы стал знаменитым поэтом? Бросили нас командиры, сами-то спаслись, получили ордена и звания, а мы...»

Не мне судить героев. Но замечу, что Мошляк, мужественный и честный солдат, без утайки описал трагедию своей дивизии, подробности ее гибели. Однако редакция «Воениздата» исключила эту главу из его книги.

Впрочем, я сам встретился с не очень понятными мне фактами. Генерал Сентюрин на наши письма не ответил. Командир второго батальона 182-го полка В.И. Данько не принял своих бывших солдат, когда они приехали к нему во время встречи на Днестре, жена сказала, что болен. Все может быть, но ветераны иногда говорят, что командиров мучит совесть, вот почему многие из них не приехали на встречу ветеранов в Мишуриин Рог. Может быть, и вправду не было времени, но солдаты обиделись...

* * *

Вот примерно все, что я узнал о жизни, подвиге и гибели Калашникова. Но оставалось невыясненным и просто непонятным очень многое.

Из наградного листа следовало, что Калашников призван в армию 26 июня 1941 года. Там же написано, что в боях на Степном фронте он участвовал с 23 августа 1943 года. Ясно, что эта дата примерно соответствует времени передачи дивизии в состав фронта из резерва Ставки, а до этого, может быть, месяц, может быть, два, шло боевое сколачивание подразделений дивизии. Командир роты в боевой учебе – важнейшая фигура, и тем, кто служил в армии, легко представить себе эти дни жизни ст. лейтенанта Калаш-

никова. Ну, а кто не служил – пусть послужит, всякому мужчине полезно увидеть на себе мокрую от пота гимнастерку – на то мы и мужчины.

Но что было до этого в течение почти двух лет? Из скупых строчек наградного листа вытекало, по меньшей мере, четыре вопроса.

Первый. В графе «партийность» записано: «член ВКП (б) с 1943 года». Вступление в партию – серьезное событие в жизни любого честного человека. Кроме того, это событие – документированное. Конечно, во фронтовых условиях многое упрощается, но все же должно быть дело по приему, должно быть заявление, анкета, рекомендации. Где они?

Второй. В 1943 году родители Александра жили в селе Самарка Рубцовского района Алтайского края. Но в графе «Домашний адрес написано: «полевая почта 55767-А, жена Калашникова Агафья Семеновна». До войны Александр не был женат, на побывку домой не ездил, видимо, нашел жену на фронте. Где? Кто она? Санинструктор роты? Связист? Врач в госпитале? Жива ли? Жив ли кто-либо из ее родных, знают ли они хоть что-нибудь о ее судьбе?

Третий. В графе «Участие в Отечественной войне», кроме записи «с 23.8.43 г. Степной фронт» указано: «с 11.4.42 г. Западный фронт». Но 62-я гвардейская дивизия в боях на Западном фронте не участвовала. Значит, Калашников был в другой дивизии. В какой? Где?

Четвертый, тесно связанный с третьим. На вопрос: «Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне?» – дан ответ: «одно ранение». Где он был ранен? Когда? Может быть, полевая почта 55767 – это госпиталь, а Агафья Семеновна лечила его там?

Скажу честно, это сейчас я так формулирую эти вопросы, чтобы рассказать о поисках ответов. Искал же я вовсе не так последовательно, более того, многое произошло случайно, а на часть вопросов я до сих пор не имею ответов, быть может, их никогда и не удастся найти...

* * *

Философы утверждают, что во всякой случайности проявляется закономерность. То, что первым в списке группы, в которой учился Александр Калашников, записан Ф. Боровой, и поэтому мне хорошо запомнилась его фамилия – случайность. Но то, что отличник учебы, бывший еще до института директором школы, всю жизнь отдавший военной службе, полковник Федор Степанович Боровой написал нам накануне юбилея института, – закономерно. И когда в институте прозвучала его фамилия, я сразу ухватился за новый источник информации – мы стали переписываться, переписка эта была неформальной и составила довольно солидную папку. Вот некоторые отрывки из нее.

«Сегодня получил неутешительный ответ из Центрального архива МО СССР, в котором говорится следующее: «Дела по приему в ВКП(б) Калашникова Александра Петровича за 1943 год от политотдела 62 гв. стрелковой дивизии и его личное дело на хранение в Центральный архив МО СССР не поступали. Книги учета коммунистов указанного политотдела за 1943 год на хранении в центральном архиве МО СССР нет». Вполне возможно, что Саша был принят в члены ВКП(б) в другой части (соединении). Но удивительно, что из 62-й гв. с. д. не поступило книги учета коммунистов. Может быть, она была уничтожена при каких-либо обстоятельствах? Тем более, что эта дивизия, как кажется, была в переплетах».

Была... Еще бы! Все документы штаба и политотдела дивизии уничтожены, нет и личного дела А.П. Калашникова, нет и его могилы, но тысячу раз правы жители Куцеволовки, установившие на мемориальном кладбище плиту с надписью: «Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Калашников Александр Петрович, 1915 – октябрь 1943».

Очень короток ответ Ф.С. Борового на второй мой вопрос. «Номер войсковой части 55767 принадлежал четвертому отдельному полку связи Военно-воздушных сил Московского военного округа. Литер «А» принадлежал какому-то

подразделению этого полка». Ни Федору Степановичу, ни мне, ни нашим многочисленным помощникам ничего более о жене Александра Петровича тогда узнать не удалось. Правда, принадлежность полка Московскому военному округу показалась мне косвенным подтверждением его службы на Западном фронте, но и без этого подтверждения сомневаться в записи, сделанной в наградном листе, не приходится. Я полагал, что, вероятнее всего, они познакомились именно на Западном фронте летом 1942 года, но вся их семейная жизнь – встречи урывками между боями (ведь служили-то они в разных частях!) – продолжалась всего несколько недель или даже дней... Все оказалось иначе...

* * *

Поиск сведений о службе А.П. Калашникова на Западном фронте казался совсем бесперспективным – ведь надо было найти одного из миллионов солдат и офицеров, оборонявших столицу в 1942 году. Помощь пришла совершенно неожиданно. Правда, тут я должен сделать еще одно отступление.

На письма надо отвечать сразу. И не только потому, что это элементарное правило вежливости. Отложил письмо, не ответив, – значит, либо совсем не ответишь, и рано или поздно будешь краснеть перед своим корреспондентом, либо ответишь потом, но придется снова читать письмо, вспоминать, о чем тебя спрашивали, терять время. Не зря древние говорили, что лентяю всегда некогда – он любую работу делает дважды. И, кроме того, задерживая ответ, обязательно кого-нибудь подведешь в большом или малом.

К чему это сказано? Весной 1981 года, когда я уже почти потерял надежду узнать что-то о первом годе армейской службы Калашникова, ко мне подошла студентка нашего института... не хочу ее обижать, поэтому не назову фамилию. Подал мне письмо, она сказала:

– Это письмо мне передали из комитета ВЛКСМ, оно на счет Калашникова. Я не знаю, как на него ответить, и пришла посоветоваться.

– Когда передали? – чуть не закричал я, прочитав на бланке поискового отряда «Кристалл» дату – 8 декабря 1980 года.

– А еще до сессии, надо было зачеты сдавать...

– Уйдите, пожалуйста, пока я не наговорил вам лишнего...

Вот это письмо.

г. Томск, пединститут, комитет ВЛКСМ

Просим вас оказать нам помощь в розысках Героя Советского Союза Калашникова Александра Петровича, который в 1941 году окончил ваш институт. Воевал в составе 80-й гвардейской Уманской ордена Суворова стрелковой дивизии. За форсирование Днепра ему присвоено высокое звание Героя, но с 1943 года его след теряется.

Все, что известно о нем, просим сообщить нам. Надеемся, что наше письмо не останется без ответа.

Нач. штаба Кириченко Олег.

Люблю и уважаю таких вот дотошных и настойчивых следопытов! Они обычно ухитряются найти самые удивительные и интересные подробности и факты, раздобыть их в самых неожиданных местах, отыскать десятки замечательных людей!

Я вовсе не сомневался в том, что написал Олег, но номер дивизии не совпадал! На мой вопрос по этому поводу Олег сообщил (сразу же!), что розысками ветеранов 80-й гвардейской занимаются 55 поисковых отрядов, подчиненных в своей работе совету ветеранов дивизии, что председателем совета является бывший начальник штаба дивизии, доктор военных наук, профессор Академии Генерального штаба генерал-майор Х.М. Джелаухов и что информация о Калашникове получена «Кристаллом» от следопытов отряда «Прометей» из Молдавии. Далее следовали адреса Х.М. Джелаухова и «Прометей» и, чего я уж никак не ожидал, адреса трех томичей, ветеранов 80-й дивизии. В телефонном справочнике нашелся и номер телефона одного из ветеранов –

гвардии капитана медицинской службы Александры Васильевны Брытковой.

-Да, я служила в 80-й гвардейской. Да, с самого начала. Мы формировались в Барнауле, тогда дивизия называлась 298-й... На какой фронт? Я вам сейчас не скажу, я ведь была совсем девчонкой, только закончила институт, даже название деревни, где наш первый полевой госпиталь был, забыла. Мы сразу попали в бой, надо было взять Зайцеву гору, там наши части в окружение попали. Где это? Нет, я даже области не помню, знаю только, что потери были большие, этого не забудешь. Потом? Нас перебросили под Сталинград. Нет, Калашникова я не помню, да и что вы хотите, ведь в дивизии не одна тысяча, да и столько лет прошло! Позвоните Смирнову Ивану Михайловичу, он тоже ветеран нашей дивизии.

- Нет, в 80-й гвардейской дивизии я никогда не служил, я служил в 89-й, - я уже хотел положить трубку, но все же спросил о первых месяцах войны. - Формировались мы в Барнауле. В ноябре или начале декабря направили нас на Западный фронт. Сначала мы не были в боях, а потом бросили нас под Барятино, на Зайцеву гору, деревушка такая была, вернее, деревушки-то не было, одно название. Помоему, где-то на шоссе Минск - Москва. 13 апреля меня ранило и контузило, попал в госпиталь в Воронино, там как раз и была Брыткова. Больше я в эту дивизию не вернулся. Калашников? Не помню. Я? Я был тогда сержантом. Да, все время в армии, до 1974 года, полковник.

Итак, Иван Михайлович ранен на Западном фронте 13 апреля 1942 года, это точно, такие даты обычно не забывают. В наградном листе Калашникова указана дата начала боев - 11 апреля. Похоже, следопыты правы. Последние сомнения исчезли, когда я получил почти одновременно два письма.

Первое - от Игоря Елкова, члена отряда «Прометей» из Молдавии.

«А.П. Калашников нас заинтересовал, так как он некоторое время служил в 80-й гв. с. д., боевой путь которой изучают поисковые отряды во всех концах Советского Союза,

в том числе и наш «Прометей». О Калашникове нам сообщил его сокурсник Аггеев О.П., тоже ветеран 80-й гв. с. д., ныне корреспондент Молдавского гостелерадио. От него мы узнали, что А.П. Калашников начал свою службу в 298-й стрелковой дивизии; позднее эта дивизия за массовый героизм ее воинов под Сталинградом была переименована в 80-ю гвардейскую. Там же, под Сталинградом, Александр Петрович был ранен. Кстати, именно из-за ранения он попал в другую часть, очевидно, сразу в 62-ю стрелковую дивизию. И хотя Калашников был удостоен звания Героя Советского Союза за подвиг в составе этой дивизии, но он служил в 80-й гвардейской, следовательно, его жизнь и подвиги найдут соответствующее отражение в наших альбомах с материалами о боевом пути дивизии».

Второе письмо – от Олега Платоновича Аггеева.

«Выпускник нашего института Ф.С. Боровой прислал мне письмо с просьбой рассказать о Саше Калашникове, Герое Советского Союза.

Я с ним учился в институте с 1937 по 1941 год, исторический факультет, 54-я группа. В группе его уважали за простоту, откровенность, неунывающий характер. Я с ним проходил месячную практику в школе около драмтеатра, на берегу Ушайки¹. Никто ему не помогал, в свободное время он работал грузчиком на станции Томск-II, летом как-то мостил мостовую.

Судьба свела нас под Сталинградом, он тогда был старшим лейтенантом, назначили его начальником штаба батальона в нашем 886-м полку. Я его встречал, но не так часто, ведь он не был в моем непосредственном подчинении.

¹ Удивительное (удивительное ли?) совпадение. О.П. Аггеев и А.П. Калашников проходили практику в одной из лучших школ Томска – школе № 9. Мне выпала честь в 1953–1957 годах работать именно в этой школе. Позднее она стала основой Томского гуманитарного лицея, директор его – один из лучших моих студентов Сережа Алифоренко, и если добавить, что лицей закончила моя внучка Наташа, а расположен он сейчас в перестроенном здании детского сада, куда ходила моя дочь, то начинаешь подумывать о мистике. Или просто мир тесен?

Бои под Сталинградом были крайне ожесточенные, за всю войну подобного не видал. День и ночь минометный, артиллерийский и пулеметный обстрел, непрерывно бомбят фашистские самолеты, кругом смерть, развалины, настоящий ад! Да еще жара, воду подвозили с величайшим трудом за 5–7 километров, а зима наступила – нечем топить. Смелчаки лезли на нейтралку, рвали на топливо польнь, но их нередко ранило или убивало.

Калашников был в стрелковом батальоне, в полном смысле этого слова – на переднем крае. Простота, незаурядная отвага и смелость пришлись по душе бойцам и командирам. Средний командный состав в полку часто менялся – погиб, ранен. Вот в таких условиях и воевал Калашников. Ярких эпизодов из его боевой жизни не помню. Там каждый был герой!

Как сейчас помню снежное утро декабря 1942 года, в балке, около знаменитого села Котлубань. В санитарную машину грузили раненых. Я случайно подошел, вижу – на носилках Александр. Ранен он был в грудь, вроде было повреждено легкое – когда он дышал, кровь в ране на груди пузырилась. Я это видел сам. Не верилось, что он останется жив, а он не унывал и даже улыбался. Мы с ним перебросились несколькими словами (ему говорить-то было нельзя), и санитарная машина увезла Калашникова в госпиталь. Больше я о нем ничего не знал до недавнего времени – пока поисковый отряд «Прометей» не сообщил мне о том, что старшему лейтенанту А.П. Калашникову было присвоено звание Героя Советского Союза».

* * *

Не знаю, почему в наградном листе Калашникова не указан Сталинградский фронт. Конечно, составлялся этот документ не в самых подходящих условиях, но ведь не в документе суть, а в факте. Был он там, где осенью 1942 года решалась судьба нашей Родины!

После того как я сообщил Боровому о сталинградских страницах службы Калашникова, он сумел отыскать в партийном архиве дело о приеме кандидатом в члены ВКП(б)

своего друга. Федор Степанович не пожалел труда и времени и изготовил фотокопию этого дела... Семь листочков, подшитых в обложку из фронтовой газеты «Красная Армия». Обычные документы по приему: автобиография, анкета, три рекомендации – Калашникова рекомендовали комиссар полка Иван Гордеевич Елисеев, член партии с 1932 года, политрук 7-й роты Кузьма Сергеевич Смирнов, член партии с 1930 года, и красноармеец 8-й роты Хаим Лейбович Штейншнайдер, член партии с 1938 года. Рекомендации короткие, в мое время требовалось писать куда подробнее, но эти документы написаны в дни боев на окраинах Сталинграда! К тому же в рекомендациях есть главное. «В боях с немецкими паразитами ведет себя смело, мужественно, так, как подобает большевику» – так написал комиссар, примерно так же написали политрук и рядовой солдат. И об этом же сказано в заявлении: «Обязуюсь стойко защищать свою родную землю, как защищают ее многие сотни и тысячи членов партии. Обязуюсь высоко нести знамя нашей партии, которое не раз приводило свой народ к победе».

Последний документ в деле – боевая характеристика. Я приведу ее полностью.

**Боевая характеристика
на вступающего кандидатом в члены ВКП(б)
Калашникова А.П.**

Т. Калашников рождения 1915 г., до призыва в РККА преподаватель курса истории в средней школе. В РККА с августа 1941 г. Начав службу начпродом в 892 сп т., Калашников в настоящее время является старшим лейтенантом — исполняющим обязанности нач. штаба 3-го батальона. С работой справляется. Участвовал в боях под Заячьей горой в качестве старшего адъютанта 1-го батальона 892 сп, где проявил себя хорошим оперативным работником, за что получил повышение в звании — старшего лейтенанта.

В августовско-сентябрьских боях на Сталинградском фронте участвовал в качестве командира взвода, где проявил себя преданным сыном Родины, достойным быть принятым в ряды нашей партии.

* * *

13 сентября 1942 года А.П. Калашников был принят в партию. В этот день вновь начались ожесточенные бои на окраинах Сталинграда и в самом городе. Тут, как сказал поэт, «ни убавить, ни прибавить, так это было на земле». Хочу только обратить внимание любителей антисемитских анекдотов на имя третьего рекомендуемого – укрывался-таки Хаим в окопах под Котлубанью!

* * *

Конечно, мне захотелось подробнее узнать о боевом пути 80-й дивизии. Сначала – как раз в это время я оказался в командировке в Москве – позвонил генералу Х.М. Джелаухову. Он лично не знал Калашникова, но хорошо помнил эту фамилию. Хорошо помнил он и жестокие бои под Зайцевой горой, под Сталинградом, на Днестре.... Мы долго беседовали с генералом, и я опять почувствовал такое же теплое отношение к нам, не воевавшим, но что-то делающим для сохранения памяти о героях войны, такое же отношение, что испытал я и в беседах с другими фронтовиками. Генерал дал мне несколько полезных советов. Во-первых, существует написанная ветераном дивизии Яковом Григорьевичем Амелиным книга «Сквозь весь огонь», в ней показан боевой путь дивизии от формирования в Барнауле до участия в Венской операции. Во-вторых, в поисковых отрядах имеются копии справки о действиях дивизии, составленной генералом по материалам архива МО СССР и собственным воспоминаниям. Наконец, в-третьих, в начале мая 1981 года в Барнауле состоится встреча ветеранов дивизии, посвященная ее сорокалетию. Конечно, я внимательно прочитал и книгу, и справку. О Калашникове в них, к сожалению, ничего не сказано, но многое в его биографии становится понятным.

298-я стрелковая дивизия была сформирована в Барнауле 15 декабря 1941 года. Командир – полковник Васильев Николай Алексеевич (впоследствии – генерал-лейтенант), начальник штаба – майор Джелаухов Христофор Михайло-

вич, комиссар – Шлихтер Артемий Александрович. Представляю, о чем подумал историк Калашников, узнав, что комиссар их дивизии – сын соратника В.И. Ленина, видного деятеля Коммунистической партии А.Г. Шлихтера¹!

В течение декабря – февраля эшелоны дивизии перебрасывались в Тульскую область в резерв Главкома Западного направления. Последний эшелон – 724-й отдельный батальон связи – прибыл на станцию Узловая 1 марта. До конца марта части дивизии в боях не участвовали, а вели напряженные тактические учения

* * *

Недавние события на Кавказе² заставляют меня, офицера Советской Армии, остановиться, чтобы подчеркнуть следующее. Хорошо укомплектованная, полностью вооруженная, имеющая высокий моральный дух дивизия прибыла в прифронтовой район. Казалось бы, вот и бросить ее в бой, что называется, с колес – обстановка именно этого и требовала. Но нет! Война не просто «Ура, за Родину, за Сталина!» и даже не просто техника и вооружение – необходимо еще и мастерство, а ему следует учиться и учиться. Марш-броски, атаки несуществующих укреплений, стрельба не по противнику, а по мишеням, окапывание в полусотне километров от передовой – командование требовало от Васильева не пушечного мяса, а готовых к бою солдат. И он готовил их со всей жесткостью требовательного офицера. Так надо всегда – сначала научить, а потом уж и бросать в огонь!

¹ Шлихтер Александр Григорьевич (1868–1940), коммунист с 1891 г., окончил Бернский ун-т, участвовал в обороне Томска от белочехов, д-р экономических наук. Его сын Артемий (1902–1952), участник Гражданской и Отечественной войн, профессор МГУ, видный экономист. За Сталинград награжден орденом Красного Знамени.

² Так называемая «Первая чеченская война» 1994–1996 гг., когда бездарно использовавшиеся и совершенно неподготовленные российские войска понесли неоправданные потери.

* * *

Лишь 8 апреля 1942 года дивизия была передана 50-й армии генерала И.В. Болдина. 10 апреля войска совершили марш к передовой и 11 апреля с наступлением темноты заняли боевые позиции. Задача дивизии – выбить фашистов из леса, занять высоту, по которой проходит Варшавское шоссе, и, развивая наступление, соединиться с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала П.А. Белова, оказавшимся в тылу врага в восточной части Смоленской области.

В результате трехдневных боев дивизия достигла скатов Зайцевой горы, но для дальнейшего продвижения сил уже не было. 15 апреля командарм приказал овладеть высотой, выделив для поддержки дивизии одиннадцатую танковую бригаду, так в официальных документах назывались эти три (!) танка. Это все-таки был первый трагический год войны. А немцы для контратак только на левом фланге бросили семь танков. Через два дня высоту взяли, до шоссе оставалось меньше километра, но немцам удалось столкнуть наши части обратно. И так продолжалось почти два месяца...

Не буду пересказывать описанных ветеранами подробностей этих жестоких боев, в сводках Информбюро называвшихся «боями местного значения». Прав Я.Г. Амелин, написавший: «Подножье и скаты высоты Зайцева гора были так обильно политы кровью сибиряков, что эту землю можно считать кровной алтайской».

Товарищи из Калужского пединститута прислали мне туристскую карту своей области, на которой в числе священных для калужан мест отмечен мемориальный комплекс «Зайцева гора». И на той же карте отмечен еще один мемориальный комплекс – высота «Безымянная», прославленная в песне В. Баснера и М. Матусовского. Между этими высотами всего 65 километров.

* * *

В течение апреля шли тяжелые наступательные бои, однако в мае наши войска вынуждены были перейти к обороне, а в ночь с 14 на 15 июня части 298-й дивизии были сменены свежими войсками и отведены в резерв фронта. Прибыло пополнение, проводилась боевая учеба, строились укрепления – дивизия готовилась к наступлению. Но 14–15 августа части и подразделения срочно погрузились в эшелоны – под Сталинградом развернулись тяжелые оборонительные бои. 19–22 августа дивизия выгрузилась примерно в ста километрах к северо-западу от Сталинграда между станцией Арчеда и полустанком Лог. Выгружались прямо на перегонах, днем укрывались в оврагах, а ночью двигались к фронту.

23 августа генерал В.Д. Крюченкин, командарм 4-й танковой армии, которой была передана 298-я дивизия, поставил перед нею задачу.

К этому времени противник прорвался к Волге, создав восьмикилметровый коридор, отделивший от основных сил оборонявшую город 62-ю армию генерала В.И. Чуйкова.

Наступление 4-й армии в конце августа – начале сентября главной цели – деблокады Чуйкова – не достигло, да и не могло достичь. Войска шли в бой прямо с марша, часто без надежной связи с соседями, без достаточной танковой и авиационной поддержки. Противник же имел превосходство и в танках, и в артиллерии, и, главное, в авиации.

Но в начале сентября на северном участке фронта немцы перешли к обороне, оставив планы расширения прорыва и продолжая атаки лишь в самом Сталинграде. С оперативной точки зрения – это ошибка, и Паулюс понимал ее, но Гитлер требовал именно уничтожения 62-й армии и полного овладения Сталинградом – это было политическое решение, это было условием вступления Японии и Турции в войну на стороне Германии.

298-я дивизия еще дважды предпринимала наступательные операции, формально – безуспешные, фактически – не дававшие покоя противнику и обеспечившие в конечном итоге успех нашего ноябрьского наступления.

* * *

19 ноября 1942 года Советская Армия перешла в контрнаступление, завершившееся полным разгромом противника. А 2 февраля 1943 г. капитулировали остатки окруженных под Сталинградом войск противника во главе со своим командующим генерал-фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом. 1 апреля 298-й дивизии было вручено гвардейское знамя, и она стала именоваться 80-й гвардейской... Старший лейтенант Калашников находился в это время в госпитале.

На встрече ветеранов дивизии в Барнауле мне побывать не удалось, но по моей просьбе туда поехал наш студент Юрий Мамонтов. Собралось 116 ветеранов, в том числе 18 человек из того полка, где когда-то начальником штаба батальона был Александр Калашников. Фронтовики всеми силами старались помочь Юрию, рассказывали ему все, что хоть чем-то могло дополнить наши сведения о Калашникове, но самого Александра Петровича либо не помнили вовсе, либо говорили, что фамилия знакома, такой определенно был в их полку, но не более того. Лишь Григорий Иванович Гальцов, старший сержант, разведчик противотанковой батареи, сказал, что он хорошо помнит старшего лейтенанта Калашникова, высокого, худощавого, резковатого, но с юмором. Как-то, когда в болоте застряли противотанковые 45-миллиметровые пушки их батареи, к артиллеристам подошел Калашников и крикнул: «Куда прете, ползуны? Очи повылезли, что ли? Пе-е-хота!», – хотя сам-то и был пехотинцем. Судя по рассказу Гальцова, такой стиль речи был характерен для Калашникова, исполнявшего в то время обязанности командира 1-го батальона (видимо, временно, вместо убитого или раненого комбата). Вот и все. Дали Юре еще с десяток адресов ветеранов полка, я написал им, но нового ничего не узнал.

А вскоре со встречи ветеранов 62-й гвардейской дивизии приехал Глазырин. Сбылось его желание, побывал он на местах тех боев, увидел и Мишуриин Рог, и Куцеволовку, уже не в дыму пожаров и пламени разрывов бомб, мин и снаря-

дов, а утопающими в славных украинских садах. Побывал он и на мемориальном кладбище, где на сорока четырех плитах высечены имена 1262 воинов, павших за Куцеголовку, за Украину, за нашу Родину, где на отдельных плитах высечены имена Героев Советского Союза, в том числе выпускника нашего института Александра Калашникова. Такие же мемориалы созданы и в Мишурином Роге, и в Дериевке, да и где их только нет!

Надгробная плита в с. Куцеголовка

П.А. Глазырин показал мне приглашение, подписанное Иваном Никоновичем Мошляком, показал и «Красную звезду» с некрологом – комдив не дожил нескольких дней до встречи со своими солдатами...

* * *

В общем-то, я мог считать результаты своих поисков успешными. В книгу, посвященную 50-летию института, была включена страница о Калашникове, на здании по ул. Киев-

ской, 60 установлена мемориальная доска (скульптор Леонид Леонидович Майоров), в институте ежегодно стали проводить легкоатлетические соревнования имени Героя. Чего еще желать?

Но нерасшифрованная строчка из наградного листа не давала мне покоя. «Настоящий домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: полевая почта 55767-А, жена – Калашникова Агафья Семеновна». Даже Боровой не смог помочь мне в поисках, я не представлял, как и где искать дальше...

Но в начале 1990 года в институт пришло письмо: «Я 46 лет разыскивала своего мужа, Героя Советского Союза Калашникова Александра Петровича. И вот всего две недели назад в книге «Герои Советского Союза», том I, стр. 609, прочла, что его имя увековечено в Томске». Далее Агафья Семеновна коротко рассказала о себе, закончив письмо такими словами: «Почему я к вам обратилась? Да потому, что к 40-летию Победы я послала письмо в комитет комсомола института, но мне никто даже не ответил. Я с горечью подумала: неужели комсомольцы зачерствели душой? Как же будущие педагоги будут учить любви и долгу?»

Вопрос о душе молодежи и воспитании высоких чувств – тема особая, хочу лишь еще раз напомнить правило: на письма надо отвечать в день их получения. Видимо, А.С. Калашникова именно так и воспитана, во всяком случае, очень скоро мы получили от нее второе письмо, одиннадцать страниц, исписанных мелким почерком, одиннадцать страниц, продиктованных неугасшей любовью. Я читал их нашим пятикурсникам и видел, что вовсе не всегда мы правы, осуждая современную молодежь, может она и сочувствовать, и сопереживать.

* * *

«...С трепетом и волнением отвечаю на ваши вопросы об Александре. Мы оба шли в течение семи лет одной жизненной тропой. В 1934 году одновременно поступили на рабфак при ТГУ, а в 1937 году – в педагогический институт. Условились после экзаменов сыграть свадьбу. Но война

преподнесла иное. Он в срочном порядке направлен в военное училище в Омск (это были курсы по подготовке интендантского состава), а я по назначению поехала в среднюю школу в село Елтышево Ояшского района. Установилась между нами почти ежедневная переписка. Часть, куда направили Сашу после окончания училища, находилась в Алейске. Саша просил, чтоб я к нему немедленно приехала.

Пришлось немного переволноваться – отпусков тогда никому не давали. Под предлогом ухода за тяжелобольной родственницей РОНО разрешил выехать на семь дней. Билет на поезд достать было невозможно. Добиралась «зайцем» в товарном вагоне.

Саша снял малюсенькую комнатку в Алейске. Их часть расположилась от города примерно в 5–6 километрах. Трескучие морозы. А ему приходилось пешком ходить. Отпуск ему тоже не дали. Он приходил в 23 часа, а утром снова бежал в 5 часов в свое подразделение. Я очень страдала, видя, как он изматывается. Всего я пробыла у него четыре с половиной дня. 15 февраля 1942 года мы расписались в ЗАГСе в Алейске, а 16-го мне нужно было выезжать...

В 13.40 прибыл пассажирский поезд. Увы, билетов не было. Я вскочила в тамбур вагона. Оглянулась – Саша бежит. Увидел, запрыгнул, сказал, что командир роты отпустил проводить меня. Бежал бегом. На нем был новый белый полушубок, белые валенки, новая шапка-ушанка. Так одевались офицеры перед отправкой на фронт. Оставалось десять минут до отхода поезда. Понимали, что меня на любой остановке могут высадить. Вошли в вагон. В первом купе располагалась семья военного, офицер с женой и ребенком. Саша шепнул офицеру, чтобы меня спрятали под лавку, когда появится контролер. Те согласились.

Оба мы волновались. Никогда я не видела Сашу таким грустным, как в эти последние минуты. Поезд тронулся. Он спрыгнул и еще долго бежал возле вагона, махая рукой. Больше мы с ним никогда не виделись, только во сне».

Рассказывая об их переписке, Агафья Семеновна подробно написала об участии А.П. Калашникова в боях под Сталинградом, о первом его ранении, а вот что в госпиталь

он попал в Ульяновск, мы не знали. Не знали мы, разумеется, и того, что через полтора месяца после отъезда Саши на фронт его жена добровольно ушла в армию.

«На меня очень оказала влияние статья Лидова «Таня» о подвиге Зои Космодемьянской¹. Мой отец был когда-то партизаном. И я решила тоже попасть в отряд партизан. Обратилась в райвоенкомат с заявлением. Отказ. Тогда я написала письмо Иосифу Сталину, чтобы меня зачислили или в партизанскую, или в воинскую часть. Ответ положительный. 28 марта 1942 года я прощалась со школой. И уехала в Новосибирск, меня зачислили в 4-й отдельный запасной полк связи, а с апреля по июнь 1943 года я проходила службу в 5-м отдельном полку связи Военно-воздушных сил, который находился на станции Похвиснево. Саша из госпиталя прислал письмо, просил приехать к нему. Мое прошение поехать к мужу замполит полка отклонил, ехидно взглянув на меня, сказал: «Что, дезертировать задумала? Знаем мы эти уловки». А ведь было это близко, могла обернуться за два-три дня...

Вскоре меня отправили в Москву, в 4-й отдельный полк связи Резерва Главного командования. Кажется, в июле 1943 года получила от него телеграмму, что они будут проезжать через Москву. Через два дня – вторая телеграмма – встречи не будет, их часть направляется на юг. Я получала регулярные письма в августе – сентябре. В последнем писал, что предстоят жаркие бои. Несколько раз повторял, что будет беспощадно мстить фашистам за гибель брата Ивана, у которого осталось шесть детей. К моему горькому сожалению, письма не сохранились. Они сгорели во время бомбежки под Бобруйском в 1944 году».

¹ Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923–1941), боец диверсионного отряда, направленного в тыл противника в ноябре 1941 г. Была захвачена немцами, подверглась пыткам, повешена. Посмертно удостоена звания Героя Советского Союза. Статья фронтового корреспондента «Правды» П. Лидова, опубликованная 27 января 1942 г., сыграла значительную роль в патриотическом воспитании молодежи в начальный период войны. Майор Петр Александрович Лидов погиб на фронте 22 июня 1944 г.

Комсорг полка старшина Калашникова воевала на 1-м Белорусском фронте и лишь летом 1945 года получила отпуск.

«Поехала к родителям Александра Петровича. Встреча была драматической. Родители голосили, а я стояла, окаменевши. Им прислали похоронку. Оба они были в преклонном возрасте. Отнеслись ко мне со всей родительской теплотой и сердечностью. Поили молоком и сметаной, а хлеба не было. Я ходила в Змеиногорек, получала продукты по продаттестату, подкармливала их. Побелила хату, окучила картошку, все перестирала... Расставание было ужасным. До сих пор передо мной это горестное утро».

В конце письма Агафья Семеновна рассказала немного и о себе. Она родилась в семье бедняка на Алтае. Мать умерла после родов. Отец, красный партизан, умер через год от ран, полученных в боях с колчаковцами.

«С пяти лет дед вынужден был отдать меня на содержание в богатую семью в качестве маленькой служанки. Чтобы не была дармоедкой, как выражались мои хозяева, я должна была быть на побегушках: «принеси-отнеси», «присмотри». Будили меня в 6 часов утра, а спать ложилась в 12 часов ночи. Спала под кроватью на войлоке, без простыни и подушки, укрывалась старым рваным полушубком хозяина. В 1929 году хозяев раскулачили, меня отдали в интернат. Холодно и голодно было. Я сбежала оттуда. Ходила по знакомым хуторам. В Турочаке в РОНО мне выписали документ, определяя в детдом. На улице увидела много повозок, на них сидели женщины, дети, подростки, старики и старухи. Увидела сноху Завьяловых Марию с дочкой и со свекровью. Мария была очень добрая женщина, выходец из бедной семьи, но ее, оказывается, сослали как жену кулацкого сына. Я любила эту женщину. Села на телегу и вместе с ними оказалась в Нарыме. Высадили всех с баржи в совершенно безлюдной тайге. Ужасно, бесчеловечно, дико поступили власти с людьми. Большинство их там и погибло.

Когда стали выдавать хлебный паек, то меня в списке не оказалось. Вызвали в комендатуру. Я, к счастью, не потеряла направления в детдом. Один из охранников сказал, чтоб я

немедленно собиралась, будет отходить пароход на Томск. В Томске меня определили в какой-то пересыльный барак. Я очень заболела – тиф. Увезли в больницу.

Я вообще в детстве много болела. Наверное, из-за того, что перенесла еще и золотуху, слух у меня был не очень хороший, поэтому меня в армии не могли взять на подготовку радиста, хотя при наборе в полк была включена в роту радистов. Но при проверке исключена, переведена на аппарат СТ-35, который затем в 1944 году был модернизирован на радио – СТ-35. Слуха музыкального не имею, но музыку люблю и воспринимаю не слухом, а сердцем, готова круглосуточно слушать оперы... А у Саши слух был безупречный, он великолепно играл на гитаре и балалайке, был виртуозом на мандолине, любил скрипку и настойчиво предлагал мне учиться на скрипке. Мечтал в будущем создать струнный оркестр... Он вообще был художественной натурой, природа для него – гармония духа и материи... Очень любил цветы в окрестностях Томска, особенно – незабудки, при виде их как дитя восторгался. Часто я задумывалась: почему из множества прекрасных цветов он любил эти неброские, нежные цветочки. Возможно, из-за цвета своих глаз. Они искрились блеском радости и доброты, какой-то необъяснимой задумчивости при его жизнелюбии и юморе. Может быть, он грустил из-за нехватки художественного образования?

...После болезни определили меня в детдом имени Калинина, который находился на ул. Р. Люксембург. Сохранилась ли эта улица? В 1934 году нас, 10 человек из детдома, направили в рабфак».

Дальше Агафья Семеновна коротко, как в анкете, написала о своей военной и послевоенной судьбе. Член партии с 1944 года. Уволилась в запас осенью 1945-го, лектор на Украине, директор вечерней школы, преподаватель в медучилище и машиностроительном институте. Награждена орденом Отечественной войны и многими медалями. Продолжает общественную работу и сегодня. Бывает в Куцеволовке, дружит с создателем и руководителем тамошнего музея воинской славы Лидией Васильевной Олефир.

Снова и снова вспоминает она о своих юных годах, о многочисленных деталях предвоенной и военной жизни. Всех подробностей ее писем не пересказать, но две цитаты все же приведу – первая очень уж перекликается с современными «перманентными» выборами, а вторая относится к факту, известному немногим.

«Помню, как мы разъясняли перед выборами статьи Конституции. У меня был целый двор, я собирала домохозяек и старалась им каким-то образом пояснить каждую статью. Он это делал просто, лучше и умнее. Его приглашали к столу, и он не отказывался. Я же, куда там! Считала, что раз я агитатор, то мне не положено этого делать, хотя мои 42 избирателя все 4 года учебы в институте уважали меня, называли «наша агитаторша», я их водила в кино, читала интересные книги. А Сашу называли «сынком»... Вот такая была предвыборная кампания. Конечно, тогда телевизоров не было, но все же...»

«Когда шла война с белофиннами, он вместе с другими парнями нашего института вступил в военизированный лыжный отряд с целью поехать на фронт. Мы провожали их с оркестром на вокзале. Там горячо выступали ораторы с напутственными речами. Пели «Интернационал». Но через две недели наши добровольцы вернулись, не хлебнув военного лиха. Был заключен мир. Ох, какие же были прекрасные наши парни! На все беды страны, горе других народов откликались готовностью защитить, хотя сами-то были беззащитны».

«Простите меня за мое пространное письмо об Александре. Ведь это жизнь Героя, а Героям не присущи схемы. Они, эти люди, чрезвычайно богаты духовно, просвечивается яркая, великая чистота. И не найду слов, как вас отблагодарить за вашу душевную щедрость, за то, что вы стремитесь оставить в памяти народа подвиг Александра Петровича Калашникова. Меня это очень волнует, и вы можете понять мое душевное состояние. Полвека прошло со дня гибели его, но чувство утраты не заглохло, хотя я своей судьбой не могу быть недовольной».

Вот, пожалуй, и все об Александре и Агафье Калашниковых, двух выпускниках исторического факультета нашего пединститута. Их четырех с половиной дней счастья. Полвека гордой и светлой памяти...

Плотина Днепродзержинской ГЭС подняла воды Днепра, скрылись под водой островки, куда высаживались советские солдаты в сентябре 1943 года, не найти теперь и брода, по которому шла рота Калашникова. И не осталось уже однополчан, помнящих своего соратника и командира. Не осталось уже и Советского Союза, за который они положили свои юные жизни. Забыты?

Нет! Политики могут попытаться разделить государства, курорты, флоты. Но Россия и Украина – сестры, их народы неразделимы, подвиг их сынов – бессмертен.

В годы войны два фронтовика, воевавшие на Украине, композитор Марк Фрадкин и поэт Евгений Долматовский написали величественную песню о боях на Днепре, одну из популярнейших в послевоенные годы. Ее слова:

Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой...,

гордо звучали на многих встречах ветеранов. Верю, что они будут звучать еще долгие годы, пока течет Днепр, пока существует Украина, пока существует Россия...

ФЕДЯ, ОРДИНАРЕЦ

Федор Иванович Шакшув

Тех, кто помнит 22 июня 1941 и 9 мая 1945 года, уже почти не осталось. Но оставшиеся никогда не забудут ни слов слегка заикавшегося В.М. Молотова: «Наше дело правое. Победа будет за нами», – ни глуховатого голоса И.В. Сталина с характерным грузинским акцентом: «С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»

Все дни, разделявшие эти даты, наше поколение не сомневалось в Победе. Сначала верили, что до неё всего несколько недель, потом – «ещё несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик...», наконец, «дни гитлеровского кровавого режима сочтены». Но, так или иначе? – в нашу Победу мы верили даже в самые страшные дни.

Прошло три четверти века, и те, кто никогда не нюхал пороха, кто, полуголодным, скверно одетым, не надрывал последних детских сил в поле или заводском цеху, делая «всё для фронта, всё для победы!», стали рассказывать о баварском пиве, которое мы пили бы в случае победы Гитлера (если бы кто-нибудь из нас вообще остался в живых), о том, что в первые дни войны почти все красноармейцы сдавались противнику без боя или дезертировали, о командирах, не только не подготовленных к ведению современного боя, но вообще малограмотных, боявшихся политруков и сотрудников НКВД больше, чем фашистов, о трупах, которыми мы завалили укрепления противника, о том, что надо было сдать Ленинград, а не оставлять его в блокаде, а Берлин с меньшими потерями могли бы взять американцы и англичане, да и Польшу не стоило освобождать. И вообще о том, что войны могло не быть, если бы ни Сталин, коммунисты, Советская власть, Октябрь 1917-го.

Что ж, врете, пока это получается у многих. Но мне выпало счастье знать сотни людей, думающих иначе. Не пере-

стаю восхищаться ими, благодарить их за себя, за моих детей, внуков и правнуков. Помочь сохранить память об этих святых людях – мой долг.

* * *

16 августа 2007 года ушел из жизни ещё один из них – Федор Иванович Шакшуев. Его друзья прислали мне копию наградного листа – представления к званию Героя Советского Союза, скупые строчки которого попытаюсь прокомментировать.

Подписан документ командиром полка Григорием Сергеевичем Антоновым, не рассказать о котором, говоря о Шакшуеве, я не могу – очень уж его судьба подкрепляет мои мысли.

Он родился в 1900 году в крестьянской семье. В мае 1919 года добровольцем вступил в ряды РККА. Сражался против IV казачьего корпуса генерал-лейтенанта К. Мамантова, организовавшего в августе – сентябре рейд в тыл советского Южного фронта¹. За участие в подавлении Kronstadtского мятежа получил от Ворошилова именные часы. Часы в те годы носили долго, именно эти были на его руке при форсировании Днепра в сентябре 1943 года. В 1927 году вступил в ВКП(б). В должности командира полка участвовал в боях у озера Хасан, в сентябре 1939 года – в освободительном походе в Западную Украину, затем в финской кампании.

Г.С. Антонов

¹ С легкой руки Л. Троцкого генерал вошел в нашу военную историю как «Мамантов».

68

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

41

1. Фамилия, имя в отчество - Ш А К И У Е В Федор Михайлович
2. Звание - красноармеец 3. Должность, часть - Стрелок 7 стр. роты 182 Гв. стр. полка 62 Гв. стр. дивизии 37 Армии.
- Представляется к присвоению звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
4. Год рождения - 1925 5. Национальность - Русский 6. Парт. чл. ВЛКСМ - 43
7. Участие в гражданском воюне, последующих боевых действиях на территории СССР и Отечественной войне - В отечествен. войне с 24.08 1943 года Степной фронт.
8. Имеет ли ранения в контузии в отечествен. войне - Ранен 7.10. 1943 года и эвакуирован.
9. С какого времени в Красной Армии с февраля 1943 года.
10. Каким РВК призван - Советским РВК Красноярского края.
11. Чем ранее награждался / за какие отличия / - Не награждался
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению - в адрес его семьи -

КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ.

Гвардии красноармеец ШАКНУЕВ Федор Михайлович в боях с немецкими оккупантами при форсировании р. Днепр и по расширению плацдарма на правом ее берегу, проявил мужество и героизм за освобождение Социалистической Родины.

При форсировании р. Днепр Гвардии красноармеец ШАКНУЕВ, несмотря на ураганный огонь противника, который был по переправе, переправился на правый берег Днепра на подручных средствах, чем показал пример личного героя.

Вместе с другими бойцами ШАКНУЕВ один из первых ворвался в боевое охранение противника, которое было оббито в панике стало отступать. Растреливая на ходу отступающих немцев Гвардии красноармеец ШАКНУЕВ с возгласом: "Вперед, за Родину", стал продвигаться вперед, увлекая за собой всех остальных.

Когда, во время одного ожесточенного контратаки противника с танками, некоторые подразделения 3 стр. батальона были потеснены красноармеец ШАКНУЕВ остался в тылу у врага, но в сдвиг он получил образец подлинного героя. Зарывшись в солому ШАКНУЕВ в течении 4-х суток выдерживал за действиями противника, а когда был снова освобожден во время атаки 3 стр. батальона, то дел много ценных сведений. При неоднократных попытках противника потеснить наши части к Днепру уже после освобождения ШАКНУЕВА на немецкого тыла, он был всегда в первых рядах.

За мужество и отвагу, за личный героизм в боях с немецкими оккупантами, за бесстрашное выполнение приказов своих командиров при форсировании р. Днепр и в боях на плацдарме на правом берегу р. Днепр Гвардии Красноармеец ШАКНУЕВ Федор Михайлович достоин представления к высшей правительственной награде присвоению звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

КОМАНДИР 182 ГВ СТР ПОЛКА
Гвардии Полковник -

/АНТОНОВ/

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПОЛКА
Гвардии Капитан -

/КОСЫХ/

22 Октября 1943 г.

61-й стрелковый полк под его командованием вступил в бой с немецко-фашистскими войсками 22 июня 1941 года. Укомплектованный на две трети, он атаковал превосходившие его по численности и вооружению части немецкой 56-й пехотной дивизии и отбросил их к государственной границе СССР.

Во время последующего отступления советских войск к Киеву полковник Антонов был тяжело ранен, но уже в конце августа 1941 года, еще не вполне оправившись, на костылях, в специальном корсете, выписался из госпиталя, но не демобилизовался по ранению, а стал начальником штаба 12-й запасной стрелковой дивизии, на базе которой в Башкирии готовились для фронта сержанты и офицеры. В марте 1942 года был назначен начальником только что созданного Саранского пехотного училища. За год с небольшим подготовил почти две с половиной тысячи офицеров и более пяти тысяч сержантов. В августе 1943 года с последними выпускниками училища ушел на фронт, где его назначили командиром 182-го гв. стрелкового полка 62-й гвардейской дивизии 37-й армии Степного фронта.

* * *

С воспитанниками Асиновского пехотного училища, принятыми в 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию жарким летом 1943 года во время завершающего этапа Курской битвы, удивительными людьми, настоящими героями не по официальному званию, а по всей военной и мирной жизни, мне выпала честь неоднократно встречаться, писать о них, бывать в музее училища в Асино. Да что – мне! Кто из томичей старшего поколения, особенно учителей, не знал Геннадия Моисеева, заместителя заведующего Томским Облоно, председателя Областного совета ветеранов! А кто из связистов не знал начальника Томской телеграфно-телефонной станции Анатолия Попадейкина! И кто из тысяч подготовленных в Томском политехническом инженеров не знает крупного ученого, ректора вуза профессора Ивана Чучалина, кто из транспортников не знает главного инженера энергослужбы трамвайно-троллейбусного управления Алек-

сандра Алтунина, кто из хотя бы чуть политически активных томичей не знал неутомонного Порфирия Глазырина! Ох, как же мало их, асиновских курсантов, солдат 62-й гвардейской, осталось среди нас сегодня, а было в дивизии более одной тысячи...

В наступательной фазе Курской битвы дивизия не участвовала – пополнившись нашими мальчишками (им было тогда по 17–19 лет!), она в ближнем тылу Степного фронта усердно готовилась к участию в дальнейшем наступлении, личный состав знал, что впереди труднейшая задача – форсирование Днепр, а командование знало, каких резервов потребует эта операция.

* * *

И.Н. Мошляк

И командир дивизии генерал И.Н. Мошляк, прекрасно понимая, что реку и подготовленный врагом к обороне «неприступный Восточный вал» трупами не завалишь, с беспощадной требовательностью готовил дивизию к предстоящим боям.

Иван Никонович Мошляк... В 1938 году любой мальчишка мог рассказать о том, как 8 августа 1938 года в бою у озера Хасан парторг полка лейтенант Мошляк заменил в бою командира батальона и, будучи раненым, водрузил полковое знамя на освобожденной от японцев высоте Заозерной, за что получил Золотую звезду Героя Советского Союза № 93.

«Вот такими мы будем, когда понадобится!»

А что понадобится обязательно – знали твердо.

Было тогда этому крестьянскому сыну из села Родина Алтайского края 28 лет. После Хасана долго лечился (он полу-

чил тогда ещё одно ранение). В 1941 году окончил военную академию им. М.В. Фрунзе. В звании майора командовал одним из полков, прошедших по Красной площади на историческом параде 7 ноября 1941 года.

В 1942 году сформировал стрелковую бригаду, воевал под Воронежем. Во время трагических событий под Харьковом – Чугуевым¹ бригада попала в окружение, но он сумел выйти из него вместе с остатками бригады.

В этом же районе в те дни противник окружил 62-ю гвардейскую дивизию. Она тоже вырвалась из окружения со знаменем – его вынес гвардии майор Шелепутин, которому суждено было погибнуть под Мишуриным Рогом. Но командир дивизии генерал-майор Г.М. Зайцев, с раздробленным бедром, без сознания, был захвачен немцами. Георгий Михайлович Зайцев, участник Первой мировой и Гражданской войн, выпускник Академии Генерального штаба, лишь в начале мая 1945 года был освобожден из немецкого концлагеря американскими войсками, переправлен в Москву, восстановлен в кадрах Советской Армии и продолжал службу до выхода в 1955 году в отставку по болезни. К двум орденам Красного Знамени (первый – за Гражданскую, второй – за Сталинград) и ордену Суворова II степени (за Харьков) в 1946 году (!) у него добавились еще один орден Красного Знамени и орден Ленина. Тут есть над чем поразмышлять, читая были и небыли о судьбе наших воинов, освобожденных из фашистского плена.

* * *

62-ю дивизию принял и довел её до Будапешта и Вены генерал-майор И.Н. Мошляк. Многие его бывшие солдаты считают, что Иван Никонович за форсирование Днепра должен был получить вторую Золотую Звезду. Но дивизия

¹ 19 февраля – 19 марта 1943 г. наши войска потерпели неудачу. Противник (генерал-фельдмаршал Э. фон Майнштейн) в результате упорных и кровопролитных боёв отразил советское наступление и вновь занял Харьков и Белгород. После блестящей победы под Сталинградом это было нашим тяжелым поражением, последним за годы войны.

вновь, уже на правом берегу Днепра, попала в окружение, и хотя знамя дивизии и её командира удалось спасти, сама она была почти полностью уничтожена. Война есть война, фельдмаршал Манштейн добился временной удачи, а представление Мошляка к званию дважды Героя отклонили. После войны Иван Никонович занимал командные должности в войсках и военно-учебных заведениях.

...Три стрелковых полка дивизии Мошляка 28 сентября 1943 года вышли к Днепру южнее Кременчуга, форсировали реку и захватили плацдарм на рубеже Мишурин Рог – Куцеволовка. Пятнадцать суток гвардейцы отбивали яростные контратаки противника, 15 октября перешли в наступление и прорвали оборону противника. Гв. полковник Антонов вновь был тяжело ранен. Весной 1944 года вернулся на фронт, до конца войны служил в штабе 37-й армии.

А ею в то время командовал Михаил Николаевич Шарохин, один из образованнейших наших генералов, участник тех боев под Псковом в 1918 году, в память о которых мы и поныне считаем день 23 февраля Днем Красной Армии и Флота, Днем защитника Отечества. После войны Герой Советского Союза генерал-полковник Шарохин был начальником управления изучения опыта войны, а затем – начальником управления вузов Министерства обороны, он определял, чему и как мы, молодые офицеры, служившие в военных училищах, должны учиться тех, кто сменил фронтовиков.

* * *

В наградном листе сказано: «Стрелок 7 стр. роты 182 Гв. стр. полка 62 Гв. стр. дивизии 37 армии». Но он был не просто стрелком, а ординарцем командира 7-й роты, гв. ст. лейтенанта А.П. Калашникова, 22 февраля 1944 года удостоенного звания Героя Советского Союза за мужество, проявленное в том же бою, в котором отличился и Федор Шакшуев.

Наша переписка с ним началась в конце восьмидесятых годов, когда я стал собирать материалы для книги об Александре Петровиче Калашникове.

Федор родился 14 октября 1925 года в деревне Горбуново Забайкальской губернии в крестьянской семье. Обратите внимание: в наградном листе указано, что 7 октября 1943 года он был ранен и эвакуирован. Значит, в тот день ему не было еще и восемнадцати лет! Призыву в первом полугодии 1943 года он не подлежал! Он стал самым юным из 37 Героев Советского Союза 62-й дивизии.

В марте 1943 года комсомолец Шакшуев добровольно пошел в РККА, его направили в Асиновское ВПУ. Но он и его товарищи не успели тогда получить даже ускоренного военного образования. С 24 августа красноармеец Шакшуев вместе с товарищами из Асино – в действующей армии, в эти дни с боями продвигавшейся к Днепру.

Ф.И. Шакшуев

* * *

Ночью уже становилось прохладно, и солдатам выдали новые английские шинели ядовито-зеленого цвета, подарок короля Великобритании Георга VI. Тоненькое великолепное сукно, очень подходящее для украинской осени и для парадов в Лондоне, но совершенно негодное для Сибири (знаю по себе, носил зимой 1945/46 года). Американцы тоже сделали подарок – прислали на Степной фронт консервы и ботинки на толстенных подошвах. Солдаты дали этим ботинкам выразительное название, которое я, к сожалению, привести не могу – ненормативная лексика. Вообще-то, и шинели, и обувь, и продовольствие были нужны армии, но это все же не Второй фронт, которого пришлось ждать еще целый год. Наши остроумцы в коротких перерывах между боями с удовольствием открывали американский «второй

фронт», называя этими словами действительно вкусную свиную тушенку. Но все-таки транспорты с тушенкой никак не были эквивалентны морю крови, пролитой советскими солдатами...

* * *

В ночь на 28 сентября дивизия начала форсирование Днепра.

– Мы выскочили на косу из песка. Днепр за нами уже кипел от снарядов и мин, трассы трассирующих пуль вспенивали воду. Многие лодки и плоты прямым попаданием были перевернуты. Мины зарывались в песок и разбрасывали его. Появились раненые и убитые. Надо было выбить немцев из прибрежной полосы. Завязалась рукопашная схватка. Я бежал вдоль траншеи и строчил из автомата. В противогазной сумке лежали гранаты, в вещмешке – патроны, за поясом – заряженные диски автомата, нагружен был хорошо. Вдруг на меня сверху прыгнул немец, придавил меня и занес надо мною нож. Я вцепился ему в горло, он одолевал, но за мной бежал мой односельчанин Петр Вертиков, он с хода ударил немца по кумполу, немец обмяк, я вывернулся из-под него и побежал дальше¹.

Стало совсем светло. Появилась «рама»², пробомбила, затем за нею – «юнкерсы», навстречу вылетели наши «ястребки», завязался воздушный бой. Немцы стали беспорядочно сбрасывать бомбы, а переправа продолжалась.

Слева бил пулемет. Калашников приказал обойти его с тыла и уничтожить. Что и было сделано. Но немцы не успокоились, появились танки, мы отбивались ПТРами и гранатами.

¹ Петр Андреевич Вертиков, 1925 года рождения, призванный Паравельским РВК, уцелел в этих боях, но погиб 28 августа 1944 года в Румынии.

² Так наши солдаты называли двухмоторный «Фокке-Вульф-189», обладавший рядом ценных боевых качеств и своеобразным (два фюзеляжа) внешним видом. Производились эти самолеты в Праге – чехи вообще производили почти половину оружия гитлеровской армии. Сейчас об этом не принято вспоминать.

Бой длился до самого вечера, нам удалось занять третью траншею, немцы отошли в село. Мы немного передохнули.

Ночью мы атаковали снова. Куцеволовку взяли, но взвод наш почти весь погиб. 29–30 сентября бой все больше усиливался, немцы усилили атаки, поддерживаемые танками, самолетами. Приходилось драться за каждую хату, за каждый сарайчик. Наши потери росли.

Во время ночной атаки командир роты Калашников отправил меня с донесением. На обратном пути я немного сбился с курса. Слышу сзади: «Хальт!» Бегу вдоль улицы и натыкаюсь на колонну накрытых брезентом грузовиков. Перескочил через плетень, нырнул в снопы из камышей. А утром обстрел, наши мины рвутся, осколки шелестят по снопам. В кукурузе фашистская техника замаскирована. Есть, пить хочется, а в вещмешке только патроны да гранаты. Дождался ночи, набрал котелок воды из колодца и обратно. Так наблюдал за немцами двое суток. Затем, где ползком, где перебежками пробрался к своим. Доложил. Через некоторое время это место обстреляли «катюши».

* * *

Только где-то к 4–5 октября всё более или менее стабилизировалось.

Наша оборона проходила вдоль старого мутного ручья, поросшего высокими деревьями, до моста через шоссе. За деревьями – небольшое поле кукурузы, дальше – немцы. В кукурузе, на нейтралке, лежали после отбитой нашей атаки наши убитые, в том числе медсестра.

5 октября я был на КП Калашникова. День выдался теплым, солнечный. Было тихо, только время от времени бил по нашей обороне крупнокалиберный немецкий пулемет. Александр Петрович снял гимнастерку и рубашку, стал загорать, а я наблюдал за немцами в бинокль. Вдруг внизу кто-то застонал. Комроты послал меня узнать, в чем дело. Я пробрался в окопы. Один солдат выполз из окопа, и пулеметной очередью ему перебило ноги. Я доложил командиру, как вдруг завизжали мины, земля вокруг нас вздыбилась. Несколько минут длился этот налет, весь огород вокруг нас

был вспахан минами, но ни одна не попала в нашу ячейку. «Видно, еще повоюем», – сказал Александр Петрович.

Когда стемнело, комроты приказал пройти вдоль всей обороны до стыка с соседом, предупредить о готовящейся атаке. Я проскочил через шоссе. Ребята из первой траншеи угостили меня медом, за которым ходили на нейтралку в погреб. Принес командиру роты. За тем он послал меня в штаб батальона за журналом наблюдений. А на обратном пути впереди что-то блеснуло, завизжало, я упал, почувствовал, что у меня перебиты кисти обеих рук, ранен в левую ногу и голову. Рядом были связисты, они перевязали меня, и я пошел на КП роты. Вытащили у меня журнал из-за пояса, а он весь пробит осколками мин.

Комроты отправил меня в медсанбат. Я переправился через Днепр на пароме. Подошел ко мне офицер интендантской службы и протянул котелок с горячим супом-лапшой. Произвел, видно, мой вид на него впечатление: брюки распороты, весь в засохшей крови и бинтах. А я с 27 сентября не видел горячей пищи. Да и сухой-то не было...

Отправили меня в госпиталь в Кобеляки. Среди раненых ходил разговор, что где-то в районе Пятихаток наша дивизия попала в окружение, часть погибла, часть вырвалась из окружения, а часть была взята в плен, и немцы всем гвардейцам поотрубали головы. Где-то, видимо, здесь погиб Александр Петрович Калашников.

* * *

Естественно, в «Наградном листе», составленном, можно сказать, на поле боя, ничего не сказано о дальнейшей судьбе красноармейца Ф. Шакшуева, лишь из материалов о боевом пути 62-й дивизии можно узнать, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Но в госпиталях Указов не читают, не читали их и родители Федора, получившие осенью 1943 года «похоронку» на сына.

А он остался жив, подлечился, врачи вынесли вердикт «не годен к строевой» и хотели отправить инвалида домой,

но он, прихрамывавший, с больными руками, добился отправки на фронт. Сначала – на курсы поваров, но он решил, что «на солдатской кухне могут поработать и старички» («в основном я был здоров, только не видел правый глаз, но я стрелял неплохо с левого плеча»).

«В основном здоровому» бывалому солдату не удалось вернуться в свою дивизию. Он стал сержантом, командиром отделения автоматчиков, участвовал в грандиозной операции «Багратион», при освобождении Минска вновь был ранен, снова госпиталь, снова «не годен к строевой», снова вернулся в строй, контузия... Последний бой лейтенанта Шакшуева – штурм Кёнигсберга.

* * *

После победы его направили лечиться в Крым. В одном из санаториев встретил медсестру, кубанскую казачку Зиночку, Зинаиду Андреевну. Она и стала его верной спутницей до последнего её дня.

Сына назвали Андреем. Внук тоже Андрей.

В 1946 году, через год после демобилизации Федор узнал, что он – Герой Советского Союза, получил заслуженные им три года назад Золотую Звезду № 6884 и орден Ленина. Окончил два техникума. Более сорока лет работал поваром, завпроизводством в столовой № 9, на симферопольском заводе «Сельхоздеталь». Учил молодых кулинарув. Его, отличного мастера своего дела, приглашали работать в солидные рестораны. Но Фёдор Михайлович каждый раз отвечал: «Я лучше в рабочей столовой останусь. Здесь меня все знают. А если что не так, люди придут прямо ко мне и скажут». За добросовестный труд мастер-инструктор производственного обучения Шакшуев удостоился звания «Заслуженный работник торговли Украинской ССР». В 1958 году вступил в КПСС. Избирался членом Симферопольского городского комитета коммунистической партии. Увлекался фотографией. Более двадцати лет пел в хоре ветеранов, с которым объездил чуть ли не весь Советский Союз, но, к сожалению, в Асино заглянуть не пришлось.

Скромная, достойная жизнь.

В 2007 году «Крымская правда» решила опубликовать очерк о Герое и его семье. «Да что о нас писать, – недоумевал Фёдор Михайлович, уже пенсионер, – обычная семья, много чего было за эти годы, и хорошего и плохого. Не сдаемся. Как на фронте – сжал зубы и вперед!»

* * *

Когда в 2005 году, накануне 60-летия Великой Победы, Президент Украины В. Ющенко предложил совершить «акт примирения» и усадить за один стол ветеранов Великой Отечественной войны и бандеровцев из ОУН-УПА, присягавших на верность Адольфу Гитлеру, воевавших против советских людей в дивизии СС «Галичина» и в других фашистских частях, убивавших с невиданной жестокостью мирных жителей только за то, что они сотрудничали с «москальской» властью, Герой Советского Союза Ф.М. Шакшуев открыто ответил на это предложение: «Ветераны, проливавшие кровь за Родину, никогда с бандеровской нечистью за один стол не сядут. Никакого примирения не будет. Их преступлениям нет срока давности». Это заявление стало достойным завершением славной жизни нашего «асиновца», простого сибирского парня.

* * *

Да, Великая Отечественная обошлась нам очень дорого. Да, не всё необходимое имела наша армия. Да, ошибочными оказались некоторые прогнозы разведки НКВД и Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА. Да, скажем прямо, Гитлер сумел перехитрить Сталина, убежденного, что у нас есть ещё минимум год для подготовки к грядущей войне. Да, многие командиры не сумели грамотно организовать оборону. Были и трусы, дезертиры, изменники. А неоправданные жертвы в тылу и на фронте? А миллионы пленных? И чем дальше уходят те годы, тем удивительнее становится главное, то, о чем замечательно пел Олег Борисов: «И всё таки, и все таки, // И всё таки мы победили!» Чудо?

...На встрече с телезрителями 1 сентября 2016 года лауреат Ленинской и Нобелевской премий, депутат Государственной Думы Российской Федерации Жорес Иванович Алферов сказал:

– Я как-то себе однажды задал такой вопрос. В XX веке Россия практически проиграла все войны, кроме Великой Отечественной. Мы проиграли русско-японскую войну. Мы проиграли Первую мировую – её выиграла Антанта, а мы, безусловно, проиграли. Мы, в общем, проиграли финскую. То же самое можно сказать и про войну афганскую. А вот в Великой Отечественной мы победили. Она была самой тяжелой, но, между прочим, мы победили в первую очередь потому, что эта война была понятна для всего народа. Это была война для того, чтобы защитить свою Родину, свою страну, сохранить её, война за жизнь нашего народа.

Можно участвовать в бессмысленных спорах о достоинствах и недостатках технического обеспечения противоборствующих сторон, о мастерстве простых солдат и искусстве офицеров, генералов и маршалов и об их просчетах. Главное в другом – Федор Шакшуев был не один! Советский Союз воспитал миллионы героев, мы победили фашизм, величайшее зло XX века, и в сиянии Победы меркнут и действительные, и придуманные фальсификаторами ошибки и просчеты.

И я хочу спросить у фальсификаторов истории. Какие политруки и комиссары, угрожая автоматами, послали юного Федю Шакшуева под огонь врага? Какие заградотряды НКВД угрожали ему расстрелом, когда немцы пытались сбросить наш десант с правого берега Днепра? Почему он, израненный и полуслепой, не воспользовался законным правом на демобилизацию, не «откосил» ни от операции «Багратион», ни от кровавого сражения за Кёнигсберг?

КОМИССАР НАРЫМСКОГО КРАЯ

Александр Васильевич Шишков

20 июля 1920 года, в день похорон Александра Шишкова, газета «Знамя революции» писала: «Кто близко знал тов. Шишкова, тот навсегда оставил в душе спокойный взгляд его серых глаз, глубоких, пронизательных, умных. Поражало всех необыкновенное в условиях той работы, которую вел Шишков, выдержанное спокойствие и ровность характера».

Сегодня уже не осталось тех, кто мог знать его близко, но тысячи томичей, проходя по проспекту Кирова, видят бюст с надписью: «Председателю Томской губернской чрезвычайной комиссии Александру Васильевичу Шишкову, погибшему в 1920 году при исполнении служебного долга».

Сохранилось не так уж много фотографий Шишкова, по которым можно было бы вылепить достоверный скульптурный портрет. Однако знавшие единодушны – похож, очень похож, только, может быть, здесь он немного старше своих неполных тридцати шести. Помогла наследственность. Когда в начале пятидесятых годов возникла мысль о создании памятника, за советом обратились к вдове. Анна Васильевна сразу указала на сына – копия Шишкова-старшего.

А Ира, внучка Александра Васильевича, сказала мне:

– Папуля очень похож на дедушку. Поэтому с него и бюст лепили. Только я думаю, что чуть неточно – это папа у нас сутулый, а дедушка был высокий и стройный, не такой, как на памятнике...

Наверное, так и полагается думать юным. Революционеры в их представлении должны быть богатырями. Их яркая внутренняя красота, удивительное духовное величие невольно переносятся на их внешний облик. А в действительности они были очень разными и в чем-то даже совсем обыкновенными людьми, делавшими одно общее и необыкновенное дело – пролетарскую революцию.

Александр же Васильевич и вправду был сутулым. Есть документы, составленные организацией хотя и мрачной, но в этих вопросах точной – Московским жандармским управлением. «Роста немного выше среднего, худой, шатен, без бороды, небольшие рыжеватые усы, взгляд исподлобья, говорит не спеша, с небольшой запинкой». А история записи «сутуловат» прямо-таки авантюрна. У находившегося в предварительном заключении Шишкова резко ухудшилось здоровье (к сожалению, это не было конспиративным приемом, это был туберкулез). Больного перевезли в тюремную больницу, подпольщики раздобыли ему паспорт на имя Алексея Тессовского, с ним он бежал, но был случайно задержан, тут и возник протокол о каком-то мелком происшествии с участием астраханского мещанина Тессовского. А про бежавшего Шишкова охранке подбросили информацию – уехал в Швейцарию. «Тессовский» оказался на свободе, чему все были рады. Шишков – понятно почему, а охранка, не сумевшая «водворить на место» заговорщика, оказалась не при чем, это пограничная стража виновата.

Может быть, историки установят даты передвижений, побегов, пребывания на нелегальном положении Шишкова, но сделать это не так-то просто. Опытный подпольщик не оставлял следов, и можно ссылаться лишь на немногие записи, сделанные им уже после Октября. В одной из анкет он записал: арестовывался девять раз, в тюрьме пробыл полтора года, в ссылке – пять лет, на нелегальном положении – два с половиной года. Кое-какие факты известны из полицейских документов. Известна, например, дата первого ареста.

2 июня 1906 года Александр Васильевич был арестован дома вместе с женой, Марией Алексеевной Крыловой. Обыск дал несомненные улики – сто тридцать боевых патронов к револьверу, партийная литература, листовки и три гектографа. Но дело не в уликах. Охранка знала, что Шишков – автор противоправительственных прокламаций, партийный организатор на Казанской и Северной дорогах, участник декабрьских боев в Рогожско-Симоновском районе и на Пресне, что фельдшерица Крылова была вместе с ним на баррикадах и оказывала помощь раненым дружин-

никам. Наверное, плохо бы все это кончилось для Шишкова, но он бежал. Марию Алексеевну вскоре освободили из тюрьмы по беременности.

Коротка и трагична история этой «нелегальной семейки», как называл ее Шишков. Официально супружество зарегистрировано не было. А когда родилась дочь, отец находился на нелегальном положении. Правда, был не очень далеко от семьи, и тут есть предмет для размышлений.

В первом параграфе устава партии сказано об обязанности коммунистов уплачивать членские взносы – партия должна иметь средства для работы. Партия и решает, куда именно направить эти средства в данный момент. Тяжело заболевшую жену большевика Шишкова соратники по партии послали лечиться в Ялту. Это не сегодня, не по путевке профсоюза и не с поддержкой из фондов соцстраха. Это в период наступления реакции, в дни, когда партия находилась в глубоком подполье, когда каждая рабочая копейка была на строжайшем счету.

А сам Шишков, двадцатитрехлетний любящий муж, отец? Он только что совершил побег из тюрьмы, еще несколько не поправлено здоровье, жена больна. Ну кто скажет хоть слово, если немного отдохнуть и подлечиться? Но нет! В Севастополе очень много работы. Надо установить связи с революционными организациями на флоте, надо помочь горкому, надо вести пропаганду среди рабочих. И надо опять уходить от жандармов... Арест... Ссылка... Но тяжело больная Маша с дочерью в Москве, и Александр Васильевич снова рядом. Еще один арест, на этот раз довольно прочный...

...Москва 1909 года, весна, маленькая похоронная процессия, почти ничем не отличающаяся от столь обычных для этого времени года. Несколько человек, идущих за гробом. Пожилая женщина с трехлетней девочкой. Шпики на тротуарах. Как же, интересно узнать, кто придет попрощаться с женой руководителя Московского горкома РСДРП. Но подозрительных не видно, и если даже кто-то и пришел специально, то разве отличишь его от прочих москвичей. И уж, конечно, никто не обращает внимания на сопровож-

даемого двумя конвоирами сутулящегося человека – тюремное начальство разрешило Шишкову проститься с женой...

...Местом ссылки Шишкову был определен Нижний Новгород. Ход мыслей начальства понятен. Город торговко-купеческий, черносотенная организация сильная, связей и контактов у Шишкова нет, социал-демократы в Нижнем разгромлены, да и от надзора далеко не уйдешь. И, надо признать, надзор ведется усердно. О каждом шаге ссыльного в охранку идет донесение, часто очень подробное и обстоятельное. Агент «Шестидесятый» доложил даже, что приехавший по поручению руководства РСДРП «Химик» поручил ссыльным Шишкову и Любимову восстановить политическую активность партийной организации в Нижнем. Вскоре тот же агент доложил, что в выполнении поручения они преуспевают. Оно и неудивительно. Под кличкой «Химик» скрывался в те годы виднейший деятель нашей партии, будущий член ее Политбюро и один из непосредственных руководителей Октябрьской революции Андрей Сергеевич Бубнов. (Кстати, после одного из арестов Бубнова именно Шишков заменил его в Московском комитете партии.)

Оценка деятельности Шишкова в Нижнем дана самими жандармами: «...является одним из главнейших работников Нижегородской организации Российской социал-демократической рабочей партии». Той самой организации, которая по мнению полиции считалась ликвидированной окончательно!

После ссылки Шишков должен был выехать в Москву, формально – к месту жительства, а по-настоящему – для установления более тесной связи с партийным руководством. Следившие за ним филеры получили по шестнадцать рублей на брата «кормовых и проездных» и вели поднадзорного до Москвы, где благополучно передали местным шпиикам. Но в Москве Шишков не вывел их ни на одну явку: надо полагать, он понял, что за ним – «хвост». Через два дня после приезда, 18 февраля 1911 года, его арестовали.

«После полутора месяцев заключения, – писал он одному из московских друзей, – мне вручили постановление особого совещания при Министерстве внутренних дел о ссылке на три года в Нарымский край. О, конечно, мотивированное:

“изобличен (!) в принадлежности к РСДРП” – буквальное выражение. Казалось бы, уж если “изобличен”, то ergo, 102 ст. и ее соблазнительные последствия, но... у властей логика своя, особая – “плод зрелой головы”. По этой логике пока достаточно ссылки на три года. И вот с 6 мая обретаюсь я в пределах Нарымского края.

Каков сюда путь – в высоком смысле слова Вам известно, ну а в смысле физическом, в смысле, так сказать, “постепенного тихобыстрого достижения места назначения” представить Вам, не испытавшему еще в своей жизни прелестей этапного передвижения, очень трудно. Правда, мне пора привыкнуть, это было третье путешествие мое за счет тюремного ведомства!

...Нарым маленькое селение. В нем до двухсот домов, две церкви, есть казначейство и почта. Даже тюрьмы нет. Пустыньки нарым – болото. Действительно, сырость, грязь, навоз гниет посреди улиц, всюду скот мелкий, вырождающийся бродит по улицам, заграждая дорогу. Ни освещения, ни тротуаров. Уныло.

...Лично я с трудом привыкаю к новым условиям жизни. Правда, можно здесь с пользой время провести: читать есть что, можно заниматься языками. Но слишком много лишений, слишком сурова обстановка. Не говоря уж о плохих природных условиях. И только надежда вырваться отсюда озаряет тусклое прозябание. Питается же эта надежда, между прочим, и теми чаяниями, которыми снова начинает жить все общество. А что оно “начинает”, здесь мы не сомневаемся».

Из этой цитаты видна замечательная черта рядовых партийцев – страсть к знаниям. Если сегодня нельзя отдать силы и время на борьбу за дело рабочего класса, значит, надо готовиться к борьбе, надо учиться.

Уровень образования у ссыльных был очень разным. Изредка – университет, иногда – гимназия или реальное училище, у большинства же – начальное образование, дополненное образованием тюремным; это последнее часто и было наивысшим по сути своей. При всякой возможности это образование пополнялось и совершенствовалось. Для этого

была создана знаменитая ленинская школа в Лонжюмо, под Парижем, для этого – в иных условиях – существовала школа в Нарыме. Преподавательский состав нарымской школы был поистине уникальным – достаточно сказать, что в числе лекторов было два члена ЦК партии, а четверо стали членами ЦК или ЦКК позднее. Читались лекции по политической экономии, истории партии и профсоюзного движения, истории России и всеобщей истории, литературе, истории культуры и искусства, географии, ссыльные занимались русским языком, черчением, математикой.

Для Александра Васильевича нарымская школа была продолжением учебы. До первой русской революции он успел закончить высшее городское училище. Это, фактически, совсем не высшее и даже не среднее образование. Но будучи человеком способным и очень настойчивым, вскоре экстерном сдал на звание домашнего учителя. Собственно, это и дало ему возможность начать педагогическую деятельность в 7-й воскресной рабочей школе Рогожского района, где он преподавал историю и учил рабочих тому, как эту историю надо делать – многие его ученики вошли в состав боевых дружин московского пролетариата. В те годы он и познакомился с настоящими большевиками. Тогда же, в 1904 году, он и сам стал большевиком.

А.В. Шишкову выпало счастье быть знакомым с Я.М. Свердловым и Н.К. Крупской, Ф.Э. Держинским и Г.И. Петровским, В.М. Косаревым и Ф.И. Голощекиным, А.Ф. Ивановым и И.Д. Чугуриным. Он дружил с С.В. Косиором, В.В. Куйбышевым и А.В. Шестаковым, его знали и высоко ценили сотни замечательных людей. И дружба со многими из них укрепилась именно в Нарыме, недаром в другом письме он пишет: «Я был приятно удивлен, узнав среди политических ссыльных края много старых знакомых».

Но учеба, друзья и даже веселый смех Ани, дочери хозяйки соседнего дома, не мешают «надежде вырваться отсюда». Весной – побег, начавшийся необыкновенно удачно. До Томска – на лошадях, до Москвы – еще проще. Правда, к матери и дочери навеститься было нельзя, переночевал в ночлежном доме на Таганке – там работала фельдшером Евгения Федо-

ровна Владимирская, сестра известного деятеля нашей партии Михаила Федоровича Владимирского, подруга М.А. Крыловой. Оттуда – к родственникам в Измайлово, на окраину Москвы. Но охранка уже получила телеграмму из Томска...

...Пасхальное воскресенье. «Бутырки». Федосья Хрисандровна взяла с собой внучку: накануне сын передал с товарищами, что он помашет белым платочком из окна камеры. Прождали почти весь день. Чего только, наверное, не передумала тогда смоленская крестьянка, мать двенадцати детей, совсем недавно похоронившая мужа... Василий Алексеевич не очень понимал старшего сына. А ей так хотелось помочь ему и тогда, когда она расклеивала по его поручению листовки и когда вывешивала объявления о сдаче в наем квартиры – на зеленой бумажке значит можно приходить, на розовой – бойся полицейской засады; и когда осторожно выводила из дому его друзей; и когда ставила им самовары для долгих чаепитий с нескончаемыми и непонятными разговорами...

Вышел надзиратель. «Шишкова ждете? Так этап ушел еще ночью...» Снова Нарым, теперь уж надолго. Вторая попытка побега оказалась еще более неудачной. Надежд на амнистию в связи с трехсотлетием царствующего дома не было никаких. Уголовников тогда простили, а тут отмечено и неодобрительное поведение ссыльного Александра Шишкова, и то, что именно он – один из главных деятелей по объединению административно-ссыльных.

Поселился он на этот раз в другом доме – у Василия Семеновича Перемитина. Думаю, что тут не обошлось без тайного или явного влияния Ани Перемитиной, еще в прошлом году обратившей внимание на Александра Васильевича.

О семье и доме Перемитиных надо бы рассказать специально, ведь в этом доме жил не только А.В. Шишков, но и В.М. Косарев, А.Ф. Иванов, Н.Н. Яковлев и другие ссыльные, а адрес Василия Васильевича Перемитина, брата Анны, был записан Н.К. Крупской в записную книжку с адресами для переписки с местными партийными организациями. Впрочем, дружба со ссыльными не помешала родителям быть против брака дочери с Шишковым, и в семье сохранился

романтический рассказ о довольно-таки революционных действиях молодых людей, поженившихся в 1914 году.

Вскоре, в связи с окончанием срока ссылки, Шишковы выехали в Томск. Александр Васильевич стремился скорее попасть в Москву – к товарищам, к работе, к дочери...

Но в Томске ему объяснили, что жить он может на всей территории Российской империи, кроме губерний Санкт-Петербургской и Московской, Владимирской и Рязанской, Саратовской и Астраханской, такой-то и такой-то, а также Царства Польского, области Войска Донского и так далее и тому подобное... Молодожены остались в Томске.

Август 1914 года, война. По состоянию здоровья в армию сразу не призвали, но в 16-м году очередь дошла и до него. О службе «ратника 2-го разряда» Александра Шишкова известно немного. Командование фронтовых частей докладывало, что пополнение, прибывающее из сибирских запасных частей, «приходит с определенным решением о необходимости скорейшего заключения мира», более того, «вновь прибывшие ведут пропаганду большевизма». Нет, персонально А.В. Шишков там не упомянут, но вряд ли он стоял в стороне от пропагандистской работы в запасных полках.

Февральская революция застала Шишкова в Томске, и тут уж никакие власти не могли удержать его. В апреле он опять в Москве, в начале мая – в Нарыме, где его ждет Анна Васильевна с сыном и только что появившейся на свет дочерью. Их теперь уже пятеро – отец привез и старшую дочь.

Несколько дней отдыха – и в Томск. 25 мая Шишков вошел в состав горкома РСДРП, в то время не только не порвавшего с меньшевиками, но даже еще толком не разобравшегося в своем отношении к Временному правительству. В июне редактирует недолго просуществовавшую газету «Сибирский рабочий». В июле участвует в организации мощной (двенадцать тысяч человек!) демонстрации протеста против поднимающей голову контрреволюции. В сентябре томские большевики окончательно разрывают с меньшевиками. 8 сентября избирается первый Томский городской комитет уже не просто РСДРП, а РСДРП(б), во главе его – А.В. Шишков.

Работа в горкоме, выступления в печати, на митингах, на собраниях, острая политическая борьба... А в Томске голодно, состояние здоровья Шишкова резко ухудшается. Надо бы хоть немного мяса, масла, молока – работникам горкома не хватает даже хлеба. Решение – пусть едет в Нарым для поправки здоровья. Звучит это несколько своеобразно, но так было. Но как можно ехать лечиться, когда в Петрограде власть перешла в руки Советов, а в Сибири пока еще нет?

Шишков – комиссар Нарымского края, того края, где живут его родные, где он провел три года, но здесь теперь совсем иная политическая обстановка. Теперь на каждые четыре-пять жителей не приходится по одному политссыльному, теперь поднимают голову местные кулаки и будущие белогвардейцы. Советская власть была установлена в крае решительно и скоро, но как только она потребовала помощи рабочим центра и Томска, как только было принято решение о частичной реквизиции продовольствия в фонд этой помощи, в крае начался мятеж. Бандиты схватили Шишкова, однако в Нарыме он был слишком авторитетен, чтобы они решились на открытую расправу. Отряд красногвардейцев, присланный из Томска, разогнал бандитов, Советская власть в крае была восстановлена, но ненадолго.

Чехословацкий корпус и войска Колчака – это уже не местные бандиты, это организованная контрреволюция. Белые заняли всю Сибирь, Шишков с товарищами ушел по Оби на север, а там – в Москву. Семью пришлось оставить.

К чести земляков, они не выдали колчаковцам жену и детей своего комиссара.

...Когда наша страна отмечала пятидесятилетие В.И. Ленина, «Знамя революции» опубликовало мастерски написанную статью Александра Шишкова «Ленинская Москва».

«Я приехал в Москву в конце июля или начале августа 1918 года. Помню особо тяжелое положение Советской России и в продовольственном отношении, и в политическом. Тревога за судьбу русской революции охватывала одних, близость «конца» рисовалась воспаленному воображению других – в общем же москвичи жадно схватывали слухи и сведения, стекавшиеся отовсюду: чехословаки орудовали

уже на Волге, взяли Симбирск, вскоре пала и Казань, англичане захватили Архангельск и Онегу, белогвардейцы – Шенкурск, в Москве раскрыта организация белогвардейцев, готовившая разгром чрезвычайных комиссий и бомбардировку Кремля. Правые эсеры в своем безумном ослеплении на деньги англо-французских разбойников-империалистов убивают из-за угла в Петрограде тов. Урицкого... А на другой день, 30 августа, вечером всю Москву облетает кошмарное известие: Ленин тяжело ранен на митинге!

...Только ленивый мог не видеть и не слышать Ленина. Он всюду выступает: и на митингах, и на съездах, и на крупных манифестациях.

Его нельзя назвать особо блестящим оратором. Он не поражает своих слушателей красотой, блеском, изысканностью стиля в своих речах. Его речь проста и всем понятна, в ней нет ничего искусственного, надуманного. Она хорошо врезается в память и делает понятным очень сложные вопросы о современной, крайне осложненной разными наслоениями действительности. Но особенно ценны для политического деятеля его доклады на съездах, конференциях и в кругу ответственных работников. Каждый такой доклад – несомненно новое в политике, новая веха на извилистом пути международного рабочего движения, новый лозунг для практического действия, для пересмотра тактической линии поведения».

В статье чувствуется глубоко личное впечатление о Ленине, хотя Александр Васильевич не подчеркивает, что ему довелось неоднократно видеть и слышать Ильича.

По-видимому, впервые – в день открытия VI Чрезвычайного съезда Советов. Можно представить себе чувства делегата Шишкова, когда он услышал слова Я.М. Свердлова о том, что в России нет такого захолустья, где бы Советская власть не упрочилась. Ведь он, Шишков, и был одним из тех, кто боролся за упрочение этой власти в том самом захолустье, откуда когда-то с его помощью бежал нынешний председатель ВЦИК, первый глава первого в мире пролетарского государства!

В.И. Ленин дважды выступал на съезде – с речью о годовщине Октября (съезд открылся 6 ноября 1918 года) и с

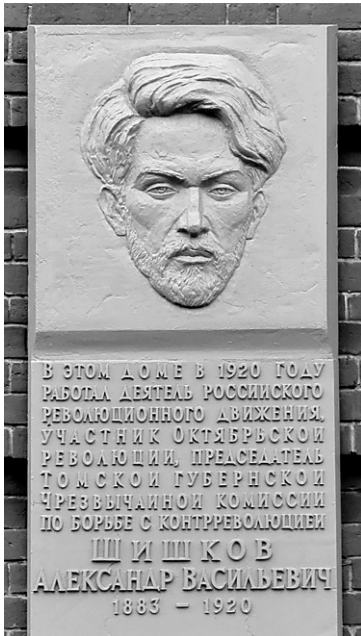
речью о международном положении. Кроме того, в дни съезда Ленин выступал на торжественном заседании ВЦСПС, на вечере Пролеткульта, при открытии памятника Марксу и Энгельсу, при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции, на митинге-концерте сотрудников ВЧК, на совещании делегатов комитетов бедноты.

Через год А.В. Шишков – делегат VII съезда Советов, съезда, который В.И. Ленин назвал поворотным пунктом в истории Советской России, ибо дело шло к завершению Гражданской войны и началу мирного строительства. Заключительная речь Ильича при закрытии съезда была последней из выступлений Ленина, услышанных Шишковым.

Он сразу после приезда в Москву, летом 18-го года, хотел вернуться в Сибирь, но сначала – пока шло наступление Колчака – об этом не могло быть и речи, и Я.М. Свердлов рекомендовал А.В. Шишкова для работы в Наркомвнуделе.

В начале 19-го возник план переброски Шишкова в Сибирь на подпольную работу, но обострившаяся болезнь изменила все планы и маршруты. Он выехал на Украину. Лечиться? Ничего подобного, лечение – постольку, поскольку это позволит работа члена ЦИК Советов Украины и заместителя председателя Всеукраинской ЧК. После захвата Украины белогвардейцами Шишков работает председателем ЧК Владимирской губернии, а 2 февраля 1920 года он стал председателем Томской ЧК.

На этом посту он проработал совсем недолго, но сделать успел многое. Стоит специального изучения и анализа написанная им в полном соответствии с советами Ф.Э. Дзержинского «Инструк-

*А.В. Шишков,
мемориальная доска*

ция комиссарам ЧК», где говорится о необходимости строгого соблюдения советских законов, о высокой бдительности и большевистской решительности, необходимых всем сотрудникам ЧК. В первые же дни работы Шишков сумел разоблачить проникших в аппарат ЧК попутчиков, случайных людей и даже агентов колчаковской разведки... К сожалению, не всех...

Сибревком считал, что Шишкова следует рекомендовать на более крупную работу, и 25 марта он был назначен председателем Иркутского губревкома. Вскоре он сдал свои полномочия в Томске и еще раз побывал в Нарыме – надо было провести хоть несколько дней с семьей, так как дети пока должны были остаться у стариков (вместо этого пришлось несколько раз выступать перед крестьянами, охотниками, рыбаками, разъяснять им политику Советской власти и предстоящие задачи). В начале июля А.В. Шишков с женой выехал в Новониколаевск – перед отъездом в Иркутск надо было встретиться с руководством Сибревкома. 8 июля 1920 года пароход «Богатырь» подошел к пристани Дубровино, до Новониколаевска оставалось менее ста верст... Не буду описывать зверскую расправу, учиненную колыванскими бандитами над коммунистами и комсомольцами, ехавшими на пароходе. Накануне бандиты захватили Дубровино и уничтожили местных активистов, сегодня – пароход, новый объект для грабежа и насилий, завтра... Впрочем, завтра у них не было. И хотя бежавший из Томска полковник Северский-Яковлев сумел мобилизовать в «народную армию» около шести тысяч обманутых крестьян, под первыми же ударами красных войск эта армия распалась.

Невозможно передать, что пришлось пережить в эти дни Анне Васильевне. Толпа вооруженных людей на пароходе... Спокойный, только немного побледневший Александр... Выстрел... Радостно-истеричный крик сотрудника Томской губчека Набирухина: «Вы знаете, кто это? Это председатель губчека!» Дрожащие руки Набирухина, вытаскивающего у мертвого Александра часы и документы... Ночь в амбаре на берегу – утром ее должны расстрелять. Набирухин забрал под домашний арест – на всякий случай, вдруг Советская власть

вернется, будет заступница... Освобождение... Неудачная попытка перевезти тело мужа по железной дороге – опять бандиты. 20 июля – траурный митинг, похороны в Томске...

* * *

...У въезда в наш город со стороны аэропорта расположено Южное кладбище с Мемориалом советским воинам, скончавшимся в томских госпиталях в годы Великой Отечественной войны. Ныне оно пополняется останками томичей, найденных нашими поисковыми отрядами в Смоленской, Ленинградской и других областях, где три четверти века шли жесточайшие бои с фашистскими захватчиками. Рядом с главным монументом Мемориала – надгробие со списком курсантов моего родного училища, погибших в результате трагедии 21 февраля 1944 года. А напротив, среди березок, защищающих Мемориал от городского и транспортного шума, покоится прах первого председателя Томского ЧК, большевика-ленинца Александра Васильевича Шишкова. Все вместе, и я вижу в этом глубочайший смысл. Мы не забываем нашу горькую и славную историю, мы помним тех, кто отдал свою жизнь за нашу страну, за нас, живущих в XXI веке.

*Памятник на могиле
А.В. Шишкова*

Здесь установлен памятник А.В. Шишкову. На бывшем здании ЧК на Соляной площади – мемориальная доска... Горжусь, что в этом святом деле есть частичка моего труда.

«НИ ОДНОГО НЕГРАМОТНОГО...»

Петр Иванович Макушин

Я вижу, прозреваю в будущем, мою дорогую родину свободною, просвещенную и благоденствующую.

П.И. Макушин

– О Макушине? Знаете, я бы вам не советовала. Сомнительная фигура...

– Почему сомнительная? Была б сомнительная, никто бы ни улицы, ни Дома культуры его именем не назвал.

– Да не улицы, а так себе, переулочка. И Дом культуры так никто не назвал, просто сохранилась на фронте старая надпись – «Дом науки имени П.И. Макушина», а официальное название с Макушиным никак не связано. К тому же вы знаете, как все это было в двадцатых годах. Назвали переулок не самым удачным образом, а потом уж неудобно было менять.

– Что ж, по-вашему, и памятник не стоило сохранять?

– Нет, почему же, памятник любопытный и даже с претензией на оригинальность. Вы знаете, что идея памятника принадлежит самому Макушину? Нет? У него в одном из последних писем сказано: «Вместо памятника на могилу поставить рельсу и сверху укрепить электрический фонарь». Так и сделали... Вы ведь видели?...

Видел ли я памятник Макушину! Жить в Томске и не видеть этого памятника – значит быть предельно ленивым и нелюбопытным. Конечно, видел. Каменная глыба, на ней плита с надписью «Ни одного неграмотного», ниже – «П.И. Макушин, 1844–1926», справа – поставленная вертикально рельса, на её конце – электрическая лампочка. Любопытно, что Макушин имел религиозное образование, го-

товил себя в священники, а похоронить завещал по гражданскому обряду, вне кладбища и без всяких крестов!

Помню, как смысл памятника объяснял нам преподаватель марксизма-ленинизма майор В.В. Досекин: книга (каменный параллелепипед) – путь (рельса) – к свету (лампочка).

Памятник П.И. Макушину

От Досекина мы впервые услышали имя Макушина еще в 1946 году, когда он, показывая памятник и необычное по архитектуре здание Дома науки, рассказывал, что именно в нем находилось созданное в марте 1920 года наше училище, одно из старейших в Сибири военно-учебных заведений Красной Армии. Теперь здесь – Дом культуры объединения «Сибкабель»¹...

Видел ли я памятник Макушину!

– Так я вам все-таки советую основательно подумать, прежде чем поднимать Макушина на щит. Специалисты-историки не очень-то одобряют эту затею. Купец, эксплуататор, представитель того самого класса, против господства которого и была совершена революция. Вы что, думаете, что если он торговал не мясом или водкой, а книгами, так уже и хорош? Просто книгами торговать очень выгодно, Макушин понял это раньше других и быстро обставил на этом попритце всех конкурентов. Его ведь не зря называли «просвещенным коммерсантом»: пока другие сибирские купцы пьянствовали да с жиру бесились, он ловко разворачивал свою книжную торговлю по всей Сибири. В 1873 году открыл первый в Сибири книжный магазин, а к началу века весь сибирский книжный рынок был в его руках, чуть ли не в каждой деревне – агенты и почти никакой конкуренции. Конечно, это не какой-нибудь вам Кухтерин, начавший с грабежа на большой дороге и не гнушавшийся любой грязной махинации. Макушин – купец нового типа, это капиталист современный, томский Фрэнк Каупервуд. Помните Драйзера²? Вы знаете, какой у Макушина оборотный капитал был? А недвижимость? Типография, переплетная мастерская, книжные магазины, музыкальный магазин, каменные и деревянные дома. Когда его имущество было национализировано, так одних только книг оказалось на четыреста тысяч рублей. Нет, конечно, он никого конкретно

¹ Ныне в этом здании театр «Скоморох» им. Романа Виндермана.

² Теодор Драйзер (1871–1945) – американский писатель. Фрэнк Каупервуд – герой его «Трилогии желания» (романы «Финансист», «Титан» и «Стоик»). Роман «Американская трагедия» имел огромный успех в СССР, куда Т. Драйзер приезжал в 1927 г.

не грабил и по миру тоже никого не пустил. Но вы не забыли о таких понятиях, как абсолютное и относительное обнищание рабочего класса? Вот-вот... Внешне и на первый взгляд – благодетель, а по сути своей – эксплуататор. И даже его собственные рабочие это понимали: именно в макушинской типографии возникла первая в Томске социал-демократическая группа из рабочих, там, кстати, работал Иосиф Кононов, убитый полицией во время демонстрации в январе 1905 года, соратник Кирова. Нет, не надо приклеивать Макушину ангельские крылышки. К тому же все это уже основательно изучено, много раз серьезно описано. Найдите предмет поинтереснее...

Вот такое было начало. И все же что-то тянуло меня к «просвещенному коммерсанту», и, соглашаясь – в те годы! – с моей оппоненткой, доцентом-историком, я ощущал какую-то неудовлетворенность.

...Когда много думаешь о чем-либо или о ком-либо, то имя или событие, которое тебя заинтересовало, вдруг начинает встречаться чуть ли не на каждом шагу. Раньше мне никто ничего о Макушине не говорил, ничего я не читал, а тут...

Читаю в «Красном знамени» интересную публикацию о библиотеке Ленина в Кремле. И среди книг, которыми пользовался Ильич, названа изданная в Томске в 1916 году работа Г. Крекнина «Ревнитель света – П.И. Макушин». Небольшая книжечка, посвященная пятидесятилетию просветительской деятельности ее героя, заинтересовала вождя революции! Не может это быть случайностью!

Перечитываю сибирские рассказы В.Г. Короленко. Оказывается, рассказ «Черкес», первоначально называвшийся просто «Из записной книжки», впервые был напечатан в издаваемой Макушиным «Сибирской газете». Но в 1888 году Короленко жил в Нижнем Новгороде, печатался в столичных изданиях, видимо, рассказ был специально послан Макушину.

Естественно, заинтересовался: а кто же еще из известных писателей публиковался в макушинской газете? Покопался немного, оказывается, Глеб Успенский в связи с

предстоявшим открытию университета специально для «Сибирской газеты» написал очерк об Афанасии Шапове, посланном в Иркутск историке и публицисте. А отбывавший ссылку в Томске К. Станюкович напечатал в «Сибирской газете» роман, правда, далеко не самый удачный, славу Станюковичу принесли его морские рассказы.

О чем и о ком только мы ни переговорили за 25 лет знакомства с Юрой Ельцовым, простите, Юрием Георгиевичем, доцентом кафедры литературы Томского педагогического института. В пятидесятые годы он был моим обыкновенным, только лучше других учившимся школьником. Рассказываю ему о Короленко и Станюковиче, а он в ответ:

– Макушин? А вы знаете, что мы раньше жили в его доме? Да-да, именно этот трехэтажный каменный дом, где сейчас институт «Томгражданпроект»¹.

– Так раньше Макушин там и жил?

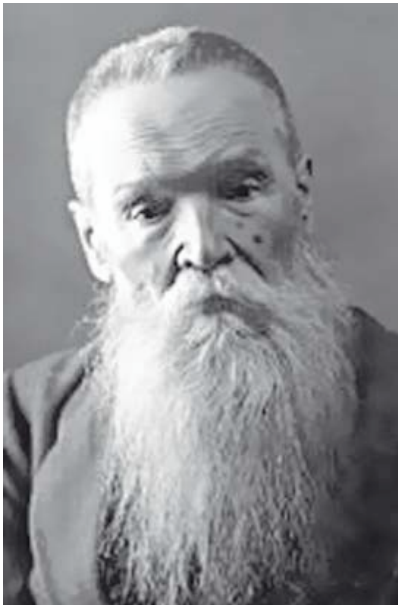
– Нет, он жил в соседнем маленьком деревянном домике, его сейчас снесли. Да вы же помните этот домик, вы в нем бывали – там жил Эдик Мячин, помните, из 9 «б». Макушин там и до революции жил, и потом, вплоть до самой смерти...

...С этим домиком связана вся жизнь Макушина, в том числе и одна грустная ее страница. После революции он написал в автобиографии, что он отнесся спокойно к национализации магазинов, книг, домов, библиотеки, но «был жестоко обижен и остаюсь таковым конфискацией моей домашней обстановки, семейной библиотеки, мебели, посуды, экипажа, лошади, коровы и т.п. На 76-м году жизни я оказался обнищальым бесприютным стариком». Конечно, перенести это было нелегко, но жестоко обижаться всё же не следовало – через два года Сибиздат пригласил его на службу, и по предложению Сибревкома Томский губисполком постановил: «во внимание к заслугам гражданина П.И. Макушина в деле распространения просвещения в Сибири предоставить в пожизненное пользование ему и его жене один из бывших его деревянных домов, с освобождением от

¹ Сейчас здесь Сибирский научно-исследовательский институт торфа и несколько других учреждений.

всех налогов». Все встало на свои места и, как писала в 1924 году газета «Красное знамя», «тот, кто интересуется советской книгой, вероятно, видел среди самой гущи книг, порой у самых верхних полок магазина, высокого, красивого седого старца. Это он – Петр Иванович Макушин, 80-летний друг культуры и просвещения в Сибири». Старик, хоть и жестоко обиженный, до конца дней своих продолжал работать на советскую власть.

– Петром Ивановичем заинтересовались?

Петр Иванович Макушин

Любопытная, я вам доложу, личность. Крыльшки ангельские? Нет, ни о каких крыльшках говорить не приходится, только уж и рога с хвостом к нему никак не пойдут. Вы его внешность-то представляете? Нет? Ну, так я завтра вам фотографии принесу.

– Так у вас, наверное, и кроме фотографий кое-что есть?

– А что именно вас интересует?

– Всё.

– Всего у меня, конечно, нет, ну да уж то, что есть, – ваше.

Доцент Томского пединститута Софья Николаевна Астафьева много лет занималась изучением истории сибирской журналистики, и имя Маку-

шина встречалось ей неоднократно.

...Аккуратный конвертик с маленькими листочками бумаги, исписанными мелким почерком с многочисленными вставками цветными карандашами – тут не просто выписки, тут кропотливый поиск истины, тут «кухня» научной работы... Биографических данных о Макушине почти нет, но то, что относится к газетам, выписано обстоятельно, со всеми подробностями.

Прошение студента духовной семинарии П.И. Макушина о разрешении издавать газету «Томский листок». Царское управление по делам печати отклонило просьбу Макушина. Ну, отклонило, ладно, но мотив! В Санкт-Петербурге считают, что в Томске не найдется грамотного чиновника, который мог бы стать цензором! Что, в Томске в 1875 году не было грамотных?

Через год Макушин вновь возбудил ходатайство об открытии газеты, а чтобы обойти вопрос о цензуре, сообщил, что публиковать будет только известия и объявления – тут с цензурой любой полицейский офицер справится. Не прошло и двух лет, как разрешение из Петербурга было получено. Подождав еще год, Макушин попросил о расширении газеты, получил отказ. Еще год... 1 марта 1881 года вышел первый номер «Сибирской газеты». Тут мистика какая-то, ведь именно в этот день убили Александра II, что, газета вышла в ознаменование царевубийства?!

А дальше идет однообразная переписка. Прежде всего – жалобы на газету. Один господин обиделся, что газета не напечатала его верноподданническую статью о восшествии на престол государя императора. Другой господин возмущается, что в газете «допущено опозорение местных представителей власти». Третий жалуется на статью «Прогресс города Пельменя», под которым «по сделанным затем указаниям всякий может узнать Тюмень», а в этом самом Пельмене-Тюмени тоже кое-кого из важных личностей «опозоривают публично». Тобольский губернатор возмущен ложными сведениями о самоубийствах в Кургане на почве голода – никаких самоубийств не было, это просто люди повесились, да и голода в его губернии не бывало, даже за границу продовольствие отправляли.

Сам издатель тоже жалуется: старательная томская цензура вычеркивает даже то, что печатают центральные газеты. Но тут реакция начальства быстрая. Цензоров в Томске нет, газету проверяет лично сам господин губернатор, если уж он что и вычеркнул, так не ваше дело подвергать сомнению его действия, короче говоря, цыц! Губернатор и вправду сердился: он так помогал открытию газеты, а она «пошла

неверным путем». «Неверный путь» газеты объясняется очень просто. В Томске не только грамотных цензоров не было, не было просто людей, которые могли бы стать литературными сотрудниками газеты. Те же, кто был на это способен, либо отбывали в Томске ссылку, либо были просто не очень удобными начальству людьми. Может быть, Макушин и не стал бы привлекать к работе в газете эту публику, но он отлично понимал, что газета должна быть хоть немножко либеральной, по возможности – интересной и уж во всяком случае – грамотной. Не приглашать же цензорами содержателей кабаков!

На газету посыпались не только частные ябеды, но и официальные доносы. «Издаваемая в Томске «Сибирская газета» в последнее время усвоила себе такое предосудительное направление, которое не может быть более терпимо»... Газета «задалась целью вводить в заблуждение легковверных читателей и посеять смуту в умах учащейся молодежи», «её направление клонится не к искоренению злоупотреблений и темных сторон местной провинциальной жизни, а стремится доказать несостоятельность существующего государственного порядка».

Возмутился и департамент полиции: «Редакция газеты, как и принадлежащая ей типография, находятся при настоящих условиях исключительно в руках одних только политических ссыльных и лиц, замеченных в политической неблагонадежности».

И уж, конечно, когда открылся университет, представилось «совершенно невозможным дальнейшее существование в упомянутом городе такого органа печати, который всегда ставил себе задачей распространение превратных понятий в среде юношества». Совещание министров юстиции, внутренних дел, просвещения и обер-прокурора святейшего синода, «обсудив общее направление издаваемой в г. Томске «Сибирской газеты» и находя его безусловно вредным, определило: прекратить вовсе издание этой газеты».

Итак, университет открыли, газету закрыли. Макушина взяли под негласный надзор полиции. Но, зорко следя за дуновением политических ветров и ветерков, Макушин

вновь начал хлопотать об открытии газеты. В 1894 году ему удалось получить разрешение на издание «Томского справочного листка», который постепенно превратился в газету «Сибирская жизнь». С официальной точки зрения редакция и корреспонденты новой газеты были не лучше старой. Более того, в эти годы в сибирской ссылке оказались члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», многие из них стали активно сотрудничать в газете, многие были ее постоянными подписчиками. В.И. Ленин гордился тем, что его единомышленники умело использовали эту, в общем-то, далеко не прогрессивную газету в политических целях.

Видный деятель РСДРП П.Н. Лепешинский¹ позднее писал: «На своем островке, т.е. в «Сибирской жизни», мы чувствовали себя почти что хозяевами газеты. Удивительное зрелище представляла в то время эта покладистая газетка: наряду с фельетонным кувырканьем какого-нибудь томского подражателя такому мастеру этого литературного жанра, как, например, Дорошевич², шли честные и искренние пробы марксистского пера, мирно уживавшиеся бок о бок с зигзагами либерально-народнической мысли. Такова была тогда вообще простота литературных нравов. Наш союз с макушинской газетой был нам на руку. Как ни велика была ненависть казачинского³ Держиморды к политическим, но боязнь газетных разоблачений у него была еще больше».

А разоблачения были и в этой газете, причем делались они иногда довольно ловко. Вот о чем, например, рассказывал сам Макушин.

Осенью 1903 года в Сибирь приехал министр внутренних дел В. Плеве. В Томске он вызвал к себе Макушина.

¹ Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868–1944), народооведец, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», один из первых членов РСДРП, председатель Международной организации помощи борцам революции (МОПР), директор Исторического музея, Музея революции, д-р исторических наук.

² Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922), журналист, театральный критик, блестящий фельетонист.

³ Казачинское – село на берегу Енисея в двухстах с лишним километрах к северу от Красноярска, место ссылки большой группы социал-демократов.

– Вы Макушин?

– Я.

– Вы редактор «Сибирской жизни»?

– Я.

– Вы председатель общества сельских библиотек?

– Я.

– Присядьте. Через полчаса я оставляю ваш негостеприимный, противный, грязный город. Эти полчаса я хочу подарить вам. С вашей газетой я достаточно ознакомился. Она мне не нравится. Зачем понадобилось вам напечатать в газете постановление Красноярского по городским делам присутствия, которым ассигнованию думы в пять тысяч рублей на народное образование оно дало назначение улучшить на эту сумму содержание полиции? Сознаться, вы этим сообщением хотели сказать: «Вот какое у нас мракобесное правительство».

Под горячую руку Макушину влетело не только за газету, но и за многое другое, даже за школы и библиотеки – не лезьте не в свое дело, пусть этим Министерство просвещения занимается. Макушин далее не без ехидства записал одну историю, которая, быть может, и послужила причиной повышенного интереса господина министра к «Сибирской жизни». За несколько дней до приезда Плеве газета опубликовала небольшое сообщение об объявившемся верстах в тридцати от Томска медведе, успевшем задрать уже немало лошадей и даже людей. Заметка заканчивалась призывом к томским охотникам – истребить лютого зверя. Бдительная томская полиция усмотрела в этой публикации призыв к покушению на Плеве: в образе медведя-живодера отчетливо усматривается его превосходительство, томские охотники – это вовсе не охотники, а бомбисты-террористы, значит, «пики – к бою, шашки – вон, в атаку на политических, с богом, ура!» Ничего похожего на правду в этом, конечно, не было, если не считать всеобщей ненависти к Плеве, которого, действительно, вскоре убили эсеры...

Вот что я узнал, ознакомившись с материалами, собранными Астафьевой. Но от неё же я узнал, что Макушин не очень ценил свою газетную деятельность и, хотя неплохо

зарабатывал, отдавая треть газетной площади под платные объявления, предметом своей гордости её не считал.

– Вы его просветительской деятельностью поинтересуйтесь, благо это нетрудно сделать – у Федос Федосыча все данные собраны.

Правильно! И как это я сам не сообразил: крупнейший специалист по истории народного образования в Сибири профессор Феодосий Феодосьевич Шамахов, тридцать пять лет проработал в Томском педагогическом институте, все его основные труды есть в библиотеке, надо только спуститься со второго этажа на первый, вот и все поиски!

Труды доктора педагогических наук Ф.Ф. Шамахова – не развлекательное чтение. Анализ статистических данных, таблицы, цифры, ссылки на источники. Но читать было интересно, некоторые страницы казались почти неправдоподобными. В 1876 году – всего чуть более ста лет назад – во всей Западной Сибири было три гимназии (в Тобольске, Томске и Омске), в которых обучалось 540 человек! У нас сейчас в одной Томской области более ста средних школ¹, хотя область – одна из самых малонаселенных. К концу века в Сибири более восьмидесяти процентов населения было полностью неграмотным. Макушин, позднее писавший, что промышленность нуждается в «увеличении числа рабочих с хорошей подготовкой – верным глазом и ловкой рукой», понимал, что дальнейшее развитие Сибири при почти поголовной неграмотности невозможно. В 1881 году по его предложению было образовано «Общество попечения о начальном образовании в Томске», первое такое общество в России. В Уставе общества было сказано, что цель его – содействие материальными средствами городскому общественному управлению в улучшении положения приходских городских училищ, в оказании помощи беднейшим и способным ученикам и особо нуждающимся учителям и, наконец, в субсидировании лиц, которые откроют и будут содержать частные начальные школы.

¹ Очерк написан для сборника «Собеседник» (Новосибирск, 1979). С того времени ситуация несколько изменилась.

Конечно, не благотворительными, а кардинальными средствами можно добиться прогресса в развитии образования, но тем не менее кое-что общество сделало. Были открыты четыре начальные школы, в 1884 году – бесплатная народная библиотека (сегодня как-то даже странно читать «бесплатная», я за всю жизнь платной библиотеки пока не видал), в 1910-м – еще одна. Общество организовывало литературно-музыкальные утра, спектакли для учащихся, народные чтения, позднее была открыта «рукодельная школа» для девочек, мужские воскресные классы технического рисования, музей прикладных знаний с различными отделами, педагогический музей и т.д. За первые четыре года своего существования общество израсходовало на нужды народного образования около 28 тысяч рублей. Интересно, что это были не только купеческие деньги. В одном из отчетов читаем: «В кассе общества есть трудовые копейки рабочих с Верхнеуральских золотых приисков, есть рубли из скудных средств студентов университета и слушательниц женских курсов в Санкт-Петербурге». И, конечно же, дело вовсе не в одной – действительно огромной – энергии Макушина, но и в горячей поддержке лозунга «Ни одного неграмотного!» со стороны передовой интеллигенции, в жажде знаний во всех слоях народа. Но главным делом Макушина оставалась книготорговля.

Городской книжный рынок Сибири был завоеван прочно, и перспективы его роста были совершенно очевидны. Гораздо хуже обстояло дело в деревнях. В 1889 году Макушин объехал селения Томского уезда и увидел рецидив безграмотности: по его подсчетам, к 25 годам жизни 85 процентов окончивших сельскую начальную школу разучивались читать, в частности, потому, что читать в деревне было некому, да и нечего. Ясно, что, прежде чем начать широкую книжную торговлю, следует приохотить жителя деревни к книге. И в 1901 году по идее Макушина в Томске создается еще одна организация – «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален». Цель этого общества – советами и указаниями помочь открытию и устройству в селениях Томской губернии народных бесплатных

библиотек-читален и оказывать поддержку книгами и деньгами как существующим библиотекам, так и вновь открываемым. Солидную сумму пожертвовал сам Макушин, как всегда, сумел он привлечь и средства из самых разнообразных источников. К 1913 году общество открыло 300 библиотек-читален (во время Первой мировой войны было открыто еще сотни полторы) с книжным фондом в 83 тысячи томов, ими пользовалось 35 тысяч читателей. Интересно, что на первое место (по числу запросов) тогдашние читатели ставили Майн-Рида из иностранных и Василия Авенариуса из русских писателей. Ну, Майн-Рид и сейчас, пожалуй, популярен, а вот кто из нынешних читателей знаком с творчеством В.П. Авенариуса? А имена Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого и тем более Салтыкова-Щедрина и Чернышевского в первом десятке запрашиваемых писателей не упоминаются...

Макушин писал: «Я хотел бы пустить в даровое обращение между сибирским населением миллион хороших, полезных книг». Но, хотя в прошении об открытии общества говорилось о значительной пользе библиотек, «отвлекающих население от нездоровых и предосудительных способов препровождения свободного времени», дело не приобретало того размаха, о котором мечтал П.И. Макушин. А с началом Первой мировой войны «нездоровые и предосудительные способы проведения свободного времени» стали получать все большее распространение.

Тогда Макушин придумал еще одно общество – «Общество содействия устройству разумных развлечений в селах и деревнях Томской губернии». Общество должно было организовывать драмкружки, лекции, беседы, курсы кройки и шитья, воскресные чтения и т.п. Не знаю, чего больше в этой попытке отвлечь деревенских баб от горьких мыслей о мужьях и сыновьях, проливающих кровь «за веру, царя и отечество», ханжества или наивности, думаю, что второго. Макушин все еще верил, что лекциями и беседами можно исправить государственное устройство империи. Тем не менее губернатор В. Дудинский не разрешил открытия общества, ибо Макушин ему известен как человек, «распро-

страняющий своею обширною книжною торговлей сознательно и настойчиво книги и другие издания самого левого направления, не исключая явно революционных и запрещенных в продаже». И все же в сентябре 1916 года первое заседание общества состоялось, и Макушин был избран председателем.

...Книжная торговля, газеты, библиотеки, благотворительность – эта сторона жизни Макушина в общих чертах мне стала ясна. Хотелось узнать биографические подробности, и я решил обратиться к Владимиру Алексеевичу Кашину.

Многие томичи знали этого заядлого книголюба, активного общественника, «деда» (у Кашина была пышная, холеная, седая борода, делающая его немного несовременным, но очень красящая). Инженер-химик, лауреат Сталинской премии, офицер-танкист, кавалер многих боевых орденов и медалей. Много лет он работал в НИИ кабельной промышленности и на службу ходил, как и другие, мимо памятника Макушину. Но одни просто проходят мимо, а другие еще и задумываются. Кто такой Макушин? Что за Дом науки? Кашин посмотрел кое-какие документы, обнаружил в случайно сохранившемся комплекте «Нивы» заметку о Макушине, познакомился с дочерью Макушина, завязал переписку с его внуком и самым настоящим образом «загорелся» судьбой совершенно незнакомого и вовсе ему не нужного человека.

Мир, как известно, украшают чудаки. Обыкновенный пенсионер должен сидеть около дома на лавочке, обсуждая со своими коллегами дела давно минувших дней и осуждая нравы современной молодежи. Можно еще «забивать козла» и работать на мичуринском участке. А пенсионеры-чудаки возятся с подростками, организуют клубы и походы или даже начинают заниматься исследованиями, далекими от их специальности.

Профессионалы их обычно недолюбливают. Действительно, иной раз получается обидно: специалист бьется, бьется, чтобы установить какой-то факт – проходят месяцы, а то и годы. А дилетант, оказывается, уже давно всё знает, и не просто со ссылкой на фонды, листы и страницы, а от очевидцев, обнаруженных самым неожиданным образом, при-

чем знает с такими подробностями и деталями, что специалисту остается только руками развести. Удивляться тут нечему: увлеченный человек все свое свободное время тратит на предмет своего увлечения. Он и отпуск отдает своей страсти, у него и домашние занимаются «служебно-личной» перепиской, он и друзей эксплуатирует нещадно, и ведь все помогают! Правда, неспециалистов нередко изрядно «заносят в сторону», и уж если кто-то чем-нибудь увлекся – на беспристрастность и объективность обычно рассчитывать не приходится. Но вот этой неординарностью и увлеченностью такие люди и интересны.

С Кашиным я был знаком, как говорят, «шапочно», знал и о его увлечении и очень хотел побеседовать с ним о Петре Ивановиче. Но Владимир Алексеевич предупредил мое желание и позвонил мне сам. Сначала я подумал, что кто-то успел сказать Кашину о моих попытках вторгнуться в область его интересов, но дело объяснялось и проще, и сложнее.

– Хочу просить вас о помощи. Петра Ивановича Макушина обвиняют в поддержке Колчака.

– Какая может быть поддержка, чего он поддержать-то мог в свои 74 года?

Не буду дальше описывать нашего телефонного разговора. На другой день я был у Кашина, смотрел и слушал. А он доставал одну папку документов, вторую, третью... Письма, телеграммы, вырезки из газет, фотокопии и ксерокопии документов, фотографии Макушина, его домов и магазинов... Как я и предполагал, на вопрос о том, зачем это все делается, Владимир Алексеевич ответил как-то не очень убедительно. Он с явным удовольствием поделился тем, чем можно было поделиться со мною, но кое-чем ему явно делиться не хотелось, и он, наверное, прав.

Он, конечно, видел в Макушине «красного купца», целиком прогрессивного человека, хотя и не мог не согласиться с тем, что Макушин – сын своего класса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако в душе был очень к нему неравнодушен. И если бы дать ему возможность, то он, пожалуй, если и не переименовал бы Томск в Макушинск, то уж еще несколько памятников этому человеку

поставил. Биографию же Макушина он знал блестяще и рассказывал о нем с большим чувством.

Родился Петр Иванович 31 мая 1844 года – «заметьте, за 17 лет до отмены крепостного права» – в селе Путина Пермской губернии, принадлежавшем графине Строгановой. Кроме Петра в семье его отца, псаломщика местной церкви, было еще восемь детей. С детства он мечтал стать священником, учился в духовном училище, закончил Пермскую духовную семинарию. «Вот, полюбуйте, копия аттестата» – действительно, есть чем полюбоваться: тринадцать пятерок и восемь четверок, других оценок нет. Как лучшего ученика Петра отправили в Петербургскую духовную академию на казенный счет. Но, задумавшись еще в семинарии над произведениями Герцена и Добролюбова, «под влиянием скорбной музыки Некрасова», он «из дорог, ведущих народы к прочной свободе и благосостоянию, выбрал самую длинную и медлительную: возможно широкое распространение среди народных масс образования». За два месяца до окончания академии он согласился поехать на Алтай в качестве добровольца-миссионера. В марте 1866 года он приехал в Улалу (Горно-Алтайск), имея 68 книг, один костюм и ни копейки денег. В течение двух лет он пытался наладить просвещение «инородцев», добился-таки открытия миссионерского училища, но не заработал ни славы, ни благодарности, ни каких-либо средств к приличному существованию. Более того, от его семинарской одежды почти ничего не осталось, и, когда, наконец, епископ Алексей решил представить его к награде, Макушин, показав свои дырявые сапоги, попросил «представить его к подметкам». В 1868 году Макушин переехал в Томск на должность смотрителя томского духовного училища и работал там до открытия 19 февраля 1873 года первого в Сибири книжного магазина. Денег для этого предприятия у него не было, но он получил небольшой кредит у томского купца П. Михайлова¹, кроме того, поехав в Москву и Петер-

¹ Михайлов Петр Васильевич (1831–1906), в 1983–1987 и 1981–1894 годах томский городской голова. Его имя сохранилось в названии рощи, томичам известна поликлиника № 1, построенная на выделенные им средства (проспект Ленина, 51).

бург, сумел добиться кредита у столичных книгоиздателей. «На скромном празднике в кругу родных и знакомых были пережиты среди массы книг хорошие, незабываемые минуты, была выставлена «первая зимняя рама», и в страну ссылки и каторги, тьмы и бесправия совершился прорыв книги, неся с собой свет и знание», – так позднее написал Макушин.

Важная особенность макушинской книготорговли: книги для продажи Макушин всегда – с первого и до последнего дня – выбирал сам, не доверяя этого дела никому. Поэтому и позднее, вплоть до работы в советских книготорговых организациях, он ездил за книгами в Москву и Петербург сам. А ведь до начала железнодорожного сообщения Сибири с европейской частью России эти поездки были очень не простым делом. Макушин ездил за книгами на лошадях двадцать два раза!

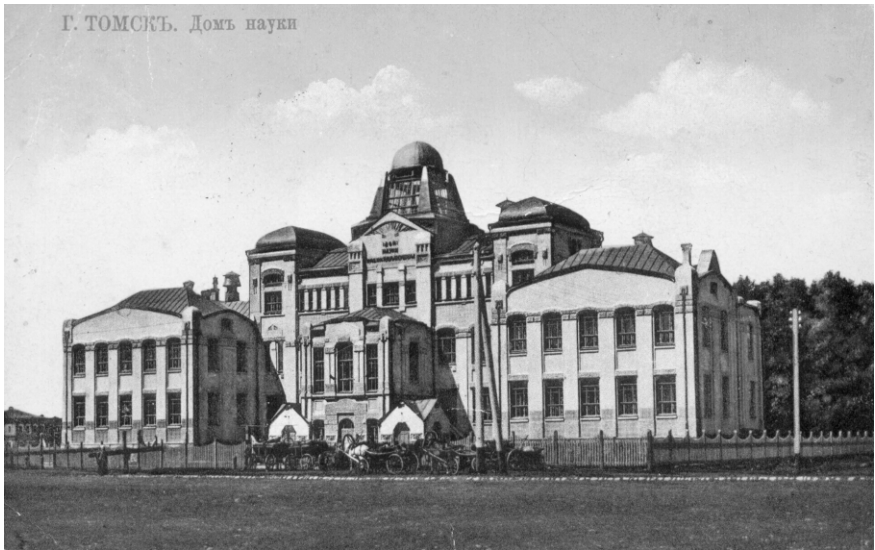
О многом еще я узнал в тот день от Владимира Алексеевича, но более всего мне запомнился его рассказ об открытии Дома науки, опубликованный в многотиражке томских кабельщиков. Вот отрывки из этого рассказа.

В апреле 1902 года Макушин выразил уверенность, что в Томске будет открыт вседоступный народный университет, и внес первые 500 рублей, обязавшись делать ежегодные взносы для образования необходимого капитала. Он предполагал, что томские богатеи последуют его примеру, однако этого не произошло. Тогда Петр Иванович подал заявление в городскую думу, в котором выразил желание пожертвовать сто тысяч рублей на строительство здания для народного университета и попросил отвести участок земли.

И 1 мая 1911 года состоялась торжественная закладка, а 7 октября 1912 года – открытие Дома науки. Выступая в тот день, Макушин отметил, что в Российской империи в средних школах находится один человек на 421 жителя, а в высших – один на 3500 жителей, что на всю Россию приходится 50 вузов¹. «Неудивительно, – говорил он, – что по-

¹ В годы публикации этого очерка в СССР работало примерно одна тысяча вузов, а в школах, вузах, техникумах и т.п. учился каждый четвертый гражданин страны. Сегодня эти цифры несколько изменились.

давяющее большинство населения России погружено в тьму невежества и наша Родина на карте просвещения Европы представляет, к великому нашему огорчению и стыду, большое черное пятно... Народный университет имеет в виду обслуживать просветительные нужды по преимуществу пасынков русского просвещения, т.е. обездоленные в культурном отношении слои общества, без всяких сословных, имущественных и иных ограничений. Все, кто желает, могут приходить и брать то, что им нужно. Учиться можно и должно всю жизнь, от юности до старости».

Г. ТОМСКЪ. Домъ науки

Дом науки имени П.И. Макушина

Дом науки построили и открыли, но до открытия Народного университета было еще далеко. Идеи Макушина встретили сопротивление уже в Томске. Ректор университета обрушился на идею свободного преподавания – Макушин хотел, чтобы в народном университете преподавали все, кто может и хочет. Попечитель учебного округа усмотрел в плане Макушина «открытый разврат», – ведь предполагалось совместное обучение юношей и девушек! Тверже всех вы-

сказался знаменитый Лев Аристидович Кассо, министр народного просвещения предвоенной России, знаменитый, конечно, не заслугами перед народом, а тем, что за один месяц исключил из Московского университета несколько тысяч студентов и уволил около трети всего преподавательского состава. В знак протеста тогда ушел из университета великий наш естествоиспытатель К.А. Тимирязев, вместе с ним физик П.Н. Лебедев, химик Н.Д. Зелинский, механик С.А. Чаплыгин и многие другие. Господин министр, ознакомившись с проектом устава народного университета, признал открытие такого нежелательным, так как университет мог бы явиться местом «для различного рода митингов и собраний». Лишь после трех поездок в Москву Макушину удалось добиться утверждения устава университета (к этому времени Кассо уже был в отставке и пост министра народного просвещения занял несколько более либеральный граф П.Н. Игнатъев), но университет так и не был открыт – здание использовали для военных нужд. Лишь в 1925 году при Томском государственном университете был открыт Народный университет, первых слушателей которого приветствовал Петр Иванович Макушин.

– Все это очень интересно, Владимир Алексеевич, но при чем же здесь Колчак?

– Думаю, что вообще ни при чем, только разговоры-то какие-то идут...

Вот тут-то я окончательно решил, что пора мне самому посмотреть документы и выработать собственную точку зрения о Макушине. Мне давно хотелось пойти в краеведческий музей, в его фондах, как мне говорили, есть немало документов о Петре Ивановиче, но уж очень неловко я себя чувствую, когда приходится обращаться в официальные учреждения, не имея на то официальных прав, – приходится как-то объясняться, возникают всякие вопросы, то да се... Но никуда не денешься, надо. Сначала звоню...

– Да, музей. Директор музея Зиньковский.

– Зиньковский? Михаил Иванович?

Нет, тысячу раз прав тот, кто сказал, что мир тесен. Тридцать лет назад мы, курсанты, не очень-то по-мужски

любившие посудачить о внешнем виде и выправке наших командиров, единодушно занесли в категорию образцов для подражания командира шестой батареи капитана Зиньковского, всегда тщательно выбритого, подтянутого, отутюженного, щеголеватого... Я знал, что он давно оставил службу в армии, но что он директор нашего музея...

За тридцать лет он кое в чем изменился, впрочем, лишь кое в чем. Не успел я толком изложить свою просьбу, как в его кабинете появилось несколько юных помощниц, еще минута – боевой приказ отдан, Людмила Викторовна объясняет, как, где и что искать, и вот – никаких осложнений! – передо мной открываются все двери и шкафы, Нина Михайловна предлагает познакомиться с некоторыми личными вещами Макушина, а Светлана Ивановна¹ просит помочь донести до письменного стола многочисленные папки, книги, подшивки, дела... Глаза разбегаются, не знаю, с чего начать... Наверное, с портретов. Их два, оба написаны Л. Базановой², один – в 1909-м, второй – в 1911 году. Судя по сходству с фотографией, художница сумела передать черты своего героя, а судя по тому, как написаны глаза, – еще и характер, видимо, достаточно твердый, решительный, с хитринкой, может быть, даже с упрямством... Личные документы... Доклад комиссии грамотности о присуждении большой золотой медали императорского вольного экономического общества П.И. Макушину... Грамота о присуждении в 1889 году этой медали... Любопытный документ от 10 декабря 1903 года – любезное письмо, отпечатанное типографским способом, довольно длинное, но смысл прост: милостивый государь, раз вы член общества содействия устройству библиотек-читален, то извольте прислать три рублика. С миру по нитке... Переписка по поводу открытия в Томске «дешевой столовой для недостаточных жителей го-

¹ Светлана Ивановна Зоркальцева и ныне работает в нашем Краеведческом музее, к обоюдному удовольствию привлекая многих томичей к организации выставок, экскурсий и т.д.

² Базанова Лидия Павловна (1864–1916), художник и педагог, организатор культурно-просветительского Общества любителей художеств, существовавшего в Томске в 1909–1919 гг.

рода». Интересный термин – недостаточный житель. Термин – ладно, интереснее другое. Господин попечитель учебного округа опять недоволен: ему не нравится, что столовой пользуются студенты университета, разве они недостаточные?.. Материалы об учреждении в Томской женской гимназии именной стипендии... Подаренные Макушину самодельные плакаты, на которых изображен его просветительский путь... Японские иероглифы – Макушин привез из-за границы кое-какой рекламный материал... А вот и «Каталог книжных магазинов П.И. Макушина». В любой пункт Сибири по вашему желанию могут быть высланы самые разнообразные книги. Пушкин... Лев Толстой... Островский... Диккенс... Жюль Верн... В. Скотт... Гаршин... Крылов... Гоголь... Стоп! Вот это уже любопытно! К. Маркс «Революция и контрреволюция в Германии»... «Капитал»... «Нищета философии»,... Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства»... «Положение рабочего класса в Англии»... Книги Плеханова, Луначарского, Бебеля, Розы Люксембург... А вот и две книги В. Ильина: «Развитие капитализма в России» (СПб., 1897 г., 2 руб.) и «Экономические этюды и статьи» (СПб., 1899 г., 1 руб. 50 коп.). Интересно, узнал ли впоследствии Макушин, что В. Ильин – псевдоним В.И. Ульянова? Список пожертвований, сделанных Макушиным на всякие благие дела, на школы, библиотеки, строительство Дома науки... Общая сумма – 600 тыс. рублей. А вот, наконец, и та самая цифра, из-за которой столько разговоров: «на устройство вагона-бани и вагона-дезинфекционной камеры – 50 тыс. рублей». И пожертвованы эти деньги как раз во время правления Колчака. Значит... Или ничего не значит?

20 мая 1920 года Иркутская ЧК арестовала Макушина. Через три дня его отпустили и отправили бесплатно в Томск, снабдив таким документом: «Настоящим удостоверяется, что П.И. Макушин безвозмездно работал энергично, честно, с большим знанием дела в библиотеке-читальне «Советский уголок» при Иргубагентстве «Центропечать» в качестве специалиста книжника-библиотекаря с момента возникновения библиотеки-читальни до последнего дня его

отъезда из Иркутска в Томск, за что «Центропечать» настоящим выражает ему свою глубокую благодарность. Просим все советские, партийные и другие органы оказывать П.И. Макушину возможное содействие как чрезвычайно полезному для советского строительства России специалисту книжного дела и как истинному другу народа.

«Истинный друг народа»? Не слишком ли громко? Нет, иначе не отмечалось бы так торжественно в 1923 году пятидесятилетие книжной торговли в Сибири, а еще через год – восьмидесятилетие самого Макушина. И не было бы в архиве поздравительных телеграмм от управляющего делами Совнаркома РСФСР В.Д. Бонч-Бруевича, от президента Академии наук А.П. Карпинского, от наркома здравоохранения Н.А. Семашко, от директора Госиздата академика О.Ю. Шмидта (да, да, того самого!). И не было бы некрологов в газетах «Правда» и «Известия», где сообщалось о смерти в Томске 4 июня 1926 года «старейшего работника просвещения Сибири»...

Так как же относиться к Петру Ивановичу Макушину? А так, наверное, как вообще надо относиться к людям. Не забывать, но и не выпячивать ошибок. А главное – знать, ценить и помнить всё хорошее, что они сделали или пытались сделать для своего народа.

«ПОД НОШЕЙ ВАРВАРСКИХ СТИХОВ...»

Николай Алексеевич Клюев

*Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой.*

*Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.*

Горькие мысли охватывают каждого русского человека, задумывающегося над крестным путем отечественной поэзии и тяжкой судьбой наших поэтов...

Полтора века назад А.И. Герцен окончил четвертую главу книги «О развитии революционных идей в России» скорбными словами.

«История нашей литературы – это или мартиролог, или реестр каторги.<...>

Рылеев повешен Николаем.

Пушкин убит на дуэли, тридцати восьми лет.

Грибоедов предательски убит в Тегеране.

Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе.

Веневитинов убит обществом, двадцати двух лет.

Кольцов убит своей семьёй, тридцати трех лет.

Белинский убит, тридцати пяти лет, голодом и нищетой.

Полежаев умер в военном госпитале, после восьми лет принудительной солдатской службы на Кавказе.

Баратынский умер после двенадцатилетней ссылки.

Бестужев погиб на Кавказе, совсем ещё молодым, после сибирской каторги.

“Горе народам, которые побивают камнями своих пророков!” – говорит писание».

Двадцатый век дополнил этот перечень расстрелянным Н. Гумилевым, покончившими с собой С. Есениным и В. Маяковским, загубленными в тюрьмах и лагерях П. Васильевым, С. Клычковым, Д. Хармсом, О. Мандельштамом и многими, многими другими... Неужели Россия действительно не может признать человека великим, не уничтожив его?

Список этот неполон без имени Николая Алексеевича Клюева.

Ему, многоликому художнику, поэту-словотворцу, поэту глубоко национальному, признанному вождю новокрестьянской литературы, обладателю истинного таланта не повезло в наибольшей степени. С конца двадцатых годов скрытым от большинства читателей оказался не только автор «варварских» стихов, но и сами его стихи. Поклонники В. Маяковского еще знали о каком-то Клюеве, опекавшем Есенина, – поэт упомянул его в статье «Как делать стихи». Знатоки М. Горького могли обратить внимание на противоречивость горьковских оценок Клюева – «певца мистической сущности крестьянства» и в то же время – человека «весьма даровитого». А рядовой читатель о жизни и творчестве Клюева не знал ничего...

Не буду развивать эту тему, но замечу, что если у человека украли что-нибудь из его имущества, то он, как правило, хотя бы приблизительно знает размеры убытка. А если у народа украдут ученого, композитора, художника, поэта, – народ так и останется в неведении о своем несчастье.

Клюева у нас украли...

* * *

В августе 1988 года «Новый мир» опубликовал подготовленные к печати Г.С. Клычковым и С.И. Субботиным¹ письма Н.А. Клюева из Колпашева и Томска. Комментируя последнее письмо поэта (май 1937 года), Сергей Иванович писал:

¹ Г.С. Клычков – сын поэта С. Клычкова. С.И. Субботин – историк литературы, много сделавший для восстановления и сохранения памяти о Николае Клюеве.

«До недавнего времени исходным источником о самых последних днях жизни Клюева была (в отечественной литературе) статья Вл. Орлова «Николай Клюев» («Литературная Россия», 25 ноября 1966 года), в свою очередь, восходящая к посмертно опубликованным мемуарам Р.В. Иванова-Разумника «Писательские судьбы» (Нью-Йорк, 1951). Именно из этих работ и берет начало распространенная легенда о смерти поэта на одной из железнодорожных станций от сердечного приступа и об исчезновении бывшего при нем чемодана с рукописями (ср. также: Чивилихин В. Над уровнем моря. Пять повестей. М., 1967. С. 598)».

Заканчивается комментарий словами: «Очевидно, установление точных даты и места его кончины – дело будущего».

* * *

Не стану еще раз рассказывать, как я, математик по профессии, будучи председателем Томского отделения общества «Мемориал», не сумев уговорить кого-либо из томских литераторов, историков и юристов, сам занялся «установлением точных даты и места кончины» поэта, и, пользуясь добрым отношением 1-го секретаря Томского обкома КПСС А.А. Поморова, отправился в «застенки КГБ». В 1988 году подобные визиты еще вызывали у большинства граждан вполне объяснимую робость.

Но все обошлось, журнал «Знамя» в июньском номере за 1989 год опубликовал мой рассказ о том, как погиб Николай Алексеевич. Это была первая открытая информация о кончине поэта. Естественно, ранее, еще 17 февраля об этом сообщила местная пресса, а в 1995 году издательство «Водолей» за счет нашей областной парторганизации издало небольшую книгу «Последние дни Николая Клюева»¹.

В ней рассказано о моих поисках, о тех, кто мне помогал (среди них офицеры А.К. Кондрашов, Ю.А. Петрухин, В.Н. Уй-

¹ К 125-летию поэта Издательство НТЛ (г. Томск) выпустило второе, дополненное издание этой книги, а я, вслед за А.П. Казаркиным, Б.Н. Климичевым, Б.В. Бурмистровым и С.С. Куняевым, стал лауреатом премии имени Н.А. Клюева.

манов, иерей А.М. Хараим, активисты «Мемориала», журналисты, просто неравнодушные люди), о арестах поэта в Москве и Томске (в 1934, 1936 и 1937 годах), о «Деле № 12301»¹, хранящемся в нашем ФСБ, о «Деле № 47165», хранящемся в архиве Томского УВД, и о некоторых смежных делах, приведены документы из различных архивов, пересказана часть легенд о поэте, названы его томские адреса и имена его знакомых. С некоторыми из них, в частности с врачом Ниной Иннокентьевной Геблер, мне удалось встретиться. Привел я и отрывки из воспоминаний известного томского педагога В.Ф. Козурова, вместе с другими студентами пединститута встречавшегося с Клюевым у дома на ул. Красного Пожарника, 12². В книге цитированы протоколы допросов, из которых видны мужество, стойкость, порядочность и несгибаемость этого человека. Вспомнил работников органов государственной безопасности, непосредственных виновников гибели поэта – Великанова, Овчинникова, Горбенко (последнего, директора техникума, мне приходилось видеть). Рассказал и о реабилитации поэта еще в 1957 году, так сказать, без участия общественности, это тоже тема для размышлений о нашем внимании и интересе к прошлому. Напомнил о генералах Кутепове, Миллере, Скоблине, певице Плевицкой, о «Союзе спасения России», о «членах» этой никогда не существовавшей организации. Рассказал о работе «Мемориала» в те годы, коснулся проблемы репрессий вообще и относительно собственной семьи, посмел поразмышлять о статье 16-151 ст. УК (мужеложство, срок до пяти лет).

* * *

О многом не рассказал, что-то знаю, в чем-то сомневаюсь. Например, мы с мамой в 1937 году ехали в ссылку в купейном вагоне пассажирского поезда, а потом на крестьянской подводе. А в публикациях о ссыльном Клюеве называют сто-

¹ Сегодня полная копия этого дела имеется в «Следственной тюрьме НКВД», отделении Томского областного краеведческого музея (пр. Ленина, 44).

² Дом этот пока существует, в октябре 1990 года мы установили здесь скромную мемориальную доску.

лыпинский вагон, злых охранников, спутников-уголовников, тюрьму в местах пересадки и пр. Но ссылка – это же не тюрьма или каторга! Для Клюева было сделано исключение, или историки, мягко говоря, что-то домыслили?

Не знаю я – и, кажется, никто не знает – истории перевода Клюева из Колпашево в Томск, не знаю точно, кто в Москве в те годы мужественно заступался за поэта, не знаю и не нашел еще многого. Но последую примеру римских консулов, говоривших: «Я сделал, что смог, пусть те, кто смогут, сделают лучше».

* * *

Читателям, ничего или почти ничего не знающим о Николае Алексеевиче Клюеве, кратко расскажу о его жизни.

Родился он 10 (22) октября 1884 года в деревне Коштуги Вытегорского уезда, Олонецкой губернии. Участвовал в событиях 1905–1907 годов, до революции трижды сидел в тюрьмах.

В молодости много путешествовал по России, бывал на Соловках, встречался с Толстым и Распутиным. Впрочем, не все эти сведения подтверждены документально, а сам Николай Алексеевич любил распространять о себе не совсем достоверные слухи.

Первые стихи Клюева напечатаны в 1904 году. Первый сборник – «Сосен перезвон» – вышел в 1911 году.

На его творчество большое влияние оказали Александр Блок и Валерий Брюсов. Сергей Есенин считал Клюева своим учителем. Нередко оба поэта вместе выступали перед публикой, часто ссорились и мирились.

Отношение Клюева к событиям 1917 года было неоднозначным, воспринимал он их «по-мужицки» и весьма религиозно. Писал о Ленине, посылал ему свои стихи, в 1924 году выпустил сборник стихов о нем.

Критика считала Клюева «идеологом кулачества», чем и были вызваны гонения на него и на его творчество. Его последний прижизненный сборник вышел в 1928 году. Однако в народе его популярность некоторое время еще оставалась значительной.

С.А. Есенин и Н.А. Клюев

В 1929 году Клюев познакомился с художником Анатолием Никифоровичем Кравченко, их связывали добрые отношения (псевдоним «Яр-Кравченко» предложен поэтом). Именно ему в 1934 году Клюев послал из Колпашево поэму «Кремль».

2 февраля 1934 года Клюева арестовали. Поводом стали, в-первых, поэма «Погорельщина», в ней, действительно, можно усмотреть протест против коллективизации, компартии, советской власти, и, во-вторых, как ныне говорят, «нетрадиционную сексуальную ориентацию». 5 марта 1934 года его выслали на пять лет в Колпашево. Вскоре перевели в Томск.

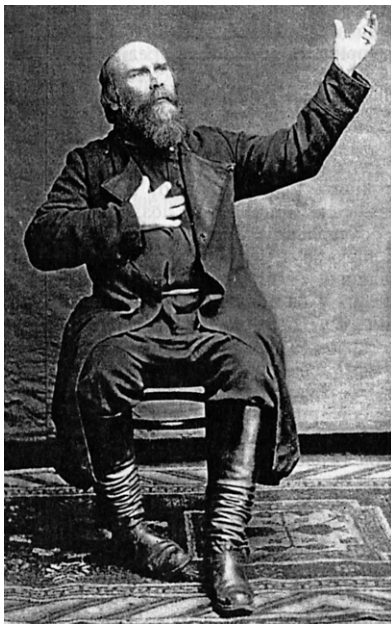
23 марта 1936 года ссыльного Клюева арестовали для привлечения к ответственности по ст. 58-10-11 УК, но 4 июля освободили из-под стражи «ввиду приостановления следствия по делу № 12264 ввиду его болезни – паралича левой половины тела».

5 июня 1937 года Клюева вновь арестовали по делу о никогда не существовавшей «кадетско-монархической повстанческой организации «Союз спасения России»». В конце октября поэта расстреляли.

Чтобы вы понимали обстановку того времени, добавлю, что 10 июля 1939 года, почти через полтора года после казни, из Новосибирска было отправлено отношение № 2808, где напоминалось, что срок ссылки осужденного Н.А. Клюева истек ещё 2 февраля, а доклада об освобождении еще нет. В течение трех дней доложить об освобождении в связи с истечением срока ссылки, а если это еще не сделано – немедленно освободить, выдать справку и доложить об исполнении. Как вам энкавэдешная бюрократия?

* * *

Можно сказать, что сегодня о непростой, во многом путаной, противоречивой жизни и трагическом ее финале большого русского поэта Николая Клюева известно очень многое. Силой своего поэтического дара, еще только вступив на литературную стезю, он предчувствовал свою судьбу. Мудрый человек, народный философ, он в творчестве своем неоднократно обращался к думам о смысле жизни, о вечности, о смерти... Шипенье могильных змей... Безымянная могила... По камням двора пройду на плаху... Золой расписываясь: Клюев, я мертвецом иду в мороз... А за восемнадцать лет до расстрела, отвечая поэтическим и политическим оппонентам, поэт сказал:

Н. Клюев читает стихи

*По мне пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью.
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою.*

По Николаю Клюеву, действительно, не заплакали ни расформированные в тридцатые годы Пролеткульт и РАПП¹, ни сменивший их Союз писателей. Да и в Смольном, увы, варилась уже совсем иная кутья. И в огне, на котором она варилась, горели и книги Клюева, и сам Клюев. День нынешний отделен от того лихолетья многими годами... Это еще не вечность, но многое уже расставлено по своим местам.

* * *

Не будучи профессионалом, не стану обстоятельно рассуждать о творчестве Клюева, но несколькими мыслями все же поделюсь.

В творчестве своем он противоречив. Конечно, прежде всего, «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», причем Русь у Клюева есть страна патриархальная, крестьянская, православная.

Еще до февраля 1917 года он видел неизбежность краха династии Романовых, хорошо понимал исторический масштаб Октябрьской революции, некоторое время состоял в РКП(б), называл себя коммунистом и писал, по собственному выражению, вполне «большевистские» стихи, в том числе знаменитое «Есть в Ленине керженский дух», «Всемирного солнца восход», «Богатырка», «Ленинград», «Корабельщики» и другие.

Критики двадцатых годов считали эти произведения «кулацкого поэта» случайными. Современные критики тоже считают их подделкой под обстоятельства, этим легко объяснить противоречия в его творчестве.

Особенно характерна в этом смысле уже упоминавшаяся поэма «Кремль». Вообще считается, что в ссылке Клюев на-

¹ Пролеткульт – возникшая накануне Октября культурно-просветительская и литературно-художественная организация. РАПП, Российская ассоциация пролетарских писателей, создана в 1925 г. В работе обеих организаций отражались и сегодня сохранившиеся среди пишущих личная неприязнь, ревность и зависть к успеху других, стремление приблизиться к власти имущим, совершенно несвойственные Н.А. Клюеву.

писал четыре поэмы и несколько стихотворений. К сожалению, пока известны лишь замечательное стихотворение «Есть две страны...» и «Кремль».

* * *

Ещё в 1934 году Ключев надеялся, что поэму удастся опубликовать, подчеркивая (в частных письмах, а не в обращениях к редакторам журналов и издателям, деталь существенная!), что поэму он «писал сердечной кровью», что «вышло изумительное и потрясающее произведение», что «такие вещи могут быть созданы только в раю или на эшафоте, раз за жизнь поэта», что «“Кремль” – роковое мое произведение». Отсылая поэму Кравченко, он писал: «не давай рукописи никому, пока не перепечатаешь. Рукопись непременно украдут и даже продадут. Если можно, прочитай ее собранию поэтов и нужных людей, но ни на один час не оставляй ее ни у кого на руках, чтобы не наслоилось на нее клеветы и злых мнений, что очень может навредить». К редакторам журналов и в издательства Ключев не обращался, и это понятно – ссыльный! Но эту поэму можно было послать напрямую «вождям», о которых сказано в поэме. Но нет... Почему?

Никто не знает ответа на этот вопрос, но поразмыслить над ним вправе каждый, прочитав – внимательно прочитав! – поэму. Она трудна для восприятия, язык ее сложен, мыслям тесно, многочисленные обращения к истории, мифологии, поэзии требуют от читателя немалой эрудиции. Да еще и масса недосказанностей, намеков, далеко непрозрачный подтекст! Конечно, это Ключев, ничего не скажешь!

Но уже при первом чтении ранее всего замечаются мотивы, вовсе не свойственные признанному лидеру «новокрестьянских» поэтов. Ключев радуется «живому трепету знамен», «...гулу праздничных колонн под ливнем первомайских роз», он восклицает: «Пускай же седина поёт колхозной вспашкой у ворот». Он, «как жизнь республику любя», расстаётся «с Москвой купецкой и калачной». Он «разлюбил избу под елью» во имя «индустриальной юной нивы». А какие слова и мысли! «Колхозами рудеют нивы»... «Стальная игла

пятилетий)... «И в прежней каторжной Сибири Кузбасс шумит суровым садом»... А Днепрогэс, которому улыбается Тарас Шевченко!.. Поэт даже высказывает надежду на то, что «...свирепый капитал уйдет во тьму к чертям на бал!»... А прошлое... «Рычу на прошлого себя, впиваясь в зори октября новорожденными глазами!»

Неужели это Клюев? Разве можно, прочитав, что «я виновен до черной печени и крови, что крик орла и бурю крыл в себе лежанкой подменил», поверить, что это тот же поэт, что когда-то писал:

*Песнотворцу ль радеть о кранах подъемных,
Прикармливать воронов – стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домах
Выплавится жизни багряное золото.*

А люди! Не только его друзья и соратники Есенин и Клычков, но и многочисленные противники от Маяковского до Безыменского удостоились в поэме добрых слов. От Ленина Клюев никогда не отворачивался, но теперь он пишет еще и о Ворошилове и Калининe, а Сталина называет «могучим кормчим у руля», одобрительно сравнивая его с Петром Первым, которого ранее не жаловал. Клюев сломался?!

Обычно считают, что произведение политссыльного должно быть пронизано неприятием власти, ее руководителей, ее дел, ее идеологии. В «Кремле» же всё не так. Значит, произведение лживо, автор писал неискренне, и посему поэма «ничего не добавляет к творчеству поэта»? Так или почти так говорили о «Кремле» еще при жизни Клюева, даже не прочитав поэму, а лишь что-то прослышав про нее. Действительно, если так, то все становится просто и понятно. Клюева сослали. И он, чтобы избавиться от страданий, сдался или притворился сдавшимся, стал славословить партию, советскую власть, Сталина. «Это нехорошо, но так все делают. Мы тоже меняли убеждения, партии, друзей и подруг. Он такой, как и мы, грешные... Простим ему...»

Но дело-то как раз в том, что, как и все великие, Клюев не такой! Не меряйте, господа, по себе! «Он мал, как мы, он

мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе», – писал А.С. Пушкин.

Этот крепкий в вере олонецкий мужик, не уступил натиску судьбы, не сломался. И тот, кто своими глазами видел следственные документы, читал сделанную в тюрьме запись: «Виновным себя не признаю», никогда не поверит, что Ключев может отказаться от себя, от своего прошлого, от своих убеждений. Но в то же время признать, что Ключев искренне согласился с коллективизацией, возлюбил врагов своих, восторгается пятилетками, Днепростроем, Кузбассом, мозолистой рукой страны, верит серпу и молоту, любит вождей революции, тоже непросто.

Но если предположить, что и многие стихотворения, и поэма «Кремль» как раз и есть следствие убеждений автора, понимающего трагедию частных на фоне величия общего? Что, если предположить, что, абсолютно не приемля практику большевизма, он увидел, что другого пути у России в те годы не было? Боюсь, что сегодня это предположение назовут кощунством. Но оно объясняет многое, в том числе и ту поэтическую мощь, которой веет от «Кремля». Неискренне такое написать невозможно! Не соглашайтесь со мною, но прочитайте поэму! А, прочитав, задумайтесь над нашей жизнью, над жизнью замечательного нашего поэта Николая Ключева, над его последней поэмой, над ее последними строками, обращенными к Кремлю:

*Я от зимы отчалил к маю
У нив цветущих бросить снасти,
Где солнце пролетарской власти
Нагую грудь не опалит, –
Она испытана, как щит,
Разувереньем и булатом
Перед Кремлем – могучим братом
Склоняет сердце до земли:
Прости иль умереть вели!*

* * *

Так-то оно так, но...

Недавно в связи с началом учебного года рассказывал первокурсникам о нашем городе, о его славной истории, о становлении в нем науки, культуры и искусства. Назвав математика Ф.Э. Молина, физика В.Д. Кузнецова, хирурга А.Г. Савиных, терапевта Д.Д. Яблокова, филолога А.П. Дульзона, десятки имён тех, кто составляет нашу гордость и славу, я не мог не сказать и о литераторах, имеющих отношение к Томску.

Реакция слушателей на разные имена была различной. Оживление в аудитории вызвало имя Гавриила Батенькова. Его произведений студенты не читали, но знали, что одна из площадей города носит его имя. Многие слышали о Владимире Короленко, но о его недолгом пребывании в нашем городе во время сибирской ссылки не знал никто. О писателе-маринисте Константине Станюковиче, сосланном в Томск за связь с народовольцами, современные юноши и девушки тоже не знали ничего. Не слышали они и о Вячеславе Шишкове. Полным спокойствием аудитория ответила на имена Н. Наумова. Г. Вяткина. Г. Гребенщикова, П. Дравверта, Г. Потанина, Н. Ядринцева, что, пожалуй, вполне объяснимо. С некоторой натяжкой простительным можно считать незнание имён советских писателей, причём не только Владимира Обручева, Николая Эрдмана и Федора Тихменёва, но и Ильи Эренбурга, Галины Николаевой, Виля Липатова и Марии Халфиной. Но когда я спросил, кто может что-то сказать о Николае Алексеевиче Клюеве, а в ответ не поднялось ни одной руки, мне стало не по себе.

Две недели спустя аналогичный результат ждал меня на встрече со старшеклассниками средней школы одного из северных районов нашей области.

Грустная ситуация, но по отношению к Николаю Клюеву она проявляется особенно печально. Сегодня творчество одного из крупнейших русских поэтов XX века остается известным лишь горстке почитателей, и даже интеллигентные люди на вопрос о нем чаще всего отвечают: «А, Клюев! Как же, знаем, это поэт, расстрелянный в Томске». И всё? Вы

можете представить себе, что на вопрос о Пушкине вам ответят: «Как же, знаем, это поэт, которого на Черной речке застрелил Дантес»?

* * *

Хочу вновь обратиться к герценовскому мартирологу.

...Когда герои кинофильма «Чапаев» или простые люди за домашним столом поют о Ермаке, они, в большинстве своем, не знают, что слова этой песни – отрывок из «Дум» Кондратия Рылеева. А знающие вовсе не обязательно вспоминают, что его повесили. О Грибоедове говорят более всего как об авторе «Горя от ума», как о композиторе, и лишь в последнюю очередь как о дипломате, растерзанном фанатиками. И маленький ребёнок сначала слышит, как «Буря мглою небо кроет...», потом узнаёт, что эти строки написал Александр Пушкин, и лишь в школе слышит имя Дантеса. А разве мы сначала заинтересовались дуэлью у горы Машук, а уж потом прочитали «Скажи-ка, дядя...»? Подобное можно сказать и о других именах из герценовского списка. Но с более поздними жертвами дело обстоит сложнее. Есенину с Маяковским ещё, так сказать, «повезло», ибо песни на стихи первого стали народными безотносительно к его биографии, а о втором говорят, прежде всего, как о трибуне революции, человеке, прямо сказавшем: «Я всю свою звонкую силу поэта / Тебе отдаю, атакующий класс», и только потом как о самоубийце.

А о Ключеве чаще всего говорят, так сказать, начиная с конца.

Конечно, невинные жертвы репрессий заслуживают вечной памяти потомков, а непростую историю минувшего столетия мы обязаны знать во всех деталях. Но люди ставят памятники великим не за смерть, а за жизнь. Да, история знает и прекрасные исключения, когда именно смерть героя явилась не просто концом жизни, а её венцом и высшим итогом. Мы не знаем не только биографии «первоначальника Куликовской битвы» инока Александра Пересвета, но даже точных места и даты его рождения. Но о его схватке с татарским богатырем Челубеем и гибели, ставшей сим-

волом героизма русских воинов, павших «за други своя», обязан знать всякий русский человек. Мы очень немного знаем о другом Александре, рядовом Александре Матросове. Да и что можно было успеть за девятнадцать лет! Но звания Героя Советского Союза он удостоен не за жизнь, а за смерть. Таких примеров – великое множество. Николай Клюев должен стать близким каждому русскому человеку не потому, что он был одной из сотен тысяч жертв кровавой эпохи, а потому, что выражал дух нашего народа, как Пушкин и Некрасов, Толстой и Тургенев, Достоевский и Чехов, Есенин и Шолохов. Без них, без сопричастности к их творчеству нельзя и русским-то себя называть.

Однако интерес к Николаю Клюеву и ко многим другим историческим деятелям прошлого века в последние годы приобрёл детективный характер. Это понятно, ибо, не сказав о жертвах социальных экспериментов прошлого века, нельзя дать объективную оценку этим экспериментам. Все обстоятельства жизни и гибели выдающихся политиков, военных, учёных, деятелей культуры и искусства должны стать известными науке. Но если эти обстоятельства заслоняют собой смысл творческой деятельности человека, то совершается ошибка. Более того, иногда они, эти обстоятельства, привлекаются не ради поиска истины, а лишь для того, чтобы использовать горькую страницу биографии выдающегося деятеля как снаряд для выстрела в прошлое. Акцентирование внимания читателей только на мрачных сторонах минувшего есть выполнение социально-политического заказа, приводящее к искажению этого минувшего. Не говорю уж о том, что такой подход противоречит принципам педагогики, требующим воспитания подрастающего поколения, прежде всего, на положительных примерах.

Конечно, литератору, филологу, историку необходимо полное знание всех сторон жизни великих деятелей прошлого, науке должно быть известно всё, вплоть до деталей их личной жизни. Но образованному человеку надо знать и ценить, прежде всего, то, что сделало их великими.

И хотя белых пятен в биографии Николая Клюева осталось превеликое множество, сегодня можно утверждать, что

период установления подробностей его жизни, в основном, завершён и ныне перед нами стоят новые задачи, наверное, более сложные, чем уточнение адресов его пребывания в Томске, списка его знакомых, подробностей быта и т.д.

Необходим научно-педагогический анализ творчества Николая Клюева, включение некоторых его произведений в программы и учебники литературы для школ разных ступеней, глубокое изучение жизни и творчества поэта в гуманитарных вузах. Необходимо создание научной концепции введения Николая Клюева в нашу духовную жизнь. Сенсаций и скорых открытий решение этих задач не сулит, а труда потребует немало.

Решение этих задач – вовсе не моё дело, но сказать несколько слов о «клюевском минимуме» все же решусь.

* * *

Биография Н. Клюева едва ли должна составлять предмет подробного изучения. Но в ней есть особые штрихи. Клюев – самоучка, не имевший более или менее систематического образования. Но он обладал тонким чувством родного языка и был безупречно грамотным человеком. Судя по ряду свидетельств, он самостоятельно овладел французским и немецким языками, читал в подлиннике серьёзных авторов, писавших на этих языках. Об этом же свидетельствует подтверждаемое текстами многих его произведений глубокое знание мировой культуры. Есть о чём задуматься, есть чему поучиться!

Едва ли стоит в школе уделять большое внимание и поэтической публицистике Клюева, хотя будучи внешне уравновешенным и терпимым, Клюев в пору творческого расцвета жил политическими страстями своего времени, что отразилось в его сочинениях. Однако эта составляющая едва ли может служить основанием оценки значения Клюева для поэзии XX века.

Впрочем, заметим, что и клюевский антисоветизм, и приверженность поэта интересам кулачества, и приписываемая ему контрреволюционность в значительной степени преувеличены его противниками. Напомню, что нападки на Клюе-

ва, особенно в советское время, начались не со статей и заявлений Л. Троцкого и Н. Бухарина, а с высказываний поэта А. Безыменского, свидетельств поэта П. Васильева, выступлений литераторов на съезде *крестьянских* писателей, клеймивших позором не только живого Клюева, но и уже ушедшего из жизни Есенина. Дополнили их исследования учёных, в том числе и известного каждому учителю литературы Л.И. Тимофеева¹. Вообще история репрессий в нашей стране подтверждает, что условия для беззаконий создаются «верхами», но травлю, заканчивающуюся трагедиями, начинают всё-таки «низы»!

Нельзя отказаться от использования в школе десятков клюевских произведений, в которых духовное богатство и чистота помыслов русского крестьянства противопоставляются «обессилевшей волне» пессимизма, оторванности от жизни и бесплодным мечтаниям «интеллигентской поэзии» нелёгких для России лет нравственного упадка послереволюционной поры 1907–1912 годов.

В школу напрашивается «Голос из народа», звавший к «...мерному согласью // Тяжких времени шагов». Удивительно современно звучит ответ К. Бальмонту: «Вы обещали нам сады...», читающийся сегодня как обращение к гражданам России, возможно, не очень хорошо знающим адресата, но понимающим, что вместо «...садов // В краю улыбчиво-далёком» могут прийти «... Чума, Увечье, // Убийство, Голод и Разврат» вместе со «Страхом тлетворным» и «дырявой Бедностью». К ним близко когда-то необычайно популярное «Обозвал тишину глухоманью» с протестом против надругательства над нашим прошлым, историей, традициями и святынями русского народа – тема, быть может, особенно близкая нам сегодня.

Своеобразное развитие этой стороны творчества Клюева – полемическое противопоставление «каменного ада» «святым, незапятнанным местам», города – деревне, пролета-

¹ Тимофеев Леонид Иванович (1903–1984), д-р филологических наук, профессор, академик АПН СССР, член Союза писателей, автор ряда научных работ и учебников, а том числе – для средней школы.

риата – крестьянству, большевизма – эсеровщине. При желании здесь можно найти один из источников трагедии Клюева, и сегодня часто именно на это обращают внимание при анализе его творчества. В принципе, это верно, ибо глубину клюевской поэзии невозможно понять до конца, не зная истории прошлого века. Но здесь мы сталкиваемся с некоторым педагогическим противоречием. Клюевская полемика не может быть понята юным читателем, если он не знает событий и явлений, по поводу которых современникам Клюева достаточно было лёгкого намёка.

Простой пример. Клюева в годы расцвета называли «олонецким Лонгфелло». «Олонецким» почти понятно и сегодня: Олонецкая губерния – родной край поэта. Но почему «Лонгфелло»? В конце XIX – начале XX века людям, читавшим «Песню о Гайавате» Генри Лонгфелло в только что появившемся блистательном переводе Ивана Бунина, смысл образа-сравнения был очевиден. Но многие ли из нынешних читателей знают творчество великого американского поэта-гуманиста, которого, как писал переводчик, «увлекала девственная природа и манили к себе древние народные предания с их величавою простотой и благородством, потому что он сам до глубокой старости сохранил в себе возвышенную, чуткую и нежную душу»? Многие ли задумывались об удивительном родстве двух далёких и по времени, и по месту творчества поэтов?

Еще один пример, правда, совершенно иного рода. Цикл «Поэту Сергею Есенину» открывается стихотворением «Оттого в глазах моих просинь», содержание которого школьник не в состоянии понять без специальных разъяснений. Что значат по отношению к Клюеву слова «Укоротьте поддевку до талии»? В чём смысл фразы «В поучение дали мне Игоря // Северянина пудренный том»? Почему «бумажные дятлы загукали» и обозвали автора «буквенным татем», когда он «принёс отчизне, как дар» болезненные «Мирские Думы»? Что это за думы, почему они болезненные, кто эти дятлы? Почему «Зашипели газеты: «Татария! // И Есенин – поэт-юдофоб». У учителя нет времени, чтобы всё это объяснить. Ничего не объяснять, отметив только прелесть языка, вели-

колепие звучных рифм, красоту композиции и иные, чисто поэтические достоинства одного из не только характернейших, но и красивейших произведений Клюева? А как тогда быть с принципом научности? Не изучать подобного вовсе? Но тогда от Клюева ничего не останется!

Как же быть? Видимо, из этого пласта клюевского наследия для школьной программы придётся выбрать несколько произведений, удовлетворяющих эстетическому чувству и помогающих понять творческую судьбу поэта, но не уводящих в слишком уж специальные частности. Наверное, такой выбор всегда будет субъективен. Надеюсь на прощение читателя именно за это, всё же назову несколько таких произведений.

«Где рай финифтяный...» Обращаясь к этому стихотворению, тоже не обойтись без минимума пояснений. «Финифть»... «говор просвирен»... «Мей яровчатый»... «Сирин»... «Велес»... «Аввакум» и т.п. Однако все эти слова и имена имеют самостоятельную ценность, а содержание – своеобразный манифест о месте в русской поэзии «ликом скрытого» автора с его «ношей варварских стихов».

«Чтобы медведь пришёл...» Это стихотворение можно назвать программой-наставлением для народного поэта, и в этом смысле оно нуждается не в пояснениях, а в умении размышлять.

«Меня Распутиным назвали...» Оно, как «Где рай...», тоже содержит требующие пояснения слова («Алконост»... «Китоврас»... «Евхаристия»... «чарный Гришка») и тоже содержит поэтический манифест.

«Мы – ржаные, толоконные...» Здесь противопоставление «песен – стонов молота» «гречневым гениям», знающим «Слово алатырное» звучит как вполне понятное и убедительное программное заявление.

Однако, если при определении содержания проблемы «Клюев в школе» можно спорить о её биографической, публицистической и полемической составляющих, то необходимость изучения лирики Клюева, с его поразительной передачей внутренней жизни природы, с благоговейно-религиозным по-крестьянски своеобразным отношением к

ней, принципиальных сомнений не вызывает. Во всём этом и проявились оригинальность и величие истинно народного поэта. Впрочем, здесь задача отбора материала для школы получает ещё более субъективное решение.

Но сначала следует назвать одну из интереснейших особенностей восприятия творчества Клюева. С рассказами о поэте я много выступал в различных аудиториях. Естественно, в этих рассказах звучали стихи. И – поразительное явление! – самыми благодарными, внимательными и понятливыми слушателям всегда оказывались дети. Их нисколько не смущала сложность языка Клюева, его своеобразная стилистика, напевность и музыкальность стиха. Дети тонко, быстро, остро, чувствуют и понимают нашего народного поэта. В чем секрет? По-видимому, здесь действует целый комплекс разнородных причин, включая не только чисто художественные достоинства произведений поэта, но и психологические, педагогические, нравственные и многие иные обстоятельства.

Возможно, в частности, что обычно отмечаемый представителями старшего поколения психоз, порождаемый современной эстрадой, телевидением, радио, рекламой и т.д., вызывает внутреннее психологическое сопротивление, внутреннее отторжение со стороны нормально развивающегося ребёнка, пусть и неосознанно, но испытывающего потребность в гармонии, в благозвучии, в единении с природой.

Вот несколько произведений, отвечающих этой потребности.

«В просинь вод загляделися ивы,..» Чрезвычайно интересно, что дети (шестой класс) не испытывали затруднений в словах просинь вод, грачиные граи, бродит сонь, скатная зернь, солнопёк, стожарная кика, зарянец, камень-зель. Не утверждаю, что конкретный смысл этих слов был им понятен, но им была близка музыкальная нежность этого стихотворения. Стихотворения-песни Клюева легко заучиваются, они могут быть рекомендованы для использования в основной школе именно с этой целью. В их числе «Я пришёл к тебе, сыр-дремучий бор...», «Прохожу ночной деревней...»,

«Недозрелую калинушку // Не ломают и не рвут...», «Как по реченьке-реке...», «Я сгорела, молоденька, без огня...», «Я ко любушке-голубушке ходил...» и многие другие.

Дети хорошо воспринимают клюевские картинки природы и быта, подобные тем, что изображены в стихотворениях «Набух, оттаял лёд на речке...», «Черны проталины...», «Избу строят», «Когда осыпаются липы...» и во многих других.

Тем, кто постарше, могут оказаться близки «Весна отсиала... Как сладостно больно...», «Тучи, как кони в ночном...», «Радость видеть первый стог...», «Я люблю цыганские кочевья...», «Льянокудрых тучек бег...», «Успокоение» – ведь есть же ещё у нас юноши и девушки, не только рассказывающие пошлые анекдоты на уровне современного телеюмора, но и знакомящие друг друга с настоящей высокой поэзией.

Особая проблема – поэмы, созданные Николаем Алексеевичем. Его «Погорельщина» – настоящая творческая вершина, эпическое полотно огромной силы. Но и язык, и символика, и содержание поэмы чрезвычайно сложны, читать её нелегко, как нележки и незаконченный гимн творческому духу русского народа «Песнь о Великой Матери», и «Заозерье», и «Кремль», и даже «Плач о Сергее Есенине», некоторые фрагменты которого более доступны для неискущённого читателя. Можно уверенно предполагать, что клюевские поэмы в учебных программах нашего общего образования появятся ещё не скоро. Пока же будем надеяться на иное.

Усилиями десятков и сотен профессиональных и непрофессиональных исследователей удалось вернуть обществу гражданина Н.А. Клюева. Вернуть же России поэта Николая Клюева ещё только предстоит, и первым шагом для достижения этой цели должен быть шаг в общеобразовательную школу.

«ДЛЯ ВАС, ЗАКРЫВШИХ РОДИНУ ТЕЛАМИ...»

Галина Евгеньевна Волянская
(Галина Николаева)

Нас, проживших и переживших военные и послевоенные годы, становится всё меньше и меньше, но в нашем сознании минувшее остается озаренным победными салютами, славой наших отцов и братьев, горечью поражений и потерь. И всё, что делалось теми, кто помнит войну, так или иначе связано с ней – от восстановления народного хозяйства до создания произведений искусства и литературы.

* * *

Каким-то чудом сохранился у меня потрепанный, скучновато-невыразительного цвета третий номер «Октября» за 1957 год. «Мартовская ночь» – начало романа Галины Николаевой «Битва в пути». В школе № 9, где я тогда работал, его передавали из рук в руки, а в учительской до хрипоты спорили, спорили не столько о романе, сколько о нашей жизни, о нас самих, о нашей довоенной и послевоенной судьбе и, конечно, о Сталине, умершем ровно четыре года назад.

Современный читатель не может представить себе очередей в библиотеках. Вообще нынешнему, как теперь говорят, россиянину не понять тогдашнего отношения публики к тогдашней литературе. И дело, конечно, не в том, что появившееся в Томске в 1956 году телевидение еще не успело сериалами, боевиками и «Аншлагами» отучить людей от серьезного, да и вообще от любого чтения. Однако в 1957 году в очередь за «Октябрем» с «Битвой в пути» записывались даже те, кто и тогда-то не очень много читал. Новый роман хотели прочитать все.

* * *

О чем он, собственно?

В марте 1953 года Дмитрий Бахирев с должности главного инженера любимого танкового завода переведен на такую же должность на неведомый ему и изначально немилый тракторный завод (то ли на Сталинградский, то ли на Харьковский)¹. Его танковый завод бесперебойно выпускал Т-34, лучший танк Второй мировой войны. А здесь перед началом посевной обнаружилось, что трактора выходят из строя из-за заводского брака – у двигателей отлетают противовесы шатунов, разрушая корпуса тракторов. Мыслимо ли, чтобы такое могло случиться на поле боя? А на совхозном или колхозном поле – может? Завод вообще работает скверно, чему, кроме объективных причин, способствует устаревший стиль руководства, воплощенный в директоре завода, Герое Социалистического Труда, лауреате Сталинской премии Семене Вальгане. Именно Вальган и добился перевода к себе «сибирского тягачка», чувствуя необходимость перемен в производстве – война, требовавшая колоссального напряжения сил и командного подхода к его организации, окончилась великой Победой, но битва за счастье народа окончиться не может!

* * *

Конфликт между Бахиревым и Вальганом, между новым и старым захватывает весь коллектив. Поняв, что первопричина провалов – примитивная организация работы чугунно-литейного цеха и попустительство со стороны отдела технического контроля, новый главный инженер решительно перестраивает работу завода, что, естественно, поначалу приводит и к срыву плана, и к уменьшению зарплаты, и к исчезновению мечты руководства о новой Сталинской пре-

¹ До Октябрьской революции в России не было тракторостроения. В 1930 г. был введен в строй Сталинградский, в 1931 г. – Харьковский, в 1933 г. – Челябинский тракторные заводы. Трактора также выпускал в Ленинграде Кировский завод. Разумеется, они одновременно были и танкостроительными.

мии за усовершенствованный, но тем не менее плохой трактор. Бахирева поддерживает – правда, не сразу – партком, на его стороне передовые рабочие и, главное, его единомышленница, очаровательная Тина Карамыш, инженер-технолог, в которую – должна же и в романе о тракторах присутствовать любовь! – влюбляется кристально-моральный Бахирев, отец троих детей, всю жизнь верный своей Кате. Но все производственные и любовные проблемы разрешаются благополучно. Вальгана увольняют, Бахирева назначают директором завода, он возвращается из завешанной коврами пыльной хибары в семейный дом, Тина уезжает, с конвейера сходят прекрасные трактора.

* * *

Я немного ерничаю. Романов с подобными сюжетами тогда писалось немало, они пользовались успехом, ибо в них отражалась реальная жизнь народа и его интересы, они отвечали социальному заказу и соответствовали принципам социалистического реализма. Таковы еще довоенные «Цемент» и «Энергия» Ф. Гладкова, «Большой конвейер» Я. Ильина, послевоенные «Сталь и шлак» В. Попова, «Донбасс» Б. Горбатова, «Новый профиль» А. Бека, «Братья Ершовы» В. Кочетова и десятки других произведений, ныне не только никем не читаемых, но и забытых всеми, кроме разве специалистов по истории советской литературы.

Это были романы своего времени, их читали, над ними иногда слегка подшучивали. Конечно, они не могли иметь долгой жизни, хотя им, как правило, присуждались Сталинские премии. А некоторые критики вообще не давали «производственным» романам права именоваться художественной литературой. Впрочем, эти сочинения были ничем не хуже нынешних творений о ментах, бандитах, проститутках и крутых бизнесменах.

Но «Битва в пути» оказалась не обычным производственным романом, она резко выделялась из общего ряда, и здесь необходимо отступление.

* * *

Вскоре после смерти Сталина вышла повесть «Оттепель» И.Г. Эренбурга, писателя невероятно популярного. В годы Великой Отечественной, находясь на фронте в качестве корреспондента «Правды» и «Красной звезды», Эренбург написал около трех тысяч (!) антифашистских статей, любимых и солдатами в окопах, и всем народом в тылу. За это он «удостоился чести» быть объявленным «личным врагом фюрера (к таковым фюрер причислил ещё и диктора Юрия Левитана, и подводника Александра Маринеско и др.) За одну из статей ему попало в родной «Правде». Илья Григорьевич призывал убить *немца*, газета подчеркнула, что не *немца*, а *фашиста*. За спиной критика-правдиста просматривалась фигура вождя, сказавшего: «... гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остаётся».

Эренбург – беспартийного публициста, да еще и еврея, дважды лауреата Сталинской премии (за «Падение Парижа» в 1942 году и «Бурю» в 1948-м), лауреата Международной Ленинской премии мира, депутата Верховного Совета СССР, кавалера ордена Ленина и многих других наград, читающий народ, особенно интеллигенция, уважал искренне и верил ему безоговорочно. Не случайно название повести, первой попытки в художественной форме отобразить то, что XX съезд КПСС объявил «культом личности», стало названием целого периода нашей истории. «Оттепель» прочитали очень многие. Но все-таки не эта повесть, а роман Николаевой оказался знаком нового в литературе, именно ее поняли и приняли все наши люди. Николаева написала истинно *народный* роман, роман о боли всех советских людей, а не только о переживаниях элиты.

Почему так случилось? Сегодня, к сожалению, никто не станет читать острую, но все же несколько манерную прозу и публицистику Эренбурга. Не все принимали её и тогда. А Николаева... Моих современников, конечно, интересовали производственные коллизии «Битвы в пути», но главным было другое. До неё никто еще не смел открыто писать о похоронах вождя (именно о похоронах, на которые случай-

но попали Бахирев и Вальган, откровенно рассказано в первой главе романа). А уж давать жесткие оценки нелепому аресту старого человека, обвиненного в космополитизме? Или спорить о поступке сына, снявшего со стены портрет арестованного отца? Ох, как был знаком многим из нас обмен репликами между Юрой и Тиной, возмущенной его поступком:

– Вы трус.

– Тина! Чего вы хотите? Смерть меня не пугает, вы знаете, на войне мы не были трусами! Погибнуть во имя народа – хоть сейчас! Но погибнуть как враг народа? Чего вы хотите от нас?

В романе обсуждалась та тема, которую до Эренбурга и Николаевой обсуждали не в печати, а только на кухнях. Сказать о ней убедительно и громко, сказать на всю страну, сказать нам, современникам и участникам событий, первой решилась лишь Николаева. И для этого нужны были не только смелость и талант, но еще и свой горький опыт. Мы, разумеется, не знали об этом опыте, но личное, пережитое, прочитывалось в самых острых страницах романа.

* * *

Публика сразу и безоговорочно приняла роман. Критика же отнеслась к журнальному варианту довольно сдержанно, почти никто не уловил в романе глубокого социально-политического смысла, почти никто не понял, что роман опережает время. Вышедшее вскоре отдельное издание существенно отличалось от журнального варианта и вызвало бурные споры, но теперь в них преобладали положительные оценки. А созданный на основе романа фильм вызвал восторженные отзывы. Не случайно его выход на экран приурочили к XXII съезду КПСС, тому самому съезду, после которого по предложению ленинградской делегации тело Сталина вынесли из Мавзолея. Конечно, успеху фильма, поставленного Владимиром Басовым, способствовала блестящая игра великолепных актеров, прежде всего – Натальи Фатеевой, Михаила Названова и, разумеется, Михаила Ульянова. О работе над ролью Бахирева, о встречах с Галиной

Николаевой и о ней самой Михаил Александрович позднее тепло написал в книге «Моя профессия».

* * *

Правда, нельзя не заметить, что это был уже не 1959 год, – люди многое поняли, сенсационность темы существенно ослабла, зрителей, пожалуй, стали больше интересовать нюансы отношений Бахирева и Тины, нежели ставшие менее острыми проблемы жизни народа в сталинскую эпоху. И если вообще допустимы межжанровые сравнения, то можно сказать определенно – фильм слабее романа, ибо время ушло.

*Михаил Ульянов (Бахирев)
и Михаил Названов (Вальган)
в фильме «Битва в пути»*

Впрочем, фильм и сейчас иногда демонстрируют по телевидению, хотя роман исчез из списка рекомендуемых для старшеклассников произведений. По-моему, напрасно.

Правда, исчезла не одна лишь «Битва в пути», но и многое другое, но это уже особая тема, тем более, что, как это ни странно на первый взгляд, молодежи он интересен не менее, чем нам, хотя причина интереса в другом.

Как мы воспринимали название романа? Великой победой закончилась битва за Родину, требовавшая колоссального напряжения сил всего народа. Но битва за наше будущее продолжается! Николаева сказала об этом столь мастерски, что и сегодняшние критики, оценивая роман, не обходятся без восторженных эпитетов. «Талантливо»... «Вершина социалистического реализма»... «Искренность чувств»... И даже – об авторе – «её жизнь – это один из ярких образцов служения Отчизне, ныне, к сожалению, почти забытый. А зря». Но в названии недавней статьи, посвященной 100-летию со дня рождения писательницы, я увидел одну из причин современного отношения не только к ней, но и вообще к советской литературе. Статья называется «Проигранная битва». Вот он, главный аргумент. Проиграна ли битва на том пути, о котором писали не только Николаева, но и Горький, и Маяковский, и Шолохов, и Толстой (Алексей), и Леонов, и Федин, и Фадеев, и Тихонов, и Твардовский, и Симонов, и сотни других мастеров слова. Но если битва проиграна, то её певцов вспоминать не надо, есть немало талантливых людей, начиная от лауреатов Нобелевской премии Бунина, Пастернака, Солженицына, Бродского, занимавших иную жизненную позицию. Вовсе не собираюсь воспевать одних и проклинать других. Но пути литературы и пути человечества состоят не из одних триумфов, на этих путях бывают и неудачи, и ошибки, и поражения. Нельзя забывать ничего и никого ни в истории, ни в жизни, ни в литературе. Мне кажется, что в последнее время люди, молодежь начинают серьёзно задумываться над этим. Не здесь ли интерес к экранизации «Битвы в пути»?

* * *

Роман был не только экранизирован, но и инсценирован (Эдвард Радзинский). Спектакль с большим успехом шел на сцене многих театров, включая МХАТ, Театр им. Моссовета.

Ленинградский театр имени А.С. Пушкина, многочисленные провинциальные театры.

«Битву в пути» перевели на десятки иностранных языков – от испанского и английского до китайского и вьетнамского. Известность, слава, популярность Галины Николаевой стали совершенно невероятными.

А она, тяжело больная, на многое обиженная, обладавшая очень нелегким характером, легко находившая общий язык с рабочими и колхозниками, учеными и инженерами, но не переносившая многих своих коллег по писательскому цеху, медленно угасала. Никакие курорты, включая французские и итальянские, никакие медицинские светила не могли вылечить слабое больное сердце этой мужественной и сильной женщины. И так уж сложилась ее судьба, что «Битва в пути» стала не только важнейшим, но и последним крупным ее произведением. Ни продолжения «Битвы в пути» (рабочее название – «Директор завода», одна, прямо скажем, не очень удачная глава была опубликована «Литературной газетой»), ни романа о физиках-ядерщиках («Сильное взаимодействие» – отрывки печатались в разных журналах, в том числе в журнале «Наука и жизнь») она написать не успела. Немногочисленные поэтические произведения последних лет, «Рассказы бабки Василисы про чудеса» и даже великолепный лирико-политический дневник «Наш сад», опубликованный после её кончины, интересны, послевоенную советскую литературу представить без них можно. А вот без «Битвы в пути» нельзя представить не только советскую литературу, но и, пожалуй, вообще жизнь советского народа в первое десятилетие после смерти Сталина.

И хотя не следует утверждать, что Николаева останется в литературе автором одной книги, все-таки вся ее жизнь – путь к ней, путь к «Битве».

* * *

Она родилась 18 февраля 1911 года в деревне Усманка Ишимской волости Томской губернии в семье учительницы Мелитины Венедиктовны Волянской, урожденной Барановой, и юриста Евгения Ивановича Волянского. В 1927 году

окончила школу в Новосибирске, в 1935 году – медицинский институт в Горьком, куда перевелась из Омска в связи с назначением мужа, А.Г. Портнова, партийного работника, руководителем Горьковского городского планового отдела. Несколько страниц журнального варианта «Битвы в пути», посвященных судьбе первого мужа Тины Карамыш, несомненно, навеяны трагической судьбой Александра Григорьевича. Но показанная в романе картина в шестидесятые годы воспринималась как слишком уж мрачная. Критики набросились на Николаеву – она, к сожалению, уступила, и в окончательном варианте романа враг народа муж превратился во врага народа отца, что тоже вызвало немало ядовитых стрел, пущенных в автора. Критики не знали, что автор в действительности пережила и потерю отца, и потерю мужа, и тут ей не надо было ничего придумывать.

Еще одно небольшое отступление. Я мало верю в определяющую роль наследственности в судьбе человека, отдавая предпочтение семейному, школьному, общественному воспитанию. И все-таки... Брак Мелитины и Евгения, увы, нельзя назвать удачным, хотя не мое дело рассуждать о причинах некоторой несовместимости этих прекрасных людей.

Но вот о чем я неоднократно задумывался. Евгений – рафинированный интеллигент, дворянин с родословной, восходящей с материнской стороны к семье екатерининского вельможи Потемкина, а с отцовской – к старинному, но предельно обедневшему польскому дворянскому роду Волянских. И Мелитина – потомственная сибирячка, среди родных которой и среднесостоятельные купцы, вроде Макария Трофимовича Самохвалова (ему принадлежало здание гостиницы у Каменного моста, ныне занимаемое Институтом курортологии), и золотоискатели, и простые рабочие. Супруги вышли из совершенно разных слоев общества. Может быть, это несоответствие, эта противоположность биографий родителей и послужили источником яркой вспышки таланта их единственной дочери? Или меня клонит в мистику?

Г.Е. Николаева (Волянская)

А самой Галине в личной жизни тоже не очень везло. Незадолго до ареста Александра она ушла от него (разумеется, женщина, в доме которой Александр был арестован, написала мне, что это Саша ушел к ней от Галины). Так или иначе, но они расстались, и в материалах о писательнице имя Портнова не упоминается. А Галине, как это ни кощунственно звучит, «повезло» – она оказалась лишь дочерью, а не женой врага народа. А всем, в частности мне, известно, что *сын* (в данном случае – дочь) *за отца не отвечает*. Жену же могли назвать ЧСИР, членом семьи изменника Родины,

со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во всяком случае, писательницы Николаевой мы бы не имели.

Не могу не напомнить, что в первые годы после смерти Сталина для решения вопроса о реабилитации репрессированного требовались ходатайства его родных или просто заинтересованных лиц. И хотя это ничего не меняет, горжусь тем, что по отношению к А.Г. Портнову таким лицом стал я. И стоит задуматься над тем, почему в его поддержку не выступили знавшие его партийные работники, точно так же, как в поддержку многих писателей – литераторы, как в поддержку многих ученых – их коллеги и ученики? После XX съезда это было вполне безопасно, требовалась уже не смелость, а элементарная порядочность.

Второго мужа Галины звали Николаем, именно отсюда иногда производят её псевдоним. Николаева, а не чья-нибудь! Есть и более романтичный вариант. Мне рассказали (разумеется, со ссылкой на саму Галину Евгеньевну), что перевод врача Волянской на работу в Нальчик связан с назначением на Северный Кавказ влюбившегося в неё сотрудника НКВД Николаева. И вдруг он куда-то исчез, потом

оказалось – на Западную Украину, где погиб от рук бандеровцев. Галина об этом не знала, но посланные в журнал «Знамя» стихи (декабрь 1944 года) подписала «Николаева» с тем, чтобы он, по известным им обоим строкам, догадался, что она его помнит и отыскал ее. Итальянцы в подобных случаях говорят: *se non e vero, e ben trovato* (если и неверно, то хорошо придумано).

С этими стихами связано и немало других легенд. Но совсем не легендой, а документально подтвержденными фактами являются посланные ею в редакцию «Знамени» ученическая тетрадка с написанными от руки стихотворениям и письмо в «Литературную газету» с указанием в адресе: «Николаю Тихонову (если он жив)». Несколько странная приписка в те годы никого не могла удивить. Николай Семенович Тихонов, писатель и общественный деятель, практически всю войну находился в осажденном Ленинграде – все могло случиться, и его слова в ответном письме «а я, как видите, жив» вполне соответствовали духу времени. Но в декабре Тихонов был на 1-м Белорусском фронте, николаевскую тетрадочку вовремя не увидел, а по приезде ему её не показали. В этом тоже нет ничего удивительного – Нина Израилевна Кадонер, сотрудник «Знамени», рассказывала мне, что в конце войны стихи с фронта поступали в редакцию буквально мешками. Однако Тихонов почувствовал неординарность автора и потребовал найти присланное.

11 января 1945 года в присутствии главного редактора журнала В. Вишневого, его заместителя А. Тарасенкова, поэта К. Симонова и других членов редколлегии Тихонов прочитал стихи, в которых «живет та поэзия, которая так нужна сейчас, поэзия откровенно говорящая о главном, о чувствах, которым свойственна высокая человечность, предельная искренность и страстность».

Стихи Николаевой решили печатать, но сама Николаева – типичный для нее штрих! – не указала своего адреса, попросив отвечать «до востребования». А на почту идти боялась – вдруг ответ будет отрицательным? И неожиданно – вызов в Управление внутренних дел Кабардино-Балкарии. Думаю, и сегодня наши граждане не очень радуются, полу-

чив приглашение «туда». А тогда? Да еще и дочь врага народа! Но оказалось, что это Вишневецкий, зная, что быстрее всех в СССР работают именно «органы», позвонил в Нальчик начальнику УВД. И тот не только нашел неведомую Николаеву-Волянскую, но и помог ей выехать в Москву. Надо ли пояснять, что в январе 1945 года прийти на вокзал, купить билет и поехать в столицу было совсем не просто!

* * *

Во втором номере «Знамени» были напечатаны девятнадцать ее стихотворений, в четвертом – еще десять, в том числе, может быть, не самое лучшее, но самое известное и, по-моему, очень многое объясняющее.

*Для вас, закрывших Родину телами,
Смотревших в смерть, не опуская глаз,
Правдивыми, горячими словами
Учусь писать. Хочу писать для вас.
В час отступленья, боли и печали
Ряды редели, падали друзья.
Погибшие мне голос завещали,
Чтоб с вами им заговорила я.*

Это были не первые ее произведения, еще в 1939 году «Горьковская правда» опубликовала несколько стихотворений. Благословил публикацию сотрудник газеты, преподаватель Горьковского пединститута Б.С. Рюриков, впоследствии – известный литератор, главный редактор журнала «Иностранная литература» Борис Сергеевич гордился тем, что первым заметил зарождающийся талант поэтессы, но все же столь яркого литературного будущего аспирантки кафедры фармакологии Галины Волянской он не ожидал, считая, что эти стихи все-таки вполне рядовые, а о прозе в предвоенные годы вообще разговора не было. Газетные стихи, наверное, так и остались бы «творчеством для себя», если бы не война.

К сожалению, в памяти читателей Николаева как поэтессы почти не сохранилась. Видимо, дело в том, что её проза ошеломляла, а стихи были все-таки просто прекрасными

стихами, каких в России всегда много. Мне в связи с этим припоминаются слова Евгения Евтушенко. Вернувшись из поездки в Америку, поэт, будучи в редакции «Красного знамени», заметил, что в США легко можно назвать двадцать прозаиков, против которых мы с трудом выставим даже одного. Зато мы легко назовем двадцать поэтов, против которых американцам вообще некого будет поставить. Имена названы не были, но в те годы «одним прозаиком», конечно, оказалась бы Галина Николаева. Но она была и одним из двадцати поэтов...

* * *

Попытка врача Волянской стать фронтовым врачом успеха не имела из-за тяжелого порока сердца (именно из-за него она так рано, 18 октября 1963 года, ушла из жизни). Но в июле 1942 года ей все-таки удалось добиться назначения ординатором на плавучий госпиталь «Композитор Бородин», доставлявший раненых из Сталинграда в Горький. Судно выполнило восемь рейсов, во время восьмого фашистские летчики разбомбили пароход. К счастью, накануне этого рейса, контуженная при предыдущей бомбежке, Галина была списана на берег, но судьбу судна, судьбу своих товарищей и подруг она знала хорошо. «Гибель командарма» – рассказ об этих событиях – опубликован «Знаменем» в ноябре 1945 года, он и поныне остается одним из лучших рассказов о человеке на войне.

* * *

Серьезный успех первых стихотворений и рассказа окрылил автора, но три послевоенных года оказались для нее невероятно тяжелыми. Ординатор Волянская уже не хотела, да и не могла быть врачом, а писателя Николаеву преследовали неудачи. И вдруг... (совсем не вдруг!) редакция «Знамени» командировала Николаеву в северные районы Горьковской области. Результат – очерк «Колхоз «Трактор», опубликованный в мартовском номере журнала за 1948 год. Дальнейшее похоже на красивую легенду, но слишком уж многое позволяет считать её правдой.

...Известно, что Сталин прекрасно понимал роль идеологической составляющей в жизни страны и весьма внимательно следил за литературным процессом. Во всяком случае, все так называемые «толстые» журналы он просматривал обычно еще до выхода в свет. И вот, на гранках николаевского очерка появляется резолюция: «Тов. Пospelов! Вот так надо писать о советских колхозах!» Петр Николаевич Пospelов, тогдашний редактор «Правды», отреагировал очень просто, перепечатав очерк в трех номерах газеты (31 марта, 1 и 2 апреля). Случай беспрецедентный, ибо существует общепринятая схема: сначала газета, затем журнал, а не наоборот. А тут еще и отдельной брошюрой издали! «Тройная» публикация принесла бедствующей в материальном отношении Галине Евгеньевне приличные гонорары, хотя, конечно, «не в деньгах счастье». Николаева нашла свою тему, и вскоре появилась «Жатва» – роман, принесший ей всесоюзную известность и Сталинскую премию 1951 года. А после ее поездки на целину «Знамя» напечатало «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» – самое любимое мною произведение из созданных нашей землячкой. Но главное – Николаева, никогда не бывшая членом партии, почувствовала поддержку «сверху». Сегодня можно саркастически улыбнуться по этому поводу, но Николаева была абсолютно искренней, когда в день похорон Сталина писала матери о том, что она, к сожалению, ни разу лично не встречалась с Иосифом Виссарионовичем, но знает о том, как он в свое время помог ей, и очень сожалеет, что так и не успела поблагодарить его за это.

* * *

Но пора уже сказать несколько слов о том, с какой стати я, преподаватель математики, оказался исследователем жизни и творчества Галины Николаевы.

...В шестидесятых годах в наших кругах была популярна такая шутка. Во время приемных экзаменов на мехмат МГУ некий профессор (называли разные имена, чаще всего – заместителя министра просвещения РСФСР члена-корреспондента АН СССР А.И. Маркушевича) предложил абитуриент-

ке назвать имена крупнейших древнегреческих математиков. Ответ последовал мгновенно: «Пифагор, Архимед, Бладис». Говорят, что эту историю придумал то ли сам Алексей Иванович (зная его, могу в это поверить), то ли друг Бладиса член-корреспондент АПН СССР Иван Козьмич Андронов, то ли сам В.М. Бладис.

С Бладиса, выдающегося ученого – не только составителя известных таблиц, но и автора первого советского учебника методики математики, – все и началось. Весной 1965 года он попросил меня принять участие в деле увековечения памяти писательницы Николаевой на ее родине. Наверное, имею право сказать, что просьба Владимира Модестовича выполнена – двумя изданиями вышла моя книга «Путь к «Битве...». Страницы жизни Галины Николаевой», на родине писательницы построен клуб и создан музей ее имени, установлен небольшой памятник (скульптор Леонид Майоров), имя Николаевой присвоено одной из школ нашего города, а число моих выступлений о нашей землячке перед школьниками, студентами, рабочими, крестьянами давно перевалило за сотню. Недруги, да и кое-кто из друзей, иногда упрекают меня за эту работу. «Надо было не литературой заниматься, а диссертацию писать, – было бы в Томске не 1300, а 1301 лицо, перед фамилией которого стоит великолепное «д-р таких-то наук!» (Помните, пьеса сербского классика Бранислава Нушича, и сегодня идущая в Малом театре, да ещё и экранизированная телевидением, так и называется: «Д-р». Там речь как раз идет о необходимости этой аббревиатуры перед именем более или менее значительного лица). Быть может, они и правы, однако, как поется в старинном романсе, «но я ничуть об этом не жалею». Более того, давно сказано, что трудно найти более интересное дело, чем слежение за жизнью и творчеством выдающегося человека. А с какими прекрасными людьми мне удалось встречаться и беседовать во время этих поисков! В их числе не только всем известные писатели, начиная с Константина Симонова и Маргариты Алигер, не только множество артистов, начиная с Михаила Ульянова и Риммы Быковой, не только общественные деятели, ученые-медики и ученые-

физики, но и так называемые «простые» люди – учителя, врачи, рабочие, колхозники. Благодарю судьбу за счастье и радость, названные Антуаном Сент-Экзюпери роскошью человеческого общения!

Правда, не будучи ни профессиональным литератором, ни образованным историком, я все поиски вел не только не «по науке», но часто совершенно вопреки ей. Зато, повторяю, было интересно. И спасибо судьбе, что она подарила такую удачу – возможность прикоснуться к хорошей, настоящей литературе, настоящей судьбе, настоящим людям.

Но при чем здесь профессор Брадис?

Профессор, действительно, ни при чем, а вот гимназист Володя, сын известного псковского учителя Модеста Васильевича Брадиса, очень даже при чем. В 1905 году он познакомился с гимназисткой Милой Барановой, недавно приехавшей к родственникам из Сибири. Гордый своей дружбой с юной красавицей, познакомил ее со своим приятелем, тоже гимназистом, Женей Волянским. Опытные люди знают, что этого ни в коем случае делать нельзя, ибо, как писал О'Тенри, возникает треугольник, в котором гипотенуза последней узнает, что она самая длинная сторона треугольника. Возможно, Володя и не оказался бы этой самой гипотенузой, но в лирическую геометрию вмешались высшие силы.

...Однажды коляску, в которой ехал гостивший у родных начальник знаменитой Акатуйской тюрьмы, остановили два молодых человека. Один схватил под уздцы лошадь, второй дважды в упор выстрелил в ездока. Убийца мстил за своего отца, забитого в этой тюрьме насмерть уголовника-нарымчанина. Но жандармерия с подачи провокатора Еремина пришила к делу политику и в течение недели арестовала почти всю боевую организацию эсеров. Вновь созданный подпольный комитет вынес Еремину смертный приговор и поручил его исполнение гимназистам братьям Фалевичам. Покушение не удалось, но многие юные эсеры, в том числе В. Брадис и Е. Волянский, попали в тюрьму.

А незадолго до ареста Евгений признался Миле в любви. Дальнейшие подробности, наверно, не нужны. В 1910 году

Мила, к тому времени учительствовавшая в Усманке, деревеньке неподалеку от Томска, приехала в Ишим Тобольской губернии, чтобы обвенчаться с отбывавшим там ссылку Евгением Волянским. В 1918 году, после ссылки, он окончил юридический факультет Томского университета. Был судьей в Томске и Новосибирске, читал лекции по гражданскому праву. В 1937 году его арестовали, в 1956-м – реабилитировали посмертно вместе с группой сибирских юристов за отсутствием состава преступления. Горько писать об этом, но Галина Евгеньевна так и не узнала о восстановлении честного имени отца, а Мелитина Венедиктовна лишь от меня услышала об этом. Никогда не забуду слез этой старенькой учительницы, когда она, в подмосковном интернате для престарелых, читала привезенные мной документы о ее Жене...

А профессор В.М. Брадис, уже после войны, отыскал свою первую любовь, и мне выпало счастье читать некоторые их письма друг другу. «Дорогая Аленушка...» «Милый Володечка...» В сердцах и душах этих двух, очень уже молодых людей, сохранились добро и нежность удивительной высоты, которую, увы, не так уж часто встретишь, но которая позволяет верить в смысл человеческой жизни...

* * *

Признание принесли Галине Николаевой стихи, триумф – проза. А известность продолжалась всего восемнадцать из отведенных ей судьбой недолгих пятидесяти двух лет... В 1955 году критика очень резко отозвалась о новом большом цикле стихов Николаевой, опубликованных «Знаменем». Болезненно самолюбивая поэтесса больше не печатала поэтических произведений, да и вообще широкому читателю она мало известна с этой стороны. Но, рассказывая о ее жизни и творчестве, почти всегда читаю строки, прямо к ней относящиеся:

*Порой твердят, тоскуя о потере:
«Как мало жил! Как рано он исчез!»
Не ситец жизнь. Её длиной не меряют,
Её берут, как золото, – на вес.*

ПЕРВЫЙ НАШ ПРОФЕССОР ПЕДАГОГИКИ

Мария Васильевна Крупенина

К пятидесятилетию Томского педагогического института вышла посвященная ему книга¹. Время было непростое, и о многих событиях и о многих людях говорилось в ней вполголоса. Именно так, глухо и неотчетливо сказано было и о М.В. Крупениной: «К началу 1935/36 учебного года на заведование кафедрой педагогики и психологии была командирована Наркомпросом профессор М.А. Крупенина, один из лидеров теории «отмирания школы». Она вела курс истории педагогики. Ее лекции отличались образностью и эмоциональностью. Слушать их приходили не только студенты, но и многие преподаватели».

И это всё? Откуда и почему командирована? Сколько времени была заведующей? Куда исчезла из института? Ни на один из этих, как и многих других, вопросов ответа в книге нет. Конечно, авторы знали больше, чем написали, но работал «внутренний цензор», да и «инстанции» внимательно следили за подготовкой рукописи. К тому же о проф. Крупениной уже имелись статьи в «Педагогической энциклопедии» (1965) и в журнале «Народное образование» (№ 1 за тот же год). Но одно дело – то, что можно было сказать в середине шестидесятых, в конце «оттепели», и совсем другое – середина семидесятых. Не могу не отметить и того, что люди, знавшие Марию Васильевну при жизни, говорили о ней как-то уклончиво, с недомолвками, явно давая понять, что тема эта им не слишком приятна. Теперь, прочитав некоторые протоколы писем и допросов, собраний и заседаний, хорошо понимаю, почему...

¹ Белобородов А.А., Иоганзен Б.Г., Лимонов В.И., Пичурин А.Ф., Смирнов В.П., Шамахов Ф.Ф. Томский педагогический институт. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981.

А жизнь и творчество М.В. Крупениной стоят того, чтобы говорить о ней без всяких недомолвок, и этому есть много причин. Мария Васильевна была первым настоящим профессором педагогики в молодом и, прямо скажем, достаточно провинциальном вузе, первым профессором педагогики в нашем городе, первым ученым-педагогом, продемонстрировавшим тогдашней молодежи, что педагогика и психология суть серьёзные науки, имеющие свою методологию, историю, проблематику.

Система взглядов профессора Крупениной, в свое время объявленная вульгаризацией марксизма и, в соответствии с этим, «решительно осужденная» (судьи далеко не всегда хорошо разбирались в марксизме и, тем более, в педагогике), имеет далеко не одно только историческое значение. Правда, сегодня наверняка найдутся читатели, у которых оборот «вульгаризация марксизма» вызовет не вполне адекватные эмоции, но надо понимать, что в любом направлении нашей науки имеются рациональные мысли. Место школы в обществе, коллектив и личность, особенно детский коллектив и ребенок, содержание общего образования и его связь с задачами промышленного и сельскохозяйственного производства, воспитание будущего гражданина – в любой педагогической концепции этим проблемам не может не уделяться внимания, любая педагогическая теория содержит положительные элементы в их разработке. Да и в пресловутой теории «отмирания школы» не все так уж порочно по существу. Жизнь показывает, что школа школой, но уже сегодня, в начале третьего тысячелетия можно со всей серьёзностью думать о том, где более всего формируются и совершенствуются знания, умения, навыки, культура и т.п. – в школе или вне нее. Школа не отомрет, но одна она ныне уже не решает не только всех, но и большинства проблем детства и отрочества. И вполне может стать, что идеи Крупениной вновь привлекут к себе внимание исследователей, а ее творчество заинтересует наших издателей и читателей.

Судьба Марии Васильевны заинтересовала меня не только с профессиональной точки зрения. По моему глубокому убеждению, оценивая сегодня события более чем полувек-

вой давности, многие наши публицисты, политики и даже историки поразительно односторонни. Вот, мол, был такой злой гений, существовала такая порочная идеология, и все это породило трагическую и даже преступную практику. А вне этой триады были обыкновенные хорошие люди, разумеется, ни в чем не виноватые, у них, так сказать, судьба такая. Увы, все было гораздо хуже, ибо существовало еще и массовое равнодушие, соединенное с массовым же психозом. И просмотрев в архивах сотни дел репрессированных, я каждый раз с отвращением читал страстные доносы, прочувствованные призывы к уничтожению вчерашних друзей, вдохновенную клевету. История Крупениной в Томске, быть может, лишь особо характерна. Кроме того, работая с материалами о Крупениной, я встретил имена людей, известных мне лично, а не по архивным справкам и газетным статьям.

Мы сегодня много говорим о тех, кто не смог выдержать пыток и издевательств, о тех, кто, сломившись под грузом чудовищных обвинений, подписывал «признания», продиктованные следователями, клеветал на товарищей и на себя. Их можно понять и простить. Но как быть с добровольными доносчиками и клеветниками? Да, в стране накануне войны была создана обстановка всеобщей подозрительности и шпиономании. Да, она давала возможность проявить себя людям с соответствующими задатками. Но далеко не все и тогда становились подлецами. А некоторые даже не понимали смысла содеянного. Вот о них-то, «простых советских людях» я считаю своим долгом сказать. Быть может, кому-нибудь станет понятнее наша история, быть может, кто-нибудь, выходя на трибуну большого или малого собрания с разгромной речью, на минутку остановится, задумавшись над тем, «как наше слово отзовется»?

Людей тех уже нет на свете. Надо ли внукам знать о гнусных страницах жизни дедов? Не дедов вообще, а конкретного деда, павшего потом на войне, погибшего в тех же лагерях или благополучно дожившего до пенсии, простой или персональной? Надо или не надо называть их имена? Не всегда легко ответить на этот вопрос...

Итак, 10 августа 1935 года в Отделе педвузов Управления подготовки учителей Народного комиссариата просвещения РСФСР подписываются командировки № 610 и 611:

– тов. Крупенина командировается в Томский педагогический институт в качестве заведующей кафедрой педагогики, а ее муж, тов. Бернштейн, – в качестве заведующего кафедрой педологии и психологии.

Нетрудно представить, какая обстановка создалась тогда в институте. Не хочу обидеть земляков, но вуз был создан всего пять лет назад, настоящих специалистов не хватало, педагогику, психологию, педологию, предметные методики вели, как правило, вполне добросовестные и по-своему квалифицированные учителя-практики. Вот бы и работать им спокойно. А тут приезжают два блестяще образованных профессора, люди, для которых П. Блонский, Л. Выготский, К. Корнилов, В. Шульгин не только известные ученые, но еще и знакомые, коллеги, а иногда и оппоненты. К тому же Мария Васильевна еще и коммунист, она неоднократно видела и слышала В.И. Ленина, работала с Н.К. Крупской и А.С. Бубновым, хорошо знала А.В. Луначарского, была знакома и дружна со многими работниками ЦК ВКП(б) и правительства. Конечно, оба они не очень-то вписывались в уже сложившийся коллектив. Разумеется, никто вслух об этом не говорил, но...

Дело к тому же «портили» студенты.

Выпускники 43-й группы филологического факультета, окончившие институт в 1939 году, подарили институтскому музею великолепный альбом с воспоминаниями о тех годах. Есть в нем и несколько страниц, посвященных «зубрам педагогики», как назвала их Зинаида Ивановна Ильиных, одна из составительниц альбома.

«Помню, как Крупенина на своих лекциях самокритично разбирала истоки и порочность теории «отмирания школы». Читала она свои лекции свободно, широко, не сковывая себя конспективными записями. Записывать ее лекции без привычки и умения было нелегко. Надо было самостоятельно выбирать главное в ее потоке суждений, доказательств. Установка ее методики была на развитие самостоятельно-

сти мышления. Во всей ее внешности и манере держаться чувствовались педагогичность и высокая культура. Мы с интересом прислушивались к разговорам М.В. Крупениной на французском или английском языках с другими преподавателями и чувствовали «огромный пафос расстояний».

Студенты – чувствовали, а преподаватели?

Далее З.И. Ильиных пишет: «В небольшой аудитории мы сдаем экзамен по истории педагогики. Одному из студентов выпал тяжкий жребий: отвечать на вопрос о теории “отмирания школы”. Может, и не труден был вопрос, но вся беда в том, что автор этой теории сидела перед ним. Пока мы готовились, Мария Васильевна сидела, закинув ногу на ногу и курила. Лицо очень серьезное и будто бы высокомерное. Мысли ее, мне думается, были невеселыми.

...Впервые появившись перед нами за кафедрой, Крупенина начала с критики своей теории. Она рассказывала, как образовался «левый уклон» в педагогике, объясняла суть ошибок, их порочность, раскрывала истоки своих заблуждений. Это была интересная лекция, захватившая полностью наше внимание, лекция о том, как, воспринимая поверхностно труды основоположников научного коммунизма, можно прийти к ошибочным взглядам, к порочной теории.

И вот сейчас студент и экзаменатор сидят напротив друг друга. Долгое молчание. Наконец, студент, краснея, волнуясь и запинаясь, начал:

– В... годах возникла псевдо... анти... научная теория в педагогике...

Каждое его слово прерывалось нервным покашливанием, паузой. – Автор, – продолжал студент, – основоположник..., основоположница этой теории – товарищ Крупенина Мария Васильевна...

Комизм ситуации отражался на лицах всех присутствующих, кроме экзаменатора. Студент какое-то время «настраивался», но потом, видимо, преодолев застенчивость, разошелся и начал как кирпичами забрасывать Крупенину убийственными словами: «левый загиб», «порочная теория», «левацкий уклон», «лидер антиленинской теории»...

Мария Васильевна сидела, как изваяние, слушала, казалось, снисходительно, но не без интереса.

Под конец студент опять сник, запутался и нерешительно стал «закругляться».

– Но сейчас товарищ Крупенина признала свои ошибки и теперь она... – но что она «теперь» так и не услышали ни мы, низко склонившиеся над столами, ни сама Крупенина. Мария Васильевна, видимо, сжалилась и прервала отвечающего:

– Достаточно. Отлично!

Студент схватил зачетку и выскочил из аудитории как из парной, красный и взъерошенный. Мы с облегчением вздохнули».

Студенты 30-х годов, люди, имевшие, как правило, опыт практической работы и на ней остро почувствовавшие нехватку знаний, хорошо понимали, что они могут взять у московских профессоров – от большинства «своих» преподавателей они все существенно отличались.

...Нам и сегодня в вузах очень и очень не хватает того, что имелось у людей типа Крупениной. Я имею в виду их общекультурную подготовку, то, что давало, во-первых, обычное домашнее воспитание, основанное на разумных принципах народной педагогики и ныне напрочь потерянное. Оно обеспечивало достаточно прочные основы морали и нравственности. Во-вторых, то, что давала гимназия, где она была первой ученицей. И наконец, в-третьих, то, что давали знаменитые Бестужевские курсы.

Я знал нескольких бестужевок и сейчас, думая о Крупениной, вспоминаю другую бестужевку – Наталью Владимировну Оранскую, одну из создательниц нашей кафедры математики, педагога, боготворимого несколькими поколениями учителей математики Сибири. Безупречное владение предметом, требовательность к обучаемым, мастерское владение доской, артистическая дикция и ко всему этому идущая именно из Петербурга, из Бестужевки, высочайшая российская интеллигентность... У меня нет готовых рекомендаций для власти, но элитарные вузы, подобные Бестужевским курсам, нам стоило бы воссоздать.

Конечно, с таким образованием, опытом, культурой, партийностью Крупенина не могла быть человеком незаметным, тихим, не могла не вызывать у некоторых зависти, ревности или хотя бы раздражения. Разумеется, она «повела себя неправильно». Научные работы некоторых сотрудников кафедры она потребовала существенно поправить, указав на их слабый уровень и даже примитивность. Качество семинаров и лекций ее тоже устраивало далеко не всегда, и она прямо говорила об этом и на заседаниях кафедры, и на совете института. На партийных собраниях критиковала партком, вообще сразу же стала заметной фигурой в вузе.

М.В. Крупенина

Многим запомнилось первое большое выступление Марии Васильевны, даже не выступление, а доклад. Это было на партийном собрании с непривычной для более поздних времен повесткой: «Партия Ленина – Сталина». Впрочем, если вспомнить, что в те годы было принято отмечать не день рождения, а еще свежий в памяти день смерти Владимира Ильича, собрание же состоялось 21 января 1936 года, то все станет ясным. Мария Васильевна рассказала о трех выступлениях Ленина, которые ей довелось слушать. Первое – доклад 4 апреля 1917 года, так называемые Апрельские тезисы. Второе – в 1918 году на совещании кооператоров, в котором Ленин полемизировал с Мартовым о перспективах нашей революции (в собраниях сочинений В.И. Ленина этого выступления нет). И наконец, третье – выступление на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 года, последнее выступление Ленина. Рассказала Крупенина и о прощании с Лениным в Колонном зале Дома Союзов. Разумеется, в связи с этим она несколько раз назвала имя Сталина. Однако любопытная деталь – Ленина

она называет вождем, а Сталина – просто товарищем. Случайность? Или оценка?

По-видимому, для Крупениной это было последнее спокойное партийное собрание. Вскоре партком поставил на обсуждение ее самоотчет. Крупенина выступила достаточно взвешенно и спокойно, но тон вопросов, их содержание и характер выступлений позволяют и сегодня представить, как накалялась обстановка. «У т. Крупениной не ленинский метод исправления своих ошибок. Это троцкистский метод»... «У нас не было мобилизации внимания вокруг ошибок т. Крупениной, необходимо по всем дисциплинам развернуть картину контрреволюционной сущности троцизма»... «У нас еще отсутствует сильная бдительность»... «Тов. Крупенина – меньшевичка, она с 1912 по 1917 год находилась в партии меньшевиков-оборонцев»... «Она поддерживала меньшевика Гвоздева»... «У Крупениной не все благополучно в смысле идейности, непримиримости, принципиальности – Бауманский райком ВКП(б) вынес ей строгий выговор, когда в связи с убийством Кирова она недостаточно критиковала свои прошлые ошибки»... Ну и, конечно, «подрывает авторитет других преподавателей» и «запугивает студентов своей требовательностью». Впрочем, на этом собрании было еще сказано, что Крупенина проделала большую работу, является хорошим товарищем, добросовестно относится к партийным поручениям, хорошо читает свой предмет, пользуется большим авторитетом среди студентов и т.д. Собрание ограничилось критическими замечаниями.

В сентябре 1936 года коммунисты пединститута решили еще раз обратиться к судьбе Крупениной. Теперь атака была подготовлена более тщательно. Докладчик припомнил Крупениной не только принадлежность к меньшевистской ячейке Бестужевских курсов. Особенно подробно он анализировал работу Крупениной в Вятском кооперативе (после окончания Бестужевских курсов Мария Васильевна, уже имевшая опыт работы в Выборгском кооперативе Петрограда, переехала в Вятку и пробыла там до начала 1919 года. Проблемами народного образования она в то время еще не занималась).

Логика обвинителей потрясает (сегодня!). Один из выступавших по докладу, историк, строит такую конструкцию. Крупенина работала в Вятке. А Колчак, захватив Пермь, наступал в это время на Вятку. Для ликвидации Пермской катастрофы в Вятку прибыл вместе с тов. Дзержинским великий полководец тов. Сталин. Он навел там порядок и остановил противника. Вы скажете что-нибудь вроде «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Ан нет. Историк рассуждал иначе. Кооперативы создавались еще до революции эсерами и меньшевиками как одна из форм защиты интересов рабочих и крестьян. Колчак пришел к власти на эсеровской волне. Следовательно, «тов. Крупенина, докажите, что вы не были связаны с колчаковской разведкой, что ваши кооперативы и вы сами не помогали Колчаку!» Если добавить, что факты помощи (прежде всего, материальной) белому движению со стороны кооперативов в стране имели место, то вроде бы и логика есть. В библиотеке ТГУ хранится диссертация этого историка. Когда-нибудь я все же прочитаю ее, интересно, сохранил ли он и в ней тот же уровень научного мышления?

Далее докладчик не менее обстоятельно анализировал колебания тов. Крупениной в 1917 году. Почему часть меньшевиков-межрайонцев в Петрограде вступила в большевистскую партию, а она колебалась? И нечего ссылаться на рождение дочери, надо было решительно пойти за большевиками. Колебания имели место и позднее – в 1923 году Крупенина поддерживала троцкистскую оппозицию. Крупенина совершенно потеряла бдительность – в 1934 году у нее украли партбилет. Ну и, разумеется, «за все время работы в институте Крупенина сеяла раздор в коллективе, подрывала авторитет директора института и бывшего заведующего кафедрой».

Не стану пересказывать все восемнадцать выступлений – все они похожи по сути, различаясь лишь деталями. На этот раз никто не нашел в работе Крупениной ни одного светлого штриха, все единодушно требовали исключения. Собрание постановило: «Крупенину, как активную меньшевичку, поддерживавшую троцкистскую оппозицию в 1923 году,

состоя в партии большевиков, как не изжившую меньшевистскую троцкистскую идеологию и в настоящее время, за неискренность перед партией из рядов ВКП(б) исключить». Отметим в решении и то, что партийный комитет, доверяя Крупениной, допустил грубую политическую ошибку, а теперь ему надо «по конспектам студентов раскрыть концы влияния Крупениной на студентов и возможную троцкистскую обработку ей отдельных студентов». Вскоре состоялось партийное собрание с повесткой «О бдительности», на котором секретарь парткома доложил, что горьком утвердил решение об исключении из партии Крупениной.

Но он немного поторопился – крайком партии все-таки оставил М.В. Крупенину в рядах ВКП(б). Ей бы и притихнуть. Но ничего подобного. Снова активно выступает на собраниях, печатает статьи в газетах, сдает в Учпедгиз законченный ею учебник истории педагогики (в каких архивах лежит сегодня эта рукопись?), сама выступает по вопросу о бдительности – как же, в Москве идут такие процессы, усугубляются такие факты, что волосы становятся дыбом! А товарищи не дремлют. На партийном собрании 23 января 1937 года, выступая с докладом «Революционная бдительность и подъем партийной работы», новый секретарь парткома – я позднее сдавал ему экзамен и некоторое время работал с этим обаятельным и любезнейшим человеком, – указывает на факты взаимного посещения друг друга дочерью Радека и Крупениной, и даже посещения женой Радека дома Крупениной. Собрание поручило парткому выяснить характер связей Крупениной с Радеком».

Тут необходимо небольшое отступление. Работая в Академии коммунистического воспитания, М.В. Крупенина «решила спуститься в практику школы и преодолеть свою неверную теорию». В шестом классе руководимой ею школы вместе с ее дочерью училась и дочь Радека. Мария Васильевна рассказывала: «Дочь Радека была сильной зазнайкой. Мы вызывали ее отца. Сначала он повел себя как вельможа: Зачем беспокоите по пустякам! А затем стал работать в Комитете содействия школе (Комсод), читал детям лекции, проводил беседы». Не знаю, стоит ли удивляться участию

видного деятеля международного рабочего движения, блестящего публициста, бывшего члена ЦК ВКП(б) Карла Радека в работе Комсода... Но вот уж дружбе двух девчонок удивляться не надо вообще, а в педагогическом институте и по-давно. И когда семья Радека оказалась в Томске, то девочки встретились и даже ходили друг к другу, благо дома были рядом. А однажды Соня Радек задержалась у Крупениной допоздна, и встревоженная мать, беспокоясь о дочери, зашла к Марии Васильевне. Допускаю, что какой-нибудь следователь НКВД с его воспаленным воображением мог увидеть здесь криминал, но ведь на собрании об этом говорил ученый-педагог, так сказать, воспитатель воспитателей!

Теперь уже нужно было немного, какой-нибудь небольшой толчок. И в партком поступило несколько заявлений. Автор одного из них (я его знал, он потом спился и вечно клячил трёшки у сотрудников института и просто знакомых) обвинял коммуниста Крупенину в потере бдительности. Он сам слышал, как она рассказывала своему мужу, беспартийному профессору Бернштейну, о ходе недавнего закрытого партийного собрания. И ведь никому в голову не пришло, что разбирать-то надо не нарушение дисциплины Крупениной, а моральный облик заявителя, подслушавшего – по-соседски, – о чем разговаривают супруги. Во все времена и во всех странах такой поступок считался гнусным. Второе заявление было написано комсомольцем С. Я отлично помню его, разумеется, уже не комсомольца, и не студента, а члена КПСС и заведующего кафедрой в одном из вузов нашего города. Требовательный и очень правильный товарищ. Кое-кто еще помнит его разгромную статью против авторов вышедшей у нас философской книги. Статью он дополнил и доносом против одного из авторов в соответствующие органы. Но время уже было иное. Автор стал членом-корреспондентом АН СССР, а бывший заявитель... Нет, с ним ничего не случилось, он так и продолжал до выхода на пенсию учить студентов уму-разуму, правда, своевременно покинув ряды партии, историю которой долгие годы преподавал. Так вот, С. откуда-то узнал о «наличии дружественных отношений между старшей дочерью Крупениной

и сестрой Тухачевского». А Тухачевский, как известно, враг народа, значит...

Появился и еще один документ, из которого стало известно, что Мария Орахелашвили, начальник Управления высшей школы Наркомпроса РСФСР, арестована как враг народа. А командировала Крупенину в Томск именно Орахелашвили, значит, дело не в укреплении кафедры, а в создании вражеской сети от Москвы до Сибири. Боюсь, что кое в чем выступавшие были не столь уж далеки от истины. В Москве понимали, что после известных постановлений о школе положение Крупениной стало сложным. Не уехать ли от греха подальше? В Томске – прекрасная библиотека, университет, профессура, есть возможность серьезной научной работы, есть возможность переждать лихое время. Думаю, что примерно так рассуждали друзья Крупениной, наивно полагавшие, что таким образом сумеют ее спасти.

Мария Васильевна на этом – последнем для нее – партийном собрании 12 сентября 1937 года мужественно защищалась, категорически отвергая нелепые обвинения. Собрание постановило исключить Крупенину из рядов ВКП(б) за связь с врагами народа Радеком и Орахелашвили. Парткому было поручено составить план срочных мероприятий по ликвидации вредительства в институте.

В соответствии с этим планом профессор М.В. Крупенина от занимаемой должности с 11 октября 1937 года была освобождена, ее учебные поручения передавались двум доцентам кафедры педагогики. Оба они горячо выступали на собраниях, обоим мне довелось знать...

Что было делать опальному профессору? Вернулась в Москву, стала завучем школы № 606.

Остается процитировать справку, присланную автору из Центрального архива КГБ СССР:

«Крупенина Мария Васильевна 22 апреля 1938 года арестована по обвинению в активном участии в контрреволюционной правотроцкистской организации, существовавшей в Наркомпросе, и проведении в жизнь антисоветской теории отмирания школы. 28 сентября 1938 года военная коллегия Верховного Суда СССР по необоснованному обвине-

нию осудила Крупенину М.В. к 10 годам тюремного заключения. В 1949 году по окончании отбытия срока наказания Крупенина М.В. была направлена на поселение в Казахстан. По имеющимся в архивном следственном деле сведениям, 18 декабря 1950 года Крупенина М.В. умерла в городской больнице г. Петропавловска. Определением военной коллегии Верховного Суда СССР от 24 декабря 1955 года она реабилитирована».

Конечно, судьба ее была predetermined еще до поездки в Томск. Таких людей, образованных, неудобных в общении, умных, самостоятельных, принципиальных, преданных делу, а не сиюминутной выгоде, никакая власть не принимает. В те годы таких ждал ГУЛАГ, ждал, независимо от решений партийных собраний и комитетов, да и сами комитеты были едва ли не в услужении НКВД. Сегодня их стараются просто оттолкнуть, не пропустить, не заметить. Но и тогда, и сегодня за людские трагедии отвечают не только власти, карательные органы и силовые структуры, но и многие «простые» люди, иногда – равнодушные, иногда – озлобленные, а иногда просто подлые.

* * *

Может быть, следующие абзацы покажутся читателям неуместными, нескромными. Может быть... Но...

В конце прошлого века между несколькими профессорами Томского педагогического университета завязался спор об одной из страниц истории педагогического образования в Сибири. Суть дела такова. 26 сентября 1902 года в Томске был открыт Учительский институт, просуществовавший до 1920 года. Этим было положено начало специального педагогического (пока ещё не высшего!) образования в Сибири. Попытки в той или иной форме продолжить дело, начатое ТУИ, завершились 28 сентября 1930 года открытием в составе Государственного университета педагогического факультета, 15 августа 1931 года преобразованного в Томский индустриально-педагогический институт. 26 июня 1995 года вуз получил статус университета.

В 1961 году ТГПИ отметил своё тридцатилетие, а 23 октября 1968 года получил почетное звание «имени Ленинского комсомола» (ныне комсомолу исполняется век, интересно, вспомнят ли в вузе своё старое имя?). В 1981 году мы были награждены орденом «Знак почета». Любопытно, что педвуз сегодня нигде не упоминает этой своей советской награды. А вот ни ТГУ, ни ТПУ со своих фасадов изображения советских орденов не сняли и от них не отказываются, видимо, гордятся старыми заслугами.

Но спор не об этом. Что нам отмечать в начале XXI века? 100 лет педагогическому образованию в Сибири, начатому учительским институтом и продолженному педагогическим университетом? Или 100 лет самому университету? Ему тоже немало, в начале нового века – 70, но до столетия все же далековато! Видный историк профессор Н.И. Боженко считал бестактностью по отношению к «alma mater» фактическое изъятие 1931 года из истории ТГПУ, я с ним согласен, тоже считая, что прибавлять себе тридцать лет как-то не очень скромно. Конечно, прав будет тот, кто скажет: «Вам, ребята, что, заняться больше нечем?» Но СТО звучит, могут появиться и награды, и слава, а семьдесят – так, несолидно. Вспоминая те споры, бестактность с обеих сторон, ненужные обиды и т.д., чувствую себя очень неудобно.

Развязка? Меня «подловили» на одном, действительно, неудачном выступлении, и 4 апреля 2003 года Совет университета обсудил на своем собрании моё недостойное поведение, осудил его, лишил меня звания почетного профессора, предложил ректорату не возобновлять договор о моей дальнейшей работе. Ректорату было поручено изучить возможность привлечения меня к суду и отзыву из числа депутатов Думы. Я не стал дожидаться этих акций и подал заявление об уходе из вуза, которому служил полвека. Общественность была возмущена, в газетах напечатали многочисленные выступления официальных лиц, моих учеников, просто неравнодушных людей. А из вузов города пришли лестные предложения о работе, и я стал профессором ТУСУРа. Кстати, ныне – ветераном этого замечательного вуза, и каждый год симпатичные юноши и девушки, его студенты, по

поручению руководства вуза приходят ко мне накануне Дня Победы с поздравлениями и подарками. Не забывают обо мне и руководители наших вузов и других организаций и учреждений, кроме того, для которого я *persona non grata*.

Но при чем тут судьба Крупениной?

Её судьбу в ТГПИ, да и вообще в жизни, в значительной степени определила обстановка того времени. На последнем в Томске собрании профессора беспощадно били её сотрудники, её ученики, её бывшие друзья – полупсихоз, в котором находились многие, а не кто-то один, где-то там, наверху. Такая была обстановка в стране. В наше время всё иначе. Но подогреть, озлобить «массы», натравить их на кого-нибудь – пожалуйста.

Да, одно уточнение. Судьбу Марии Васильевны обсуждали в её присутствии. Со мной обошлись проще и спокойнее – на Совет меня не пригласили. Это вам не 37-й год!

«НАСТОЯЩИЙ!»

Борис Владимирович Казачков

Люблю вышедший к сорокалетию ВЛКСМ фильм «Добровольцы», поставленный по роману в стихах Евгения Долматовского. Наверное, многие помнят этот фильм и даже напевают и лирическую «А годы летят, наши годы как птицы летят...», и боевую «Комсомольцы, добровольцы...». Надеюсь, помнят и великолепных артистов – Элину Быстрицкую, Михаила Ульянова, Леонида Быкова, Людмилу Крылову, Петра Щербакова. Деталь – прототипом его Славки Уфимцева послужил Григорий Сергеевич Венгерский, летчик-истребитель, погибший 18 июля 1938 года в воздушном бою в небе Испании, метростроевец, курсант аэроклуба, студент рабфака МАИ. Герои фильма – комсомольцы из тех, кто пришел на строительство первой очереди московского метрополитена, кто был объединен романтикой подвига, стремлением быть всегда на самом трудном и опасном участке. Кстати, метростроевцем был и сам Долматовский.

* * *

Хороший, добрый фильм, образец того лучшего, что держал в себе социалистический реализм! Но у меня он всегда вызывает особые воспоминания.

Первое, главное. 7 ноября 1941 года Юрий Левитан прочитал по радио доклад, с которым на торжественном заседании Моссовета выступил И.В. Сталин. Вдумайтесь, что тогда означал для нас этот доклад-программа борьбы с фашизмом. Немцы в 30 километрах от Кремля. А Сталин – в Москве! И годовщину Октября страна, как всегда, отмечает торжественным заседанием! Мало того, 7 ноября на Красной площади парад, его принял маршал Буденный, а с речью выступил сам Верховный. «Смерть немецким оккупантам! Под знаменем Ленина – вперёд к победе!»

Лишь много позднее я, как и другие наши граждане, узнал, что заседание Моссовета проходило не в Большом театре, а на станции метро «Маяковская». А на станции «Кировская» поезда не останавливались. Перрон отгородили от путей высокой фанерной стеной, за ней – узел связи, рядом – кабинет Сталина и место начальника Генерального штаба, посередине перрона столики, за ними – сотрудники ГШ. Ох, не зря потрудились комсомольцы-добровольцы, не зря 15 мая 1935 года была открыта первая линия московского метро!

И второе.

Сразу же после Пленума ЦК ВКП(б), принявшего в июне 1931 года постановление о строительстве метрополитена, московская организация ВЛКСМ послала на стройку десять тысяч добровольцев. На должность землекопа-проходчика приняли приехавшего из Малоярославца шестнадцатилетнего Бориса Казачкова. То, что мальчик из добропорядочной еврейской семьи пошел в землекопы, объяснялось прозаически – для учебы в вузе был нужен трудовой стаж. На «Метрострое» Борис вступил в комсомол, оттуда вместе со многими сверстниками пошел на рабфак, получив вместе с путевкой на учебу еще и ответственное комсомольское поручение – помогать товарищам. У простых ребят из Подмосковья, да и всей страны подготовка была очень скромной, особенно по математике.

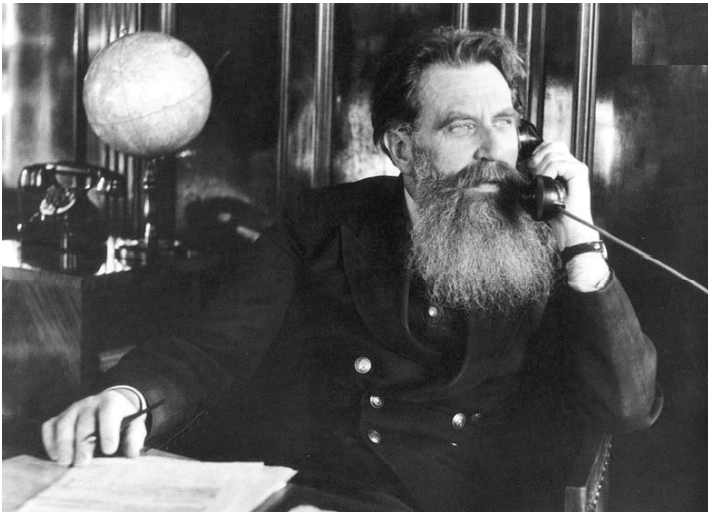
Рабфаки в те годы были созданы на основе декрета Совнаркома РСФСР, поставившего задачу «широкого вовлечения пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы» – стране была необходима новая интеллигенция. Условия обучения на рабфаках были по тому времени весьма удовлетворительными, достаточно сказать, что на дневных отделениях все обучающиеся получали стипендию и имели рабочие продовольственные карточки.

Рабфак «Метростроя» был одним из лучших рабфаков страны. И не только по организации учебного процесса, квалификации преподавательского состава и основательности обеспечиваемой подготовки, но и по бурному ритму общественной жизни, по стремлению рабфаковцев увидеть и

узнать все, что могла им дать тогдашняя Москва. Из барачков на Извозной улице метростроевцы бегали в театры и на концерты, на лекции и диспуты.

* * *

Были они и в актовом зале старого здания МГУ на Моховой на встрече с Отто Юльевичем Шмидтом, рассказывавшем об эпопее «Челюскина».

О.Ю. Шмидт

Герой Советского Союза академик О.Ю. Шмидт (1891–1956) широкой публике более всего известен как выдающийся исследователь Арктики, начальник Главсевморпути в 1932–1939 годах. В 1933 году он возглавил экспедицию, которая на пароходе «Челюскин» попыталась пройти Великий Северный морской путь за одну навигацию. В 1932 году такая попытка на ледокольном пароходе «Сибиряков» Шмидту удалась, но вторая экспедиция закончилась катастрофой. 13 февраля 1934 года «Челюскин», раздавленный льдами Чукотского моря, затонул. Участники экспедиции высадились на лед.

Вся страна с тревогой и надеждой следила за их судьбой, за ходом их эвакуации по воздуху. 13 апреля эпопея закончилась, 16 апреля в СССР было учреждено звание Героя Советского Союза. Первыми его были удостоены – за гражданский, а не за военный подвиг! – летчики Анатолий Ляпидевский, Сигизмунд Леваневский, Маврикий Слепнев, Василий Молоков, Николай Каманин, Михаил Водопьянов, Иван Доронин. Популярность участников экспедиции и их спасителей была тогда не меньше популярности первых космонавтов. А смысл этой эпопеи и значение Севморпути стали по-настоящему ясны в годы Великой Отечественной.

* * *

Но мало кто знал, что главным делом академика Шмидта была работа в одной из наиболее абстрактных областей современной алгебры – теории групп, в которой он существенно дополнил и расширил достижения своего учителя, создателя первой крупной русской алгебраической школы Дмитрия Александровича Граве¹ (1863–1939). Рабфаковец Казачков слушал Шмидта именно как знаменитого полярника, никак не представляя себе ни той роли, которую академик Шмидт сыграет в его судьбе, ни, тем более, того, что он, Казачков, станет алгебраистом и будет работать именно в той части теории групп, которая успешно развивалась О.Ю. Шмидтом.

А всего через пятнадцать лет Шмидт представил в «Доклады Академии наук СССР» первые работы начинающего алгебраиста, именно он написал отзыв на его диссертацию,

¹ Личная деталь. В зачетной книжке моей мамы, слушательницы 1-го курса математического отделения Киевских высших женских курсов, есть строчка, написанная профессором Граве – в январе 1918 г. он принимал у первокурсниц зачет по математическому анализу. А в феврале немцы по приглашению Украинской Центральной рады заняли Киев, тогдашние руководители Украины, боясь большевиков, были готовы пригласить к себе кого угодно. Маме пришлось бросить учебу и бежать из Киева. О событиях этих дней в Киеве М. Булгаков написал пьесу «Дни Турбиных», хорошо известную по блестящей экранизации 1976 г.

заканчивающийся словами: «Работу Б.В. Казачкова я считаю очень хорошей и более чем удовлетворяющей диссертационным требованиям».

Здесь не место для анализа научного творчества Б.В. Казачкова, отмечу лишь, что, продолжая труды своего непосредственного научного руководителя С.А. Чунихина, профессора Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта, Б.В. Казачкову удалось получить довольно сильные результаты, в том числе и непосредственно связанные с исследованиями О.Ю. Шмидта и руководимого им научного семинара по теории групп, работавшего в Москве с 1930 года.

Но все это случилось потом, а сначала было немало другого. Годы учебы в Томском государственном университете, жизнь в только что построенной, единственной тогда в городе пятиэтажке по улице Никитина, 4, удивительная 18-я группа физмата, о которой стоило бы написать особо.

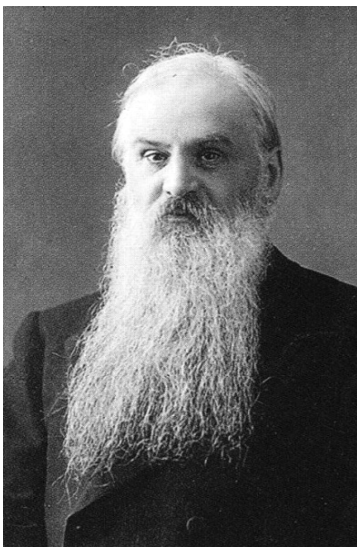
Один из тогдашних студентов этой группы, позднее – глава томской геометрической школы, заведующий кафедрой геометрии ТГУ, профессор Роман Николаевич Шербаков (1918–1987) вспоминал, что самыми блестящими способностями на курсе обладал именно Борис. Но с точки зрения ректората и деканата он был далеко не лучшим студентом. Занятый важными «прочими» делами, частенько пропускал лекции, не вовремя сдавал зачеты и экзамены. И все же, когда дело доходило до сдачи «хвостов» (злые языки утверждают, что он мог в один день сдать астрономическое их количество), зачетная книжка неизменно украшалась высшими баллами.

Правда, были лекции, пропускать которые он не позволял себе никогда, так как иначе они вообще не могли бы состояться – лекции патриарха сибирской математики Ф.Э. Молина.

Федор Эдуардович Молин (1861–1941) – один из крупнейших советских математиков, с момента открытия в 1900 году Томского технологического института стал его профессором, преподавал на Высших женских курсах, а с момента открытия физмата ТГУ стал его профессором. Был

одним из инициаторов создания в ТГУ педагогического факультета, а затем и самостоятельного педагогического института. Именно Федор Эдуардович создал кафедру математики в пединституте, состоял в нем профессором.

В течение сорока лет Ф.Э. Молин был наиболее высококвалифицированным математиком в Томске, создателем ряда научных направлений, из которых в конечном итоге выросли многие математические школы нашего города. Научные работы Ф.Э. Молина посвящены теории гиперкомплексных чисел, теории эллиптических функций, теории групп. В теории ассоциативных алгебр конечного ранга ему принадлежит теорема, носящая его имя.

Ф.Э. Молин

К тому времени, когда студенты 18-й группы стали слушать лекции Федора Эдуардовича, ему было уже без малого восемьдесят лет. Его привозили в университет на извозчике, приводили в одну из аудиторий первого этажа – выше он уже не мог подниматься, – и лекция начиналась. Тихим голосом, очень неразборчиво, сидя, старик говорил что-то, а студент Казачков становился у доски, громко и отчетливо повторял сказанное, делая необходимые записи.

Много лет спустя, когда я, будучи студентом-заочником, впервые слушал лекции доцента Казачкова, я более всего был удивлен, – да что там удивлен – я просто завидовал какому-то отточенному до степени искусства мастерству использования доски, которым он владел и которому у него учились сотни ныне работающих его учеников, учителей математики и физики. Не с тех ли «практических занятий» по вузовской дидактике у него этот навык?

* * *

Если эти заметки увидят мои коллеги, современные учителя математики, то пусть задумаются над примером диалектико-дидактического характера. Ныне у вас почти нет необходимости такого мастерства – искусство владения мелом и доской часто заменяется современными пособиями, готовыми чертежами, эффектными слайдами и т.д. Замечательно, да? Но когда Борис Владимирович на наших глазах создавал рисунок, иллюстрирующий ход мыслей Пьера Ферма при открытии им начал дифференциального исчисления, именно само действие, сам процесс делали понятным то, что в учебнике математического анализа казалось нам, первокурсникам, понятным далеко не сразу. А тут – постукивание мела, последняя точка, живая улыбка, радость открытия!

* * *

Так вот, когда я рассказал о моем предположении об истоках мастерства Б.В. Казачкова В.С. Федоровой, заведовавшей кафедрой математики в нашем институте, тоже когда-то студентке 18-й группы, Вера Сергеевна не согласилась со мной и рассказала еще об одной детали биографии сокурсника. Материально студент Казачков очень нуждался, летом обязательно где-нибудь подрабатывал, а на последнем курсе, увидев объявление о том, что Томскому артиллерийскому училищу нужен преподаватель математики, решил устроиться в нем. Юноша без диплома, отнюдь не впечатляющей комплекции, в рваных валенках, не произвел выгодного впечатления на начальника учебного отдела, но ему все же разрешили провести пробное занятие. Манера поведения юного педагога, умение сделать удивительно отчетливыми самые сложные доказательства, довести до сознания обучаемых достаточно тонкие понятия, восхитили работников ТАУ, и судьба Бориса Владимировича была решена. «Так что тут дело не в какой-то практике или опыте, а во врожденном таланте, что ли, – говорила Вера Сергеевна, – да еще труд огромный. Вы и сами знаете, сколько он работает над каждой лекцией, а это у него с первых дней!»

Именно они, Б. Казачков и В. Федорова, «переманили» меня из девятой школы в педагогический институт, в котором я прослужил почти полвека.

*Кафедра алгебры и геометрии ТГПИ (1980 г.).
Сидят: А.Ф. Пичурин, Г.П. Юровская, Б.В. Казачков.
Стоят: М.С. Бухтяк, А.Ю. Бобков, Э.Г. Гельфман,
Н.Д. Казанчев, Т.А. Сазанова, Г.Е. Шутеев, Г.А. Новикова,
В.И. Слободской, А.И. Купцов, Л.Б. Хаят*

* * *

Была и еще одна причина, которая и помогала, и мешала студенту физмата Казачкову, – страстная увлеченность театром. Когда в самодеятельном театре университета поставили пьесу Льва Славина «Интервенция», наибольший успех разделили два Бори – студент рабфака Горбатов, исполнивший роль старика-аптекаря, и студент физмата Казачков, сыгравший роль французского моряка Селестена. Это было еще на первом курсе, за четыре года до войны.

В середине семидесятых годов артист Малого театра, лауреат Государственной премии, народный артист РСФСР Борис Горбатов вместе с доцентом ТГПИ Борисом Казачковым «тряхнули стариной» в отрывке из другого студенческого спектакля, первый в роли царя Бориса, второй – Шуйского. Отрывок передали по томскому телевидению. Дело прошлое, их обоих уже нет, но студенты считали, что «наш Борис Владимыч ничем не хуже Горбатова».

Вообще-то я зря написал «тряхнули стариной». Борис Федорович никогда не изменял своему призванию – закончил рабфак, поступил в театральный институт и всю жизнь служил в театре. А Борис Владимирович до последних лет жизни выступал на сцене народного драматического театра при Доме ученых. Думаю, что и в становлении Казачкова-педагога немалую роль сыграл Казачков-артист.

И тут я обязан сделать отступление.

* * *

Кто в Томске не знает Дома ученых! Это красивое здание построено в 1887–1891 годы, чтобы стать резиденцией губернатора, а стало в годы революции центром советской власти. Будущий император Николай II оказался первым его жильцом, проведя здесь два дня в июле 1891 года. Кстати, в тексте мемориальной доски, установленной здесь в декабре 2011 года, содержится ошибка – цесаревич не совершал кругосветного путешествия, он возвращался из Японии после поездки вокруг Азии. Сегодня стоит задуматься над тем, что Н.А. Романов отказался от предложения отца, Александра III, объехать именно вокруг света, считая, что для будущей России важны не столько Северо-Американские Соединенные штаты, сколько Восток, Азия. Впрочем, я пишу сейчас не о судьбе самодержца и высокой политике, а о том, что в этом доме, в 1927 году ставшем Домом ученых, служили – не хочу писать казенное «работали», именно служили Томску и его гражданам – друзья Бориса Владимировича Н.С. Пойзнер и О.П. Боярская, люди, чья деятельность убеждает: лицо города – не камни и деревья, а люди.

Не знаю, кто в 1947 году решил назначить директором Дома ученых Н. Пойзнера, инженера-механика, преподавателя ТЭМИИТа, но это было прекрасное решение. Почти забытые у нас удивительные доброжелательность, утонченная приветливость, бескорыстность, какая-то притягательная сила этого необыкновенного человека оказались именно тем, что было нужно Томску. Дом ученых для многих из нас стал своим домом, здесь появилось что-то домашнее, не очень свойственное тому аскетическому времени. Сюда можно было просто зайти, чтобы пообщаться и обменяться новостями с друзьями. Здесь можно было увидеть тех, перед кем мы благоговели – академиков В.Д. Кузнецова и А.Г. Савиных, других тогдашних профессоров. Их было не очень много, но уровень этих богов казался нам совершенно недостижимым. Здесь работали детские кружки – подобных по уровню в городе не было. Именно здесь расцвел знаменитый когда-то МИП. Здесь была музыкальная школа и клуб классической гитары. Здесь работал киноклуб СФТИ. Здесь проводились концерты. Здесь проходили персональные выставки томских художников. Здесь будущий ректор СГМУ В.В. Новицкий организовал КОМУ (Клуб отдыха молодых ученых). Здесь в феврале 1986 года состоялся вечер памяти нашей выдающейся землячки Галины Николаевой, в нем участвовала Маргарита Алигер, Зоя Богуславская, Максим Сагалович (муж Галины Евгеньевны). Здесь проходили научные конференции и вечера отдыха. Здесь... да всего не перечислишь, и за это особенное томское университетское «всё» надо благодарить Николая Сигизмундовича и, конечно, его бессменную заместительницу Ольгу Павловну Боярскую.

С Ольгой Павловной, солисткой Томской филармонии, выпускницей Томского музыкального училища, связано еще одно томское чудо – Народный драматический театр. Деталей не знаю, но возникновением своим он обязан еще одному другу Б. Казачкова, дорогому для меня человеку, кинемеханику Дома ученых, позднее известному кинооператору томского телевидения, заслуженному деятелю искусств Виктору Александровичу Шварцкопфу.

Мы, особенно студенты ФМФ ТГПИ, не просто любили – мы обожали этот театр. Ещё бы! Там же играл наш декан Б.В. Казачков и члены его семьи!

* * *

...Борис Владимирович как-то говорил мне, что после армии он немало колебался. Руководство Томского драматического театра предлагало ему место в труппе, руководство пединститута, и прежде всего В.С. Федорова, занимавшая пост декана, – место преподавателя. Проза жизни, но артистам тогда платили гроши, вузовские же педагоги были более или менее обеспеченными людьми. Театр потерял тогда немало, а пединститут многое выиграл – Казачков выбрал вуз.

* * *

В семидесятые годы на экраны страны вышел фильм «Блокада» по роману Александра Чаковского. Студенты тогда много говорили о Великой Отечественной войне, об обороне Москвы и Ленинграда, о советских офицерах, об исполнении роли одного из них Борисом Горбатовым, нашим знакомым. И почти никто из них не знал, что капитан Казачков начал службу в РККА 23 июня 1941 года, на второй день войны. Он не любил, когда говорили о его в ней участии, никогда не пользовался полагавшимися ему льготами, не числил за собой героизма.

Летом 1941 года, когда молодые солдаты, призванные Томским горвоенкоматом, прибыли в Москву, многих из тех, кто имел высшее физико-математическое образование, направили не на фронт, а в высшие военно-учебные заведения. Триста математиков и физиков оказались в Лефортово, оставляя казармы и учебные классы высшей школы противовоздушной обороны только для строительства укреплений. В мае 1942 года лейтенанта Казачкова направили в зенитно-артиллерийский полк.

Кто-то может сказать – ну, это не передовая. Да, но это всего-навсего бессонные ночи, это непрерывные тревоги, это безопасность столицы – мозга и арсенала войны, это

сотни и тысячи москвичей, спасенных от бомбежек никому не известными и никем не прославленными зенитчиками Особой Московской армии ПВО, это пожилые солдаты у пушек и совсем юные девчата-добровольцы у приборов управления огнем.

Где-то в архиве лежит рапорт комбата Казачкова, поданный в августе сорок второго с просьбой направить его на Сталинградский фронт. Недавно вступивший в ВКП(б) офицер считал, что его место там. Командование рассудило иначе. Кстати, очень немногие знают сегодня о приказе Верховного, отданном, когда минул самый катастрофический период войны. По этому приказу лица, имевшие университетское физико-математическое или химическое образование, отзывались с передовой. Так, будущий профессор Р.Н. Щербаков после излечения от полученных под Ржевом ран не был возвращен на фронт, а продолжил службу в Челябинском танковом училище, будущий доцент Б.В. Казачков до конца войны с Германией командовал батареей под Москвой, а не в боевых порядках наступающих советских войск. Можно привести и более известные примеры.

Да, это не штыковые атаки и не с бутылкой КС против танка, и вообще не против «тигров» и «пантер». Но вот строчки из официального документа: «За время службы в Красной Армии в период Великой Отечественной войны против фашистской Германии на западе и империалистической Японии на востоке проявил себя энергичным, инициативным, хорошо знающим свое дело офицером. Умело готовил свои подразделения к выполнению боевых задач. В последний период выполнял специальные задания командующего армией по теоретическим расчетам стрельбы зенитной артиллерии».

* * *

В сентябре 1946 года в трудовой книжке демобилизованного офицера появилась первая послевоенная запись, и, если не считать дополнительных записей о должностях, благодарностях и наградах, она оказалась единственной – Томский педагогический институт.

Скептик может сказать: «И всего-то пединститут! Работал бы в солидном университете или НИИ, защитил бы докторскую, имел бы всесоюзное имя. Ведь и способности великолепные, и связи в научных кругах прочные, и трудолюбие колоссальное. А так – простой доцент обычного вуза... Разбрасывался, рассеивался..., нет, тут что-то не совсем ладно...»

Спорить со скептиками – дело бесполезное, тут ведь работают не аргументы, а убеждения. Но два аргумента все же приведу.

Уникальные достижения СССР в деле образования в значительной степени были обеспечены созданием столь же уникальной системы педагогического образования. Так называемые «цивилизованные» страны проблему ликвидации неграмотности как социального явления решали в течение двух веков. В СССР она была решена стремительно. Без вузов специального типа, без пединститутов, готовя педагогов только в университетах классического типа, эти достижения были бы невозможны. Педагогические институты порождены советской властью, видимо, иного способа решения проблемы не существовало. И в СССР появилось две сотни вузов, далеко не самых престижных, часто имеющих всего несколько доцентов и даже не мечтавших о профессорах, о большой науке и т.д. Этого требовала жизнь, эта работа была подвигом, которым мы можем гордиться. Ведь суть проста – стране нужны учителя, готовить их – дело благороднейшее.

Да, скажем честно, как бы их, эти вузы, не называть, они – все сразу! – не могут стать перворазрядными, даже если их переименовать в университеты. Но из этого не следует, что в них работают второразрядные люди. Нет, мне выпало счастье работать со скромнейшими и одновременно выдающимися педагогами-воспитателями, каких в солидных университетах не так уж много. Университетский педагог – это, прежде всего, ученый, проблемы науки для него на первом месте. Шутники говорят, что в университете работать очень интересно, было бы совсем замечательно, если бы студенты не мешали. В педагогическом вузе студенты не

мешают, их учат люди, видящие в своем труде настоящее дело. Нет, не все, но я знал многих. В том числе – Бориса Владимировича Казачкова.

* * *

Он и из жизни ушел именно как преподаватель – прочитал в 253-й аудитории очередную лекцию, пришел домой, сел в кресло, чтобы немного отдохнуть... Сердце остановилось...

А в трудовой книжке – ассистент, старший преподаватель, доцент, декан факультета. Долгие годы считалось, что слова «декан физмата» и «Борис Владимирович» суть синонимы и без декана Казачкова факультет существовать не может. Вскоре стало казаться с той же определенностью, что без проректора Казачкова в институте остановится вся учебная работа.

В чем секрет? У Бориса Владимировича неизменно сохранялось его отношение к делу, будь то многохлопотные заботы проректора или «простого» доцента, члена обкома профсоюза или заместителя секретаря партбюро факультета. Это то самое, что требуется от каждого из нас, – эрудиция, ответственность, уважение к людям. И было у него еще одно качество, пожалуй, самое характерное и самое ценное.

Он был намного старше своих учеников, но тем не менее обладал таким оптимизмом, непосредственностью и остроумием, что студенты видели в нем не просто педагога и руководителя, а близкого им по духу человека, у которого можно учиться не только алгебре и математическому анализу, но и самой жизни.

Как-то я неосторожно спросил наших выпускников: «Как вы относитесь к Борису Владимировичу? Какой он, на ваш взгляд?» Они посмотрели на меня так, как я иногда смотрел на некоторых из них на экзаменах...

– Какой? Настоящий!

ГОРДОСТЬ ОБЩЕСТВА

Татьяна Даниловна Янович

Писать о члене своей семьи мне до сих пор не приходилось. Да и сейчас я ощущаю некоторую неловкость. Но есть причины, позволяющие не обращать на неё внимания.

...Модная ныне тема – интеллигенция. Говорят, что у нас она, золотой фонд нации, имелась лишь до 1917 года. Большевики этот фонд вывезли на пароходе, сгноили в ГУЛАГе, обозвали нехорошим словом и ничего взамен не вырастили и не воспитали. Эта позиция не просто ошибочна, она еще оскорбительна по отношению и к нашей истории, и к нашей интеллигенции, созданной советской властью и неплохо ей служившей. Жизнь профессора Татьяны Даниловны Янович – яркое подтверждение сказанному.

* * *

...Сколь неожиданно близкой от каждого из нас оказывается наша история! Скажем, крепостное право. Это же когда было? Но вот пример в духе А. Герцена и Н. Лескова. Тамбовский помещик Степан Барков полюбил свою крепостную, необыкновенную красавицу. Спустя несколько счастливых лет она умерла, родив своему барину сына Александра. Мальчик лет до пяти воспитывался у отца, но когда Барков женился на «ровне», Сашу отдали его родным, крепостным крестьянам. После реформы 1861 года Александру дали фамилию «Барковский». Это был дед Татьяны Даниловны, значит, моя жена всего лишь тремя поколениями отделена от феодализма! Правда, и мой прадед по отцовской линии был собственностью его сиятельства графа Строганова. Вот такие «родословные древа»!

В шестидесятых годах Барковские переселились в Область Войска Донского. Там, на хуторе Заполянка, в 1883 году появился на свет Даниил Александрович, наш «деда Доня».

В 1902 году он женился на Анне Вербенко, сироте, служившей кухаркой в доме местного помещика Жеребцова. В Заполянке в 1905 году родилась Татьяна, их третья дочь, ставшая вскоре старшей, – две девочки скончались в грудном возрасте. В 1910 году семья переехала в станицу Березовскую, где Таня пошла в первый класс трехклассной школы. Со всеми тремя классами занималась одна учительница. Семилетняя Таня, еще на хуторе научившаяся вполне прилично читать, стала ее постоянной помощницей. Думаю, что эта ранняя «педагогическая практика», как и очень раннее приобщение к грамоте, в дальнейшем сыграли в ее жизни немалую роль.

Трехлетнюю школу Таня Барковская закончила с отличием в год начала империалистической войны. Что было дальше, читайте у М. Шолохова. За храбрость, проявленную в Брусиловском прорыве, вахмистр одного из казачьих полков Д.А. Барковский заслужил Георгиевский крест. В Гражданскую войну стал большевистским комиссаром, а затем всю жизнь – руки у него были золотые, трудолюбие необычайное – строил жилые дома, мосты, одну из первых электростанций плана ГОЭЛРО Земо-Авчальскую ГЭС на Куре. Хорошо помню, с каким горьким чувством старый солдат, когда заговаривали о его однополчанах-эмигрантах, говорил: «Мы здесь страну строили, готовились её от немцев отстаивать, а они в Париже в такси союзничков возили...» Заслужил персональную пенсию, ушел из жизни на сотом году. А Анна Кузьминична восемьдесят с лишним лет была рядом с ним. Вспоминая этих людей, я думаю, что да, хорошего образования они не получили, но интеллигентными людьми были несомненно, если под словом интеллигентность понимать умение чувствовать чужую боль, как свою собственную, да еще и обладать удивительным чутьем родного русского языка. Пишу об этом не только из уважения к памяти этих замечательных людей, но еще и потому, что убежден – безупречное владение словом, вызывавшее восхищение всех, кто слушал лекции профессора Янович, связано не только с её редкостной начитанностью и эрудицией, но еще и унаследовано от матери, точно так же, как трудолюбие и уважение к любой работе, от отца.

* * *

Обстоятельства сложились так, что в течение нескольких лет после окончания трехлетней школы Тане не пришлось учиться. Но прекрасная библиотека Жеребцова оказалась практически в её полном распоряжении. В Ростове-на-Дону, куда она переехала в 1923 году, никаких затруднений в учебе ей не встретилось. Однако продолжить образование сразу после окончания девятилетки не удалось по вполне прозаической причине – материальное положение семьи обязывало ее работать.

Пять лет Таня Барковская работала на одной из старейших и лучших в России Донской табачной фабрике. Конечно, упаковка папирос – далеко не лучшее занятие для мыслящего человека, но Татьяна Даниловна всегда с теплотой вспоминала простых работниц фабрики и те далекие годы.

Государственная политика подготовки интеллигенции из рабочих и крестьян проявлялась тогда, в частности, в создании мощной сети рабфаков, курсов и т.д. При ДГТФ работала вечерняя школа повышенного типа, отсюда партийно-комсомольская организация направила в 1927 году свою активистку на медфак Донского университета (в комсомол она вступила еще в Березовской, в партию – в 1928 году уже в Ростове). Немалую роль в ее судьбе сыграла тогда встреча с «Всесоюзным старостой» – М.И. Калининым.

Её станок стоял в цехе с краю. «Михаил Иванович подошел ко мне и положил руку на плечо. От счастья у меня уши покраснели. Узнав, что я по партийной путевке учусь в мединституте, спросил: “Учебу не бросите?” – Я заверила, что нет». А дальше обстоятельства сложились так, что Таня чуть не нарушила обещания, – работать, учиться, да еще и воспитывать ребенка было слишком тяжело. Решила все-таки забрать документы из вуза, но в дирекции сказали: «Вам Калинин назначил стипендию, 180 рублей». Зарплата у врача тогда составляла 120 рублей. Татьяна ушла с фабрики, а фабрика сохранила для ее ребенка место в детском саду.

* * *

Далее путь, в общем-то обычный для той эпохи, обычный даже своей стремительностью. Сразу же после вуза – аспирантура... Одновременно заведование лабораторией в НИИ эпидемиологии и микробиологии ... Активная партийная, организаторская, научная работа... Защита кандидатской диссертации...

И даже то, что случилось в 1937 году, типично для эпохи. Директора НИИ профессора А.А. Миллера и его заместителей арестовали. На бюро райкома завлаб заступилась за репрессированных, за что получила строгий выговор и была снята с должности парторга института. Но через год нарком здравоохранения А.Ф. Третьяков предложил проштрафившейся сотруднице НИИ должность директора института, добавив, что вопрос согласован во всех инстанциях. Не знаю подробностей, но за внедрение полного хозяйственного расчета в производстве вакцин и сывороток (это еще в 1940 году, до всяких перестроек и прочих новаций!) Татьяна Даниловна была удостоена первой своей награды – звания отличника здравоохранения.

Т.Д. Янович

1 ноября 1941 года фашисты заняли Ростов-на-Дону. Татьяна Даниловна, отправив родителей и дочь в Березовскую – кто бы мог подумать, что через год и она окажется захваченной врагом! – приехала в Казань, где находился в эвакуации Народный комиссариат здравоохранения РСФСР. Она считала, что ее место на фронте. Но нарком в её просьбе отказал и направил в Томск, где в Институте вакцин и сывороток необходимо было срочно организовать массовое производство препаратов для фронта. В то

время наш Бактин оказался одним из немногочисленных предприятий, снабжавших действующую армию противостолбнячной и некоторыми другими сыворотками. 18 марта 1942 года Татьяна Даниловна была назначена директором института и занимала эту должность до октября 1953 года.

Томский Институт вакцин и сывороток

Не будучи медиком, не стану объяснять подробностей страшной болезни, называемой столбняком. Скажу только, что на фронте заражение раненых столбнячной палочкой нередко приводило к смертельному исходу, хотя сама рана (особенно колотая или нанесенная осколком) могла быть не смертельной. Сыворотка, вовремя введенная солдату, сохраняла ему жизнь. И миллионы (именно миллионы!) наших раненых остались живы и даже вернулись в строй благодаря самоотверженному труду сотрудников нашего НИИВС, от научного руководителя, будущего академика Сергея Петровича Карпова до рядовых лаборантов, кочегаров, конюхов.

* * *

Как директора я её, естественно, знал мало, но вот что рассказал мне один из ее учеников Михаил Михайлович Немирович-Данченко.

«Первое и самое главное впечатление от встречи с директором – обаятельная материнская улыбка и необыкновенно мягкий разговор. Татьяна Даниловна предложила мне место препаратора в лабораторию антибиотиков, которой сама и руководила.

Еще одно яркое впечатление, укрепившееся при дальнейших моих встречах и контактах других сотрудников с Татьяной Даниловной. Она никогда не обращалась с подчиненными в императиве. Любое, даже самое срочное и важное распоряжение, совет или указание она передавала спокойно, уважительно и с добавлением «пожалуйста». Касалось ли это очередного кадрового назначения, указания методического характера или совета коллеге, относилось ли это к сотрудникам нашего института, университета, мединститута или к заведующей складом Е.И. Музыкантской, руководителю стеклодувной мастерской В.И. Воробьеву, кучеру Егору Ивановичу Коршунову¹, – ко всем Татьяна Даниловна могла найти душевный подход, все чувствовали себя человеком при общении с ней. Главное, никогда не ощущалось какой-либо, даже неглубокой, искусственности в этом ее душевном к людям отношении! Значит, ее, этой искусственности, просто не было!

Я не припомню случая, чтобы Татьяна Даниловна вызывала меня в кабинет для очередных указаний по работе. Она всегда, при возникавшей у нее необходимости, сама приходила на место и оперативно и ненавязчиво решала вопрос. Возможно, до этого она с кем-то советовалась, но такие ее шаги не лежали на поверхности, не подчёркивались, оказывались уважительными для меня. Убеждён, что

¹ Услугами кучера директор пользовалась далеко не всегда. Казачья кровь сказывалась, и многие томичи еще помнят, как лихо профессор скакала верхом, когда надо было быстро попасть на институтскую заимку.

так же она относилась и к другим, более зрелым, сотрудникам.

Несомненно, первые микробиологические навыки и познания, первый опыт работы в слаженном коллективе института я получил и развил именно от Татьяны Даниловны.

...Позднее, после ее отъезда из Томска, она всегда в письмах не только сообщала о своих служебных и семейных делах и интересовалась моими продвижениями по службе, моими семейными радостями и трудностями, но и заботилась и о моем росте в научном плане, и о моей позиции как человека, как коммуниста, как члена общества, ответственного за всё происходящее в этом обществе (в 70-е и 80-е годы – было такое время! – каждый человек чувствовал себя членом общества).

В 1985 году Татьяна Даниловна в связи с моей задержкой по оформлению докторской диссертации пишет: “Здесь не об отсутствии времени следует говорить, а о лениности мозга, который у всех склонен к лениности, постоянному отдыху”. И затем далее: “...заставь себя поработать над анализом и синтезом всего накопленного материала, выработай рефлекс написания в один и тот же час дня, ежедневно и непременно на хорошей бумаге. Тогда все пойдет плавно”.

Характерная черта всех ее писем (даже теперь, когда она почти не видит текста, но пишет уверенно, совершенно грамотно и очень содержательно) – насыщенность фактическим материалом и большая заинтересованность в описываемом событии, независимо от понятийной принадлежности его».

В послевоенные годы в стране остро не хватало эпидемиологов. Татьяне Даниловне в 1947 году создала и семь лет заведовала кафедрой эпидемиологии и микробиологии Томского медицинского института.

* * *

...В Томском университете с 1936 по 1947 год работал выдающийся биолог Борис Петрович Токин, будущий лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда.

В 1928 году он обнаружил, что поврежденные растения убивают некоторые микроорганизмы, находящиеся от них

на расстоянии. Например, оказавшись около измельченного лука, хрена, хвойных деревьев, березы, смородины, лимона, некоторые бактерии погибают в первые минуты и даже секунды. Вообще-то народная медицина издавна знала и использовала в лекарственных целях и лук, и лимон, и многие другие растения, включая черемшу, но глубокого научного анализа действующих при этом веществ до Токина почти никто не делал. Токин назвал эти вещества фитонцидами (от греч. *phyton* – растение и лат. *caedere* – убивать). Многие томские ученые увлеклись идеями Бориса Петровича, обладавшего не только способностями исследователя, но и талантом организатора (не случайно он в течение почти полутора лет был ректором ТГУ). Среди них были и уже известные к тому времени профессора И.В. Торопцев, С.П. Карпов, В.В. Ревердатто, и большая группа сравнительно молодых ученых во главе с Татьяной Даниловной. Здесь не место подробно говорить о научных исследованиях, составивших суть ее докторской диссертации, но именно она обстоятельнейшим образом изучила фитонциды чеснока и ввела в медицинскую практику *сативин*, применяемый при лечении ряда болезней, в частности дизентерии. Тогда она основательно занялась и проблемой, увы, получившей в наши дни особо тревожное звучание, – проблемой эпидемиологии туберкулеза.

* * *

Предмет гордости профессора Янович – ее активное участие в работе созданного в нашем городе в первые же месяцы войны Комитета ученых. Председателем Комитета был Б.П. Токин, его заместителями – будущие академики В.Д. Кузнецов и А.Г. Савиных. Работа Комитета, надеюсь, станет предметом глубоких исследований, сейчас же отмечу, что тогдашний стиль и характер жизни города в значительной степени определялся обязательным участием руководителей учреждений и предприятий во властных и партийных структурах. Т.Д. Янович входила и в состав Кировского райкома и Томского обкома ВКП(б) – КПСС, и в Томский горсовет, и т.д.

Приходилось ей руководить Обществом эпидемиологов, микробиологов, инфекционистов и гигиенистов, руководить депутатской комиссией по здравоохранению и т.д., но это уж, так сказать, по должности.

* * *

Все гладко и ровно? Нет, далеко не так, всяких сложностей, неприятностей и даже драматических коллизий было немало. Вот одна из них.

Старшее поколение помнит о «борьбе с космополитизмом» конца сороковых – начала пятидесятих годов. Так вот, кто-то из бдительных товарищей почувствовал дурной запах в сомнительной фамилии профессора. Но, к чести томских руководителей, замечу, что разговорам на «еврейскую» тему в связи с фамилией профессора конец был положен немедленно.

Фамилия у Татьяны Даниловны – по мужу. Александр Юльевич – учитель физики. Фамилия его весьма старинная. Еще во времена Екатерины Второй сербский дворянин Янович поступил на русскую службу. Среди Яновичей, постепенно ставших Яновичами, были моряки, юристы, педагоги, поручик Янович служил вместе с поручиком Львом Толстым на Северном Кавказе, были Яновичи в родстве или свойстве с писателем Станюковичем, академиком Павловым и многими другими известными деятелями русской культуры. В Ростове и доньине стоит великолепное здание государственного банка, построенное в то время, когда его управляющим был один из представителей этой семьи.

Правда, чего-либо южно-славянского ни у Александра Юльевича, ни у его дочери Рогнеды, ни у его внучки Наташи я никогда не замечал. Но после событий 1999 года¹ именно у Натальи Львовны возник интерес к Сербии и Черногории, она уже десятки раз побывала там, подружилась с

¹ В течение 29 марта – 10 июня 1999 г. авиация НАТО совершила 35219 боевых вылетов и сбросила на территорию Сербии 23 тысячи бомб и ракет. Погибло более 1700 мирных жителей, в том числе 400 детей. Более десяти тысяч человек получили серьёзные ранения.

местными врачами (она, как и её бабушка, врач, работает в том же Ростовском-на-Дону Противочумном институте), педагогами, священнослужителями, журналистами, публикует в сербских и российских СМИ статьи о дружбе наших народов, о борьбе сербов за свободу и независимость, о русских сербах, о донских казаках, в разное время и по разным причинам осевших в Сербии, и даже стала членом редколлегии интернет-журнала «СРБски ФБРеporter». Что это? Зов предков, голос крови, наследственность или ещё что-то?

* * *

По приглашению Б.П. Токина Татьяна Даниловна в 1953 году переехала в Ленинград. Но через год Минздрав СССР предложил ей вернуться в Ростов-на-Дону на должность научного руководителя родного Института эпидемиологии и микробиологии и, одновременно, организовать в мединституте кафедру эпидемиологии. 17 лет Татьяна Даниловна руководила этой кафедрой, десять лет была деканом санитарно-гигиенического факультета. В 1967 году ее наградили орденом Ленина.

* * *

...Конечно, не могу я быть объективным, рассказывая о матери своей жены. Татьяна Даниловне, как и её отец, скончалась на сотом году жизни. Но если не считать основательно ослабевшего зрения, то все остальное – мысли, сознание, отношение к окружающим и окружающему оставались у неё не только молодыми, но и высоко интеллигентными, гуманными, демократичными. И, возвращаясь к началу этих заметок, вновь подчеркну – да, есть среди нас немало не слишком образованных, дурно воспитанных и бессердечных людей. Но мне повезло. Я знаю десятки и сотни настоящих интеллигентов из народа, людей, составляющих гордость общества. Одна из таких людей – Татьяна Даниловна Янович.

ФЕДОР И ВЕРУНЧИК

***Федор Дмитриевич
и Вера Давыдовна Пичурины***

А еще я хочу рассказать о тех, кто дал мне жизнь. Они, Федор Дмитриевич и любимая им Верунчик, были вместе всего четырнадцать лет. Мне нелегко это сделать, ибо до собственного тридцатилетия я не знал, что я – сирота, тема «папа» была в нашей семье почти закрытой, о многих своих родственниках я узнавал с большим опозданием. И все-таки...

* * *

В 1947 году состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР. Создавались разные комиссии, каждый из нас считал честью в них войти. Я был тогда комсоргом батареи, отличником боевой и политической подготовки, ребята меня уважали и куда-то избрали. Через час меня вызвал замполит дивизиона. «Расскажите вашу биографию»...

– Товарищи курсанты! Мы допустили политическую ошибку – избирательные органы должны состоять из абсолютно чистых людей, а курсант Пичурин – сын врага народа.

Поднялся шум. «Товарищ Сталин что говорит?», «Сын за отца не отвечает!», «Не будем переголосовывать!»

– Властью заместителя командира дивизиона ваше решение отменяю!

...Ребята избрали другого, очень хорошего парня, а я написал письмо. Я спрашивал, где мой отец, в чем его вина, жив ли он и в какой степени я отвечаю за него. Обращение было неуставным, я написал просто: «Дорогой Лаврентий Павлович!»

Через месяц меня вызвали в здание со знаменательной датой на фронте – 1937, тогда там находилось областное управление ведомства, руководимого дорогим А.П. Берия.

В вестибюле солдат взял у меня удостоверение личности и направил на третий этаж. У двери с маленьким окошечком сидели военный и овчарка.

Сунул повестку в окошечко.

– Ваш отец у нас не числится.

– Как не числится? Да я ведь не только об этом спрашивал! – окошечко захлопнулось, военный каким-то замогильным голосом прохрипел: «Тебе разве непонятно сказали – не числится», собака зарычала...

* * *

Что-то подобное повторилось в Сумском Краснознаменном артиллерийском училище им. М.В. Фрунзе. Утром, когда батарея строилась для следования в столовую, я услышал голос дневального:

– Старшего лейтенанта Пичурина к начальнику строевого отдела! – Дяя непосвященных: строевой отдел – армейский эквивалент отдела кадров. С его начальником никто из нас, младших офицеров, никогда дела не имел, никогда нас к нему и не вызывали.

– Как вы представляете свою дальнейшую службу?

– Хотел бы учиться в академии.

– Дело безнадежное, таких, как вы, в советские военные академии не принимают.

– Тогда буду проситься из училища в войска.

– Батареею вам, беспартийному, не дадут, а на взводе тоже вечно держать не будут.

– Товарищ капитан! Что вы от меня хотите?

– Подавайте рапорт об увольнении в запас по собственному желанию.

– Но я люблю службу, я хочу остаться в армии.

– Подавайте рапорт об увольнении.

– А если не подам?

– Уволим по несоответствию. Идите, тридцать минут вам на размышление.

...Ребята в дивизионе были возмущены. «Это самоуправство! Ты же хороший офицер! Это несправедливо, пиши немедленно Сталину!» Что меня остановило? Почему я со-

вершенно твердо ответил: «Нет, ничего я Сталину писать не буду». Почему? Этого я и сегодня объяснить не могу...

* * *

Конечно, отца я почти не помнил. Хотя уже потом, после февраля 1936 года, мне чуть ли не каждую ночь снилось, что рано утром он входит в детскую, высокий, в армейской гимнастерке, перетянутой широким ремнем, веселый, добрый и в то же время строгий. Не зажигая света, подходит к кровати, где спит Нина, целует ее, потом подходит ко мне, я притворяюсь, что сплю, а он шепчет: «Я тебе оставил щей и мяса, встанешь, поешь, мужику надо щи есть, а не манную кашу». Папа утром всегда ел щи, он почему-то называл их «суп от кашля», а иногда и жареное мясо, оставляя для меня несколько кусочков прямо на сковородке. Это был, кажется, единственный предмет расхождения во взглядах между ним и бабушкой. Бабушка, вдова земского врача, воспитанная в классических традициях, считала, что ребенка – то есть меня – надо кормить в строгом соответствии с требованиями науки, папа вежливо с ней соглашался, но, если предоставлялась возможность, делал все по-своему. Бабушку он очень уважал, более того, мама рассказывала, как они вдвоем с нею составили для папы длиннющий список произведений мировой литературы – папа не хотел в чем-либо быть слабее своих замов из «бывших», а образование у него было всего ничего. Впрочем, смутно помню, что к нему рано утром или поздно вечером приезжали домой учителя – это называлось факультетом индивидуального обучения, отец учился заочно в Промакадемии. Но мировую литературу штудировал сам и знал ее – память у него была необыкновенная – очень основательно...

Ещё помню папину шинель, из которой мама сшила некое одеяние, называвшееся у нас «манто» и сослужившее мне добрую службу до того времени, пока я надел настоящую шинель. Помню папин наган. Того, что он был именной, я, конечно, не помню, об этом мне рассказала мама много лет спустя. Но он был – папа несколько раз чистил его при мне и даже давал подержать. Не игрушечный пугач с бумажными

пистонами, а настоящий револьвер, в барабане которого поблескивали семь патронов! На меня, как и на любого мальчишку, разумеется, собиравшегося на бой с фашистами, наган производил вполне понятное впечатление. Куда этот наган делся – объяснять не надо. А вот куда делся чайник, третий составной элемент богатств «ответственного работника губернского масштаба», имевшихся у него, когда он встретил «Верунчика», – понятия не имею. Никогда больше не видел таких чайников – ярко-красный медный цилиндр со здоровенной медной ручкой. Папа любил чай вприкуску, умудряясь выпить несколько стаканов с микроскопическим кусочком сахара – тот у него почему-то не таял во рту...

Смутно помню, что у папы был длинный черный «линкольн», на нем он ездил на работу. А нас, детей, за все годы на этой машине прокатили один раз, в день какого-то праздника, да и то не папа, а его шофер, он объехал с нами вокруг квартала. Он еще угостил нас необыкновенно вкусными пирожками...

* * *

Почему мама ничего мне не рассказывала? Почему она никогда при мне не говорила о Сталине? Нет, не вообще, это понятно, но именно в разговорах со мной? Ведь были же у нее какие-то сомнения? Боялась? Кого и чего было бояться в ссылке? Ведь первое подробное и обстоятельное письмо об этом она написала мне только в конце 1952 года...

«Решающим фактором в нашей судьбе было то, что я не смогла порвать связь с папой, делала ему передачи, посылала посылки, в этом я виновата, но отказать ему в помощи я не смогла. А врать контрольным комиссиям тоже не могла, а хитрить, помогать через подставных лиц, как делали многие, тоже не могла и считала это нечестным. Как это было для меня тяжело, ты понимаешь...»

Мне запомнилось, как мама собирала эти посылки – было непонятно, зачем папе так много чеснока. Остального не помню, но теперь хорошо понимаю, что это значило и как тяжело это было. Понимал это и отец. Из Покчи, где он пробыл почти два года и имел право переписки, он писал:

«Что ты думаешь насчет своего партийного положения, как обстоит дело? Не мешаю ли в этом я? Напиши мне, одним словом, побеспокойся о себе. Шагай к партии через все препятствия и через меня, если бы это потребовалось, партия должна быть прежде всего и выше всего».

Федор Дмитриевич и Вера Давыдовна Пичурины

Однако «шагать через мужа», отказаться от любимого человека мама не могла. «Я сейчас помню, как бы это было вчера, как шла я с партсобрания всего института, где меня исключили, шла по Невскому и громко плакала. А ведь тогда я не была плаксой. Спасибо товарищам, они меня окружили и так довели до дома. Все сразу было потеряно – муж, Ниночка, партия, друзей не стало, родных не стало. Только ты и Нюра еще привязывали меня к жизни»...

Все это не высокие слова, а истина. Родители зарегистрировались лишь в 1934 году, когда над страной стали сгущаться тучи. А ведь «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов». Как легко маме было бы уйти от всякой ответственности за арестованного гражданина, юридически никак с ней не связанного. Но именно это они и понимали...

Мама была тогда студенткой Ленинградского электротехнического института связи (Государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича). Она поступила в этот вуз в год его создания, и тут необходимы пояснения – ведь 32 года, трое детей, жена директора завода, и первокурсница?

В конце 30-х годов в вузы были командированы перспективные партийные и профсоюзные работники («парттысяча» и «профтысяча»). Смысл ясен – в СССР создавалась новая интеллигенция. Были нужны люди с опытом работы в партии и профсоюзах. Эксперимент удался – можно назвать имена выдающихся людей, начавших свой путь с этой командировки. К сожалению, не у всех всё получилось. Мама поступила в вуз после десяти лет работы в профсоюзах, 23 декабря 1935 года получила диплом инженера-электрика по радиосвязи (руководителем был будущий академик Герой Социалистического Труда А.Л. Минц). Но в селе Каракулино, куда нас сослали, электрики не были нужны, там и электричества-то не было. После реабилитации и возвращения в Ленинград мама и её немногие сокурсники встретились с Александром Львовичем. Им было что вспомнить...

* * *

Из Ленинграда мы выехали днем, нас никто не провожал, у нас тогда исчезли многочисленные друзья и родственники. На вокзале была только Нюра. Я не понимал, зачем и куда мы едем, почему Нюра не едет с нами¹, но ни о чем не спрашивал. Что удерживало меня, мальчишку, в общем-то, любознательного, от расспросов? Сегодня я понимаю, что мама ничего бы мне и не могла ответить...

...Ее вызвали в Большой дом на Литейном проспекте. Отобрали паспорт и сказали, что по решению тройки ей в течение 48 часов необходимо выехать в распоряжение начальника НКВД Вятской области. Через девятнадцать лет молодой следователь никак не мог взять в толк, как же ставить вопрос о реабилитации, если нет уголовного дела – постановление о высылке на пять лет по статье 58-10 нашли, а больше – ничего. Более опытный товарищ, к которому обратились за помощью, быстро нашел выход – мама сама написала, как это все было, листочек вложили в папку, получилось «Дело», на его основании Ленинградский областной суд принял решение о реабилитации, и мама узнала, что ее, оказывается, судили. Ну что она могла мне ответить?

* * *

В 1957 году Георгий Иванович Воробьев, первый секретарь Удмуртского обкома партии, сказал: «Вера Давыдовна, бюро обкома восстановило Федора Дмитриевича в партии посмертно. Вы также восстановлены с сохранением стажа. Поздравляю вас». Мама не смогла тогда ничего ответить, она понимала, что надо встать и поблагодарить, но сделать этого не могла – отказали ноги. Воробьев вышел из-за стола, помог встать и проводил до дверей.

¹ Нюре сначала разрешили остаться, но вскоре исключили из техникума и сослали в Среднюю Азию. Я увидел ее снова через 12 лет. Удивился – она, конечно, оставалась такой же стройной и красивой, но была вовсе не выше меня ростом!

* * *

– Лев Федорович, почему вы до сих пор не в партии?

– А вы разве не знаете моей биографии?

– А что?

...Вновь повторяю без знаков препинания фразу, составленную не без помощи мамы 4 ноября 1942 года, когда я вступал в ВЛКСМ: «Мой отец репрессирован органами НКВД сведений о нем не имею связи с ним не поддерживаю», но теперь с дополнением – реабилитирован, восстановлен в партии.

– Ну, ты странный человек. Уже два года, как XX съезд прошел, а ты – «биография»! Кем отец-то был?

– До марта 1935 года директором Северной судостроительной верфи в Ленинграде.

– А потом?

– Что потом? Потом уже ничего не было...

– В тридцать пятом? А не в тридцать седьмом?

– Да.

– Вот оно что... Ну, хорошо, я посоветуюсь с товарищами и вас приглашу.

Пригласил он меня через год. Оказывается, если бы отца взяли в 37-м, то мне можно было бы вступать в партию, ну, а раз в 35-м... Нет, сын за отца не отвечает, да и отец восстановлен в партии и реабилитирован, но все же в 35-м зря еще не сажали... Есть мнение...

Через год мнение изменилось, я стал членом КПСС, а коммунистом я был уже давно и останусь до конца.

* * *

В 1938 году вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)». Не буду его оценивать. Многие специалисты говорили тогда о его гениальности и содержательности. Сегодня многие специалисты (часто – те же самые) говорят о его примитивизме, о содержащихся в нем неточностях и т.д. Но логика, последовательность, лаконичность изложения заставляли меня в годы учебы уважительно относиться к этой книге, может быть, еще и потому, что комментаторские пособия к ней были еще хуже.

Сразу же после его выхода было опубликовано постановление «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП (б)”». Вся сеть партийной учебы перестраивалась на изучение «подлинной сокровищницы и энциклопедии марксизма-ленинизма». Но для работы в этой сети нужны были знающие люди, а их не хватало. Можно сегодня посмеиваться над упрощенным толкованием законов диалектики в четвертой главе «Краткого курса», но многим людям и оно давалось нелегко.

Напомню, статья 58-10 означает антисоветскую пропаганду. Еженедельно мама, сосланная по этой статье, шла отмечаться в НКВД (а то убежит!). А потом она вела семинар по «Краткому курсу», благо парткабинет был напротив НКВД. Конечно, кому, как не ей, было его вести – высшее образование, пятнадцать лет партийного стажа, десять лет руководящей работы в профсоюзах (надо ли подчеркивать, что в двадцатые годы они несколько отличались от профсоюзов современных?), и, главное, жизнь рядом с настоящим большевиком. Все так, но ведь 58-я! Где же логика? Где та логика, по которой я, тридцатилетний педагог, говорил: «Сведений о нем не имею».

* * *

Но откуда мне тогда было их иметь? Не стану рассказывать деталей моих поисков, но о результатах расскажу.

В списках делегатов четырех послеоктябрьских съездов партии есть наша фамилия. А в скудном домашнем архиве чудом сохранились делегатские билеты IX, XI, XIII и XIV съездов партии и VIII Всероссийского съезда Советов, того, что утвердил план ГОЭЛРО.

Стенограммы этих съездов я смотрел, наивно веря, что наши органы не ошибаются, значит, должны же быть какие-то «зацепки», допустил же отец какие-то ошибки? Быть может, в съездовских документах что-то есть?

В материалах IX съезда ничего «крамольного» нет. В 1920 году отец служил в политотделе I-й Красноуральской

дивизии, правда, незадолго до съезда отзывался с Восточного фронта в Екатеринбург для организации Советской власти на освобожденном от Колчака Урале и даже три месяца был начальником губернской милиции. Но это были не те должности и не тот уровень, где он мог бы оступиться по крупному.

Делегатом VIII съезда Советов отец был избран после того, как коммунисты Нижнего Тагила, где он был отсекром (ответственным секретарем, по-нынешнему – первым секретарем) уездного комитета партии, единодушно осудили платформу Троцкого в дискуссии о профсоюзах и заняли ленинскую позицию. На Урале, где сторонники Троцкого имели немалое влияние, это было не так-то просто.

В материалах XI съезда кое-что я нашел. По ряду причин в некоторых губерниях делегатов не избрали на конференциях, а назначили на пленумах губкомов. И 31 марта 1922 года по предложению мандатной комиссии члены таких делегаций были лишены права решающего голоса. И правильно. А отвечать за это в Екатеринбургской партийной организации надо заведующему орготделом губкома тов. Ф.Д. Пичурину. Ошибка? Да, съезд это подчеркнул и взыскал с кого следует. Но это же не основание для репрессий!

* * *

Томские чекисты показали мне тоненькую папочку – личное дело отца, составленное в 1922 году. Нового из нее я почти не нашел, но характеристику, выданную ему губкомом партии, приведу почти полностью – в ее стиле отражено время.

Характеристика ответственного работника губернского масштаба тов. Ф.Д. Пичурина

На прежней работе зав. Орготделом Губкома являлся самостоятельным практическим руководителем со средней инициативой и организационными способностями.

В подборе работников для губернских и уездных организаций проявил умение определять и использовать их по способностям. С порученной работой справлялся.

В решении вопросов был осторожен и тактичен, а также проявлял умение строить свои планы работ и практически проводить их в жизнь.

Школьного и кружкового марксистского образования не получил, но имеет практическое марксистское образование, усвоенное в процессе активной революционной борьбы и работы. В политической обстановке всегда осваивается, руководствуясь деловым пролетарским чутьем и самосознанием.

В проведении партийной линии и принятых решений достаточно энергичен и настойчив. Работник с темпераментом, политически тверд и устойчив в убеждениях и предан делу рабочего класса.

При всех неожиданных положениях умело и выдержанно владеет собой. Имеет личное самолюбие, но не упорный в признании своих ошибок.

Всегда умеет поддерживать товарищеские взаимоотношения и дисциплину, а также умеет подойти к массовику рабочему и партийцу, создавать атмосферу делового товарищеского сотрудничества и контакта, физически и морально здоров, умеет располагать к себе и пользуется уважением.

* * *

Вскоре отца перевели в распоряжение Питерского губкома партии, отсюда его как руководителя Петроградского уездного комитета РКП(б) делегировали на XIII съезд. На собраниях делегаций съезда зачитывалось ленинское «Письмо к съезду». Сейчас можно услышать, что этого письма никто не знал, никто не читал... Конечно, оно не очень пропагандировалось. Но, во-первых, оно было опубликовано «Правдой» еще в 1927 году, да и Сталин неоднократно его цитировал. А во-вторых, 60 лет назад оно вошло в 36-й том 4-го издания сочинений В.И. Ленина со ссылкой на журнал «Коммунист» № 9 за 1956 год и на тогда же изданную отдельную брошюру. Читать надо, господа.

* * *

Отец не прерывал связей с Уралом, и вот отрывок из протокола № 27 общего собрания членов РКП(б) Бисертской организации, состоявшегося 1 июля 1923 года. На собрании присутствовало 45 коммунистов и 49 беспартийных.

«Приехавший из Ленинграда Ф.Д. Пичурин рассказал о международном и внутреннем положении, ответил на многочисленные вопросы, а потом обратился с заявлением к присутствующим.

До отъезда в Питер он имел в своем распоряжении порядочное количество приобретенной им литературы и, принимая во внимание, что в Бисертской организации РКП(б) нет литературы или большой ее недостаток, считал своим долгом отправить эту литературу в распоряжение Бисертской организации с письмом, в котором просил членов организации заняться политическим воспитанием с помощью этого материала, но организация, очевидно, не так поняла смысл посылаемой литературы и открыла библиотеку имени Ф.Д. Пичурина. Тов. Пичурин считает незаслуженным для себя и просит дать библиотеке имя тов. Воровского и убрать из библиотеки портрет Пичурина Ф.Д.

Постановили: Принимая во внимание неотъемлемое право организации выражать свое товарищеское доверие тем, кому считает нужным, и зная тов. Пичурина, вышедшего из рабочих рядов, которым наша партия доверяет серьезную партработу в Губмасштабе, считает старое постановление в силе. Вместе с тем считает необходимым привлечь более широкий круг товарищей для чтения книг из библиотеки им. тов. Пичурина».

Нет, все-таки они были немного не от мира сего. Стоит ли удивляться, что когда папу уводили конвоиры, он попросил маму зайти в заводскую столовую – директор днем там обедал, а мелочи с собой не было, так вот, надо обязательно заплатить эти рубль с копейками. Ведь он же прекрасно понимал, что будет с ним дальше, но разве можно подать дурной пример...

* * *

О XIV съезде, последнем, где отец был делегатом, я знал немного. В «Краткой биографии» Сталина написано, что на нем «сталинскому плану социалистической индустриализации капитулянты Зиновьев и Каменев пытались противопоставить свой “план”, согласно которому СССР должен был остаться аграрной страной. Это был предательский план закабаления СССР и выдачи его со связанными ногами и руками империалистическим хищникам. Сталин сорвал маски с этих презренных капитулянтов, вскрыл их троцкистско-меньшевицкую сущность».

Ну, а поподробнее? Ведь даже в годы «оттепели», когда были переизданы стенограммы довоенных съездов, XIV-му было сделано исключение – не переиздавался, на очень уж грустные мысли наводит эта стенограмма. А в ней не сказано, где сидела ленинградская делегация и где – в первых рядах – сидели те, кто не давал говорить не только Каменеву и Зиновьеву, но даже Крупской.

Сначала все шло более или менее нормально. Но 19 декабря 43 делегата, в том числе и Ф.Д. Пичурин, потребовали предоставить слово для содоклада по отчету ЦК Зиновьеву (с докладом выступал Сталин). Советский читатель не может представить, чтобы какая-то делегация потребовала особого доклада и добилась выполнения требования! Но в 1925 году это еще было возможно. Разумеется, поддержавших Зиновьева было немного, к тому же против него эффектно и убедительно выступил «любимец партии» Бухарин. И даже блестящая речь Надежды Константиновны не поправила дела.

День ото дня напряженность нарастала. Ленинградцев перебивают, хохочут, кричат, пытаются согнать с трибуны. Крупская, Евдокимов, ряд других делегатов во время съезда выехали в Ленинград, надеясь на поддержку питерцев. Чем они руководствовались, взяв с собой и Ф.Д. Пичурину? Один из немногих секретарей райкомов Ленинграда, еще совсем недавно бывший рабочим? Человек, абсолютно ничем не запачканный, не участвовавший ранее ни в каких оппозициях? Не знаю...

– Что касается ленинградских рабочих-коммунистов, то я не сомневаюсь, что они всегда будут в первых рядах нашей партии, – сказал в заключительной речи Иосиф Виссарионович. И через полтора месяца после съезда в Ленинграде прошла Чрезвычайная губернская партийная конференция, делегатом которой был и сам Сталин. Вот тогда-то делегаты съезда-ленинградцы и вылетели из этих рядов. Уверен, они уже тогда понимали, что это только начало. Не случайно по поручению ленинградской делегации и делегатов Крупской, Лашевича и Сокольников Каменев выступил с заявлением, где говорилось: «...резолуция должна точно и ясно сказать, что ни к ленинградской организации, ни к отдельным товарищам, которые в основных политических вопросах высказывались в том духе, в котором высказывалось меньшинство на съезде, не будет применено никаких организационных репрессий, смещений и т.п.». Конечно, это предложение провалили. Упоминание об организационных репрессиях делегатам съезда показалось возмутительным. Разве мыслимы репрессии в большевистской партии?

* * *

И поначалу формально почти никто из делегатов взысканий не получил, просто их перевели на другую работу.

Кем только отец тогда не был! Несколько месяцев – безработным, тогда в стране еще существовала безработица, ликвидированная к 1930 году и восстановленная в 1991-м. Председателем кооператива «Резинометалл» и Московско-Нарвского районного кооператива... Директором знаменитой тогда чулочно-трикотажной фабрики «Красное знамя». В двадцатые-тридцатые годы, да и позднее наши женщины хорошо знали продукцию этой фабрики, говоря по современному, она соответствовала мировым стандартам. Не случайно Ленинградская фабрика Совкино, нынешний Ленфильм, в начале тридцатого года сняла об этой фабрике документальный фильм «Разве жизнь не прекрасна». Правда, хотя отец и попал во многие кадры фильма, хорошо он чувствовал себя лишь в механической мастерской фабрики, да в энергоподстанции – профессиональному сталевару производство дамского конфекциона было непривычно. Но толковых руководителей было мало, партия направила – изволь работать.

Но вот одна должность для меня представляется полузагадкой. Ровно год – до назначения на «Красное знамя» – он работал заместителем заведующего Ленинградского губернского отдела народного образования (уж не поэтому ли я почти всю жизнь служу в этом ведомстве?). Почему полузагадкой? Судите сами.

Вот несколько строчек из автобиографии, написанной им в Петрограде в 1922 году:

«а) Социальное положение.

Родился в 1892 г. в Бисертском заводе Екатеринбургской губ. и уезда. Отец – рабочий этого же завода, прокатчик. Отец работал с 12-летнего возраста, как крепостной, имел избу в одну комнату, лошадь и корову. Условия жизни были тяжелые: семья 9 человек ютилась в одной комнате, материальные условия были разные, от нищенского существования до среднего состояния рабочей семьи. Отец проработал

на заводе до 1919 года, до самой смерти (убит грозой), мать умерла, когда мне было 8 лет.

Поступил в завод 12 лет. Сначала дробил руду – работал 12 часов в сутки, зарабатывал 12 коп. в день, потом перешел к каменщикам, подавал глину, кирпич – работал тоже 12 часов, зарабатывал 15 коп. в день.

В 14 лет поступил в литейно-формовочный цех – 12 часов в сутки, где и работал 8 лет, зарабатывал сначала 25 коп. за смену, через год – 30 коп., т.е. почти каждую весну заработок увеличивали на 5 коп., или же выгоняли с работы за требование прибавки.

б) Интеллектуальное развитие и образование.

Учился в народной школе три года, окончил. Учеником считался первым и очень легко прошел курс учебы, получивши по всем предметам пятерки. Учиться пытался и дальше, поступил в двухклассное училище, но проучился в нем только месяц. Отец не разрешил дальше учиться и отправил работать на завод. Если чтение литературы можно считать самообразованием, то этим занимался со школьной скамьи. До 1912 года читал литературу по своему усмотрению и, конечно, бессистемно, зачастую всякую ерунду. С 1912 года стал читать под руководством, или, вернее, по указанию одного товарища, старого социал-демократа-большевика – Якова Потап. Токарева, прибывшего из Ивделя (сейчас, кажется, уже умер). По его совету выписывал регулярно газеты, журнал «Вокруг света», приложения к этому журналу, в том числе книги.

Совместная работа вместе с Токаревым в гуще лесов на рубке дров у графа Строганова (из завода нас обоих в это время выгнали) дала мне значительный толчок в моем развитии. В беседах со мной т. Токарев разъяснял мне все те вопросы, по которым литературы мы не имели, вопросы революционной борьбы, рабочего движения, капитализма и прочее.

Кроме народной школы нигде до сих пор не учился, так как за время революции мне только бесконечное количество раз обещали послать учиться, но однако этого не сделали до сих пор. Благодаря самообразовательной работе над собой

неоднократно был преподавателем в партшколах по вопросам истории партии, истории интернационалов, истории религии и т.д.».

* * *

Вот такие университеты! Да еще и без заведующего губоно – его просто не было. Да еще добавьте, что сфера действий губоно тогда была шире современной. К его ведению относились театры. Ленинградские театры! Не знаю, влияли ли как-то зам. зав. губоно на их, театров, деятельность, но уж театралом он был настоящим. Мама рассказывала, что в сезон 1928/29 года они не пропускали практически ни одной премьеры, ни одного интересного концерта, ни одних сколько-нибудь заметных гастролей.

А сколько у родителей было тогда замечательно интересных знакомых! Большинства не упомяну – обвините в нескромности. Но стихотворение, написанное 31 декабря 1927 года Б.М. Филипповым, директором Центрального дома работников искусств, всё же приведу. В 1984 году я позвонил Борису Михайловичу, уже пенсионеру, и прочитал ему эти строчки. Он всё вспомнил...

*Был преисполнен твердой веры
И, вот, – дождался под конец:
У нашей симпатичной Веры
Родился маленький юнец.
Да! Неизбежный рок железен.
Средь бурь и огненных дождей,
Твой сын, о, Вера, – нам полезен
При нашем кризисе вождей!*

* * *

И все-таки отец был рад, когда в 1929 году Мироныч – Сергея Мироновича Кирова старые большевики иначе и не звали – поручил ему вывести из прорыва завод «Знамя труда № 2», позднее называвшийся Литейным заводом имени Молотова.

В.М. Молотов был тогда председателем Совнаркома СССР, ему и послали 1 января 1932 года телеграмму-рапорт о том, что завод впервые выполнил государственный план. Именно тогда С.М. Киров посылал отца в Германию.

* * *

*По деловому строг и хмурен,
К нам из Берлина на завод
Примчал директор наш Пичурин
Встречать ударный новый год.
С большим запасом свежих знаний,
Он с нами дело двинет в ход.
Согласно планам и проектам
Реконструировать завод.*

Редакция заводской многотиражки, поместившая дружеский шарж и это стихотворение, не знала, что директор ездил в Германию вовсе не для ознакомления с постановкой там литейного дела. Кирова интересовала другая перспектива, о которой знали лишь несколько человек. И реконструировать пришлось совсем другой завод. Это была Северная судостроительная верфь.

* * *

...Отец вернулся из командировки и, как всегда, что-то привез. Я не помню, что именно он привозил в иных случаях, но на этот раз! Я никогда не видел такой огромной рыбины, но, пожалуй, больше, чем ее размеры, меня поразила стекавшая с нее рыбий жир, совсем не такой, которым меня пичкали каждый день (в разные эпохи в составлении детского рациона бывали разные заскоки, в годы моего детства это был рыбий жир).

– Это и есть знаменитый лабарданс! – я тогда понятия не имел, чем же знаменит лабарданс, который вовсе не лабардан-с, как говорили гоголевские герои из почтения к ревизору, а обыкновенная треска. Понятия я не имел и о папиной командировке, узнал я о ней много лет спустя.

...2 августа 1933 года был принят в эксплуатацию Беломорско-Балтийский канал, построенный в основном «заключенными каналаармейцами», из этих двух слов была со-творена бессмертная аббревиатура ЗК, зек. Сегодня много говорят не только об их беспощадной эксплуатации, но еще и о бессмысленности одной из важнейших строек первой пятилетки. Однако её идея принадлежит не Сталину и большевикам, а Петру I и русским промышленникам. Царь понимал, что «окно в Европу» в любую минуту может быть закрыто шведским или еще чьим-нибудь флотом. Так и произошло во время Первой мировой войны, когда германский флот закрыл России выход к союзникам через Балтику. Правительство поручило тогда Министерству путей сообщения приступить к проектированию и, быть может, строительству канала. Но МПС в эти годы строило железную дорогу Петрозаводск – Мурманск, на еще одно строительство не хватало ни денег, ни военнопленных, чьими костями устлана эта магистраль. Так что Сталин лишь реализовал старую идею, реализовал идущими от того же Петра методами: эксплуатацией крепостных у Петра, пленных – у Николая, уголовников – у Сталина (политических на канале было не так уж много).

* * *

В свое время известностью пользовалась фотография: на борту идущего по каналу катера стоит со скрещенными на груди руками К.Е. Ворошилов, чуть сзади, с известной всему миру трубкой – И.В. Сталин, рядом с ним – С.М. Киров. А фотографию группы лиц, отвечавших за проводку построенных на Северной судостроительной верфи траулеров и военных кораблей, мама уничтожила – кроме директора верфи Ф.Д. Пичурина на ней было слишком много моряков, инженеров и партийных работников, через несколько лет лиц, оказавшихся немецкими, японскими и английскими шпионами. В Сороке (Беломорске) гражданские и военные суда были переданы их новым хозяевам. Вот кто-то из рыбаков или военморов только еще создававшегося Северного флота и передал гостинец кораблестроителям.

* * *

Многолетний опыт работы в Комиссии по вопросам помилования обязывает меня сделать здесь ещё одно отступление.

Максим Горький, не только великий пролетарский писатель, но и великий гуманист, искренне веря в возможность исправления преступников трудом, вместе с А. Толстым, М. Зощенко, И. Ильфом, Е. Петровым, В. Катаевым, В. Инбер, В. Шишковым и другими писателями побывал на строительстве канала и опубликовал книгу, подтверждающую эту веру.

Существует иная точка зрения: тюрьма и лагерь никого не исправляют, уничтожая одних и делая еще большими преступниками других. Кто прав, пусть судят специалисты.

Но то, что кошмарно организованный каторжный труд заключенных «вливался в труд Республики», тоже бесспорен. Строительство Беломорканала и канала им. Москвы, создание Норильского горно-металлургического комбината, Комсомольска-на Амуре, портов на Дальнем Востоке, прокладка автомобильных и железных дорог, добыча угля, золота, урана – всё это и многое другое – дело ГУЛАГа.

Заклученные не только приносили пользу стране (по некоторым данным – до 10 % ВВП), но и хоть как-то обеспечивали себя. А сегодня едва ли не в каждой справке из ИТК, приложенной к прошению о помиловании, сказано, что проситель не компенсирует ущерб потерпевшим, ибо отсутствует фронт работ.

Значит, имея 700–800 тысяч заключенных, мы содержим армию тунеядцев. Мало того, что они ничего не создают, но ведь содержание одного ЗК обходится примерно в полтора раза дороже содержания одного пациента больницы. Но если содержание больных – наш святой долг, то с какой стати я должен содержать убийц, насильников, воров и взяточников?

* * *

Две должности – литейщик, судостроитель – в общем-то соответствовали опыту и знаниям отца. Не случайно нарком тяжелой промышленности Г.А. Пятаков собирался перевести папу на должность директора тогда еще не очень знаменитого Уралмашзавода. Не успел – расстреляли папу, а вскоре и самого наркома.

Отца после смерти Сталина реабилитировали далеко не сразу. И когда мама пожаловалась на проволочку, следовательно, которому было поручено дело, в сердцах сказал:

– Вера Давыдовна! Мы ведь просто так, механически, справки о реабилитации не штампуем. По делу вашего мужа я вынужден проверить массу документов. Одних только заявлений о его антисоветской деятельности пятьдесят шесть. К тому же он и сам признался.

...Вот так, пятьдесят шесть доносов, все – клеветнические, в том числе, разумеется, и свидетельство о том, что агентом гестапо отец стал еще в 1931 году, будучи в Германии. То, что гестапо создано на два года позднее, значения не имело...

Ну, а то, что сам признался... Уже перед самой смертью мама рассказала, как в сентябре 1936 года она получила письмо из лагеря. Отец писал, что его собираются куда-то увезти. А еще через несколько дней позвонил следователь и спросил: «Не хотите ли вы поговорить с Федором Дмитриевичем?» – папа был в Ленинграде, в Большом доме на Литейном проспекте. Отцу разрешили свидание с семьей!

Не знаю, как мама объяснила отцу, почему она не взяла нас с собой, но поступила она правильно. Беда не приходит одна, детей в это время оставалось двое – Ниночка погибла под колесами грузовика. Как объяснить ее отсутствие? «Не надо травмировать детей тюремным свиданием...»

Оно было коротким, но следователь попросил позвонить через неделю. Через неделю свидание не состоялось, следователь сказал лишь, чтобы мама забрала в приемной пакет...

Да, многие признавались. Одни наивно надеялись, что на суде получат возможность открыто сказать правду. Другие

полагали, что признание, быть может, сохранит им жизнь, иначе следователи просто убьют на допросе. Третьи вообще не понимали происходящего, будучи доведены до умопомешательства. Все это уже многократно описано. Но я часто задумываюсь о другом. Многие следователи НКВД, вероятно, искренне верили, что делают святое революционное дело, борясь с врагами, и в полном соответствии с указаниями вождя, санкционировавшего пытки, применяли их на допросах. Оправдывать их нельзя, но понять хоть как-то можно. Но как можно понять того, кто выдал вдове – мама еще лет десять не хотела верить, да и не знала, что она вдова, – окровавленное белье забитого в камере мужа? Не знаю зачем, мама ночью, не сдерживаясь от рыданий, но втайне от нас, отстирывала от крови содержимое пакета – кроме принесенного в прошлый раз по просьбе папы нового белья в нем ничего не было... Чего хотел следователь? Что это? Садизм? Или подходящего слова просто не существует в языках народов мира?

* * *

Через пятьдесят с лишним лет подполковник Ю.А. Петрухин нашел «Дело» отца, пригласил меня в УКГБ, и я записал следующее.

Ф.Д. Пичурин осужден особым совещанием при НКВД СССР 20 июня 1935 года за участие в контрреволюционной зиновьевской организации к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отбывал срок в Ухто-Печорском исправительно-трудовом лагере Коми АССР. В сентябре 1936 года этапирован в Ленинград.

17 декабря 1936 года ему было предъявлено обвинение в участии в подпольной троцкистско-зиновьевской организации на заводе им. Жданова. 19 декабря 1936 года выездная Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе председателя армвоенюриста В.В. Ульриха, членов диввоенюристов Н.М. Рычкова и Я.П. Дмитриева и секретаря военюриста ранга А.А. Батнера в закрытом судебном заседании в Ленинграде рассмотрела дело Ф.Д. Пичурина и других об-

виняемых. Ф.Д. Пичурин обвинен в том, что по заданию Г.Е. Зиновьева подготовлял террористический акт против С.М. Кирова, для чего создал на заводе боевую террористическую группу. В 1935 году Ф.Д. Пичурин вместе с остальными обвиняемыми подготовил террористический акт против А. Жданова, используя ранее разработанный план террористического акта против Кирова. Таким образом, установлена виновность всех обвиняемых в том, что они являлись активными участниками троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 года злодейское убийство С.М. Кирова и готовившей террористический акт против Сталина, Жданова. Ф.Д. Пичурин, как и другие члены контрреволюционной организации, был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 19 декабря 1936 года. Точное место захоронения установить не представляется возможным.

* * *

Ленинградские правозащитники благодаря вниманию и помощи томского писателя Вадима Макшеева разыскали меня и прислали четвертый том «Ленинградского мартиролога» (СПб., 1999), где рассказано об отце, а в приложениях к книге приведен акт о его расстреле 10 февраля 1937 года.

А задолго до этого Томский ЗАГС после моего письма К.Е. Ворошилову выдал мне свидетельство о смерти моего отца в 1939 году «по неизвестной причине».

Так и сохранились в нашей семье три года смерти отца – 1936, 1937, 1939.

* * *

В присланной в Томск справке Ленинградского УКГБ сообщено следующее:

11.10.57 г. Президиум Ленинградского городского суда отменил постановление особого совещания при НКВД СССР от 20.06.35 г. за отсутствием состава преступления. 21.01.58 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР определила: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19.12.36 г. в отношении Пичурина Ф.Д. и других отме-

нить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о них за отсутствием состава преступления отменить.

Просим сообщить заявителю, что ряд сотрудников УНКВД по Ленинградской области, принимавших участие в деле Пичурина, были привлечены к уголовной ответственности за враждебную деятельность в органах государственной безопасности и фальсификацию уголовных дел. В частности, начальник УНКВД Штубис Генрих Эрнестович 29 августа 1938 года осужден к расстрелу, зам. начальника отдела Ржавский Яков Васильевич 2 сентября 1947 года осужден к расстрелу, начальник отдела Альтварг Наум Овсеич 29 октября 1939 года осужден к 8 годам лишения свободы.

* * *

Конечно, уничтожив Штубиса (его настоящая фамилия – Заковский) и других соратников Ягоды и Ежова, Берия продемонстрировал усердие при вступлении на пост наркома внутренних дел. Многих тогда постреляли, кое-кого освободили. Через 15 лет расстреляли самого Берию, а невинно пострадавших реабилитировали, кого при жизни, а кого – посмертно. Но можно ли говорить, что порок наказан и добродетель восторжествовала?

Вроде бы да, только нет у меня никакого чувства удовлетворения, не могу и не хочу я ничего и никого простить. И, быть может, живут сегодня где-то дети Штубиса, Ржавского, Альтварга, может быть, говорят, что их отцы погибли в годы культа личности Сталина, а может, даже и утверждают, что они реабилитированы «за отсутствием в их действиях состава преступления» и даже восстановлены в рядах КПСС... Все может быть. Не хочу думать об этом. И все же, если судьба сведет меня с кем-то из этих детей – не смогу не только подать руки, но даже и просто разговаривать. Смогут ли внуки?

* * *

Вечером 1 декабря 1934 года родители пришли из театра. «Папа, тебе несколько раз звонили из райкома и с завода, что-то случилось». Отец позвонил в райком, и вот тогда, многое понимая и предчувствуя, он сжег хранившееся десять лет напечатанное на папиросной бумаге ленинское «Завещание». Если бы его нашли у нас во время обыска, мой рассказ был бы значительно короче.

– Вера, смотри, чтобы они нам ничего не подбросили, – отец отлично знал, на что способны гости из НКВД. «Своих» же ленинских, каменевских, зиновьевских компрометирующих документов к этому моменту в доме уже не было.

В этот день был убит Киров, человек, сыгравший немалую роль в судьбе отца.

Папа был в составе ленинградской делегации на похоронах Мироныча. Был, конечно, как директор крупного предприятия и большевик с дореволюционным стажем. Но прощался он еще и со своим хорошим товарищем, память о котором надолго сохранилась в нашей семье. Наверное, что-то в этой памяти преувеличено, но...

Нет, близкими друзьями они, конечно, не были, но знали друг друга со времен Гражданской. Киров высоко ценил некоторые папины достоинства – настойчивость, принципиальность, умение общаться с рабочим людом, авторитет на производстве (не зря же старые пролетарии на металлическом и на верфи звали своего директора «дядей Федей»). Киров очень доверял «старому упорному уральцу». Может быть, это семейная легенда, но вроде бы бабушка страшно взволновалась, когда папа позвонил и сказал, что Киров заедет к нам. Чем угостить петербургского генерал-губернатора? Оказалось, правда, что гость более всего любит картошку в мундире и к ней хорошую селедочку с лучком. К этому добавляют, будто я (мне было четыре года) сидел у него на коленях. Наверное, всё это выдумка моей сестры. Но замечательные слова Мироныча из его речи на XVII съезде ВКП(б) 31 января 1934 года, я помню с детства, это не выдумка. Вот они:

«Успехи действительно у нас громадны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить, на самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!»

Жить ему оставалось десять месяцев. Уверен, память о нем и его соратниках будет жить ещё очень долго.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Не забывайте достойных людей!	3
Наш генерал	
<i>Владимир Александрович Иванов</i>	4
Штабс-капитан, генерал-майор	
<i>Павел Иванович Воскресенский</i>	22
Забывтый адмирал	
<i>Александр Антонович Ружек</i>	42
Путь на Панкрац	
<i>Йозеф Лауда</i>	87
«Кто погиб за Днепр...»	
<i>Александр Петрович Калашников</i>	183
Федя, ординарец	
<i>Федор Иванович Шакшуев</i>	226
Комиссар Нарымского края	
<i>Александр Васильевич Шишков</i>	240
«Ни одного неграмотного...»	
<i>Петр Иванович Макушин</i>	253
«Под ношей варварских стихов...»	
<i>Николай Алексеевич Ключев</i>	275
«Для вас, закрывших Родину телами...»	
<i>Галина Евгеньевна Волянская (Галина Николаева)</i>	295
Первый наш профессор педагогики	
<i>Мария Васильевна Крупенина</i>	312

«Настоящий!»

Борис Владимирович Казачков.....327

Гордость общества341

Татьяна Даниловна Янович341

Федор и Верунчик351

Федор Дмитриевич и Вера Давыдовна Пичурины.....351

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Пичурин Лев Федорович

НЕЗРИМЫЙ СЛЕД В ДУШЕ...

Очерки о хороших людях

Редактор *Н.И. Шидловская*

Дизайн, верстка *Д.В. Фортеса*

ООО «Издательство научно-технической литературы»

634050, г. Томск, пл. Новособорная, 1, тел. (3822) 533-335

Изд. лиц. ИД № 04000 от 12.02.2001. Подписано к печати 08.08.2018.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Bookman». Усл. п. л. 22,09. Уч.-изд. л. 24,74. Тираж 500 экз. Заказ № 20.

Отпечатано в типографии «М-Принт», г. Томск,
пер. Добролюбова, 10, ст. 3, тел. (3822) 258-279

Продолжай всех стран,
соединяйтесь!

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(Большевиков).

XIV
СЪЕЗД
Р. К. П.
1925

Членский билет № 455

Предъявитель сего тов.

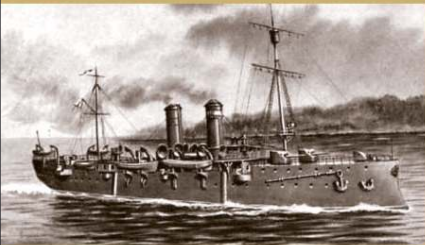
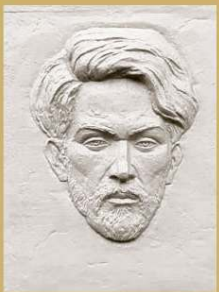
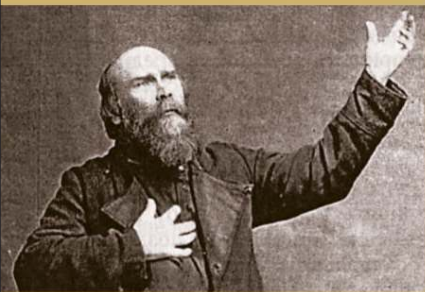
Лидурин Г. Г.

избран делегатом на XIV съезд Российской Коммунистической
партии (Большевиков) с правом решающего голоса
от *А. С. Вулькан* организации.

Секретари: П. К.

Имен Мандатной комиссии

К. С.

ISBN 978-5-89503-620-4

9 785895 036204